

Ф*Е*Н*О*М*Е*Н*

ДЖ

И
ДРУГИЕ

*Φ*Ε*Η*Ο*Μ*Ε*Η*

»Д«

И ДРУГИЕ

ФЕНОМЕН

»М«

Мессинг

ФЕНОМЕН

»Ж«

Кулагина

ФЕНОМЕН

»Д«

Джуна

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

Составитель *Л.Е. Колодный*

Ф42 **Феномен "Д" и другие** /Сост. Л. Е. Колодный. – М.: Политиздат, 1991. – 335 с.
ISBN 5-250-01221-3

Эта книга посвящена тем, кого сейчас принято называть экстрасенсами, то есть людьми, обладающими необычными свойствами. Читатели познакомятся с необычными фактами, процессами, явлениями, наблюдаемыми много лет в деятельности наших широко известных экстрасенсов – Вольфа Мессинга, Нинели Кулагиной, Джуны Давиташвили. Их труднообъяснимые способности восприятия информации и воздействия на окружающих, дар бесконтактного массажа, телекинеза, внушения на расстоянии стали предметом исследования ученых разных специальностей.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

Ф 0303020000-052
079 (02) - 91 73-91

ББК 53.54

ISBN 5-250-01221-3

© Колодный Л.Е. – составление, 1991

ЭКСТРАСЕНСОРИКА И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Эта книга посвящена тем, кого сейчас принято называть экстрасенсами, то есть людьми, обладающими необычными свойствами, проявляющимися у них сознательно или бессознательно. Благодаря таким людям наука получает уникальную возможность выяснить взаимодействие сознательного и бессознательного – этих двух сфер психической деятельности человека. Интерес к парапсихологическим явлениям – их для краткости обозначают как "пси-явления" (от греческого псюхе – психика, учение о душе) – наблюдался с давних времен, ибо во всех странах мира находились отдельные личности, обладавшие незаурядными знаниями и удивительными способностями – предвидеть будущее, лечить руками, внушением, рассказывать о событиях, происходящих на значительном расстоянии, и т. д. Это поражало обычных людей, поскольку они из своего жизненного опыта знали границы человеческих возможностей, пределы того, что подвластно человеку.

Естественно, когда речь идет о каком-либо загадочном явлении, например ясновидении, телепатии, левитации, психокинезе, пси-лечении и диагностике, то возникает стремление его понять, изучить и дать ему правдоподобное объяснение на уровне научных знаний своего времени. Благодаря таким исследованиям многие десятилетия назад возникла парапсихология – наука о необычных явлениях человеческой психики, наука об экстрасенсорике. Всякая наука возникает из желания создающих ее людей знать и объяснять явления окружающего нас мира. Поэтому все науки оперируют фактами из своей области, почерпнутыми из жизни.

Предлагаемая книга преследует важную цель – ознакомить широкие круги читателей с необычными фактами, процессами, явлениями, наблюдаемыми много лет в деятельности наших широко известных экстрасенсов – Вольфа Мессинга, Нинели Кулагиной и Джуны Давиташвили. Известность этих людей уже давно перешагнула границы нашей страны, об их судьбе, удивительных способностях, которыми они обладают, знает весь мир. Все, что сделано и показано ими, описано в

многочисленных исследованиях ученых, отражено в строго документированных протоколах разных комиссий, зафиксировано на кино- и фотопленку, записано в лентах самописцев и показаниях физических приборов. Казалось бы, этим можно удовлетвориться, но все дело в том, что до сих пор нет полного научного объяснения, окончательной разгадки удивительных явлений, показанных этими выдающимися людьми. Ответ может быть получен, видимо, при условии создания новых физических обобщающих теорий, построенных на других основаниях, помимо существующих.

Приводимые факты, явления, феномены из жизни экстрасенсов и проведенных с ними экспериментов часто ставят в тупик многих ученых классической науки, ибо с их позиций они кажутся противоречивыми, взаимоисключающими, необъяснимыми и даже порой логически необоснованными или трюкачеством. Это вызывает у них естественный протест и неприязнь не только к самим наблюдаемым фактам и явлениям, но и к даваемым им неортодоксальным трактовкам, гипотезам и теориям. Что же мешает ученым-”классикам” признать такие пси-явления, как телепатия, телекинез, левитация, ясно-видение, предвидение, реинкарнация, мануальная диагностика, биоэнерготерапия? Ответ, как нам кажется, простой – пси-явления вынуждают по-новому посмотреть на роль и сущность сознания и бессознательного во всех проявлениях психической деятельности человека. Они выявляют роль мысли как реальной психической материализованной субстанции, способной активно взаимодействовать с живой и неживой материей.

До настоящего времени классическая наука, будь то физика, химия, биология, считает абсурдным активное участие мысли человека в изучаемых ими процессах или явлениях. По ее мнению, мысль – это нечто эфемерное, нематериальное; сознание человека строится и действует как психический процесс, разделенный от реальных событий и явлений незримой границей, как нечто трансформированное в головном мозгу в виде отражения, не имеющего реального овеществления, подобно зеркальному отображению. Поэтому признание активной роли сознания и его способности взаимодействовать с неживой материей воспринимается учеными-”классиками” как противоречивое и парадоксальное по своей сути. Следовательно, люди, обладающие такими феноменами, вынуждают ученых исследовать и объяснять парадоксальные явления. Естественно, не каждый из них хочет стать на этот путь и изучать такие явления и трактовать их с научных позиций, ибо парадоксы физики или парапсихологии представляют собой пробелы нашего сегодняшнего знания, нераскрытые закономерности природы. Вот почему парадоксника (если одним словом назвать эту область науки) вызывает внутреннее негодование и бурный протест ко всем пси-явлениям со стороны классических ученых. Их недоверие и скепсис подкрепляются еще и тем, что, несмотря на все усилия, не обнаружены до сих пор реально действующий агент или физические носители пси-явлений, не известны практические каналы передачи мысленной информации на расстоянии и не ясны энергетические источники, обеспечивающие пси-явления.

Однако все факты, приводимые в книге, показывают, что пси-явления относятся к особому классу биоэнергoinформационных явлений, не укладывающемуся в рамки традиционной физической науки. Они заставляют признать реальность новых, ранее не известных фундаментальных закономерностей и физических полей, субстанций, энергий, основанных на тесном взаимоотношении между неживой природой и сознанием человека. Реальность этих фактов, повторяемость и жизненность пси-явлений на протяжении многих столетий говорят о том, что они должны серьезно изучаться, подвергаться экспериментальному и теоретическому анализу. Вот что говорил о них великий натуралист нашего века академик В.И. Вернадский: "Явления, о которых здесь говорю, начинают охватываться научным исследованием; они во всяком случае мало изучены, хотя мне представляется легкомысленным и не отвечающим положению дел часто встречаемое резко отрицательное к ним отношение. Это явление телепатии и аналогичные парапсихологические явления" (*Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1975. Кн. 1*).

Следует отметить еще один аспект рассматриваемой нами проблемы пси-явлений. Своим существованием, вторжением в реальную жизнь они затрагивают интересы самых разных научных дисциплин и областей знания, проникают, по сути дела, во все области науки, техники, культуры, экономики. В биологию и физику они приносят понятие особого биополя и биоэнергетического воздействия, в медицине показывают возможности биополевой коррекции и диагностики состояния здоровья человека, в физике дальней радиосвязи демонстрируют необычные способы детектирования сигналов-образов и передачи информации, в физике твердого тела – способность дистанционно изменять пластические и кристаллизационные свойства различных веществ, в технике – взаимодействовать телепатически с программным управлением ЭВМ, в археологии, геологии осуществлять поиск и локацию предметов и аномалий, скрытых в земле, в экономике позволяют прогнозировать динамику цен и деловой активности, в философии показывают новое понимание сущности сознания и т. д.

Такой полиморфизм пси-явлений и многосторонность их воздействия вызывают сопротивление ученых, работающих в этих областях знания, и ставят вопрос о том, вписываются или нет паранормальные явления в существующую картину мира, то есть являются ли они ее составной частью или просто появляются спорадически и представляют собой случайные или аномальные и несущественные явления, не меняющие основную естественнонаучную парадигму. Однако поскольку эти явления реально существуют, многократно повторяются, подтверждены экспериментами объективных исследователей, то, вне сомнения, они должны быть включены в общую картину мира и им следует дать правильное объяснение. Более того, учитывая их активное влияние на систему научного знания, эти явления следует рассматривать как фактическую основу грядущей научной революции, как авангардный фактор преобразования существующего взгляда на мир, заставляющий изменить научную парадигму.

Приводимые в настоящей книге описания опытов, наблюдений и исследований с В. Мессингом, Н. Кулагиной и Е. Давиташвили требуют смелых, новаторских и нетривиальных теоретических выводов и обобщений, глубоких размышлений о сущности психики, сознания и бессознательного. Из многочисленных опытов, проведенных учеными разных стран мира, следует, что психика является своеобразной функцией полевых, резонансных, солитонных, плазменных, голографических, вакуумных свойств и еще не исследованных возможностей живой материи (Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1990). Фундаменты материи, жизни и психики оказываются в нерасчлененном единстве, в тесной взаимосвязи с энергоинформационными процессами, обеспечивающими внутрисистемную организацию и целостность организма. Психика человека обладает удивительным свойством – принадлежать одновременно к трем противоположным классам физических явлений – микро-, макро- и мегамиру, имеющим столь разные пространственно-временные формы, характеристики и законы. С учетом сказанного выше следует полностью согласиться с мнением известного математика В.В. Налимова, что... "как бы то ни было, сейчас есть все основания полагать, что представление о сознании должно быть достаточно широким (Налимов В.В. Спонтанность сознания личности. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура. М., 1989). Этой частью нашего предисловия хотелось бы завершить краткую научно-смысловую оценку явлений, описываемых в книге, и дать несколько личных наблюдений о тех лицах, которым посвящен настоящий сборник.

В моей жизни сложилось так, что судьба свела меня непосредственно с героями нашей книги, и поэтому хотелось бы дополнить сведения о них, изложенные в последующих разделах книги.

В свое время, работая в секторе электромагнитного поля Земли Института физики Земли АН СССР (1972 – 1977 гг.), я изучал физические поля биологических объектов. На основе этих исследований была выдвинута гипотеза о том, что человек в результате психической деятельности способен создавать особое биогравитационное поле. Для проверки гипотезы необходимы были прямые опыты с гравиметром, измеряющим изменение силы тяжести. Такого рода опыты были проведены с разными экстрасенсами, и в том числе, с выдающимся феноменом Н.С. Кулагиной. Гравиметр был получен на кафедре геофизики ЛГУ. Эксперимент, проведенный нами в июне 1972 года с Н.С. Кулагиной в содружестве с руководителем научных психофизических исследований доктором технических наук Г. А. Сергеевым, подтвердил гипотезу: Нинель Сергеевна смогла воздействовать на прибор, регистрирующий изменение силы тяжести. Отсчет проводился наблюдателями визуально по шкале прибора и снимался на киноплёнку. Этот эксперимент явился еще одним свидетельством необычайных способностей Н.С. Кулагиной и доказательством того, что человек может в результате психической деятельности создавать и излучать специфический вид энергоинформационного поля.

Встреча с другим замечательным экстрасенсом, человеком разносторонних способностей Е.Ю. Давиташвили, произошла вскоре после ее приезда в Москву. Нас познакомили, и я вместе с ней несколько раз посещал людей, нуждавшихся в диагностике и лечении. Особенно мне запомнился случай ясновидения у Джуны, точнее, ретроспекции – воспоминания о прошлом. По просьбе известного математика профессора А.С. Кронрода, вылечившего самого себя от рака и потом многие годы самоотверженно лечившего сотни других людей, заболевших раком, мы с Джуной явились к нему домой. Джуна стала обследовать и диагностировать родных и близких А.С. Кронрода. Среди них был его сын Михаил, сильный, крепкого телосложения, коренастый молодой человек. Джуна точно указала на характер имевшихся у Михаила нарушений в организме, отметила, что больше всего ему мешает тупая, периодически возникающая боль в грудном отделе позвоночника. Михаил подтвердил правильность диагноза. Тогда Джуна заметила, что причиной боли явилась травма, полученная Михаилом несколько лет тому назад при катании на лыжах с гор. Все присутствовавшие на нашей встрече были поражены точным описанием случая, происшедшего с Михаилом, ибо он был страстным горнолыжником, и все было в действительности так, как описала Джуна.

Вольф Мессинга я видел неоднократно и в последний раз – во время его выступления в кинотеатре "Октябрь" в Москве в 1974 году. Выступления В.Г. Мессинга всегда отличались большой зрелищностью и артистизмом, присутствовавшие все время находились в состоянии непрерывного напряжения, сопереживали все происходящее с испытуемыми, находившимися на сцене. Зал буквально замирал, стояла полная тишина, когда знаменитый артист выполнял сложнейшие задания зрителей. И в этот вечер Вольф Мессинг был, как говорится, в "ударе" – все опыты, которые так подробно описываются в настоящей книге, выполнялись им безукоризненно. Он сердился лишь тогда, когда испытуемый переставал думать о поставленной задаче. Это было последнее выступление великого мастера.

Рассказанные В.Г. Мессингом истории, происшедшие с ним, мне хотелось бы дополнить еще некоторыми эпизодами из его выступлений, о которых он не вспоминает, поскольку их было в его жизни великое множество. Известный физикохимик академик П.А. Ребиндер вспоминал о своей встрече с В.Г. Мессингом (Наука и религия. 1966. № 3). Ученого поразило одно обстоятельство – после беседы В. Мессинг сказал, глядя на жену академика: "Вас беспокоит здоровье внука. Ему исполнилось десять лет. Ведь он сейчас хворает?" Все это было именно так, подтвердила женщина. Это наглядный пример ясновидческих способностей В. Мессинга.

Другой случай произошел с моим двоюродным братом доктором филологических наук Л.В. Малаховским, присутствовавшим на одном из выступлений В.Г. Мессинга. По просьбе экстрасенса брат поставил перед ним сложнейшее задание: подойти к его месту в зале, взять в портфеле находившийся среди других книг английский толковый словарь Вебстера, найти в нем нужную страницу, строку и указать всего лишь одно задуманное слово. Контрольный лист с записью этого слова

находился в конверте, лежащем в кармане у соседнего зрителя. В.Г. Мессинг блестяще справился с задачей: вместе с братом он спустился со сцены, нашел его место в зале (до этого В. Мессинг покинул зал, и ряд зрителей встали со своих мест и вышли на сцену вместе с братом), взял портфель, открыл его, выбрал среди книг словарь и указал нужную страницу, строку и задуманное слово, затем обратился к пораженному соседу со словами: "Вскройте имеющийся у Вас конверт и огласите, что там написано!" Зрители долго аплодировали В. Мессингу.

Все, о чем мы говорили, свидетельствует о безграничных возможностях человеческой психики, его сознания и бессознательного, в единстве которых заложена таинственная загадка человеческого мозга.

Пси-явления – результат необычной психической деятельности, и, какими бы они ни были удивительными, они должны быть предметом научного анализа ученых. Сведения, приводимые в главах сборника, настолько информативны, что их нельзя комментировать поверхностно, слегка касаясь затронутых в них вопросов и проблем. Для их объяснения нужна новая трактовка, новая физика, разработка положений особой физики сознания, науки будущего, познающей сокровенные тайны человеческого мозга.

Все три книги, составляющие сборник, написаны по-разному, но в них видна глубокая заинтересованность авторов донести до читателя ту исключительную напряженность и значимость событий, участниками которых они были. И это понятно, ибо все они были непосредственными свидетелями и участниками уникальных экспериментов, счастливыми зрителями проникновения в таинственный мир человеческой психики. Авторы вводят читателя в широкий круг возникших тем, проблем и вопросов и позволяют ему самому составить мнение о прочитанном. Поэтому так подробно и тщательно приводятся описания техники и деталей экспериментов, реальности существования пси-явлений, воспроизводимости опытов, способов проверки и устранения подозрений в обмане и т. д.

Заклячая свое предисловие к этому интереснейшему сборнику, мне хотелось бы еще раз повторить мысль, высказанную профессором Л.Л. Васильевым одному из авторов – В. Кулагину: "Этот природный дар нужно беречь и развивать. В исследовании таких явлений – будущее естествознания". Три героя этого сборника – наше национальное достояние, наша гордость. И все сделанное ими принадлежит мировой науке, мировой истории психологии – науке о душе человека, о ее тайнах.

А.П. Дубров

Член-основатель Международной ассоциации
по исследованию проблем психотроники,
доктор биологических наук

Вольф Мессинг

О САМОМ СЕБЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Сегодня мне предстоит выступить с очередным сеансом моих "Психологических опытов". Мне предстоит выйти в зал, где сидит почти тысяча человек и все смотрят на меня. Мне надо захватить этих людей, взволновать и удивить их, показывая им мое искусство, которое большая половина из них считает чудесным, удивить и в то же время, не разочаровывая, убедить, что ничего чудесного в этом нет, что все делается силой человеческого разума и воли.

А ведь это совсем нелегко – выйти одному в зал, где на тебя устремлены тысячи глаз: недоверчивых, сомневающихся, бывает и просто враждебных, – и без сочувствия, без поддержки, во всяком случае в первые, самые трудные, минуты, выполнить свою работу.

Психологические опыты – это моя работа, и она совсем нелегка! Мне надо собрать все свои силы, напрячь все свои способности, сконцентрировать всю свою волю, как спортсмену перед прыжком, как молотобойцу перед ударом тяжелой кувалдой. Мой труд не легче труда молотобойца и спортсмена, или конструктора, склонившегося над чертежом новой машины, или геолога, по неведомой тропке отыскивающего в непроходимой тайге редкий минерал... И те, кто бывали на моих психологических опытах, иной раз видели капли пота, выступающие на моем лбу...

Сегодня мне выступать... И задолго до начала выступления, когда зрители только еще начинают думать о том, что сегодня вечером они встретятся со мной, я уже там – в этом большом, пока еще пустом зале, где должна состояться наша встреча. В раздевалке висят одиноких два-три пальто... Уборщицы берутся с пылесосами, завершая очистку зала... Администрация занимается текущими делами. Я прохожу в артистическую комнату и закрываю за собой дверь... Мне надо побыть одному...

Но вот я чувствую, что скоро выходить на сцену... В фойе стоят группами молодые и пожилые люди, мужчины, женщины, юноши, девушки... Инженеры и бухгалтеры... Ученые и металлисты... Военные... Строители... Горняки... Мне приходилось выступать в разных местах и, соответственно, перед разными аудиториями. В годы войны зал был битком набит людьми в одноцветной защитной форме – ни одного голубого или белого пятнышка девичьего платья не удавалось увидеть в их рядах... На дальних стройках Сибири и теперь еще зал заполняют преимущественно люди в комбинезонах. Они приходят сюда прямо с работы, эти веселые ребята – бетонщики, плотники, сварщики, бульдозеристы... На целинных землях в зале, бывает, не найдешь ни одной седой или лысой головы – сплошь молодые улыбающиеся лица... И со всеми надо найти контакт. Но всегда я сидел вот так, как сегодня, перед выступлением в полном одиночестве, собираясь с силами и представляя себе их – этих людей, с которыми в этот вечер мне предстоит встретиться.

Я испытываю к ним острейший интерес! Сознаюсь, нередко перед началом опытов, когда я чувствую, что уже успел внутренне собраться и готов к выступлению, я выхожу на сцену, приоткрываю слегка занавес и в щель смотрю в зал. Еще стоят в проходах между рядами люди. Смотрят на билеты. Ищут свои места. Встречаются со знакомыми. Разговаривают. Обрывки слов иногда долетают до моих ушей. Нередко разговор заходит обо мне.

Вот проходит молодой человек с несколько холодным, как мне кажется, лицом. Он ведет под руку красивую девушку.

– Очень тонкое шарлатанство... Помнишь Кио? Тоже ведь не могли мы разгадать его фокусов... А тот и не скрывал, что он фокусник, иллюзионист. Того же типа и Мессинг... Только не так-то легко разоблачить его здесь, на сцене.

Не скрою – обидно! Никогда в жизни я не говорил неправды. Все, что я делаю на сцене и в зале, открыто со всех сторон. У меня нет ни хитроумной аппаратуры, как у Кио и других иллюзионистов, ни сверхразвитой ловкости пальцев, как, скажем у известных манипуляторов Дика Читашвили или Арутюна Акопяна... Не прибегаю я и к чревоуещанию и шифрованной сигнализации с тайными помощниками. Я не фокусник, даже не артист, хотя выступаю на эстраде. Я демонстрирую психологические опыты. И ничего больше. И мне неприятно, когда меня считают шарлатаном и обманщиком.

Проходите на свой ряд, молодой человек! Я буду рад, если вы перемените сегодня свое мнение.

Рядом со мной, в двух шагах от портьеры, остановилась новая группа людей. До меня доносится голос:

– У него за ухом шишка... В нее вшит прямо под кожу радиоприемник на полупроводниках... Вот увидите, он все время будет руку к уху прикладывать – настраивать на нужную волну...

А в зале сидят тайные помощники с радиопередатчиками. Они ему и диктуют, что делать... Никаких чудес здесь нет...

Это рассказывает трем юношам пожилой человек, возможно их учитель.

Внутренне улыбаюсь! Да, у меня есть привычка во время сеанса правую руку прикладывать раструбом к уху – этим я хочу подчеркнуть свое внимание, показать, что я напряженно вслушиваюсь... А вот шишки за ухом у меня уже нет. Была... Незлокачественное жировое образование, какое встречается у многих... Впервые услышав, что в этом месте у меня скрыт радиоприемник, я пошел к профессору Петровскому Борису Михайловичу и попросил удалить этот нарост. Надо будет во время сеанса специально подойти поближе к этим юношам и продемонстрировать им свой череп со всех сторон. Пусть убедятся, что я не обвешан аппаратурой...

...Еще двое. Видимо, молодые физики. Продолжается начатый в фойе, а может быть и еще раньше, горячий спор:

– Но электромагнитный спектр изучен во всем диапазоне. От сверхжестких гамма-лучей до сверхдлинных радиоволн... В нем нет ни одного участка, на котором могла бы осуществляться телепатическая связь...

– Парапсихическая связь...

– Дело не в терминах...

– Понимаю, что не в терминах, но слово "телепатия", к сожалению, скомпрометировано доморощенными всезнайками...

– Но все равно материального поля, которое бы служило передачей информации непосредственно из мозга в мозг, не существует...

– Друг мой! Всего сто лет назад, если смотреть с этих позиций, не было материального поля для передачи звуков и изображения на большие расстояния. Ведь радиоволны-то были открыты Генрихом Герцем только в 1886 году...

– Ты думаешь, существует еще какое-нибудь поле?..

– А почему бы и нет?

– Оно было бы уже замечено учеными...

– С помощью приборов, предназначенных для изучения электромагнитного поля?.. Попробуй ватерпасом или безменом замерить напряженность радиоволн...

– Да, ты прав... Было бы интересно поработать с самим Мессингом! Посадить его в заземленную медную клетку... Смог ли бы он оттуда читать мысли? Это сразу бы исключило возможность участия здесь любых лучей электромагнитного спектра...

– Превратить Мессинга в подопытного кролика? Неприлично.

Они проходят в зал. Жаль... Умные ребята! И я бы не отказался от почетной, с моей точки зрения, роли подопытного кролика посидеть в заземленной медной клетке... Мне самому было бы интересно узнать, участвует ли в моих психологических

опытах электромагнитное поле? Или надо искать новые виды поля, которые не регистрируются и не отмечаются существующими сегодня приборами физиков.

...Две дамы в вечерних платьях.

– Милочка, это настоящий волшебник! Как граф Калиостро! Ах, ты не веришь мне: в наш материалистический век угасла вера в настоящее волшебство! Вот сама увидишь! То, что он показывает, – это сотая доля того, что он может. Он, например, может принимать облик любого животного, превращаться в тигра или собаку...

– Почему же он не превращается?

– Ему запретили это делать. Он подписку дал...

Да, и такую чушь о себе приходится иной раз слышать!

...Молодые люди:

– Нет, Мессинг не обманщик... Но он и не телепат... Гигантский жизненный опыт. Привычка по одному взгляду составлять полное представление о человеке...

Прошли мимо.

А вот и еще... Снова группа молодых людей.

– Никакого чуда, конечно, нет... Но есть удивительные способности. Или, точнее, чрезвычайно развитые способности... Да, да... Я уже присутствовал на психологических опытах в нашей клинике и утверждаю: все дело в удивительных способностях этого человека. Но ничего общего не имеющих ни с фокусничеством, ни, конечно, с какой бы то ни было чертовщиной...

– Удивительные непонятные способности? Да, непонятные!.. Ну а когда ты слушаешь только что рожденные на твоих глазах стихи поэта-импровизатора – разве это так уж понятно? А человек с математическими способностями, в уме переумножающий, возводящий во вторую и третью степень девятизначные числа – это разве понятно?

– Это верно, – продолжает другой, – действительно, многое ли мы знаем сейчас о способностях человека? Тайна рождения в мозгу человека идеи, мысли – и сегодня еще величайшая тайна природы. Рефлексы, первая и вторая сигнальные системы – это только самые дальние подходы к расшифровке этой тайны. Да, мы вышли в космос, разгадали тайну атомного ядра, сняв с нее семь печатей. Но, видно, прорваться в мир элементарных частиц было легче, чем разгадать тайну рождения мысли.

– Как ты думаешь, разгадаем?

– Уверен, настанет время, и ум человека разберется и в себе самом... И кто знает, может быть, именно психологические опыты Вольфа Мессинга могут стать одним из тех ключиков, с помощью которых будут открывать двери к этим самым сокровенным секретам природы?..

...Спасибо вам, друзья, за эти слова! Конечно же никакого чуда нет, да и быть не может!.. Я сам думаю так же. Мне радостно. Я чувствую прилив сил. В зале есть люди, которых интересует мое искусство, которым оно, быть может, поможет в жизни, в

труде, в открытиях новых тайн природы... Сегодня я буду особенно хорошо работать...

Но звонит звонок, зрители расходятся по своим местам. А я иду назад в пустую комнату. У меня есть еще несколько минут для того, чтобы сосредоточиться...

Потом — два часа напряженной работы. Я буду говорить о них позже подробнее. Это труднейшие в моей жизни часы и в то же время самые счастливые в моей жизни часы. Это — часы творчества!.. Наверное, так же счастлив поэт, поймавший наконец ускользнувшую рифму, художник, схвативший и на века пригвоздивший к полотну мимолетное дыхание прибрежного ветерка... Жизнь была бы пустой и ненужной без этих труднейших и счастливейших часов творчества.

А потом в той же пустой комнате я пью крепкий горячий чай. Готовясь к выступлению, я ем очень мало. Нередко в этот день я вообще не обедаю. И этот чай, заработанный мной, мне кажется особенно сладок... Я чувствую усталость и удовлетворение. Такое же удовлетворение чувствует каждый рабочий человек, окончивший свой труд и пьющий, как я, свой стакан чая.

Я дал людям радость. Я заставил их думать... Спорить... Теперь можно и отдохнуть...

В это время обычно заходят ко мне люди, которые хотят мне высказать свои соображения о моих опытах, быть может, с чем-нибудь не согласиться, поспорить, попросить объяснения, а то и просто посоветоваться о каком-то трудном случае из жизни. Но большинство уносит эти вопросы с собой... Домой... И уже в других городах, на других сеансах, другими людьми они вернутся ко мне в таких же разговорах, какие я слушал сегодня перед началом сеанса.

Возвращаются к себе домой, а может быть, направляются на ночное дежурство и молодые врачи, разговор которых так взволновал меня... Идут домой или к незаконченным чертежам и молодые физики, мечтавшие поговорить со мной... Увы! Я не могу поговорить со всеми. Но я постараюсь на страницах этой книги ответить на вопросы, которые мне в разное время задавали. Ответить абсолютно откровенно, ничего не скрывая, ничего не приукрашивая. К сожалению, далеко не всем своим опытом я могу дать достаточно исчерпывающие объяснения: многие свойства своего мышления я сам не понимаю. Я был бы рад, если бы мне кто-нибудь помог в этом разобраться.

Глава I

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ

Я родился в России, точнее, на территории Российской империи, в крохотном еврейском местечке Гора-Калевария близ Варшавы. Произошло это в канун нового века – 10 сентября 1899 года.

Трудно сейчас представить и описать жизнь такого местечка – однообразную, скудную, наполненную суевериями и борьбой за кусок хлеба. Гораздо лучше меня это сделал в своих произведениях великий еврейский писатель Шолом-Алейхем... Этого удивительного человека, так великолепно знавшего жизнь и чаяния еврейской бедноты, я любил с раннего детства. С первой и, к сожалению, единственной нашей личной встречи, когда ему, уже прославленному писателю, остановившемуся проездом в наших местах, демонстрировали меня, девятилетнего мальчика, учившегося успешнее других. Помню его внимательный взгляд из-под очков, небольшую бородку и пышные усы. Помню, как он ласково потрепал меня по щеке и предсказал большое будущее... Нет, это не было предвидением. Просто Шолом-Алейхем верил в неисчерпаемую талантливость народа и в каждом втором мальчике хотел видеть будущее светило. Эта вера отчетливо проявилась и в его проникнутых теплотой к простым людям книгах. Вспомните хотя бы его роман "Блуждающие звезды"... Конечно, с его новеллами, романами и пьесами я познакомился значительно позднее. Но и сейчас еще, когда я открываю иные страницы его книг, меня охватывают впечатления раннего детства. Вот к этим волшебным страницам одного из самых любимых моих писателей я и отсылаю своего читателя, который захочет представить жизнь еврейского местечка, в котором я появился на свет и прожил первые годы своей жизни.

От этих первых лет не так уж много осталось у меня в памяти. Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья – отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустами отец и который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьянящий аромат яблок, собранных для продажи... Помню лицо отца, ласковый взгляд матери, детские игры с братьями. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось немало пережить, и превратности судьбы оказались такими, что от детства в памяти не осталось ничего, кроме отдельных разрозненных воспоминаний.

Отец, братья, все родственники погибли в Майданеке, в варшавском гетто в годы, когда фашизм объявил войну человечест-

ву. Мать, к счастью, умерла раньше от разрыва сердца. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет жизни... Ни отца... ни матери... ни братьев...

Вся семья – тон этому задавали отец и мать – была очень набожной, фанатически религиозной. Все предписания религии исполнялись неукоснительно. Бог в представлениях моих родителей был суровым, требовательным, не спускавшим ни малейших провинностей. Но честным и справедливым.

Отец не баловал нас, детей, лаской и нежностью. Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца. Он не стеснялся задать любому из нас самую беспощадную трепку. Во всяком случае, к нему нельзя было прийти пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он бил беспощадно, обиженный был для него вдвойне и втройне виноватым за то, что позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных удержаться в жестком и беспощадном мире.

Позже мне рассказывали, что в самом раннем детстве я страдал лунатизмом. Якобы мать однажды увидела, как я во сне встал с кровати, подошел к окну, в которое ярко светила луна, и, открыв его, попытался влезть на подоконник... Излечили меня – опять же по рассказам – корытом с холодной водой, которое в течение некоторого времени ставили у моей кровати. Вставая, я попадал ногой в холодную воду и просыпался... Какова доля правды в этом сообщении, установить не берусь, но я дал обещание ни о чем не умалчивать. Может быть, какой-нибудь на первый взгляд совсем малозначащий эпизод окажется для кого-нибудь из специалистов, прочитающих эту книгу, наиболее интересным и важным.

Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в хедер. Это слово немного говорит современному читателю. Но ведь шестьдесят лет назад три четверти населения царской России были вообще неграмотными. И люди ниже среднего достатка, какими были мои родители, да еще в бедном еврейском местечке, могли учить своих детей только в хедере – школе, организуемой раввином при синагоге. Основным предметом, преподаваемым там, был талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть...

У меня была отличная память, и в этом довольно-таки бессмысленном занятии – зубрежке талмуда – я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом... Но общая религиозная атмосфера, царившая в хедере и дома, сделала меня крайне набожным, суеверным, нервным.

Отметив мою набожность и способность к запоминанию молитв талмуда, раввин решил послать меня в специальное учебное заведение, готовившее духовных служителей, – иешивот. У моих родителей и мысли не появилось возразить

против этого плана. Раз раввин сказал, значит, так надо!.. Но мне отнюдь не улыбалась перспектива надеть черное платье священнослужителя...

Я наотрез отказался идти после окончания хедера в иешибот. Со мной сначала спорили, потом отступились. И тут произошло первое и единственное в моей жизни чудо, в которое я верил довольно долго. С тех пор я не верю чудесам, но ведь тогда мне было всего девять лет...

Однажды отец послал меня в лавку за пачкой папирос. Время было вечернее, солнце зашло и наступили сумерки. К крыльцу своего дома я подошел уже в полной темноте. И вдруг на ступеньках выросла гигантская фигура в белом одеянии. Я разглядел огромную бороду, широкое скуластое лицо, необыкновенно сверкавшие глаза... Воздев руки в широких рукавах к небу, этот небесный – в моем тогдашнем представлении – вестник произнес:

– Сын мой! Свыше я послан к тебе... предречь будущее твое во служение Богу. Иди в иешибот! Будет угодна Богу твоя молитва...

Нетрудно представить себе впечатление, которое произвели эти слова, сказанные громopodobным голосом, на нервного, мистически настроенного, экзальтированного мальчика. Оно было подобно вспышке молнии и удару грома. Я упал на землю и потерял сознание...

Очнулся – надо мной громко читают молитвы склонившиеся отец и мать. Помню их встревоженные лица. Но едва я пришел в себя, тревога их улеглась. Я рассказал о случившемся со мной родителям. Отец, внушительно кашлянув, произнес:

– Так хочет Бог... Ну, пойдешь в иешибот?

Мать промолчала.

Потрясенный происшедшим, я не имел сил сопротивляться и вынужден был сдаться.

* * *

...Помню иешибот. Он помещался в другом городе, и с этого началась моя жизнь вне дома. Опять талмуд, те же самые, что в хедере, молитвы. Более широкий круг учителей, сменявших друг друга, преподносивших нам разные науки. Кормился – по суткам – в разных домах. Спал в молитвенном доме. Так прошло два года. И так, наверное, и сделали бы из меня раввина, если бы не одна случайная встреча.

Однажды в том самом молитвенном доме, где я жил, остановился странник – мужчина гигантского роста и атлетического телосложения. Каково же было мое изумление, когда по голосу я узнал в нем того самого "посланника неба", который наставлял меня от имени самого Господа Бога на путь служения ему... Да, это было то же лицо: широкая борода, выдающиеся скулы. Я испытал потрясение не меньшее, чем в момент первой с ним встречи.

Значит, отец просто сговорился с этим прошедшим огонь и воду проходимцем, может быть, даже заплатил ему, чтобы тот сыграл свою "божественную" роль! Значит, отец попросту обманул меня, чтобы заставить пойти в иешибот! Если пошел на обман мой всегда справедливый и правдивый отец, то кому же верить?! Тогда ложь все, что я знаю, все, чему меня учили... Может быть, лжет и Бог?!. Может быть, его и нет совсем? Ну конечно же его нет, ибо существуй он – всезнающий и всевидящий, он не допустил бы такое... Он на месте поразил бы громом нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени... Нет Бога... Нет Бога...

Примерно такой вихрь мыслей пронесся у меня в голове, мгновенно разметав в клочки и очистив мой разум от всего того мусора суеверий и религиозности, которым меня напичкали в семье и в духовных школах...

...Мне нечего было больше делать в иешиботе, где меня пытались научить служить несуществующему Богу... Я не мог вернуться и домой к обманувшему меня отцу. И я поступил так, как нередко поступали юноши в моем возрасте, разочаровавшиеся во всем, что было для них святого в жизни: обрезал ножницами длинные полы своей одежды и решил бежать. Но для этого нужны были деньги, а где их взять? И тогда я совершил одно за другим сразу три преступления.

Сломав кружку, в которую верующие евреи опускали свои трудовые деньги "на Палестину", и твердя про себя извечные слова всех обиженных и угнетенных: "Вот вам за это!..", я пересыпал себе в карман все ее содержимое: раз Бога нет, значит, теперь все можно... К счастью, оказалось, что это не так, что есть и помимо угрозы божьего наказания мотивы, удерживающие человека от дурных поступков. Но в те годы я еще не знал, что обманывать, совершать непорядочные поступки – это прежде всего терять уважение к самому себе. Я присел на холодных ступеньках молельного дома и пересчитал украденные деньги. Оказалось, как сейчас помню, восемнадцать грошей, которые составляли девять копеек. И вот с этим "капиталом", с опустошенной душой и сердцем я отправился навстречу неизвестности.

Пошел на ближайшую станцию железной дороги. По дороге очень захотелось есть – путь был неблизкий. Накопил на чужом поле картошки (второе преступление за одну ночь!). Разжег костер, испек ее в золе. Для меня и теперь нет лучшего лакомства, чем печеный картофель – рассыпчатый, пахнущий дымом, с неизбежной добавкой солоноватой золы...

Вошел в полупустой вагон первого попавшегося поезда. Оказалось, что он шел в Берлин. Залез под скамейку, ибо билета у меня не было (третье преступление!), и заснул безмятежным сном праведника.

Но этим не исчерпывались события столь памятной для меня ночи.

Случилось то, что неизбежно должно было случиться и чего я больше всего боялся: в дверь вагона вошел кондуктор. Поезд приближался к Познани. Кондуктор осторожно будил заснувших пассажиров, тряся их за плечо, и проверял билеты. Так небыстро, но неизбежно он приближался ко мне. По временам он наклонялся и заглядывал под скамейки. Вагон был плохо освещен – огрызками свечей в двух стеклянных фонарях на его концах. Под скамейками лежали мешки и узлы пассажиров. И поэтому он заметил меня, только когда заглянул непосредственно под мою скамейку.

– Молодой человек, – у меня в ушах и сегодня еще звучит его голос, – ваш билет!..

Нервы мои были напряжены до предела. Я протянул руку и схватил какую-то валявшуюся на полу бумажку – кажется, обрывок газеты... Наши взгляды встретились. Всей силой страсти и ума мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет... Он взял ее, как-то странно повертел в руках. Я даже сжался, напрягся, сжигаемый неистовым желанием. Наконец он сунул ее в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими... Протянув мне назад "билет", он еще раз посветил мне в лицо своим кондукторским фонарем со свечкой. Он был, видимо, в полном недоумении: этот маленький худощавый мальчик с бледным лицом, имея билет, зачем-то забрался под скамейку... И подобревшим голосом сказал:

– Зачем же вы с билетом – и под лавкой едете?.. Есть же места... Через два часа будем в Берлине...

Несколько лет назад я прочитал роман Лиона Фейхтвангера "Братья Лаутензак". Один из братьев – действительно исторически существовавшее лицо, личный, так сказать, "ясновидящий" Адольфа Гитлера. Я знал этого человека – его настоящее имя Ганусен. Мне еще придется вспоминать о нем. Здесь я только хочу обратить внимание читателя на те строки этого романа, где Фейхтвангер рассказывает о первых проявлениях необыкновенных способностей Оскара Лаутензака – о его психологическом поединке с учителем. Не выучившего как следует урок Оскара должен вызвать учитель. Вот карандаш учителя остановился против его фамилии в списке... Вот он смотрит на Оскара и перебирает в памяти вопросы – о чем бы его спросить. Оскар знает из всего материала ответ только на один вопрос. И, глядя прямо в глаза учителю, твердит про себя: спроси это, спроси это... И задумавшийся учитель задает именно тот вопрос, который хочет маленький Оскар...

Не знаю, кто рассказывал Фейхтвангеру этот эпизод, но он психологически удивительно точен. Именно так: в минуту максимального душевного напряжения обычно впервые проявляются способности к внушению. Такое произошло и со мной, когда я лежал на грязном полу под скамейкой вагона, идущего в Берлин. Кстати, это и не так уж трудно, это доступно почти каждому – внушить другому человеку, не знающему, какое из

нескольких равноценных решений ему следует принять, предпочтение к тому или иному варианту... Может быть, и вы, если покопаетесь в памяти, вспомните подобное неосознанное внушение, сделанное вами или по отношению к вам... Мой первый, неожиданный для меня самого опыт внушения был куда труднее! Это было первое в моей жизни яркое проявление тех способностей, которые часто считают удивительными.

Так кончилось мое детство. Пожалуй, точнее, у меня не было детства. Была холодная жестокость озлобленного жизнью отца. Была убивающая душу зубрежка в хедере. Только редкие и торопливые ласки матери могу я вспомнить тепло. А впереди была трудная кочевая жизнь, полная взлетов и падений, успехов и огорчений. Впрочем, вряд ли бы согласился я и сегодня сменить ее на любую другую.

Берлин... Много позже я полюбил этот своеобразный, чуть сумрачный город. Конечно, я имею в виду довоенный Берлин; в последние десятилетия я не был в нем. А тогда, в мой первый приезд, он не мог не ошеломить меня, не потрясти своей огромностью, людностью, шумом и абсолютным, как казалось, равнодушием ко мне... Я знал, что на Драгунштрассе останавливаются люди, приезжавшие из нашего городка, и нашел эту улицу. Вскоре я устроился посыльным в доме приезжих. Носил вещи, пакеты, мыл посуду, чистил обувь.

Это были, пожалуй, самые трудные дни в моей нелегкой жизни. Конечно, голодать я умел и до этого, и поэтому хлеб, зарабатываемый своим трудом, был особенно сладок. Но уж очень мало было этого хлеба! Все кончилось бы, вероятно, весьма трагически, если бы не случай...

Однажды меня послали с пакетом в один из пригородов. Это случилось примерно на пятый месяц после того, как я ушел из дома. Прямо на берлинской мостовой я упал в голодном обмороке. Привезли в больницу. Обморок не проходит. Пульса нет, дыхания нет... Тело холодное... Особенно это никого не взволновало и никого не беспокоило. Перенесли меня в морг... И могли бы легко похоронить в общей могиле, если бы какой-то студент не заметил, что сердце у меня все-таки бьется. Почти неумовимо, очень редко, но бьется...

Привел меня в сознание на третьи сутки профессор Абель. Это был талантливый психиатр и невропатолог, пользовавшийся известностью в своих кругах. Ему было лет 45. Был он невысокого роста. Помню хорошо его полное лицо с внимательными глазами, обрамленное пышными бакенбардами. Видимо, ему я обязан не только жизнью, но и открытием своих способностей и их развитием.

Абель объяснил мне, что я находился в состоянии летаргии, вызванной малокровием, истощением, нервными потрясениями. Его очень удивила открывавшаяся у меня способность полностью управлять своим организмом. От него я впервые услышал слово "медиум". Он сказал:

– Вы – удивительный медиум...

Тогда я еще не знал значения этого слова.

Абель начал ставить со мной опыты. Прежде всего он старался привить мне чувство уверенности в себе, в свои силы. Он сказал, что я могу приказывать себе все, что только мне захочется.

Вместе со своим другом и коллегой профессором-психиатром Шмиттом Абель проводил со мной опыты внушения. Жена Шмитта отдавала мне мысленные приказы, я выполнял их. Эта дама, я даже не помню ее имени, была моим первым индуктором.

Первый опыт был таким. В печку спрятали серебряную монету, но достать я должен был ее не через дверцу, а выломав молотком один кафель в стенке. Это было задумано специально, чтобы не было сомнений в том, что я принял мысленно приказ, а не догадался о нем. И мне пришлось взять молоток, разбить кафель и достать через образовавшееся отверстие монету.

Мне кажется, с этих людей, с улыбки Абеля начала мне улыбаться жизнь. Абель познакомил меня и с первым моим импресарио господином Цельмейстером.

Это был очень высокий, стройный и красивый мужчина лет 35 от роду – представительность не менее важная сторона в работе импресарио, чем талантливость его подопечных актеров. Господин Цельмейстер любил повторять фразу: "Надо работать и жить!.." Понимал он ее своеобразно. Обязанность работать он предоставлял своим подопечным. Себе он оставлял право жить, понимаемое весьма узко. Он любил хороший стол, марочные вина, красивых женщин... И имел все это в течение длительного ряда лет за мой счет. Он сразу же продал меня в берлинский паноптикум. Еженедельно в пятницу утром, до того как раскрывались ворота паноптикума, я ложился в хрустальный гроб и приводил себя в каталептическое состояние. Я буду дальше говорить об этом состоянии, сейчас же ограничусь сообщением, что в течение трех суток – с утра до вечера – я должен был лежать совершенно неподвижно. И по внешнему виду меня нельзя было отличить от покойника.

Берлинский паноптикум был своеобразным зрелищным предприятием: в нем демонстрировались живые экспонаты. Попав туда в первый раз, я сам попросту испугался. В одном помещении стояли сросшиеся боками девушки-сестры. Они перебрасывались веселыми и не всегда невинными шутками с проходившими мимо молодыми людьми. В другом помещении стояла толстая женщина, обнаженная до пояса, с огромной пышной бородой. Кое-кому из публики разрешалось подергать за эту бороду, чтобы убедиться в ее естественном происхождении. В третьем помещении сидел безрукий в трусиках, умевший удивительно ловко одними ногами тасовать и сдавать игральные карты, сворачивать самокрутку или козью ножку, зажигать спичку. Около него всегда стояла толпа зевак. Удивительно ловко он также рисовал ногами. Цветными карандашами он

набрасывал портреты желающих, и эти рисунки приносили ему дополнительный заработок... А в четвертом павильоне три дня в неделю лежал на грани жизни и смерти "чудо-мальчик" Вольф Мессинг.

В паноптикуме я проработал более полугода. Значит, около трех месяцев жизни пролежал я в прозрачном холодном гробу. Платили мне целых пять марок в сутки! Для меня, привыкшего к постоянной голодовке, это казалось баснословно большой суммой. Во всяком случае, вполне достаточной не только для того, чтобы прожить самому, но даже и кое-чем помочь родителям. Тогда-то я и послал им первую весть о себе...

Я уже рассказывал о том первом опыте внушения мне, который был проведен профессорами Абелем и Шмиттом. После этого такие опыты эти два ученых проводили со мной неоднократно. И результаты раз от раза становились все лучшими. Я начинал понимать отдаваемое мне мысленно распоряжение значительно быстрее и точнее. Научился выделять из хора "звучащих" в моем сознании мыслей окружающих именно тот "голос", который мне нужно было услышать. Абель не уставал твердить:

– Тренируйте, развивайте ваши способности! Не давайте им заглохнуть и забыться!

Я начал тренироваться. В свободные четыре дня недели я ходил на берлинские базары. Вдоль прилавков с овощами, картофелем и мясом стояли краснощекие молодые крестьянки и толстые пожилые женщины из окрестных сел. Покупатели были редки, и в ожидании их многие продавцы сидели, задумавшись о своем. Я шел вдоль прилавков и поочередно, словно верньером приемника включая все новые станции, "прослушивал" простые и неспешные мысли немецких крестьян о хозяйстве, оставленном дома, о судьбе дочери, вышедшей неудачно замуж, о ценах на продукты, которые упрямо не растут... Но мне надо было не только "слышать" эти мысли, но и проверять, насколько правильно мое восприятие. И в сомнительных случаях я подходил к прилавку и говорил, проникновенно глядя в глаза:

– Не волнуйся... Дочка не забудет подоить коров и дать корм поросятам... Она хоть и маленькая еще у тебя, но крепкая имышленная...

Ошеломленный всплеск руками, восклицания удивления убеждали меня, что я не ошибся.

Такими тренировками я занимался более двух лет. Абель научил меня и еще одному искусству – способности выключать силой воли то или иное болевое ощущение. Когда я почувствовал, что время настало и я научился собой вполне владеть, я начал выступать в варьете Зимнего сада – Винтергартене.

В начале вечера я выступал в роли факира. Заставлял себя не чувствовать боль, когда мне кололи иглами грудь, насквозь прокалывали иглой шею... Много лет спустя я весело смеялся, читая в умной и грустно-веселой книге Всеволода Иванова

“Приключения факира” о подобных неудачных выступлениях героев книги. В заключение на сцену выходил артист, одетый под миллионера. Блестящий фрак. Цилиндр. Усыпанные перстнями руки. Золотая цепь к золотым часам, висящая на животе. Бриллиантовые запонки... Затем на сцене появились разбойники. Они “убивали миллионера”, а драгоценности его (естественно, фальшивые) раздавали посетителям, сидящим за столиками, с просьбой спрятать в любом месте, но только не выносить из зала. Затем в зале появлялся молодой сыщик Вольф Мессинг. Он шел от столика к столику и у каждого столика просил прелестных дам и уважаемых господ вернуть ему ту или иную драгоценность, спрятанную там-то и там-то. Чаще всего – в заднем кармане брюк, внутреннем кармане фрака, в сумочке или туфельке женщины. Номер этот неизменно пользовался успехом. Многие стали специально приходить в Винтергартен, чтобы посмотреть его.

Когда мне исполнилось лет пятнадцать, импресарио снова перепродал меня в знаменитый в то время цирк Буша. Шел роковой для человечества 1914 год. Началась первая мировая война, унесшая столько миллионов жизней. Теперь я понимаю, что мой импресарио господин Цельмейстер специально отгораживал меня от большой жизни мира, пытался сосредоточить все внимание на стремлении к успеху, к заработку. Но это ему не всегда удавалось. Я понимал уже тогда, как мало я знаю. В Берлине в те годы я посещал частных учителей и занимался с ними общеобразовательными предметами. Особенно интересовала меня психология. Поэтому позже я длительное время работал в Вильненском университете на кафедре психологии, стремясь разобраться в сути и своих собственных способностей.

Помню моих учителей и коллег – профессоров Владычко, Кульбышевского, Орловского, Регенсбурга и других... Систематического образования мне получить так и не удалось, но я внимательно слежу за развитием современной науки, в курсе современной политической жизни мира, интересуюсь русской и польской литературой. Знаю русский, польский, немецкий, древнееврейский... Читаю на этих языках и продолжаю пополнять свои знания, насколько позволяют мне мои силы.

Но я отвлекся... Вернемся в цирк Буша, в 1914 год... Мало что изменилось в моей программе. Те же иглы, то же прокалывание шеи. И первые психологические опыты. В цирке Буша мы уже не “убивали миллионера” и не раздавали его драгоценности посетителям, а, наоборот, собирали у них разные вещи. Потом эти вещи сваливали в одну грудку, а я должен был разобрать их и раздать владельцам.

Понемногу я становился все более известным, а мой импресарио господин Цельмейстер – все более представительным. Лицо у него все более округлялось, стройность фигуры была под сильной угрозой.

Наконец в 1915 году он повез меня в первое турне – в Вену. Теперь уже не с цирковыми номерами, а с программой психологических опытов. С цирком было покончено навсегда. Выступить пришлось в Луна-парке. Гастроли длились три месяца. Мои выступления привлекли всеобщее внимание. Я стал "гвоздем сезона". И здесь, в Вене, выпало мне счастье встретиться с великим Альбертом Эйнштейном.

Шел 1915 год. Эйнштейн был в апогее своего творческого взлета. Я не знал, конечно, тогда ни о его исследованиях броуновского движения, ни о смелых идеях квантования электромагнитного поля, позволивших ему объяснить целый ряд непонятных явлений в физике, идеях, которые тогда, кстати, разделяли лишь очень немногие физики. Не знал я и того, что он уже завершил, по существу, общую теорию относительности, устанавливающую удивительные для меня и сегодня связи между веществом, временем, пространством. Это великое открытие Эйнштейна было опубликовано через год – в 1916 году. Но хотя я всего этого тогда не знал и знать не мог, имя Эйнштейна – знаменитого физика – я уже слышал.

Вероятно, Эйнштейн посетил одно из моих выступлений и заинтересовался им, потому что в один прекрасный день он пригласил меня к себе. Естественно, я был очень взволнован предстоящей встречей.

На квартире Эйнштейна меня в первую очередь поразило обилие книг. Они были всюду, начиная с передней. Меня провели в кабинет. Здесь находились двое – сам Эйнштейн и Зигмунд Фрейд, знаменитый австрийский врач и психолог, создатель теории психоанализа. Не знаю, кто тогда был более знаменитым, наверное, Фрейд, да это и непринципиально. Фрейд – пятидесятилетний, строгий – смотрел на собеседника исподлобья тяжелым, неподвижным взглядом. Он был, как всегда, в черном скюртуке. Жестко накрахмаленный воротник словно подпирал жилистую, уже в морщинах шею. Эйнштейна я запомнил меньше. Помню только, что одет он был просто, по-домашнему, в вязаном джемпере, без галстука и пиджака. Фрейд предложил приступить сразу к опытам. Он и стал моим индуктором.

До сих пор помню его мысленное приказание: подойти к туалетному столику, взять пинцет и, вернувшись к Эйнштейну... выщипнуть из его великолепных пышных усов три волоска. Взяв пинцет, я подошел к великому ученому и, извинившись, сообщил ему, что хочет от меня его ученый друг. Эйнштейн улыбнулся и подставил мне щеку...

Второе задание было проще: подать Эйнштейну его скрипку и попросить его поиграть на ней. Я выполнил и это безмолвное приказание Фрейда. Эйнштейн засмеялся, взял смычок и заиграл. Вечер прошел непринужденно-весело, хотя я был и не совсем равным собеседником: ведь мне было в ту пору 16 лет.

На прощание Эйнштейн сказал:

– Будет плохо – приходите ко мне...

С Фрейдом я потом встречался неоднократно. В его квартире так же безраздельно царствовали книги, как и в квартире Эйнштейна. Одна небольшая комната была превращена в лабораторию. Не знаю, были ли действительно нужны Фрейду для работы все те предметы, которые там стояли и лежали на полках, – свесивший тонкие кости скелет на железном штативе, оскалившие зубы черепа, части человеческого тела, заспиртованные в больших стеклянных банках, и т. д., – или они целиком предназначались для воздействия на психику больных, которых врач принимал дома, но впечатление эта комната производила сильное. Особенно в сочетании с аскетической, суровой, одетой в черное фигурой ее хозяина, напоминавшего злого демона. Мне почему-то даже в домашней обстановке он представляется обязательно со складной палкой – зонтиком в руках. Впрочем, посетителей у Фрейда было немного. Чаще всего пожилые люди, строго чопорные и накрахмаленные и всегда, по моде того времени, с бакенбардами. В общем же, как мне сейчас помнится, Фрейда-человека не любили. Он был желчен, беспощадно критичен, мог незаслуженно унижить человека... Но на меня он оказал благоприятное влияние. Он научил меня самовнушению и сосредоточению... Шестнадцатилетний мальчик, мог ли я не попасть под власть этого очень интересного, глубокого, я бы сказал, могучего человека?! И власть свою Фрейд употребил на благо мне. Более двух лет продолжалось наше близкое знакомство, которое я и сегодня вспоминаю с чувством благодарности.

* * *

Дела мои между тем шли хорошо. И в 1917 году господин Цельмейстер сообщил мне, что мы выезжаем в большое турне. Маршрут его охватывал чуть не весь земной шар. За четыре года мы побывали в Японии, Бразилии, Аргентине... Было очень много, пожалуй, даже слишком много впечатлений. Они находили одно на другое, нередко заслоняя и искажая друг друга. Так искажается форма вещей, если их слишком много набить в чемодан.

В 1921 году я вернулся в Варшаву. За те годы, что я провел за океаном, многое изменилось в Европе. В России произошла Октябрьская революция. На перекроенной карте Европы обозначилось новое государство – Польша. Местечко, где я родился и где жили мои родители, оказалось на территории этой страны.

Мне исполнилось 23 года, и меня призвали в польскую армию. Прошло несколько месяцев. Однажды меня вызвал к себе командир и сказал, что меня приглашает сам "начальник Польского государства" Юзеф Пилсудский.

Меня ввели в роскошную гостиную. Здесь было собрано высшее "придворное" общество, блестящие военные, роскошно

одетые дамы. Пилсудский был одет в подчеркнуто простое полувоенное платье без орденов и знаков отличия.

Начался опыт. За портьерой был спрятан портсигар. Группа "придворных" следила за тем, как я его нашел. Право же, это было проще простого! Меня наградили аплодисментами... Более близкое знакомство с Пилсудским состоялось позднее в личном кабинете. "Начальник государства" – кстати, это был его официальный титул в те годы – был суверен, как женщина. Он занимался спиритизмом, любил "счастливое" число тринадцать... Ко мне он обратился с просьбой личного характера, о которой мне не хочется, да и неудобно сейчас вспоминать. Могу только сказать, что я ее выполнил.

По окончании военной службы я вновь вернулся к опытам. Моему новому импресарио господину Кобаку было лет пятьдесят. Это был очень деловой человек нового склада.

Вместе с ним я совершил множество турне по различным странам Европы. Я выступал со своими опытами в Париже, Лондоне, Риме, снова в Берлине, Стокгольме. По возможности я стремился разнообразить и расширять программу своих выступлений. Так, помню, в Риге я ездил по улицам на автомобиле, сидя на месте водителя. Глаза у меня были накрепко завязаны черным полотенцем, руки лежали на руле, ноги стояли на педалях. Диктовал мне мысленно, по существу, управляя автомобилем с помощью моих рук и ног, настоящий водитель, сидевший рядом. Этот опыт, поставленный на глазах у тысяч зрителей с чисто рекламной целью, был, однако, очень интересен. Второго управления автомобиль не имел. Ни до этого, ни после этого за баранку автомобиля я даже не держался...

Посетил я в эти годы также и другие континенты – Южную Америку, Австралию, страны Азии. Из бесчисленного калейдоскопа встреч не могу хотя бы в нескольких строчках не остановиться на происшедшей в 1927 году встрече с выдающимся политическим деятелем Индии Мохандасом Карамчандом Ганди. В его учении, как известно, причудливо переплелись отдельные положения древней индийской философии, толстовства и разнообразнейших социалистических учений.

Ганди меня глубоко потряс. Удивительная простота, всегда соседствующая с подлинной гениальностью, исходила от этого человека. Запомнилось его лицо мыслителя, тихий голос, неторопливость и плавность движений, мягкость обращения со всеми окружающими. Одевался Ганди аскетически просто и употреблял самую простую пищу.

Во время опыта, который я демонстрировал в его присутствии, Ганди был моим индуктором. Он продиктовал мне следующее задание: взять со стола и подать третьему человеку флейту. Этот третий взял ее, поднес к губам, и тонкие музыкальные звуки задрожали в воздухе. И вдруг из стоящей у его ног корзины с узким горлышком – корзины, похожей на бутыль, – начала выливаться серо-пестрая лента змеи. Ее движения

четко повторяли ритм, заданный флейтистом. Это был настоящий танец, не менее точный и прекрасный, чем человеческий. До этого я никогда не видел ничего подобного и смотрел, как завороченный.

Находясь в Индии, я не мог, конечно, упустить возможности собственными глазами посмотреть на искусство йогов. Виртуозное умение управлять своим телом, владеть им, достигаемое непрестанной тренировкой, поистине удивительно. Мне особенно интересно было наблюдать погружение в глубокое каталептическое состояние, длящееся иногда по несколько недель. Мне никогда не удавалось добиться столь длительного пребывания в этом состоянии.

* * *

Ко мне нередко обращались и с личными просьбами самого разного характера: урегулировать семейные отношения, обнаружить похитителей ценностей и т. д. Как и всю свою жизнь, я руководствовался тогда только одним принципом: вне зависимости от того, богатый это человек или бедный, занимает ли он в обществе высокое положение или низкое, стоять только на стороне правды, делать людям только добро.

Один из таких случаев связан с происшествием в старинном родовом замке графов Чарторыйских. Это была очень богатая и очень известная в Польше семья, владевшая гигантскими поместьями, располагающая огромными средствами. Сам граф Чарторыйский был весьма влиятельным человеком в стране.

И вот в этой семье пропадает старинная, передававшаяся из поколения в поколение драгоценность – бриллиантовая брошь. По мнению видевших ее ювелиров, она стоила не менее 800 тысяч злотых – сумма поистине огромная. Все попытки отыскать ее были безрезультатными. Никаких подозрений против кого бы то ни было у графа Чарторыйского не было: чужой человек пройти в хорошо охраняемый замок практически не мог, а в своей многочисленной прислуге граф был уверен. Это были люди, преданные семье графа, работавшие у него десятилетиями и очень ценившие свое место. Приглашенные частные детективы не смогли распутать дела.

Граф Чарторыйский прилетел ко мне на своем самолете – я тогда выступал в Кракове, – рассказал все это и предложил заняться этим делом. На другой день на самолете графа мы вылетели в Варшаву и через несколько часов оказались в его замке.

Надо сказать, в те годы у меня был классический вид художника: длинные до плеч, иссиня-черные вьющиеся волосы, бледное лицо. Носил я черный костюм с широкой черной накидкой и шляпу. И графу нетрудно было выдать меня за художника, приглашенного в замок поработать.

С утра я приступил к выбору "натуры". Передо мной прошли по одному все служащие графа до последнего человека. И я

убедился, что хозяин замка был прав: все эти люди абсолютно честные. Я познакомился и со всеми владельцами замка – среди них тоже не было похитителя. И лишь об одном человеке я не мог сказать ничего определенного. Я не чувствовал не только его мыслей, но даже и его настроения. Впечатление было такое, словно он закрыт от меня непрозрачным экраном.

Это был слабоумный мальчик лет одиннадцати, сын одного из слуг, давно работающих в замке. Он пользовался в огромном доме, хозяева которого жили здесь далеко не всегда, полной свободой, мог заходить во все комнаты. Ни в чем плохом он замечен не был и поэтому и внимания на него не обращали. Даже если это и он совершил похищение, то без всякого умысла, совершенно неосмысленно, бездумно. Это было единственное, что я мог предположить. Надо было проверить свое предположение.

Я остался с ним вдвоем в детской комнате, полной разнообразнейших игрушек. Сделал вид, что рисую что-то в своем блокноте. Затем вынул из кармана золотые часы и покачал их в воздухе на цепочке, чтобы заинтересовать беднягу. Отцепив часы, положил их на стол, вышел из комнаты и стал наблюдать.

Как я и ожидал, мальчик подошел к моим часам, покачал их на цепочке, как я, и сунул в рот... Он забавлялся ими не менее получаса. Потом подошел к чучелу гигантского медведя, стоявшему в углу, и с удивительной ловкостью залез к нему на голову. Еще миг – и мои часы, последний раз сверкнув золотом в его руках, исчезли в широко открытой пасти зверя... Да, я не ошибся. Вот этот невольный похититель. А вот и его безмолвный сообщник, хранитель краденого – чучело медведя.

Горло и шею чучела медведя пришлось разрезать. Оттуда в руки изумленных "хирургов", вершивших эту операцию, высыпалась целая куча блестящих предметов – позолоченных чайных ложечек, елочных украшений, кусочков цветного стекла от разбитых бутылок. Была там и фамильная драгоценность графа Чарторыйского, из-за пропажи которой он вынужден был обратиться ко мне.

По договору граф должен был заплатить мне 25 процентов стоимости найденных сокровищ – всего около 250 тысяч злотых, ибо общая стоимость всех найденных в злополучном "Мишке" вещей превосходила миллион злотых. Я отказался от этой суммы, но обратился к графу с просьбой взамен проявить свое влияние в сейме так, чтобы было отменено незадолго до этого принятое польским правительством постановление, ущемляющее права евреев. Не слишком щедрый владелец бриллиантовой броши, граф согласился на мое предложение. Через две недели это постановление было отменено.

Таких и подобных дел с похищениями мне пришлось расследовать немало. Но не подумайте, пожалуйста, что я превращался в некоего Шерлока Холмса. Меня привлекали только такие истории, где я мог способствовать, хоть в малой мере,

торжеству правды и справедливости. Чаще всего мне приходилось иметь дело с "внутрисемейными" событиями, где даже самые тесные узы кровного родства не могли помешать взаимной ненависти, смертельной зависти, чаще всего на почве чисто меркантильных интересов.

Помню такой случай. Он произошел в Варшаве. Хотя с тех пор прошло уже много лет, я не уверен, что все участники этого события погибли или умерли своей смертью, и, чтобы не причинить им неприятностей, я не назову их имен. Суть же состояла вот в чем.

У одного лавочника были похищены все его сбережения, что-то около 5000 долларов. Пропали и кое-какие вещи. Делом занялась полиция, но ничего обнаружить не сумела. Воры были мастерами своего дела и никаких следов не оставили.

С лавочником жили еще два человека – его брат и взрослая дочь. По совету брата лавочник обратился к скупщикам краденного. Как ни странно, ни одна из похищенных вещей к ним не поступила. Это было настолько непонятно, что они и высказали первыми мысль, что либо похищение совершил вор-"гастролер", на короткое время посетивший Варшаву, либо это дело рук кого-нибудь из домашних...

Тогда-то лавочник обратился ко мне. Мне стало искренне жаль старого и больного человека, всю жизнь откладывавшего по копейке на черный день в приданое дочери. Я осмотрел тесную квартиру, в которой он с семьей прожил всю жизнь, почти нищенскую обстановку... Потом мы прошли в комнату его брата. Тот в полном молитвенном облачении стоял лицом к востоку и громко молился.

Я пробыл в этой комнате всего несколько минут, но по тревожному состоянию духа, по неуверенности, с которой он произносил слова молитвы, уже понял, что виновник кражи передо мной. А потом я "услышал" и его мысли...

Когда он кончил молиться, я выслав всех из комнаты и остался с ним наедине. Я сразу же спросил его, куда он дел похищенные деньги и вещи. И хотя он еще не сознался, мне стало ясно, что они спрятаны в кушетке, на которой мы сидим. Я сказал ему об этом и потребовал, чтобы он завтра же вернул их брату. Я дал ему слово, что все это останется между нами.

Выйдя, я сказал лавочнику и его дочери:

– Не волнуйтесь. Я не знаю и не смогу узнать, кто похитил ваши деньги и вещи. Но я знаю, что все до последней нитки, до последней копейки завтра же вернется в ваш дом...

Мне было жаль обоих братьев: ведь сообщив имя виновника кражи, я нанес бы смертельный удар этой семье.

Однажды в Белостоке у жены одного польского журналиста пропало бриллиантовое кольцо. Он пригласил к себе меня. Мне не составило труда выяснить, что кольцо похитила прислуга. Я был также убежден, что это кольцо было передано другому человеку и найти его я не смогу.

Тогда я прибегаю к хитрости. Громко, чтобы прислуга слышала, я сказал журналисту:

— Друг мой! Стоит ли беспокоиться из-за фальшивого стеклышка? Твое кольцо стоило тебе максимум пять золотых, а продать ты его и за полтора золотых не смог бы... Ну выгони прислугу... Ну позови полицию... Только из-за чего весь этот шум? Подумай! К тому же, по всей вероятности, оно валяется где-нибудь на полу. Кому эта дрянь нужна?!

Через несколько часов кольцо (а в нем бриллиант в три карата) было найдено в углу в гостиной...

В другом случае в семье, куда меня пригласили, похитителем пропавшей драгоценности оказался сам хозяин, подаривший эту вещь своей любовнице...

Психологически интересный случай произошел со мной в Париже. Это было шумевшее в двадцатых годах дело банкира Денадье. Денадье был очень богатый и очень скупой человек. В уже достаточно преклонных годах после смерти жены он женился вторично на совсем молодой женщине, прельстившейся его богатством. Была у него дочь, также недовольная своей жизнью: тех средств, которые ей отпускал отец, ей явно не хватало. Эти трое таких разных, хотя и находящихся в близком родстве, людей и были единственными обладателями виллы Денадье. Прислуга была приходящей, и на ночь никто из посторонних в доме Денадье не оставался.

А между тем там начали твориться довольно-таки странные вещи. Началось с того, что однажды вечером оставшийся в одиночестве Денадье вдруг увидел, что висящий у него в комнате портрет его первой жены качнулся сначала в одну, потом в другую сторону. В испуге широко вытаращенными глазами уставился он на портрет. Ему показалось, что его покойная жена чуть двинула головой, руками, какое-то движение пробежало по ее лицу. Возникло впечатление, что она хочет выпрыгнуть из рамки, но не может этого сделать, и поэтому портрет раскачивается.

Легко представить, какое впечатление произвело это на суеверного пожилого человека. Он не смог подняться с кресла. Закрыв глаза, он начал кричать. Только через полчаса, а то и позже — Денадье не смотрел на часы — на его крик прибежали вернувшиеся к этому времени из театра жена и дочь...

С тех пор портрет начал подмигивать и качаться каждую ночь. Это сопровождалось нередко стуком в стену в том месте, где висел портрет. По характеру звуков казалось, что они рождаются внутри стены. И еще одна деталь: обычно вся эта чертовщина происходила именно тогда, когда ни жены, ни дочери не было дома. В их присутствии портрет вел себя нормально.

Денадье обратился в полицию. Ночью тайно от всех у него в комнате остался детектив. В урочное время портрет начал качаться и раздался стук. Не смутившийся детектив двинулся к портрету, но в самый неподходящий момент он обо что-то

споткнулся, упал и вывихнул себе ногу. Тогда убежденность, что в этом деле замешана нечистая сила, стала всеобщей. Полиция отступилась. Денадьё был предоставлен своей судьбе и "нечистой силе".

Тогда-то я и заинтересовался этим случаем, узнав о нем из газет. Надо ли повторять, что я с детских лет не верил ни в какие сверхъестественные силы. Префект парижской полиции порекомендовал меня Денадьё. Тайно ото всех я остался в его комнате в первый же вечер; несчастный человек был близок к сумасшествию, но не соглашался снять портрет своей первой жены. Несмотря на свою повторную женитьбу, он свято хранил память о ней. Откладывать дело было нельзя, уже завтра могло быть поздно. Бедный Денадьё мог сойти с ума или умереть от страха каждую минуту. Он сообщил мне, что в доме никого нет: жена и дочь уехали в театр. Все способствовало тому, чтобы таинственное явление произошло.

Мы выключили свет. Я сразу же почувствовал, что вилла отнюдь не пуста. Очень скоро я понял, что в соседней комнате — комнате дочери — кто-то есть. И почти тотчас же раздался стук в стену. Одновременно я увидел в слабом свете лунных лучей, падавших в окно, что портрет качается. Честно сказать: это было довольно зловещее зрелище. Обмякший Денадьё, неспособный пошевелить ни одним членом, бессильно лежал в кресле...

Очень осторожно, пробираясь на цыпочках вдоль стенки, чтобы не оказаться в положении вывихнувшего ногу детектива, я пробрался к двери и вышел в коридор. Затем я подошел к соседней двери в комнату дочери и постучал в нее. Стук в стенку комнаты Денадьё сразу прекратился. Очень настойчиво я постучал снова и, сильно нажав плечом, открыл дверь. Сорванная задвижка, звякнув, упала на пол. В комнате на кровати лежала молодая женщина. Она делала вид, что только что проснулась.

— Вы же в театре, мадемуазель, — сказал я. — Как вы очутились здесь?..

Я следил за лихорадочной путаницей ее мыслей, читая их. Через несколько мгновений мне стал ясен весь тайный механизм преступления.

Дочь и мачеха, оказывается, давно уже нашли общий язык. Обоих не устраивал тот скромный образ жизни, который вел сам Денадьё и который вынуждены были вести с ним и они. Обе молодые женщины мечтали овладеть миллионами банкира и избрали показавшийся им наиболее легким и безопасным способом: довести старого, больного человека до сумасшествия. Для этого был сконструирован тайный механизм, приводивший в движение висевший в комнате Денадьё портрет. Я испытал истинное наслаждение, когда префект в эту же ночь по моему телефонному вызову прислал полицейских и обе преступницы были арестованы.

Были в моей "сыщицкой" деятельности и совсем курьезные случаи. Вот несколько эпизодов, случившихся со мной в разные годы в Польше во время выступлений с психологическими опытами.

...Первый случай прост и ординарен. Выполняя очередное задание индуктора, подхожу к молодому человеку, сидящему в одном из первых рядов, и говорю ему:

– Разрешите внутренний карман вашего пиджака...

Вижу, что-то очень уж он испуган. Прислушиваюсь... И понимаю: передо мной преступник. Кармана не показывает. Тогда я подзываю присутствующего здесь же полицейского. Ему помогают несколько мужчин. Оказывается, у молодого человека во внутреннем кармане спрятан наркотик. Его арестовали, а затем вскрыли целую организацию подпольных торговцев наркотиками.

Конечно, это разоблачение произошло в значительной мере случайно. Скомандуй мне индуктор пойти к другому человеку – я бы никакого внимания не обратил на этого пришедшего на мой сеанс негодяя...

В маленькое польское местечко приехал богатый американец. Разумеется, он был принят в "лучших домах", вскоре влюбился в прелестную шестнадцатилетнюю девушку и сделал ей предложение, присовокупив к нему бриллиантовое кольцо для невесты. Надо ли добавлять, что, подкрепленное столь весомым подарком, предложение было немедленно принято. Да и как могло быть иначе! Ведь богатый американец в панской Польше был таким же сказочным персонажем, как прекрасный принц... Но как раз в это время в эти края занесла меня с моими опытами беспокойная судьба гастролера.

Родители девушки пришли ко мне и все мне рассказали. Что-то не понравилось мне в этом человеке, виденном вскользь и издали. Я попросил, чтобы его привели на мое выступление.

Он пришел. Держал себя вызывающе. Бросал реплики, сидел развалясь. А когда я обратился непосредственно к нему с каким-то вопросом, он встал и двинулся к выходу из зала... Но мне уже многое было ясно. Я крикнул:

– Посмотрите у него в карманах...

"Американца", несмотря на его сопротивление, остановили. Из одного кармана извлекли несколько паспортов на разные фамилии, но с одной и той же фотографией. Все это были паспорта холостых людей. Из другого – пачку порнографических фотографий. Этого было достаточно. "Американца" арестовали. Он оказался членом шайки, поставляющей красивых девушек публичным домам Аргентины.

Хочу к этому добавить одно: пусть не подумает читатель, что "натпинкертонство" стало чуть ли не моей второй профессией. Просто я собрал здесь, на нескольких страницах, случаи, происшедшие со мной в течение многих лет. И еще: никогда в жизни я не сотрудничал ни с полицией, ни с какими бы то ни было

частными или государственными организациями сыска, хотя предложения такого рода мне делались неоднократно. Все, что я делал, я делал на свой риск и страх, на свою личную ответственность, используя главным образом свои способности и стремясь только к торжеству справедливости.

В последующих главах я подробно буду говорить об истинных медиумах и телепатах и о шарлатанах, пытающихся выдать себя за таковых. Увы! И в телепатии в то время в Польше не обошлось без жесточайшей конкуренции. Сколько раз пытались мои "коллеги" скомпрометировать меня во время выступления! А однажды ко мне в номер вошла молодая и красивая женщина. Мой кабинет был почти изолирован от остальных комнат, где, я знал, сейчас должен находиться мой флегматичный Кобак. Взглянув на вошедшую женщину, я сразу все понял... Услужливо, предупредительно вскочил:

– Пани, садитесь! Такие очаровательные гости редко навещают конуру телепата... И когда они появляются, я бываю вдвойне счастлив... Только, простите, я на мгновение выйду, отдам кое-какие распоряжения...

Вышел, нашел в длинной анфиладе комнат мирно курящего сигару Кобака:

– Бегом в полицию! Бери человек трех – и назад. В кабинет не входите, встаньте у двери и смотрите сквозь верхнее стекло... Только быстрее! Потом я все объясню...

Возвращаюсь в кабинет... Снова рассыпаюсь в комплиментах... Знаю, что мне надо продержаться хотя бы минут пять, восемь, пока не подоспеет подмога...

Наконец, чувствую, моя гостя переходит к делу:

– ...Вы делаете удивительные вещи... А знаете ли вы, что я сейчас думаю...

– Пани, я не на сцене... В жизни я обыкновенный человек... И могу сказать только одно: в такой очаровательной головке могут быть только очаровательные мысли.

– Я хочу стать вашей любовницей. И немедленно... Сейчас же...

– Пани!.. Но я женат!.. У меня дети... я люблю свою жену...

– Но вы же – джентльмен!.. Вы не можете отказать женщине в ее просьбе!..

И начинает рвать на себе одежды... Потом кидается к окну, распахивает его и кричит:

– На помощь! Насилуют...

Тогда я махнул рукой, открылась дверь, и вошла полиция. Они все видели через стекло фрамуги. И все слышали – ни я, ни она не старались заглушить своих голосов. "Пани" арестовали...

Это только одна из многих попыток моих "конкурентов" скомпрометировать, убрать меня. В данном случае организатором, главным виновником был известный в Польше хиромант Пифело. Пифело по ладони руки предсказывал человеку будущее, что, конечно, шарлатанство чистой воды. Во мне он

видел своего конкурента, хотя я ни гаданием по руке, ни каким бы то ни было другим обманом никогда не занимался. К счастью, ни одна из попыток скомпрометировать меня не имела успеха...

Но пора прощаться с детством, отрочеством, юностью, молодостью. И хотя мне еще не раз придется возвращаться к событиям того времени в последующих главах, пришла пора рассказать о том, как стал я советским гражданином.

Когда 1 сентября 1939 года бронированная немецкая армия перекатилась через границы Польши, государство это, несравненно более слабое в индустриальном и военном отношении, да к тому же фактически преданное своим правительством, было обречено. Я знал: мне оставаться на оккупированной немцами территории нельзя. Голова моя была оценена в 200 000 марок. Это было следствием того, что еще в 1937 году, выступая в одном из театров Варшавы в присутствии тысяч людей, я предсказал гибель Гитлера, если он повернет на Восток. Об этом моем предсказании Гитлер знал: его в тот же день подхватили все польские газеты – аншлагами на первой полосе. Фашистский фюрер был чувствителен к такого рода предсказаниям и вообще к мистике всякого рода. Не зря при нем состоял собственный "ясновидящий" – тот самый Ганусен, о котором я уже вскользь упоминал. Эта премия в 200 000 марок тому, кто укажет мое местонахождение, и была следствием моего предсказания.

Несколько слов о Ганусене, раз уж о нем зашла речь. Это – один из немногих известных мне телепатов, в действительности обладавший способностью к чтению мыслей. Я с ним познакомился в 1931 году, перед его выступлением корреспондент одной варшавской газеты представил меня Ганусену за кулисами.

Работал Ганусен интересно: у него были несомненные способности телепата. Но, чтобы они развернулись в полную меру, ему нужен был душевный подъем, взвинченность сил, нужно было восхищение и восторг публики. Я это знаю и по себе: когда аудитория завоевана, работать становится несравненно легче. Поэтому в начале выступления Ганусен прибегал к нечестному приему: первые два номера он проводил с подставными людьми. Едва он вышел на сцену, встреченный жиденькими аплодисментами, и произнес несколько вступительных слов, из глубины зала раздался выкрик: "Шарлатан!" Ганусен "сыграл" чисто по-артистически оскорбленную невинность и пригласил на сцену своего обидчика. С ним он показывал первый номер. Надо ли говорить, что "оскорбитель" мгновенно "перевоспитался", уверовав в телепатию, и что в действительности этот человек ездил из города в город в свите Ганусена. Я это понял сразу. Но аудитория приняла все это за чистую монету, и аплодисменты стали более дружными.

Начиная с третьего номера, Ганусен работал честно, с любым человеком из зала. Очень артистично, стремясь как можно эффектнее подать свою работу. Однако использование им вначале

подставных лиц не могло уже потом до конца вечера изгладить во мне какого-то невольного чувства недоверия.

Мне кажется, что человек, наделенный от рождения такими способностями, как Ганусен, не имеет права быть непорядочным, морально нечестным. Это мое глубокое убеждение.

В 1933 – 1934 годах Ганусена приблизил к себе Гитлер, хотя Ганусен был чистокровный еврей, дед его работал старостой синагоги... Вращаясь в окружении Гитлера, шагая от успеха к успеху, Ганусен узнал слишком много того, что знать ему не следовало. Определенные круги использовали его для того, чтобы под видом "астральных откровений" дать фюреру тот или иной совет. И когда он оказался уже слишком рискованной фигурой в большой политической игре, его просто убрали. Завезли в лес и застрелили. В общем, его судьба довольно точно и подробно рассказана в романе Лиона Фейхтвангера "Братья Лаутензак".

Так или иначе, желая ли отомстить мне за мое предсказание или, наоборот, намереваясь заменить мною Ганусена, Гитлер объявил премию человеку, который укажет мое местонахождение. Я в это время жил в родном местечке, у отца. Вскоре это местечко было оккупировано фашистской армией. Мгновенно было организовано гетто. Мне удалось бежать в Варшаву. Некоторое время я скрывался в подвале у одного торговца мясом. Однажды вечером, когда я вышел на улицу пройтись, меня схватили. Офицер, остановивший меня, долго вглядывался в мое лицо, потом вынул из кармана обрывок бумаги с моим портретом. Я узнал афишу, расклеивавшуюся гитлеровцами по городу, где сообщалось о награде за мое обнаружение.

– Ты кто? – спросил офицер и больно дернул меня за длинные до плеч волосы.

– Я художник...

– Врешь! Ты – Вольф Мессинг! Это ты предсказывал смерть фюрера...

Он отступил на шаг назад, продолжая держать меня левой рукой за волосы. Затем резко взмахнул правой и нанес мне страшной силы удар по челюсти. Это был удар большого мастера заплочных дел. Я выплюнул вместе с кровью шесть зубов...

Сидя в карцере полицейского участка, я понял: или я уйду сейчас, или я погиб... Я напряг все свои силы и заставил собраться у себя в камере тех полицейских, которые в это время были в помещении участка. Всех, включая начальника и кончая тем, который должен был стоять на часах у выхода. Когда они все, повинаясь моей воле, собрались в камере, я лежавший совершенно неподвижно, как мертвый, быстро встал и вышел в коридор. Мгновенно, пока они не опомнились, задвинул засов окованной железом двери. Клетка была надежной, птички не могли вылететь из нее без посторонней помощи. Но ведь она могла подоспеть... В участок мог зайти просто случайный человек. Мне надо было спешить...

Из Варшавы меня вывезли в телеге, заваленной сеном. Я знал одно: мне надо идти на восток. Только на восток. К той единственной в мире стране, которая одна – я знал это – сможет остановить распространение "коричневой чумы" фашизма по земному шару. Проводники вели и везли меня только по ночам. И вот наконец темной ноябрьской ночью впереди тускло блеснули холодные волны Западного Буга. Там, на том берегу, была Советская страна.

Небольшая лодчонка-плоскодонка ткнулась в песок смутно белевшей отмели. Я выскочил из лодки и протянул рыбаку, который перевез меня, последнюю оставшуюся у меня пачку денег Речи Посполитой:

– Возьми, отец! Спас ты меня...

– Оставь себе, пан, – возразил рыбак. – Тебе самому пригодится... Эх, и я бы пошел с тобой, если бы не дети!.. Чемоданчик не забудь...

Я пожал протянутую мне руку и пошел по влажному песку. Пошел по земле моей новой родины. Пошел прямо на восток.

Глава II

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Было странно и необычно жить в этом никогда мной не виданном мире. Особенно если учесть, что попал я в него совершенно неподготовленный, не встреченный, как встречают почетного гостя, без сопровождения всезнающего импресарио, даже без знания языка. Я вступил на Советскую землю вместе с тысячами других беженцев, ищущих спасения от фашистского нашествия.

Пришел я в гостиницу в Бресте:

- Мне нужен номер.
- Свободных номеров нет.
- Я заплачу вдвое против обычной цены.
- Вам сказано, гражданин, свободных номеров нет!

Окно с треском захлопывается...

Я смотрю на счастливых, берущих и сдающих портье ключи, на людей, нашедших место в гостинице. Нет, это совсем не такие люди, каких я привык видеть в вестибюлях европейских гостиниц. Простые трудовые люди, служащие с озабоченными лицами, с толстыми портфелями в руках. Кепи, а не шляпы. Пестрые рабочие пальто вместо роскошных плащей – макинтошей.

Первую ночь среди других беженцев я провел в синагоге на полу. С трудом отыскал свободное место.

Куда податься? На другой день меня надоумили: я пошел в отдел искусств горкома. Меня встретили вежливо, но сдержанно. В Советском Союзе, борясь против суеверий в сознании людей, не жаловали ни гадалок, ни волшебников, ни хиромантов... К числу таких же непоощряемых занятий относили и телепатию. Ох как часто мне потом мешало это!

Пришлось переубеждать... пришлось демонстрировать свои способности тысячу раз. Пришлось доказывать, что в этом нет никакого фокуса, обмана, мошенничества. Но об этом позже.

И вот наконец нашелся человек, который поверил. Это был заведующий отделом искусств Абрасимов Петр Андреевич. На свой страх и риск он включил меня в бригаду артистов, обслуживающих Брестский район. Жизнь начала налаживаться...

В эти первые дни было немало забавных казусов, вызванных тем, что я очень плохо знал русский язык.

Заведующий отделом искусств говорит мне после выступления:

- Здорово работаешь!
- Да, я здоров... Никогда не болею...

В другой раз говорят:

- Вас примет секретарь ЦК.

– Я с секретарем не хочу говорить... Пусть со мной сам этот Чека поговорит...

Несмотря на неизбежные сложности первых дней жизни в чужой стране, мне было удивительно радостно, интересно. Мир расцвел новыми красками. Мне было ново и приятно жить в среде простых людей, провинциальных артистов, живущих в простых номерах, работающих с вдохновением, довольных тем, что они живут одним ритмом со всей страной, помогают ей. И я был с ними...

1 Мая праздновал в Бресте. Вместе со всеми пошел на демонстрацию. Это был очень радостный день в моей жизни. А вскоре после этого меня направили в Минск. Здесь я встретился с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко – одним из видных деятелей Советского государства. Я благодарен судьбе за встречу с этим человеком, которому я очень многим обязан.

Мы гастролировали по всей Белоруссии. И однажды, когда я работал на одной из клубных сцен Гомеля, ко мне подошли два человека в форменных фуражках. Прервав опыт, они извинились перед залом и увели меня. Посадили в автомобиль. Я чувствовал, что ничего злого по отношению ко мне они не замышляют. Говорю:

– В гостинице за номер заплатить надо...

Смеются:

– Не волнуйтесь, заплатят...

– Чемоданчик мой прихватить бы...

– И чемоданчик никуда не денется.

Действительно: с чемоданом я встретился в первую же ночь, проведенную не в дороге. И счета мне администрация не прислала, видно, кто-то заплатил за меня.

Приехали – куда не знаю. Позже выяснилось, что это гостиница. И оставили одного. Через некоторое время снова повезли куда-то. И опять незнакомая комната.

Входит какой-то человек с усами. Здоровается. Я его узнал сразу. Отвечаю:

– Здравствуйте. А я вас на руках носил...

– Как это на руках? – удивился Сталин.

– Первого мая... На демонстрации...

Сталина интересовало положение в Польше, мои встречи с Пилсудским и другими руководителями Речи Посполитой. Индуктором моим он не был.

После довольно продолжительного разговора, отпуская меня, Сталин сказал:

– Ох и хитрец вы, Мессинг.

– Это не я хитрец, – ответил я. – Вот вы так действительно хитрец!

М. И. Калинин незаметно потянул меня за рукав.

Со Сталиным я встречался и позже. Вероятно, по его поручению были всесторонне проверены мои способности. Помню такие проверки:

Мне было дано задание получить 100 000 рублей в Госбанке по чистой бумажке. Опыт этот чуть не кончился трагически.

Я подошел к кассиру, сунул ему вырванный из школьной тетради листок. Раскрыл чемодан, поставил у окошечка на барьер.

Пожилой кассир посмотрел на бумажку. Раскрыл кассу. Отсчитал сто тысяч... Для меня это было повторением того случая с железнодорожным кондуктором, которого я заставил принять бумажку за билет. Только теперь это не представляло для меня, по существу, никакого труда.

Закрыв чемодан, я отошел к середине зала. Подошли свидетели, которые должны были подписать акт о проведенном опыте. Когда эта формальность была закончена, с тем же чемоданчиком я вернулся к кассиру.

Он взглянул на меня, перевел взгляд на чистый тетрадный листок, насаженный им на один гвоздик с погашенными чеками, на чемодан, из которого я начал вынимать тугие нераспечатанные пачки денег... Затем неожиданно откинулся на спинку стула и захрипел... Инфаркт!..

К счастью, он потом выздоровел.

Другое задание состояло в том, чтобы пройти в кабинет очень высокопоставленного лица, тщательно охраняемый. Пройти, разумеется, без пропуска... Я выполнил без труда и это задание. Уйти из карцера в полицейском участке, о чем я рассказывал выше, было куда труднее.

Рассказы об этих весьма своеобразных "психологических опытах" широко разошлись по Москве. А меня продолжали "прощупывать", "проверять". Меня считали "опасным человеком".

Но ведь я не совершил в жизни ни одного непорядочного поступка.

"А вдруг сделаешь? Можно ли доверять тебе?", – в лучшем случае думал в ответ мой собеседник. А очень часто и еще хуже: "Врешь ты все... Только выпусти тебя из глаз! С такими способностями, да чтобы их для себя не использовать".

Наконец "проверки" кончились. Видимо, не без вмешательства сверхвысокой инстанции. Я начал работать. Первые мои гастроли были в Одессе и Харькове. Я уже начал привыкать к совершенно новой для меня советской аудитории. В июне 1941 года я поехал в Грузию. Как сейчас, помню это воскресенье 22 июня 1941 года. Накануне в субботу состоялось мое выступление, оно прошло очень успешно. В воскресенье утром мы поехали на фуникулере. Мне все время было почему-то не по себе. Настроение было просто скверным. И вот в 11 часов 30 минут по московскому времени – речь Молотова. Началась Великая Отечественная война.

Возвращались в Москву поездом. Затемненные станции. Почти на каждой – проверка документов. Во всеобщей бдительности мне пришлось убедиться на собственном опыте:

моя несколько экстравагантная внешность, иностранный акцент привели к тому, что меня несколько раз принимали за шпиона. Выручал мой первый советский "импресарио", ездивший со мной, писатель Виктор Финк.

По приезде в Москву, как только я остался на улице один, – Финк прямо с вокзала отправился к себе домой – меня все-таки арестовали. А через несколько дней, когда я спросил, как пройти на такую-то улицу, меня снова арестовали – на сей раз очень миленькая девушка-дружинница.

В эти дни начала войны я пережил тяжелые минуты. Я внутренне почувствовал себя лишним. Передо мной встал вопрос: чем я могу помочь моей второй родине в борьбе с фашистской чумой? Состояние моего здоровья было таковым, что о личном участии в боях я не мог и думать. Оставалось мое искусство, мое умение. Но кому нужен в такое время, думал я, Вольф Мессинг с его "психологическими опытами"?

Оказалось, что это не так. Меня эвакуировали в Новосибирск. Оказывается, кто-то где-то думал о гражданине СССР Вольфе Мессинге, о том, что его своеобразные способности интересны людям.

Меня хотели видеть и в госпиталях, и рабочие оборонных заводов, по неделям не покидающие цехов, и бойцы формирующихся частей и подразделений. Нередко залы заполняли люди, пришедшие прямо от станков. И уходили они от меня к станкам. А бойцы иной раз держали в руках винтовки... Я делал все, что мог, чтобы вдохновить их своим искусством, дать им заряд новых сил для труда и борьбы.

Передо мной толстая пачка пожелтевших бумаг. Одни из них написаны от руки, другие отпечатаны на машинке, третьи покрыты цветным рисунком, и только фамилия моя вписана в оставленное в типографском наборе место. Мне очень дороги эти листки – это отзывы зрителей о моей работе. Они свидетельствуют, что и я внес свою скромную лепту в великое общее дело в грозный час нависшей беды над моей страной.

Вот некоторые из них.

* * *

17 июля 1942 года в эвакогоспитале выступал Мессинг со своими "психологическими опытами" перед ранеными нашего госпиталя.

Опыты Мессинга произвели на аудиторию ошеломляющее впечатление. Все задания выполнялись точно и сопровождались бурными овациями.

Раненые бойцы, командиры, политработники и служащие госпиталя выражают большую благодарность Мессингу за его выступление в госпитале.

Нач. госпиталя
в/врач 3-го ранга *Сошина*

* * *

С исключительным вниманием бойцы, сержанты и офицеры гарнизона просмотрели шесть концертов Вольфа Григорьевича Мессинга, на которых присутствовало более трех тысяч человек.

Эти концерты на нас, зрителей, произвели очень большое впечатление. Мессинг выполнял исключительно сложные номера, заданные ему "индуктором", и при этом с большой точностью. Он доказал, что это не фокусы, связанные с ловкостью рук человека, а исключительно сложная психологически научная работа, проводимая им в течение длительного периода лет и представляющая исключительный интерес с точки зрения развития психологии как науки.

От имени бойцов, сержантов и офицеров выношу сердечную благодарность Вольфу Григорьевичу Мессингу и желаю дальнейшей плодотворной работы на благо развития науки нашей Социалистической Родины.

Начальник гарнизона
генерал-майор артиллерии *Шуршин*

* * *

Краснофлотцы, старшины и офицеры воинской части Полевая почта № 51 215 искренне благодарят за представленные Вами в воскресенье 6 февраля 1944 года два шефских концерта, которые вызвали у личного состава большой интерес.

В производимых Вами опытах отсутствует что-либо загадочное и сверхъестественное. Это свидетельство – умение владеть собой и с огромной силой воли концентрировать свое внимание в исполнении того или иного задания.

Еще раз горячо благодарим и желаем Вам, Вольф Григорьевич, дальнейших творческих успехов в Вашей работе.

Заместитель командира по политической части
капитан третьего ранга *Норкин*

* * *

Опыты, произведенные Вами, – свидетельство, чего могут достичь человеческий разум и воля. Эксперименты, произведенные Вами перед зрителями, вызвали большой интерес. Они учат нас тренировать свою волю.

От всей красноармейской души желаем Вам долгих лет жизни и плодотворной работы на благо нашего Отечества за дальнейшее процветание культуры и науки.

Начальник политотдела
полковник *Ягодинский*

* * *

Ваше выступление перед профессорским, преподавательским составом и студентами Магнитогорского государственного педагогического института продемонстрировало выдающуюся

способность чтения мыслей (понимание внутренней речи), развитую Вами до необыкновенной высоты и точности.

Цель Ваших опытов – развитие сил, скрытых в психике человека, и воспитание воли – достойна всякого поощрения. Особенно сейчас, когда народы нашего Союза стоят на пороге завершения Великой Отечественной войны, проявляя героическое волевое напряжение, работа в этом направлении – в направлении изучения и развития воли – является весьма важной. Вот почему Ваши выступления имеют большое воспитательное значение.

От имени всего коллектива института выражаем Вам сердечную благодарность и желаем продуктивной работы на благо нашей великой Родины.

* * *

Я привел эти немногие из огромного количества отзывов, писем, благодарностей, грамот для того, чтобы довести до тех, кто прочтет эту страницу, аромат тех героических лет, их специфику, их драгоценную для меня неповторимость.

Работал я в те годы очень много, не считаясь ни с количеством выступлений, ни с дальностью расстояний. Очень многие выступления давал бесплатно, выступал в палатах эвакогоспиталей, где лежали "ранбольные", как тогда называли раненых бойцов и офицеров нашей армии. Выступал я и в цехах заводов. Было несколько случаев, когда выступление проходило прямо под открытым небом. Я старался работать, как в те годы работали все.

Свои личные сбережения я отдал на оборону страны, для скорейшего разгрома фашизма. Так поступали в те годы многие и многие люди. На эти средства были построены два самолета, которые я подарил нашим военным летчикам, первый – в 1942-м, второй – в 1944 году.

В 1944 году в Новосибирске после сеанса "Психологических опытов" ко мне подошла молодая женщина:

– Мне кажется, вступительное слово к вашему выступлению надо бы читать по-другому...

– Ну что же, – ответил я, – попробуйте вы прочитать его... Следующее мое выступление – через два дня... Вы успеете подготовиться?

– Попробую.

Накануне я встретился с ней снова. Мне понравилась ее манера чтения...

– А у вас есть длинное платье для выступления?

– Нет, я думаю, следует надеть темный строгий костюм. Он больше подходит для сеансов ваших "Психологических опытов".

Так впервые встретился я с женщиной, которая стала потом моей женой, – Аидой Михайловной. Она умерла в 1960 году. Годы, прожитые с ней, – самые счастливые в моей жизни.

В первые послевоенные годы я познакомился с еще одним человеком, о котором не могу не вспоминать с чувством величайшего уважения и сожаления о том, что его уже нет, – с выдающимся дипломатом, писателем Алексеем Алексеевичем Игнатьевым.

Он прожил большую и сложную жизнь. Сначала по обязанности дипломата, а затем как невольный политический изгнанник долго жил он за пределами России. И всегда по всем странам возил в мешочке щепотку русской земли... Очень нескоро удалось ему вернуться в Россию, которой он всегда оставался верен.

В Москве он жил на Старой площади. Я много раз встречал его – седого, но сохранившего великолепную выправку, с неизменной толстой палкой в руках. Памятен мне день, когда он пригласил меня на "ужин по-русски". В его скромной квартире все блистало удивительной чистотой, порядком, уютом. В специальном стеклянном шкафу – ордена и медали, полученные хозяином дома в разные годы жизни... Нас пригласили за хорошо сервированный стол. Серебряные приборы, тонкий фарфор...

Единственным блюдом, не считая чая, была гречневая каша со шкварками. Готовил ее собственными руками Алексей Алексеевич. Он вообще был замечательный кулинар. Такой изумительно вкусной каши я никогда в жизни ни до этого, ни после не едал...

Мне выпало счастье много вечеров провести в обществе Алексея Алексеевича, превосходного рассказчика. И я слышу его голос, когда открываю страницы его книги "Пятьдесят лет в строю".

У меня было немало и других очень хороших и очень добрых встреч с интересными людьми: с писателями, артистами, общественными деятелями как старшего поколения, так и молодежи. Но я считаю неудобным рассказывать о тех, кто работает и творит сейчас, кто бы он ни был.

Все эти годы я продолжал ездить по стране, всюду выступая со своими "Психологическими опытами".

Нет, я не могу пожаловаться на отсутствие ко мне интереса и уважения ни со стороны государства, которое высоко ценит и оплачивает мою работу, ни со стороны прессы, которая нередко пишет обо мне, ни со стороны зрителей, которым выступления нравятся, судя хотя бы по тому, что непроданных на мои "Психологические опыты" билетов, как правило, не бывает. И лишь одна категория населения относится ко мне не всегда одинаково: это – ученые.

Я могу четко разделить их на две группы: на моих сторонников и противников. Помню, с каким огромным чисто

профессиональным интересом отнесся ко мне на заре моей жизни немецкий профессор Абель. Помню, как много со мной возился доктор Фрейд. Неменьшую заинтересованность высказал и советский академик П. П. Лазарев, к сожалению, рано умерший...

Но есть и еще одна категория ученых – тех, кто рад бы принять, но не понимает сущности моих опытов.

В 1950 году мое непосредственное начальство – гастрольное бюро, по линии которого выступал я со своими "Психологическими опытами", – обратилось к Институту философии Академии наук СССР с просьбой помочь в составлении текста, который бы объяснял материалистическую сущность моих опытов.

В ответ было получено такое письмо:

Институт философии Академии наук СССР.

В Гастрольное бюро Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

В соответствии с Вашим запросом направляем текст вступительного слова к выступлениям В. Г. Мессинга.

Автор текста – кандидат педагогических наук М. Г. Ярошевский.

Текст апробирован сектором психологии Института философии.

Зав. сектором психологии

Петрушевский

17 мая 1950 г.

К этому сопроводительному письму был приложен текст, сочиненный М. Ярошевским. Привожу его здесь в несколько сокращенном виде.

"Психологические опыты Мессинга, которые вы сейчас увидите, свидетельствуют о наличии у Мессинга чрезвычайно интересной способности: Мессинг в точности, безошибочно выполняет самые сложные мысленные приказания, которые любой из присутствующих пожелает ему предложить.

На первый взгляд умение Мессинга улавливать мысленные приказания других людей может показаться какой-то таинственной, сверхъестественной способностью. Однако в действительности ничего сверхъестественного Мессинг не делает. Его опыты полностью объясняются материалистической наукой. Для того чтобы у присутствующих была полная ясность в отношении опытов Мессинга, кратко расскажем, почему ему удается выполнять сложнейшие задания зрителей.

Органом мысли является мозг.

Когда человек о чем-либо думает, его мозговые клеточки мгновенно передают импульс по всему организму. Например, если человек думает о том, что он берет в руку какой-либо предмет, представление об этом действии сразу же изменяет напряжение мышц руки.

Правда, это напряжение мышц руки очень незначительно, однако оно реально существует.

Идея, мысль отражается на моторной, двигательной сфере.

Исследования советских физиологов, учеников академика И. Павлова, К. Быкова и других, показали, что мысль о движении вызывает не только слабые сокращения соответствующих мышц, но также изменение кровообращения в организме, повышение его возбудимости и т. д. Не так давно были применены очень чувствительные приборы для записи токов, возникающих в мышцах при мысли о чем-либо, о движении куда-либо и т. д. Оказалось, что если человек, закрыв глаза, представляет какой-либо высокий предмет, например высокую башню, то в этот момент в мышцах его глазных яблок появляются импульсы возбуждения. Как будто бы он в действительности смотрит на высокую башню и для этого подымает глаза вверх.

Если к языку и гортани человека приложить электроды, соединенные с достаточно чувствительным гальванометром, а затем попросить испытуемого представить в уме, что он произносит какую-либо фразу, то гальванометр зафиксирует возникновение в мышцах гортани слабых импульсов. Как будто испытуемый вслух сказал несколько слов.

Данные науки не оставляют никаких сомнений в том, что наши представления и мысли, являясь продуктом мозга, неразрывно связаны с соответствующими движениями. Эти движения, как мы уже сказали, очень слабые, незаметные, недоступные непосредственному восприятию. Однако при известных условиях их можно уловить. Проводимые сегодня опыты являются ярким доказательством того.

Острота органов чувств не у всех людей одинакова. Некоторые люди, в силу условий их жизни и деятельности, обладают очень высокой, иногда поразительной, чувствительностью.

Вольф Мессинг – это человек, обладающий исключительно высокой и натренированной чувствительностью, – человек-анализатор. Его мозг способен производить удивительно тонкий чувствительный анализ. Его чувствительность настолько остра, что ему удается схватывать незаметные изменения в теле человека, которые происходят, когда человек о чем-либо думает.

Мессинг непосредственно ощущает двигательные импульсы, поступающие из мозга в мускулатуру, когда испытуемый мысленно дает Мессингу задание.

Если задание очень сложное, Мессинг последовательно ощущает целую серию происходящих в мышцах изменений. Для того чтобы осуществить это, Мессинг должен до предела напрячь свою нервную систему, отвлечься от множества посторонних раздражителей, выбрать только те сигналы, которые указывают правильный путь. Поэтому внешнее поведение Мессинга зачастую необычно.

Для решения задачи он должен приложить немалые усилия.

Таким образом, совершенно неправильно было бы думать, что опыты Мессинга доказывают возможность передачи мысли из одного мозга в другой. Мысль неотделима от мозга. Если Мессинг отгадывает ее, то только потому, что мысль влияет на состояние органов движений и всего тела, и потому, что сам Мессинг обладает способностью непосредственно ощущать это состояние.

Наблюдая опыты Мессинга, мы еще раз убеждаемся в том, что нет такого явления, которое не находило бы исчерпывающего научного объяснения с позиции диалектико-материалистической теории”.

* * *

До сих пор все мои выступления сопровождает этот текст.

Я много уже говорил на этих страницах о своих способностях, не конкретизируя и не объясняя, что за этим словом скрывается. Настало время рассказать все, что я знаю об этом.

Итак, что же я умею делать?

Глава III

ЧТО Я МОГУ? ТЕЛЕПАТИЯ

...Автобус	Начнет он, будто семечки,
грязь	щелкать
месит	сейчас...
Автобус филармонии	Пусть он чудодейством
по лужам бежит.	На всех со сцены
На концерт к шахтерам	дунет!
Едет Вольф Мессинг.	Отгадывает мысли, –
Наверное, без Мессинга	не все ль ему равно.
они не могут	Но пусть
жить...	вслух
Тучи над дорогой	не говорит, –
залегли	О чем шахтеры думают,
нависли	Потому что в зале
Едет Вольф Мессинг,	женщин
Спокойствием лучась.	полно...
Шахтерские подземные	И я со всеми вместе
Подспудные мысли	от чудес немею.
	Ахаю!
	Охаю!
	Не верю глазам...

Это стихотворение – я процитировал только часть его – написал молодой талантливый поэт Роберт Рождественский. Он показал в нем телепата. Об этом и пойдет речь в третьей главе.

Мой друг писатель Михаил Васильев, научный популяризатор и фантаст, много раз задавал мне вопрос:

– Скажите, Вольф Григорьевич, как это у вас получается? Как вы это делаете?

Я знал, что его мучит не праздное любопытство, что ему надо знать ответ на этот вопрос. Ведь он собирал тогда материалы для последнего тома своей серии книг "Человек и вселенная". Этот том назывался "Человек наедине сам с собой".

Но что я мог ответить на его вопрос? По существу ничего. Ибо я сам не понимаю, как это делается.

Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу представить мои способности в этой области чем-то непознаваемым, сверхъестественным, таинственным. Ничего ни сверхъестественного, ни непознаваемого в них нет. Во всяком случае, не больше, чем в любых других способностях человека.

Приведу простой пример. Представьте себе, что вы очутились в стране слепых. Ну, скажем, в той, которую нарисовал в одном из своих рассказов Герберт Уэллс, или в той, в которую перенес действие одной из своих маленьких драм Морис Метерлинк. Но для нас эта фантастическая страна или остров не будут символизировать человечество. Они нам нужны для большей наглядности примера.

Итак, в этом мире слепых, где и не подозревают, что такое зрение, вы – единственный зрячий. И дотошный слепой научный писатель, которому это действительно нужно знать для его работы, настойчиво допрашивает вас:

– Неужели вы можете видеть предметы, удаленные от вас на десятки, сотни и тысячи метров? Невероятно! Ну расскажите, как это у вас получается? Как это вы делаете?

А теперь оторвитесь от этих страниц. Закройте глаза. Откройте их. И попытайтесь объяснить этому дотошному писателю, как это вам удастся видеть...

Вот в таком же положении оказался и я перед вопросом моего друга.

Но вы, в приведенном мною примере, все-таки будете в лучшем положении, чем я. Вы сможете объяснить физическую сущность видимых лучей, рассказать о том, как работает глаз с его линзой – хрусталиком и сетчаткой, на которую проецируется изображение, поведать о нервных окончаниях – палочках и колбочках, воспринимающих разницу в силе освещенности и в длине волны. То есть вы сможете сообщить все, что ряд поколений ученых на основе тысяч опытов в нашем зрячем мире установил как объективную истину. Ну а если вы уроженец этой страны слепых, где никаких научных опытов в области зрения не ставилось, то вы ничего объяснить не сумеете. И окажетесь именно в том положении, в котором оказался я.

Обращаются ко мне и с другим вопросом:

– Научите, Вольф Григорьевич!

Я обычно только пожимаю плечами. Видимо, развить эту способность, как и всякую другую, ну, скажем, способность к живописи, можно. Не зря же существуют разнообразнейшие художественные училища. Но если у человека нет таланта художника, великих картин он не напишет, сколько бы его ни учили. Ну простите, несколько грубое сравнение, не доводилось ли вам в детстве завидовать товарищу, который умеет шевелить ушами? И не пытались ли вы научиться этому искусству? Я завидовал и пробовал. Но до сих пор не умею...

* * *

...Я вспоминаю бесчисленные встречи с самыми различными телепатами – от тех, которые действительно в той или иной степени могли воспринимать чувство, образ, мысль, иногда – слово индуктора, до ловких или неловких мошенников, делавших вид, что они обладают способностью телепатического восприятия. Кстати, демонстрировать "чтение мыслей", имея одного-двух ловких помощников и немного потренировавшись, ничего не стоит.

Не раз мне приходилось видеть такое представление.

На сцену выходят двое, скажем, мужчина и женщина. Мужчина плотно завязывает себе глаза черным платком. Делегаты

из публики поднимаются на сцену и проверяют: да, повязка такова, что увидеть через нее что-либо невозможно. Тогда женщина спускается в зал. Сеанс начинается.

Женщина останавливается около восьмого ряда. В крайнем кресле сидит полковник с четырьмя рядами орденских ленточек и Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Волевое обветренное лицо. В глазах – живой интерес к происходящему.

Женщина отчетливо, чтобы слышал весь зал, спрашивает:

– Кто рядом со мной?

Мужчина на сцене так же громко отвечает:

– Военный...

– Уточните... Подумайте...

Но мужчине уже не надо думать:

– Полковник...

– Род войск?... Быстрее...

– Пехота.

– Точнее...

– Гвардейская пехота...

– До чего я дотронулась?

– Орденские колодки...

– Четче.

– Ленточка, означающая, что полковник награжден орденом боевого Красного Знамени...

– Сколько у него таких орденов? Отвечайте не сразу... Считайте...

– Четыре.

– Правильно... А сейчас рядом с кем я встала?

И так далее... Диалог этот может длиться почти бесконечно... Я смотрю на такой сеанс "чтения мыслей" с двойным чувством. С одной стороны, мне доставляет удовольствие, как и всем в зале, искусство, натренированность "телепата" и его помощницы. Точно так же я с величайшим удовольствием наблюдаю всегда манипуляторское искусство хорошего фокусника – такого, как Дик Читашвили. Мне досадно, что эти очень ловкие люди не обладают той принципиальной честностью, которой в полной мере обладает Дик Читашвили. Выхватывая на глазах у изумленных зрителей прямо из воздуха подряд девять уже зажженных папирос, он не утверждает, что они изготовлены из солнечных флюидов. Наоборот, он готов в любое мгновение сообщить вам адрес ближайшего табачного киоска, в котором он их купил. Дик великолепно делает фокусы – и не скрывает этого. Он демонстрирует свое искусство манипулятора, искусство, доступное немногим. Он даже готов открыть вам свои секреты – вы все равно не сможете повторить его фокусов без предварительной длительной тренировки. Ну попробуйте, например, поднять со стола трехкопеечную монету, действуя только мускулами ладони. А у Дика Читашвили она словно приклеивается

к ладони. Точно так же вы не сможете повторить "Аппассионату" Бетховена, исполняемую на ваших глазах пианистом, который вообще ничего не скрывает. А эти "телепаты", тоже показывающие фокусы, не сознаются в этом. Они утверждают, что демонстрируют телепатию. Это то же самое, если бы Дик утверждал, что ему каждый раз вкладывает в руку зажженную папиросу сам Вельзевул. И мне досадно и неприятно, ведь они компрометируют важное дело.

Как делается описанный выше фокус? У мужчины и женщины существует четко разработанный код, с помощью которого они разговаривают на глазах у всего зала. Уже в самом вопросе, задаваемом женщиной, содержится ответ, который должен дать мужчина.

В приведенном диалоге этот код таков:

<i>Слово:</i>	<i>Его кодированное значение:</i>
Кто рядом	– военный
Уточните, подумайте	– полковник
Быстрее	– пехота
Точнее	– гвардейская
Я дотронулась	– орденовые колодки
Четче	– орден Красного Знамени
Отвечайте не сразу, считайте (четыре слова)	– четыре

Если бы, скажем, вместо слов "уточните, подумайте" было сказано только "уточните", это означало бы воинское звание "подполковник"; одно "подумайте" – генерал. Если бы вместо "я дотронулась" женщина сказала "я коснулась", это был бы "погон", "я прикоснулась" – "звезда героя Советского Союза", "прикоснулась я" – "головной убор" и т. д.

Возможности для передачи сведений такого рода кодом, учитывая, что информацию переносят не только слова, но и их порядок, и паузы между ними, и интонация, практически неограничены. И вы, взяв себе любого помощника, можете легко продемонстрировать этот фокус. (Более подробно он описан в книге советского научного популяризатора Я. Перельмана "Фокусы и развлечения".) Только никогда не выдавайте фокус за телепатию. Фокус есть фокус. Искусство фокусника – великолепное искусство, и стыдиться его не надо.

Пришлось мне как-то видеть и другое представление, которое тоже выдавалось за "чтение мыслей". На этот раз женщина осталась на сцене, а мужчина спустился в зал. И зазвучал диалог:

- С кем рядом я стою?
- Военный. Полковник, награжден четырьмя орденами боевого Красного Знамени...
- А теперь рядом с кем?

– Инженер, он одет в серый костюм. В руках у него вчерашняя газета...

– А теперь рядом с кем?

– Шахтер. С ним его очаровательная молодая жена...

– А теперь рядом с кем?

– Мальчик. Ученик седьмого класса. Он пришел прямо из школы со своим портфелем...

Диалог мужчины и женщины на этот раз таков, что исключает возможность передачи информации в вопросах. Но и это не телепатия. Это – чревовещание.

Женщина на сцене – ее лицо и губы были скрыты темной накидкой – не произнесла в течение всего сеанса ни одного звука. И вопросы задавал и ответы давал разными голосами только мужчина. Он обладал тоже очень редкой способностью – говорить, не двигая губами, разными голосами, да и еще так, что почти невозможно определить, откуда исходит звук. Он и вел весь сеанс.

Чревовещание мне тоже кажется редким и интересным даром. Я с интересом смотрю на такие номера, как диалог матери со своим ребенком-куклой... Или, наоборот, разговор крохотной девочки с портретом своей прабабушки... Или сказочные эпизоды, когда фея беседует с цветами, травами, деревьями... Если еще текст глубок и остроумен – это великолепно! Чревовещание, бесспорно, искусство! Только, уважаемые чревовещатели, не выдавайте себя за телепатов. Это нечестно. И не только нечестно, но и вредно, так как подрывает веру в настоящую телепатию. А всеобщий скепсис мешает – нет, не мне. Он мешает серьезному изучению этого явления природы, которое может еще иметь очень большое значение в жизни человечества...

Я уже говорил ранее, что владею умением приводить себя в состояние каталепсии. Это древнее искусство, которым превосходно владеют индийские йоги. Каталепсия – это состояние полной неподвижности с абсолютно застывшими членами и абсолютной одеревенелостью всех мышц. Когда я вхожу в состояние каталепсии, меня можно положить затылком на один стул, пятками на другой, так, чтобы образовался своеобразный мост. На меня при этом может сесть весьма солидный человек. Мне не приподнять и на миллиметр над землей этого человека в обычном состоянии. А в состоянии каталепсии он может сидеть на мне столько, сколько ему вздумается. Я даже не почувствую тяжести его тела. Вообще, я в это время почти ничего не чувствую. Перестает прощупываться пульс, исчезает дыхание, почти неуловимо биение сердца.

Советский физиолог Иван Павлов объясняет это состояние так: обычно оно наступает у нервных людей при внезапном сильном волнении, при истерии или под влиянием гипноза изолированным выключением коры головного мозга без угнетения деятельности нижележащих отделов нервно-двигательного аппарата. Я вхожу в это состояние самопроизвольно,

правда, после длительной, в течение нескольких часов, самоподготовки, заключающейся в собирании в единый комок всей своей воли, видимо, с помощью самогипноза. В последние годы во время сеансов "Психологических опытов" этого своего умения я не демонстрирую. Но когда я жил в Польше, самопроизвольная катаlepsия была почти обязательным номером выступлений. И мне не раз приходилось встречать там своих подражателей, которые демонстрировали такое же умение с помощью чисто механических приспособлений.

Помню, такое состояние демонстрировал на полузакрытом сеансе в Варшаве один доморощенный факир. Я пришел на этот сеанс со своим доктором. Было все, как и при моих выступлениях. Плечистый дяденька глубоко вздохнул, протянул руки по швам и упал в кресло, вытянувшись, как струна. Помощники взяли и положили его затылком и пятками на стулья. Уселся на него и один из самых полных людей, присутствовавших в зале. Доктор взял руку человека, висящую между стульями, и попытался прощупать пульс. Его не было. Полная иллюзия катаlepsии! Но я-то видел, что это не так.

К "катаlepsитику" подошел мой друг – доктор. Он пощупал пульс на обеих руках. Действительно, пульса не было. Тогда он взял стетоскоп и послушал сердце. Это заняло две секунды. Он поднялся, сунул стетоскоп в карман и сказал:

– Сердце бьется отчетливо... Еще на сто лет хватит... Вставайте, чудотворец...

Веки "катаlepsитика" дрогнули. Доктор дернул его за руку. И из подмышки в оттопырившийся мешком фрак выкатился стальной шар. Прижимая такие шары руками к телу, "катаlepsитик" пережимал кровеносные сосуды, и пульс в кистях рук прослушивать было действительно невозможно. Кровь переставала поступать в руки... Конечно, ни о каком лежании в таком положении в течение нескольких суток и даже нескольких часов не могло бы быть и речи: в руках от застоя крови просто началась бы гангрена... После разоблачения "катаlepsитик" снял с себя и продемонстрировал остальной свой довольно хитроумный инвентарь: систему металлических стержней и корсетов с замками, которые начинались за высоким воротником у затылка и кончались у пяток. Эти стержни и корсеты и выдерживали всю тяжесть и его собственного тела, и тела сидящего на нем человека...

Вот даже такие, очень тонкие и очень сложные, чисто психологические опыты – и то становятся объектом обмана...

Вообще надо сказать, что в некоторых странах очень распространены так называемые "окультиные науки". Я видел разрисованные пестрыми красками домики гадалок, магов, волшебников, хиромантов на Елисейских полях и Больших бульварах в Париже, на Унтер-ден-Линден в Берлине, встречал их в Лондоне, в Стокгольме, в Буэнос-Айресе, в Токио. И ничего не изменял в сути дела национальный колорит, который

накладывал свой отпечаток на внешнее оформление балаганов, на одежду предсказателей.

Помню хироманта Пифело, о котором я уже упоминал. За соответствующую плату он раздавал талисманы. У него были специальные талисманы "от пули и штыка в бою", "для нерожающих женщин", "для удачи в коммерции" и так далее. И непонятно одно: почему, таская в чемоданчике тысячи талисманов "для удачи в коммерции", Пифело сам не стал миллионером.

Помню психолога Шиллера-Школьника. Этот определял характер, читал прошлое и предсказывал будущее только на основании почерка. Великий Иоганн Гёте, имевший колоссальную коллекцию автографов, также, кстати, не сомневался в том, что характер и вообще духовный строй человека выражаются в письме, по которому можно определить характер индивидуальности писавшего. Мне трудно судить, насколько точно отражаются в почерке те или иные склонности характера, но я абсолютно убежден, что ни прошлого, ни будущего по почерку узнать нельзя.

Шиллер-Школьник брался предсказывать и номера лотерейных билетов, на которые должны выпасть выигрыши в ближайшем розыгрыше. Когда мне об этом рассказывали, я задавал только один вопрос: почему эти номера не купит сам графолог, хотя бы для того, чтобы иметь возможность бросить свою сомнительную и рискованную профессию? Ответа на этот вопрос обычно не поступало.

Помню я и таинственное общество метаспсихиков – общество спиритов и мистиков. Это было в тридцатые годы, когда в Польше особенным интересом в определенных кругах пользовался спиритизм. Членами общества было множество "медиумов". Как известно, спиритизм – убежденность, что души умерших могут при известных условиях вступать в контакт с живущими на земле людьми. Главное условие этого контакта – присутствие медиума. Обычно спириты этого общества собирались вместе с медиумом в одном помещении. Неверящие в эти опыты сюда не допускались, ибо скептик может якобы помешать сеансу: он испускает отрицательные флюиды, мешающие душе умершего человека вступить в связь с живыми. Содержание эпизодов варьировалось в зависимости от того, какой медиум находился в помещении. Были медиумы – специалисты по стуку, по столочерчению, по игре на гитаре, по писанию грифелем на доске, даже по материализации духов. В простейшем случае, когда присутствовал медиум – специалист по стуку, беседа с духом велась с помощью алфавита. Медиум впадал в транс, в состояние, подобное гипнотическому. Через некоторое время раздавался стук в стену: дух сообщал, что он явился. Ему вслух начинали задавать вопросы. И шла длинная серия стуков. Их считали. Каждая серия означала номер буквы в алфавите. Из букв составлялись слова.

У других медиумов духи играли на гитаре, положенной где-либо в труднодоступном месте, у третьих – передвигали мебель, у четвертых писали свои ответы мелом на черной школьной доске.

Самым "сильным" медиумом считался некий Ян Гузин. Он вызывал духов Наполеона, Александра Македонского, Адама Мицкевича... Надо ли говорить, что этот человек просто обладал умением вызывать массовый гипноз и пользовался этим умением.

Надо ли добавлять, что весь спиритизм, по моему глубочайшему убеждению, основан на обмане и шарлатанстве. Фридрих Энгельс в статье "Естествознание в мире духов" охарактеризовал спиритизм как "самое дикое из всех суеверий". Д.И. Менделеев разоблачал самые хитроумные проделки спиритов. Лев Толстой высмеял спиритизм в комедии "Плоды просвещения".

Могу добавить к этому и еще несколько фактов. В Лондоне мне пришлось быть на представлении в цирке, где акробаты-фокусники демонстрировали все спиритические "чудеса", а потом объясняли их нехитрый механизм. А знаменитый в свое время чуть ли не во всем мире медиум Паркер, нажив состояние, потом сам смеялся над спиритизмом, называя его "вековой глупостью"...

* * *

Нет, не только сегодня, в этой книге, высказываю я свое отрицательное мнение по всем видам так называемых "окультиных наук", основывающихся на вмешательстве иных, потусторонних, сверхъестественных сил. Это я делал всегда. Позволю себе процитировать интервью, которое я дал много десятков лет назад еще в Польше и которое чудом удалось мне недавно найти. Я прошу извинения у читателей за рекламный характер этого интервью, написанного провинциальным журналистом. Но сущность моих ответов воспроизведена в нем достаточно точно.

"ТАИНСТВЕННАЯ НАУКА – В ОСВЕЩЕНИИ ИЗВЕСТНОГО ТЕЛЕПАТА"

(Беседа с проф. Мессингом)

Будучи сильно заинтересованными личностью известного телепата, который стал широко знаком нашей публике своими замечательными и достойными удивления выступлениями, мы решили посетить профессора и поделиться с читателями своими впечатлениями.

Профессор Мессинг принял нас в элегантной комнате отеля "Варшавский" и, посмотрев своими глубоко проникающими,

умными глазами, сразу же догадался о цели нашего посещения.

Ввиду недостатка времени профессор согласился только дать ответы на поставленные нами вопросы.

– Не можете ли вы подробно объяснить, что такое телепатия?

– "Телепатия" – слово греческое: "теле" – далеко, "патос" – чувство, т. е. чувство далекого, ясновидение. Телепатия – для нас еще тайна. К телепатии относится также способность видеть события, места и людей, находящихся далеко от нас и недоступных нашему глазу.

– Что вы можете сказать о гипнотизме?

– Гипнотизм – это сонное состояние. Такое название принято также для обозначения магнетических явлений у животных. Успех экспериментов, показанных Гайденгейном, Гаркотом и другими, зависит от определенного состояния нервной системы.

– У каждого ли можно вызвать состояние гипноза?

– Нет. Легче всего это удается у людей с восприимчивой нервной системой, еще легче – у истериков. Такое же сонное состояние и теми же средствами можно вызвать у животных.

– А каковы средства усыпления?

– Это – однообразные впечатления, как, например, пристальное всматривание в блестящий предмет. Движения руки гипнотизера вызывают сонное состояние в определенной части центральных нервных органов. Затем следует частичная потеря способности владеть собой, и часто в состоянии сна наступают изменения в сфере движения, чувств и интеллекта. Первые приходят в состояние каталепсии, вторые – в состояние повышенной чувствительности (гиперестезии), которое объясняет нам такие явления, как улавливание стука часов на расстоянии, ощущение тепла, исходящего от руки гипнотизера на расстоянии полуметра. С научной точки зрения гипнотизм может быть полезен при изучении нервного механизма.

– Вреден ли гипнотизм?

– Вообще говоря, нет. Однако при таких экспериментах следует принимать известные меры предосторожности.

– Вы говорили, что телепат в состоянии каталепсии может предвидеть будущее. Так ли это?

– Я это знаю по собственному опыту. Выступая в Лодзи, я в таком состоянии предсказал за полгода до выборов, что профессор Мосцицкий будет во второй раз избран президентом.

– Можно ли по манере письма определить характер и способности человека?

– В какой-то степени это возможно. Вы, наверное, удивляетесь, почему я обычно требую написания имени объекта. Это очень важно, так как свое имя человек пишет часто, не думая, бессознательно. А вот это самопроизвольное движение пером и дает представление о характере человека. Так же часто человек

пишет свою фамилию. Но я не требую этого, так как не желаю быть заподозренным в каких бы то ни было махинациях...

— Скажите, можете ли вы указать счастливый номер лотерейного билета?

— Видите ли, само слово "лотерея" означает случайность... Скажу вам убежденно, что с помощью телепатии таких случайностей предсказать нельзя. Наоборот, укажите вы мне такого телепата, который выиграл бы в лотерею по выбранному им билету. Если бы я обладал этой сверхчеловеческой способностью, я давно уже был бы миллионером.

Профессор поднялся с места, очевидно, устав за день. Принимая это во внимание, мы задаем последний вопрос:

— Многие ли обладают способностью к телепатии?

— Должен сказать, что да! — уверенно отвечает профессор. Так же как многие обладают другими способностями, о которых они не знают и которые обнаруживаются случайно. Эти способности надо развивать, кристаллизировать. Так же как человек, обладающий хорошим голосом, должен окончить консерваторию, чтобы стать профессиональным певцом, точно так же человек, одаренный ясновидением, должен окончить психологический институт.

Заканчиваем беседу и благодарим профессора Мессинга за его интересные разъяснения.

Шимон Л.

* * *

Я столь долго останавливаюсь на всех этих "окультистах" именно потому, что видел их близко, видел и за кулисами, трогал тайные механизмы устройств, с помощью которых они дурачили легковверных зрителей. Я не люблю обмана. И мне гораздо симпатичней честный факир Бен Алли, в свое время выступавший в Варшавском цирке. Один из его номеров состоял в том, что в него стреляли из пистолета, а он ловил руками пули. Он не скрывал, что это ловкий фокус, не ссылаясь на потусторонние помогающие ему силы. И когда один офицер предложил ему выстрелить в него из своего пистолета, он серьезно ответил:

— Пан! Неужели вы бы согласились, будучи на моем месте, за какие-то пять злотых в день оказаться убитым?!

И несмотря на то что он показывал фокусы, фокусами их называл, он был одним из самых больших любимцев публики.

И второе. Я рассказываю это так подробно для того, чтобы отделить мистику и шарлатанство от телепатии, не имеющей с ними ничего общего. Телепатия вполне материалистична. К сожалению, это явление очень плохо изучено. Во-первых, его скомпрометировали шарлатаны, которых всегда было несравненно больше, чем истинных телепатов. Конечно, были ученые, которые пытались понять сущность телепатии, изучить это явление. Но, столкнувшись и раз, и другой с шарлатанами, они

приходили к выводу, что и вся телепатия сплошное шарлатанство. Есть и вторая причина, в которой повинны сами телепаты. Одни старались раздуть слухи о своих возможностях, чтобы использовать их с нечестными целями, другие, наоборот, их скрывали, третьи даже не догадывались о наличии у них этих свойств.

Видимо, значительными телепатическими способностями обладал знаменитый международный авантюрист граф Александр Калиостро. Его настоящее имя Джузеппе Бальзамо. Он родился на острове Сицилия в 1743 году, умер в 1795 году в форте Сан-Лионе близ Урбино, куда был заключен по приказанию папы Пия VI. Он разыгрывал роль врача, способного исцелять все болезни, естествоиспытателя, алхимика, владеющего секретом философского камня, ясновидца, которому открыто будущее... Он уверял всех, что бессмертен, что ему уже несколько тысяч лет. К сожалению, он не оставил ни дневников, ни записок: приписываемые ему мемуары подложные. Его загадочный образ привлекал к себе внимание многих писателей – от Александра Дюма до Алексея Толстого. Но они рисовали фигуру этого человека, главным образом базируясь на легендах и преданиях... В свое время я заинтересовался личностью Калиостро и проанализировал некоторые записи и свидетельства современников. Да, это был очень ловкий жулик, но, несомненно, в арсенале его средств, которыми он стремился добиться успеха, были и очень сильные способности телепата.

Калиостро, безусловно, принадлежал к первой группе телепатов – к тем, кто неистово преувеличивал свои возможности. В этом родствен ему был и уже упоминавшийся неоднократно Ганнусен-Лаутензак, утверждавший, например, что его устами могут говорить души умерших. Для этого он учился изменять голос, пытался освоить чрево вещание... И тот и другой – и Калиостро и Ганнусен – относятся к первой выделенной нами группе телепатов, стремящихся использовать свои способности для личных корыстных и нечестных целей. Конечно же стремление ученого, который бы захотел объективно установить уровень способностей этих людей, натолкнулось бы на их энергичное сопротивление. А можно ли провести изучение возможностей телепата, если он не захочет всеми силами помочь в проведении этих исследований?

Конечно же нет!

К счастью, не все телепаты поступают так, как Калиостро и Ганнусен. Есть телепаты с совершенно иной психологией. Недавно мне рассказывали об очень интересной встрече, на которой присутствовало человек 30–35, молодого телепата-любителя Карла Николаева и известного противника телепатии, отрицающего самую возможность непосредственной передачи образа из мозга в мозг, профессора Александра Китайгородского. Уважаемый, скептически настроенный профессор выступил со статьей в "Литературной газете". Основной тезис этой статьи

заключается в том, что поскольку нельзя объяснить эту прямую передачу образов, ощущений, мыслей прямо из мозга в мозг участием какого-либо вида электромагнитных волн, то и телепатии быть принципиально не может. И тогда человек, знающий у себя некоторые телепатические способности, пришел в редакцию журнала "Знание – сила" и сказал:

– Согласен встретиться с Китайгородским только для того, чтобы он провел со мной абсолютно беспристрастные опыты и установил истину. Профессор просто никогда не видел телепатов. Нехорошо, что он судит о вещах, которых не изучил сам. Я постараюсь переубедить ученого, послужить для него подопытным кроликом...

Вот это – совершенно новый подход к вопросу и со стороны телепатов!

Несколько слов о доводах профессора Китайгородского против телепатии, о том, что нет поля, которое могло бы здесь участвовать. Это – очень старое и очень наивное возражение. Во-первых, давным-давно известно, что мыслительная деятельность человека сопровождается возникновением в мозгу биотоков. Их великолепно умеют снимать и записывать в виде зубчатых кривых на широких листах бумаги. Причем чем энергичнее, чем напряженнее думает человек, тем резче и больше эти кривые линии. Значит, при рождении мысли рождаются и биотоки, и сопровождающее их электромагнитное поле. Почему бы не считать его той материальной субстанцией, которая участвует в транспортировке мысли? На это обычно возражают: но токи эти слишком малы и рождаемое ими электромагнитное поле соответственно слишком мало. Его напряжение так ничтожно, что уже на небольшом расстоянии замерить его невозможно. Но это тоже несерьезное возражение. На этой же встрече с телепатом Китайгородский привел несколько примеров поразительной тонкости человеческих чувств. Он напомнил об опытах академика Сергея Вавилова, доказавшего, что человеческий глаз способен улавливать, ощущать даже отдельные кванты света... Сообщил об удивительной уловке американских коммерсантов, вставляющих в ленту художественного кинофильма всего один кадр рекламы. При демонстрации кинофильма зритель не замечает этого кадра, мелькающего за $\frac{1}{25}$ секунды, и совсем в другое время встает вдруг в его мозгу эта реклама... Поведал о новых работах по определению взаимного положения двух точек, сближенных так, что глаз уже не различает, какая из них где находится, но подсознательные чувства подсказывают это человеку... Так почему бы уважаемому ученому не попробовать – пусть в виде гипотезы – принять предположение, что и чувствительность человеческого мозга к биотокам, рожденным в другом мозге, значительно выше, чем у наших приборов? Почему не предположить, что всего один или несколько квантов электромагнитного поля, попавшие в этот воспринимающий механизм, могут

вызвать резонанс, своеобразный лавинный процесс, значительно усилиться и вызвать ощущения, аналогичные тем, что господствовали в излучающем мозгу?

Второе возражение против электромагнитного поля биотоков как переносчика информации состоит в том, что его считают явлением не главным в процессе мышления, а чем-то сугубо побочным, вроде дыма из заводских труб. Я охотно соглашаюсь с этим, но хочу напомнить, что и по дыму из заводских труб можно многое сказать о производстве. Дым мартиновских печей скажет специалисту о рождающейся стали. Дым цементных печей отличен от этого дыма. Дым из труб завода, в печах которого идет обжиг руды, ртути, нельзя спутать с дымом из котельной ТЭЦ. И опять, споря методами аналогий (ибо какие же еще методы могу применить я в этом споре со скептиками-учеными?), могу сказать: почему бы не предположить, что у некоторых людей есть тонкие анализаторы, не только точно фиксирующие состав этих "дымов", но и четко определяющие, в результате чего эти "дымы" получились, и способные ответить, какую "продукцию" выпускает "завод"...

Кстати, гипотезу об электромагнитной природе телепатических явлений подробно разработал инженер-электрик, кандидат физико-математических наук Бернард Кажинский. Мне много в последние годы рассказывали об этом интереснейшем человеке, и я сожалею, что не удалось познакомиться с ним, а теперь это невозможно – он умер в 1962 году. Это был человек изумительной эрудиции, принимавший участие в опытах известного дрессировщика животных В. Л. Дурова, друживший с К. Э. Циолковским, В. М. Бехтеревым, П. П. Лазаревым. Некоторые считают, что и он сам обладал незаурядными телепатическими способностями. Кажинский явился прототипом одного из героев известного научно-фантастического романа А.Р. Беляева "Властелин мира" – инженера Качинского. Как известно, инженер Качинский в романе Беляева также занимается разработкой проблемы непосредственной передачи мыслей.

Роман "Властелин мира" написан в 1928 году. Но еще в 1923 году вышла в свет книга самого Б.Б. Кажинского "Передача мыслей (факторы, создающие возможность возникновения в нервной системе электромагнитных колебаний, излучающихся наружу)". А в 1962 году издал он свою последнюю в жизни книгу – "Биологическая радиосвязь". Все это время, почти сорок лет, разделяющие две книги, ученый следил за достижениями целого ряда наук – от психиатрии до радиоэлектроники, находя все новые и новые доказательства своей гипотезе. Да и сам он провел сотни и тысячи разнообразнейших опытов, стремясь окончательно доказать ее.

Нашел ли он их? Кажинский считал, что нашел. В частности, вместе с Дуровым он проводил опыты внушения животным из металлической заземленной камеры, не пропускавшей радио-

волн. При открытой двери камеры внушение достигало цели, животное выполняло мысленный приказ, при закрытой — опыты оказывались безрезультатными. Но мне не кажется окончательно убедительной эта серия опытов, хотя бы потому, что аналогичные опыты ленинградского ученого Л. Л. Васильева дали противоположный результат: изолирующая от радиоволн камера ни в малой степени не мешала у него передаче мысленного внушения. И поэтому вопрос о гипотезе электромагнитной, или, точнее, радиоволновой, природе передачи мыслей все еще остается предположением. Надо четко и бесповоротно установить, участвует ли в передаче мыслей электромагнитное поле. Со своей стороны могу сказать: для меня почти безразлично, есть ли у меня личный контакт с моим индуктором или нет, т. е. держу я его за руку или нет. Большинству же телепатов легче проникнуть в мысли человека, если они держат его за руку. Может быть, этот факт поможет в поисках истины?

Ну а если окажется, что электромагнитное поле здесь ни при чем, как быть? Что же, тогда надо будет найти еще не известное нам поле, которое ответственно за телепатические явления. Найти и изучить его. Овладение им может открыть новые, совершенно удивительные возможности, не меньшие, чем открыло овладение электромагнитным полем. Вспомните: Генрих Герц открыл радиоволны в 1886 году. И меньше чем за сто лет стало возможно радио, телевидение, радиолокация, закалка токами высокой частоты и т. д. и т. п. Почему же не ожидать, что новое, не открытое еще сегодня поле не одарит нас еще большими чудесами!?

Что это за поле? Я, конечно, не могу ответить на этот вопрос. Известный советский ученый Козырев высказал предположение, что это могут быть волны гравитационного поля... Такое мнение разделяют и некоторые другие ученые. Они мотивируют свое предположение тождеством свойств гравитационных волн, для которых нет преград, нет непрозрачных экранов и так сказать "телепатических волн", которые также, по некоторым опытным данным, обладают почти абсолютной способностью пронизывать любые препятствия.

Другой советский ученый, кандидат медицинских наук В. А. Козак, пишет по этому вопросу так: "Сейчас, когда почти каждый день приносит нам новые поразительные открытия, когда физикам известно огромное количество новых элементарных частиц с невыясненной еще функцией, вполне законно предположить, что к числу неизвестных функций, выполняемых этими частицами, относится и функция передачи мысленной информации..."

А может быть, мы и вообще ничего не знаем об этом новом поле, или о частицах, или о еще более своеобразном механизме телепатии, как всего восемьдесят лет назад ничего не знали о радиоволнах — гигантском участке спектра электромагнитного поля.

Приношу читателю извинения за столь пространное отступление от основной линии повествования. Пусть простят они это мне, не профессионалу-писателю, а человеку, стремящемуся лишь достаточно подробно, точно и откровенно ответить на задаваемые ему вопросы и не дерзающему блеснуть формой изложения...

Итак, мы говорили, что есть телепаты трех, так сказать, видов, и на примере первой категории попытались объяснить, почему, на наш взгляд, телепаты сами мешают исследовательским работам в их вотчинной области. Теперь коснемся другой группы телепатов, скрывающих свои возможности.

История знает немало очень проницательных дипломатов. С ними трудно было вести переговоры: они как-то угадывали самые тайные мысли своих противников, самые их хитроумные планы. Предположим – в порядке рабочей гипотезы, – что некоторые из них пользовались не только донесениями своих явных и тайных агентов, не только обладали удивительными способностями анализа и сопоставления, но и умением читать мысли противника. Как вы думаете, стали бы они афишировать это свое умение? И таких случаев, если прикинуть, очень много. Да, это свойство – умение читать чужие мысли – было бы полезно во многих делах, но только тогда, когда об этом никто не знает, когда эта способность остается тайной. И я убежден: огромному большинству телепатов на Западе из-за опасения конкуренции невыгодно открывать даже самым близким людям свои тайные способности.

Конечно, и это не способствовало изучению этой сложной области психической деятельности человека.

И наконец, последняя, третья группа телепатов – тех, кто вообще не сознает наличия у себя этих редких свойств.

Мне вспоминается сейчас рассказ об одном старшине сверхсрочной службы, работавшем на пограничной заставе. Требовательный командир и добрый товарищ, он был неотвратимой грозой контрабандистов. Куда бы ни запрятали преступники документы, золото, валюту, наркотики, он находил их с первого взгляда.

Подойдет к человеку, подозреваемому в контрабанде, посмотрит в глаза:

– Смотрите левый сапог. Отвинтите каблук...

Или:

– Двойное дно у чемоданчика; наружу или внутрь открывается? Ах, наружу... Отлично! Дайте мне отвертку...

Когда у этого старшины спрашивали, как это он догадывается о самых хитроумных тайниках контрабандистов, он отвечал:

– Сам не знаю. Но с первого взгляда чувствую, когда дело нечисто, и сразу догадываюсь, где контрабанда спрятана.

Офицеры ценили проницательного пограничника. Призывали молодое пополнение учиться у него великолепному умению. Любили говорить:

– Вот что значит опытность! Девять лет на границе...

А я убежденно могу сказать: опытность здесь ни при чем. Если и не сразу, то очень скоро стал этот старшина таким всевидящим стооком Аргусом. И девяносто восемь глаз из этих ста дала ему телепатия.

Да, он читал мысли этих контрабандистов, и ему сразу становилось ясно, где у них скрыта контрабанда. Стоя перед пограничником, человек не может думать только о голубизне неба или глазах своей возлюбленной. Он неизбежно думает о запрятанных в тайные места контрабандных предметах. И чем больше он о них думает, тем откровеннее себя выдает.

Поиски запрятанных предметов – одна из самых обычных моих демонстраций. Они обязательно входят в состав программы "Психологические опыты". С демонстрации таких поисков я, по существу, и начинал свою карьеру еще в детстве, в берлинском цирке.

Этот старшина, безусловно, телепат. Но вполне возможно, он и не подозревает об этом. И, попав на сеанс моих "психологических опытов", честно и искренне аплодировал бы мне и удивлялся вместе с другими, не подозревая, что и сам обладает подобными способностями. Жаль, я не сохранил газетной заметки, рассказывающей о нем, и не запомнил его имени...

Конечно, и такой телепат тоже не помог бы ученым разобраться в этом интересном явлении.

А разобраться обязательно надо!

* * *

Передо мной – толстая пачка газетных вырезок. Их очень много скопилось за годы моей жизни в Советской стране. Все это – статьи о моих выступлениях. Я просматриваю их одну за другой, чтобы решить, какие выбрать для цитирования здесь. Трудная задача! Они так похожи одна на другую. Особенно их центральная часть. Почти ни одна не обходится без упоминания имени И.М. Сеченова и И.П. Павлова. Почти ни одна не обходится без пересказа того вступительного слова, которое уже известно моим читателям и моим зрителям. Вот только начинаются они все по-разному. Здесь авторы позволяют себе дать волю собственным впечатлениям, говорят собственными словами. Я позволю себе просто для полноты моего повествования привести одну такую рецензию. Не буду указывать ни газеты, ни автора ее, чтобы не поставить кого бы то ни было в неудобное положение.

"В МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ"

"Психологические опыты" Вольфа Мессинга

Человек с завязанными глазами, склонившись над шахматной доской, сосредоточенно думает. Затем он уверенно берет и переставляет одну, другую фигуру и наконец ставит мат мнимому противнику. Следует к тому же добавить, что "победитель" до этого в шахматы никогда не играл.

Не торопись, дорогой читатель, делать опрометчивые выводы. Во всем этом ты можешь легко убедиться, познакомившись с "психологическими опытами" Вольфа Мессинга, человека, обладающего высокой и натренированной чувствительностью, человека-анализатора. Правда, один, без посторонней помощи Вольф Мессинг мат мнимому противнику не поставил бы. Ему нужен индуктор, то есть человек, дающий мысленные приказания, с которым он находится в непосредственном контакте (индуктор прочно держит рукою кисть руки Мессинга).

Каким же образом Вольф Мессинг "угадывает" мысли индуктора, находящегося с ним в непосредственном контакте? И.М. Сеченов, а затем И.П. Павлов установили, что в основе деятельности мозга лежат рефлексy. Благодаря условным рефлексам мозг устанавливает гибкие взаимоотношения с постоянно меняющейся внешней средой. Работа мозга, естественно, не оторвана от деятельности всего организма. Наоборот, мозг, управляющий через различные нервы всеми органами нашего тела, связан с ними. Вы, к примеру, думаете о предстоящем через минуту беге, а ваше сердце уже бьется чаще, обильнее снабжая мышцы ног кровью. Вы только подумали в гневе о вашем противнике, а ваши руки уже напряжены, кулаки сжаты. Вы переходите по узкой перекладине с мыслью, как бы здесь не оступиться, и сейчас же произойдет слабое непроизвольное движение, которое может привести к несчастью. Эти едва заметные движения (моторика) различных мышц сопутствуют мыслям (идеям), и отсюда это явление названо идеомоторикой. Вот эти едва заметные движения организма, продиктованные мыслью индуктора, и являются источником угадывания его заданий. Некоторые зрители склонны считать, что Мессинг на самом деле получает мысленные приказания индуктора на расстоянии. Подобное мнение глубоко ошибочно, поскольку он находит спрятанный предмет с помощью остро развитых у него обоняния, осязания, слуха и других органов. Если Мессинг и угадывает на расстоянии мысли индуктора, то только потому, что мысль индуктора влияет на состояние органов движения и всего тела, а Мессинг обладает способностью непосредственно ощущать эти состояния.

Если бы люди в течение многих лет специально тренировали свои чувства в этом направлении, они достигли бы определенных успехов. Так у слепых крайне обостряется обоняние, слух и некоторые другие чувства. Для определения мыслей,

проявляющихся в едва заметных движениях, необходимо натренировать до виртуозности осязательное и мышечное чувство.

Таким натренированным и, безусловно, одаренным человеком является Вольф Мессинг. Сеансы Мессинга требуют от него огромного нервного напряжения. Отсюда нередко вырывающееся наружу волнение психолога, особенно когда индуктор путается в своих мыслях, пытается их диктовать вслух. В большинстве же случаев опыты проходят успешно, вызывая всеобщее восхищение и удивление присутствующих в зале. Например, Мессинг совершенно свободно выполнил задачу одного из зрителей, заключающуюся в том, чтобы пройти в зал, вывести на сцену одного из товарищей, вынуть у него из кармана носовой платок, достать оттуда дюжину пронумерованных бумажек, выбрать из них четыре, и только те, из которых можно будет сложить цифру 1917, то есть год свершения Октябрьской революции. Однако на практике Вольфу Мессингу случалось решать куда более сложные задачи. Мало того, во всей сложности и многообразии ощущений ему всегда приходится отвлекаться от посторонних раздражителей, отбирать и выполнять только те сигналы индуктора, которые указывают правильный путь.

Опыты Мессинга не являются чем-то сверхъестественным и таинственным, наоборот, они убедительно опровергают религиозную мистику и суеверие в области психической деятельности человека. Психологические опыты Мессинга наглядно демонстрируют, что нет такого явления, которое не находило бы объяснения с позиций материалистического естествознания".

* * *

А сейчас я позволю себе более обширное цитирование. Я приведу здесь без всяких сокращений статью, опубликованную в № 3 журнала "Здоровье" за 1963 год. Эта статья так и называется "Об опытах Мессинга", написал ее профессор Г. И. Косицкий. Вот она:

"Много лет назад я побывал на одном из выступлений Вольфа Мессинга. Ведущий объявил, что Мессинг будет выполнять любые задания, которые надо изложить в письменном виде и передать жюри, избранному из публики. Жюри будет проверять правильность выполнения, самому же Мессингу записи не нужны: он воспримет содержание задачи путем "передачи мысли".

В аудитории наступила тишина. Неужели действительно мысль может непосредственно передаваться от человека к человеку? Неужели существуют для этого особые электромагнитные волны или лучи?

Мне захотелось убедиться во всем самому, и я послал записку. Задание было сложным.

Приставной стул из 13-го ряда принести на сцену. Извлечь из кармана девушки, сидящей на 10-м месте в 16-м ряду, два

удостоверения и сложить сумму цифр номера первого из них и число, по которое действительно второе. Достать из другого кармана деньги в количестве, равном указанной сумме, и положить их под левую переднюю ножку принесенного стула.

Меня вызвали на сцену. Мессинг попросил взять его за руку и сосредоточиться на задаче. Яркий свет прожекторов слепил глаза. Я держал руку Мессинга, а он стоял рядом. Вдруг он ринулся со сцены в зал, увлекая меня за собой, схватил при- ставной стул в 13-м ряду и вынес его на сцену.

Освоившись с необычной обстановкой, я решил начать свой эксперимент. Я понял, что моя рука, сжимавшая запястье Мессинга, оставалась все это время бесконтрольной. Расслабив мышцы, я сосредоточился на задании, которое старался передать ему мысленно.

Со стороны все это выглядело, по-видимому, довольно странно. Один человек с застывшим взглядом замер на месте, а другой суетился и метался вокруг. Мессинг производил десятки мелких, почти неуловимых движений в разных направлениях, замирал на мгновение, вглядывался в меня и начинал все сначала. Рука моя оставалась безжизненной.

— Не думайте о себе! Не думайте о себе! — тихо приносил он, не в состоянии сделать ни шага. Он был не прав: я не думал о себе, а сосредоточился на задании настолько, что перестал замечать все вокруг.

В этот момент стало понятно, что мысль моя непосредственно передаваться ему не может, что он улавливает ее только по реакции моей руки. Производя десятки случайных движений в разных направлениях, он мгновенно оценивает мою реакцию на каждое из них. Понятно, что, если он случайно движется в нужном направлении, я реагирую на это по-другому. Он продолжает нужное движение и снова следит за мной. Это "не передача", а угадывание мысли.

Я понял, что Мессинг воспринимает движение моей руки. Так ли это? Я очень легко стал сжимать ему руку каждый раз, когда направление его движения оказывалось правильным. Мессинг ожил. Каждый раз он чувствовал едва уловимое пожатие моей руки, когда начинал двигаться в нужном направлении.

Он нашел девушку в 16-м ряду, вывел ее на сцену (хотя в задании и не было этого) и вновь начал делать десятки мелких движений. Когда его руки оказались около карманов, я вновь слегка сжал руку, а он в то же мгновение извлек из карманов все, что там было, и положил на стол. В одно мгновение он успел прикоснуться по очереди к каждому предмету, и вновь моя рука слегка сжалась в тот момент, когда он дотронулся до удостоверений.

Мгновение — и удостоверения отложены в сторону. Он открыл их и начал легко водить карандашом по строчкам. Как только карандаш оказался около нужной цифры, я вновь сжал руку. Так повторилось и с другим удостоверением. Затем я таким же

образом привлек его внимание к деньгам и помог ему угадать, куда их нужно положить. Он выполнил всю задачу, но о том, что я над ним экспериментировал, он так и не догадался.

С той поры прошло много времени, и я, наверное, не вспомнил бы этого случая, если бы не предложение редакции ответить на письма читателей журнала. Некоторые из них ставят тот же вопрос: может ли мысль передаваться от человека к человеку непосредственно? Ссылаются на телепатию. Приводят в качестве примеров опыты Мессинга и других.

Я не видел опытов телепатов и не берусь о них судить. Что же касается Мессинга, то нужно со всей решительностью подчеркнуть, что ничего таинственного в его опытах нет. К телепатии они не имеют никакого отношения.

Наша мысль – продукт мозга и не может существовать в отрыве от него или от материи вообще. Только идеалисты думают, что мысль может существовать в чистом виде, то есть вне связи с материей. Когда человек передает свою мысль другому, он передает материальные, весомые, зримые, слышимые носители мысли: стол, текст, знаки и т. д.

Наука физиология неопровержимо доказала, что мысль – это результат тонкой и весьма сложной нервной деятельности организма человека. Эта деятельность может проявиться в виде движения, жеста, слова, письма.

Но мысль может и не проявиться. Есть немало внутренних скрытых мыслей, переживаний, чувств, которые мы не высказываем. В этом случае нет внешнего, видимого, проявления мысли, но нервная деятельность существует, ее можно уловить, исследуя с помощью специальных приборов работу головного мозга. Правда, сегодня мы еще не в состоянии узнать содержание самой мысли. Однако, как показывают исследования, такая скрытая, невысказанная мысль имеет некоторые внешние проявления, но настолько слабые, что обычно мы их не замечаем.

Основоположник русской физиологии И. М. Сеченов еще столетие назад указывал на то, что любая мысль неразрывно связана с мышечным движением. При невысказанной мысли это движение остается скрытым, едва заметным. Регистрируя специальным прибором очень слабые движения руки, Сеченов доказал, что, как только человек мысленно представит себе, что он чертит круг, рука его начинает производить круговые движения. Но и в этих случаях, когда никакого видимого проявления мысли нет, движение, сопровождающее ее, существует.

И. П. Павлов неоднократно подчеркивал значение этих фактов.

«Давно было замечено и научно доказано, – писал он, – что раз вы думаете об определенном движении, вы его невольно этого не замечая, производите. Те же – в известном фокусе – человеком, решающим не известную ему задачу: куда-нибудь пойти, что-нибудь сделать при помощи другого человека, который знает задачу, но не думает и не желает ему помогать.

Однако для действительной помощи достаточно первому держать в своей руке руку второго. В таком случае второй невольно, не замечая этого, подталкивает первого в направлении к цели и удерживает от противоположного направления”.

Такие движения получили в науке название ”идеомоторных актов” (от греческого слова ”идея” – мысль и латинского – ”мотор” – приводящий в движение). Мышцы совершают движение вследствие нервных импульсов, приходящих к ним из мозга по двигательным нервам. Передача этих импульсов всегда сопровождается возникновением биоэлектрических потенциалов.

С помощью электронных приборов эти потенциалы могут быть легко выявлены. Так, ученые зарегистрировали потенциалы в речевых мышцах человека, когда тот начинал решать задачи в уме, в мышце руки при воображаемых движениях и мышцы губ и правой руки при мысленном написании слов и т. д.

Все это свидетельствует о том, что наши мысли вызывают появление реакции мышц даже тогда, когда они остаются скрытыми, невысказанными. Но почему же мы, как правило, не видим таких реакций? В чем необычность опытов Мессинга? Почему эти опыты не может проделать каждый из нас?

Дело в том, что мышечные реакции, сопровождающие мысль, очень слабо выражены. Чтобы улавливать их, необходимы чувствительные приборы или специальная длительная тренировка.

Способность к восприятию очень слабых воздействий может быть врожденной, но у каждого из нас она резко возрастает после специальной тренировки. Дегустаторы отличают десятки тысяч оттенков запахов. Слепые обладают тонко развитым слухом и осязанием. Тренировка может дать поистине феноменальные результаты. Академик-физиолог И. С. Беркетов проделал недавно опыты по исследованию способности слепых ощущать некоторые предметы на расстоянии. В этих опытах установлено, что люди, лишенные органа зрения, могут чувствовать на расстоянии большие и плотные предметы – стены, деревянные щиты и т. д. Тонкую сетку и мягкие предметы они не ощущают и натыкаются на них.

Выяснилось, что слепые чувствуют предметы благодаря звуковому эху, отражаемому предметом. Эхо обычно настолько слабо, что сами люди его не осознают и не могут объяснить причину своих ощущений предметов.

Природа с избытком наградила каждого из нас огромными возможностями и способностями, но многие из них не всегда развиваются и реализуются. Человек, использовавший эти удивительные возможности и выдающиеся способности и развивший их, может делать то, что делает Вольф Мессинг. Благодаря длительным и настойчивым упражнениям он развил свои природные способности, улавливая такие тонкие реакции другого человека, которые для многих остаются незаметными и могут быть выявлены только с помощью специальных чувстви-

тельных приборов. Обладая замечательной памятью, он точно запоминает расположение сцены, зала, лестницы и т. д. и может двигаться с завязанными глазами так же свободно, как это делают слепые в знакомой обстановке.

Таким образом, опыты Мессинга – результат огромного, напряженного труда, отполировавшего до блеска то, что в той или иной степени вкладывает природа в каждого из нас. Нас покоряет тонкая, филигранная его работа, и мы забываем, что удивительная легкость, с которой он выполняет свои опыты, в действительности – результат длительной, упорной тренировки, огромной концентрации внимания и напряжения.

И этот огромный труд Мессинга покоряет. Мы не можем оставаться равнодушными, когда слышим игру Давида Ойстраха или Вана Клиберна. В этот момент мы, конечно, не думаем о колоссальном труде, вложенном в каждое их исполнение. Такова сила подлинного искусства и таланта”.

* * *

Эта статья – квинтэссенция той убежденности, что я не телепат и что все объясняется обостренностью моих чувств. Я готов даже согласиться с этим, если только уважаемый мною профессор скажет, как он мне подал знак сложить цифры номера первого удостоверения и числа, обозначающего срок действия второго удостоверения? К этому могу прибавить, что Г. И. Косицкий, конечно, не первый, ставящий на мне опыты. Их ставили и официально, например в Институте психиатрии Академии медицинских наук СССР. И всегда, во всяком случае всегда в своих отчетах, ученые старались обойти вопросы, которые не укладываются в гипотезу о чисто идеомоторном механизме моей работы.

Смею уверить профессора Косицкого в другом: все попытки не подавать мне никаких сигналов были безрезультатными. Конечно, мне мешало то, что ученый думал не о том, какое задание я должен выполнять, а о том, чтобы не двигать рукой. Эти мысли и воспринимал я от индуктора. И поэтому, стремясь заставить его отвлечься и вернуться к заданию, я и попросил его: “Не думайте о себе”. Пожатий руки последнего я, видимо, вовсе не замечал. Я весь погружен в это время в стремление понять мысли собеседника и мало что замечаю вокруг.

Помешать в работе мне скорее может другое. Дело в том, что я не всех людей одинаково хорошо “слышу” телепатически – пусть простят мне этот глагол “слышать”, абсолютно не передающий сущности явления. Суть в том, что чужое желание я ощущаю как бы собственным желанием. Ощущение появляется во мне ощущением же. Если мой индуктор представит, что он хочет пить, и я стану ощущать жажду. Если он представит себе, что гладит пушистую кошку, и я почувствую у себя в руках нечто теплое и пушистое. Чужая мысль рождается в моей голове, словно собственная, и мне много стоило труда научиться отделять свои

мысли от мыслей индуктора. Вот в чем разница слова "слышать" в обычном понимании и в телепатическом понимании, как я его применяю здесь.

Итак, мысли и чувства не всех людей я одинаково хорошо "слышу". Одни "звучат" в мозгу моем громко, другие – приглушенно, третьи – совсем шепотом, из которого долетают только отдельные слова. Но индукторов во время выступления не выбираешь. И если попадает индуктор с тихим "голосом" (все эти термины в моем телепатическом понимании), а рядом "громко" думает другой человек, это может очень помешать в работе. Видевшие меня во время сеансов люди не раз замечали, что я бросаю реплики таким людям.

Вот что записал научный журналист В. Сафронов (цитирую из его записей, с которыми автор меня любезно познакомил): "Это произошло осенью прошлого года в Москве, в Доме медработников, где Мессинг показывал свои способности собравшимся там врачам... Я оказался в составе жюри, и это позволило мне быть в курсе всех событий, происходивших на сцене и в публике. Предпоследним опытом Мессинга была мысленная диктовка задания без контакта за руку с индуктором. Для большей убедительности Мессинг был удален из зала под эскортом двух членов жюри. Надо было надежно запрятать какой-либо предмет, а Мессинг должен был найти его. После споров и нескольких "перезахоронок" предмет (авторучка) был спрятан на обшивке стенной панели. Вводят Мессинга. В притихшем зале Мессинг быстро находит девушку, спрятавшую авторучку. Выводит ее на сцену, ставит перед собой, пристально смотрит на нее, просит:

– Думайте! Дайте мысленный образ...

А что, если попробовать сбить Мессинга, приходит мне в голову озорная мысль. И тут же начинаю внушать ему следующее: "Не слушайте девушку, ручка не там, где она думает, а на капители колонны, что слева от стены". При этом я только бегло взглянул на профиль Мессинга (расстояние не более трех метров) и снова повторяю внушение: "Ручка на капители колонны"...

Воображение живо рисует толстый слой пыли, на котором лежит черная эбонитовая самописка с золоченым пером. Вдруг происходит то, чего я, откровенно говоря, не ждал. Мессинг посмотрел в мою сторону и с нескрываемым раздражением сказал (цитирую точно, записано сразу же):

– Не надо много приказаний... Туда очень высоко... Нужна большая лестница...

Я, разумеется, смутился и пробормотал что-то вроде извинения. После этого Мессинг забыл о моем присутствии и вновь сосредоточил свое внимание на девушке. Ручка была извлечена оттуда, куда ее поместили по желанию присутствующих..."

Я специально процитировал эти записи для того, чтобы читатель, не бывший на моих сеансах, представил себе, как

иногда отражается подобный разноголосый хор чужих мыслей на моей работе. Право же, это не легче, чем в толпе одновременно говорящих во весь голос людей выделить один голос и слушать только его. А он-то зачастую и бывает особенно "тихим".

* * *

Еще раз: говорить неправду и преувеличивать у меня нет никаких причин. Чтобы "услышать" чужие мысли, мне нужна особая собранность чувств и сил. Но когда я достиг этого состояния, мне уже не представляет труда "слышать", "читать" телепатически мысли любого человека. И практически любые мысли. Контакт за руку с индуктором мне помогает выделить из общего шума чужих мыслей те, что нужны мне. Но я могу обходиться и без этого контакта. Кстати, когда мне завязывают глаза, мне легче работать – я целиком перехожу на зрение индуктора. И легко и свободно двигаюсь я по залу с завязанными глазами не потому, что запомнил расположение ступеней и дверей, а потому, что я "вижу" в это время то, что видит индуктор.

Лучшими индукторами бывают глухонемые. Вероятно, потому, что они очень четко, образно, а не в словах, представляют себе задание, которое я должен выполнить.

При доброжелательном отношении зрителей работаете легко. Так же, наверное, и у виртуоза-пианиста легче летают по клавишам пальцы, когда он чувствует немой восторг зала. И наверное, у него свинцом бы налились руки, если бы он чувствовал враждебное ожидание: вот сейчас собьется... вот сейчас собьется... Но так же как музыкант может собрать силы и не сбиться до конца, так и я могу довести до конца опыт с самым скептическим индуктором.

Самый трудный – первый опыт. Им проверяется уровень душевного настроя, собранности. Им завоевывается сочувственное отношение жюри и публики. Поэтому я начинаю с самого легкого – с почты.

Чем своеобразнее и сложнее задание, тем легче и интереснее его выполнять.

Весь сеанс я должен быть абсолютно уверен в себе. Видимо, это общечеловеческая потребность при всех сложных и рискованных работах. Так и канатоходец ни на мгновение не смеет подумать о том, что он может упасть.

Вот и все, что я могу еще прибавить к ответу на этот вечный вопрос: как я узнаю чужие мысли.

* * *

А теперь приведу несколько примеров заданий, которые я выполнял на сеансах своих "психологических опытов". Они сохранились у меня от разных времен. Я отобрал несколько наиболее характерных.

1. Вынуть из правого бокового кармана моего костюма календарь за 1964 год;

а) открыть месяц – ноябрь;

б) вычеркнуть сегодняшнее число – 19.XI.64 г.

2. Вынуть из левого бокового кармана моего костюма черный пакет с фотографиями;

а) найти среди фотографий снимок юноши с фуражкой и сапожной щеткой в руках и фотоснимок девушки в черном платье;

б) остальные фотографии сложить в пакет, а пакет положить на прежнее место, т. е. в левый боковой карман моего пиджака;

в) по выбранным фотографиям найти юношу с девушкой в зале в пятом ряду и привести их на сцену.

3. Вынуть из левого бокового кармана белый пакет с игральными картами и разложить их следующим образом:

а) всех тузов в одной стопке вниз лицом;

б) в верхний ряд дам: бубновую, даму червей, для пиковой дамы оставить пустое место, затем даму треф;

в) в нижний ряд королей: бубнового, короля червей, для короля пик оставить пустое место, затем короля треф.

4. Взять за руку юношу и выполнить его мысленный приказ-пожелание, заключающееся в следующем:

а) вынуть из правого внутреннего нагрудного кармана моего (т. е. лица, написавшего эту задачу) костюма конверт и передать его членам жюри;

б) попросить членов жюри распечатать конверт и прочитать пункты задачи.

Г.М.С.

г. Иркутск, 19.XI.1964 г.

* * *

...Прошу Мессинга пройти к моей голубятне, взять у меня из правого кармана пиджака ключ от нее, открыть голубятню, взять белого голубя и принести на сцену клуба...

Г. Вилден

г. Ангарск – 21.V.64 г.

* * *

1. Убедительно прошу Вас узнать имя любимой мной девушки!

Узнать имя можно следующим образом:

1. На шестом месте 11-го ряда сидит девушка. Взять у нее сумочку, открыть ее и среди прочих книжек взять географический "Атлас мира".

2. Взять также из сумочки сине-красный карандаш, отточенный с обеих сторон, и именно синим цветом отметить следующие города Советского Союза на страницах 4 и 5 указанного атласа:

- а) Новосибирск,
- б) Иркутск,
- в) Николаев,
- г) Алма-Ата.

Надо прочитать первые буквы этих названий. Они и составят имя девушки.

3. Между последней страницей и обложкой "Атласа мира" находятся поздравительные открытки "С Новым годом!".

4. Среди всех открыток на оборотной стороне именно зеленой открытки написать это имя, составленное из начальных букв найденных городов.

5. Вручить эту открытку девушке и от моего имени поздравить ее с наступающим Новым годом!

Инженер районного энергетического
управления "Целинэнерго"

Марат Уразаков

11 декабря 1963 года

* * *

Товарищ Мессинг, завяжите, пожалуйста, глаза. В пожарном гидранте, слева от сцены, находится солдатская шапка. В ней часы. Возьмите шапку с часами, подойдите к моему другу, стоящему у третьего окна слева, отдайте ему шапку, а часы возьмите и отдайте солдату, сидящему в ряду, номер которого показывает маленькая стрелка, на месте, номер которого указывает большая стрелка.

Возьмите у него ключи в правом кармане гимнастерки и отдайте их девушке, сидящей в жюри около сержанта.

Попросите ее, чтобы она встала.

Рядовой *Васильев Л.В.*

г. Кустанай, 5.XII.1963 г.

* * *

1. Отвести на сцену зрителей: первого из ряда 14, место 16 и второго из ряда 15, место 2.

2. Из правого наружного кармана пиджака одного из них вынуть газеты, а из правого потайного – ножницы;

а) сложенную обычным образом газету разрезать пополам ножницами поперек;

б) взять стул от стола жюри поставить его на край сцены спинкой к зрителям;

в) части газеты повесить на спинку стула.

3. У другого из выведенных зрителей взять из рук сумку и расстегнуть замок-молнию; вынуть из сумки радиоприемник "Спидола" и поставить на стол жюри.

4. Вынуть антенну, а регулятор громкости (ручка слева) установить на максимум; вращая ручку справа, дожидаться появления музыки.

Вальшонок А.М.

г. Ленинград, 18.II.64 г.

1. Отыскать юношу – ряд 2, место 1, взять у него из внутреннего кармана конверт с буквами;

а) из букв сложить предложение: "Если ты потерял веру, ты потерял все";

б) отыскать девушку – ряд 5, место 2, взять у нее журнал. В журнале лежит изображение шахматной доски;

в) у юноши в левом кармане взять красный карандаш и на шахматной доске провести линию так, чтобы она прошла только по белым клеткам, начиналась в верхнем левом углу, а кончалась в правом нижнем, не пропуская ни одной клетки.

Г. Попов

г. Новосибирск, 18.IV.64 г.

* * *

Это не самые сложные и не самые простые из заданий, которые мне давали. Среди десятков и сотен тысяч людей, перебывавших на моих сеансах "Психологических опытов", были, конечно, люди и более остроумные, чем авторы этих заданий, и менее остроумные. Задания редко точно повторяют друг друга, ибо, как сказал поэт Валерий Брюсов: "Что новая душа – то новый мир манит своей неразрешенной тайной..." Привыкнуть к ним нельзя...

Но все задания я всегда выполняю полно и точно.

* * *

Мне не хочется останавливаться на всех тех аргументах, которые приводят беспристрастные исследователи для доказательства существования телепатической связи. Среди них и внезапные предчувствия или даже четкие представления о смерти близких людей, находящихся за тысячи километров, и одновременное возникновение одних и тех же идей у близких людей, и "ощущение взгляда", когда кто-нибудь упорно смотрит вам в спину. Обо всем этом написано немало книг, в которых приведены многочисленные факты.

Мне не хочется здесь повторять содержащийся в этих книгах материал. Но я не могу не остановиться еще на одном вопросе. Я не могу обойти молчанием многочисленные попытки ученых исследовать явление телепатии объективными, чисто научными методами. Почему-то противники телепатии предпочитают забывать об этих абсолютно достоверных опытах или голословно отвергать их достоверность и чистоту. Вот их-то я и хочу напомнить. Для этого мне придется совершить пусть беглое, но довольно продолжительное путешествие длиной в век.

Конечно, телепатические явления наблюдаются человеком столько времени, сколько существует сам человек как мыслящее существо. И естественно, служители всех религий использовали проявления этих явлений как доказательство существования сверхъестественных сил. Но научное, а не религиозно-мисти-

ческое отношение к явлениям телепатии целиком принадлежит последнему столетию, и лишь единичные наблюдения оказываются за его гранью. Поэтому свой экскурс я и ограничил этим временем.

Впервые с явлениями телепатии вплотную столкнулись гипнотизеры. Так, в 1850 году профессор-физиолог англичанин Майо, занимавшийся изучением гипноза, заметил, что "загипнотизированное лицо, утратившее способность собственного осязания, или вкуса, или обоняния, осязает, обоняет и вкушает все то, что воспринимается внешними чувствами гипнотизера". Видимо, в эти же годы или даже в более ранние такие наблюдения были сделаны и другими исследователями гипноза, который, кстати, тогда, после знаменитых опытов Месмера, был в моде и назывался магнетизмом.

В 1882 году в Лондоне было основано "Общество для изучения загадочных явлений психики". Члены этого общества, среди которых были видные ученые, занимались сбором, тщательной проверкой и анализом в том числе и телепатических явлений. Кстати, греческий термин "телепатия" — "чувствование на расстоянии" — впервые начал широко применяться именно в недрах этого общества. Его члены осуществили и первые эксперименты телепатических передач. О размахе и глубине проведенной этим обществом работы свидетельствует объемистая книга Чернея, Майерса и Подмора "Прижизненные призраки и другие телепатические явления", изданная в 1886 году в Англии и переведенная на русский язык в 1893 году. В этой книге приведено около 700 случаев телепатии, подтвержденных документально.

Собранием, систематизацией и анализом телепатических явлений занимались многие ученые. Так, известный французский астроном и писатель-популяризатор Камиль Фламмарион еще в прошлом веке собрал более 1000 случаев телепатических явлений. В СССР большая картотека имеется у ленинградского профессора, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Л. Л. Васильева. Если бы требовалось убедиться в существовании телепатических явлений, было бы достаточно проанализировать научными методами только эти зафиксированные и проверенные случаи. Но противники телепатии предпочитают игнорировать их.

Ученые, противники телепатии, не утруждая себя изучением этих фактов, требуют обязательно опытов, причем таких, какие могли бы быть воспроизведены в любой лаборатории и в любое время. Но ведь в лаборатории могут быть воспроизведены только те явления, которые изучены настолько, что известны все условия, при которых они возникают. К сожалению, такой изученности телепатии еще нет. Но такой изученности нет и в других сферах научных наблюдений, к примеру при исследовании шаровой молнии. Ее тоже ученые еще не могут воспроизвести в лаборатории. В существовании этого явления приро-

ды убеждает научный анализ свидетельств очевидцев, наблюдавших его. Вот точно такой же анализ многочисленных показаний полностью убеждает и в существовании телепатии.

Но в багаже телепатии есть не только бесчисленные научно-достоверные факты наблюдений телепатических явлений, так сказать, "в природе". Есть там и не менее научно-достоверные опыты, поставленные учеными, которых нет оснований считать мистификаторами.

Еще в 1902 году приват-доцент Я. Н. Жук в Киеве ставил опыты передач зрительных ощущений. Индуктором в этих опытах был он сам. Он брал заранее подготовленный сравнительно простой рисунок – лодку, бутылку, корзину, лестницу и т. д. – и внимательно всматривался в него. Отгадчик, не видящий этого рисунка, стремился воспроизвести то изображение, которое приходило индуктору на ум. В ряде случаев совпадение оказывалось поразительным.

Жук не ограничился констатацией явления. Он начал изучать ошибки и искажения, происходящие при телепатической передаче изображений, стремился установить их причины. Это был уже строго научный подход к проблеме.

Передачу изображения телепатическим способом изучали и многие другие ученые. Наиболее интересные опыты были проведены в 1928 году Афинским обществом психических исследований. Передача изображений – геометрических фигур, букв, рисунков – осуществлялась на большие расстояния: Афины – Париж (1201 км), Варшава – Афины (1597 км), Вена – Афины (1284 км). Опыты эти также, с моей точки зрения, были чрезвычайно удачными. О результатах их было доложено доктором Константинадасом на четвертом Международном конгрессе психических исследований в Афинах.

Передача образов, изображений – наиболее легкая для телепата задача. И я легче всего воспринимаю образ, рисунок, чем, например, слово, мысль.

Не могу не обратить внимание читателя на ряд чрезвычайно интересных опытов телепатического внушения животным, проведенных в зоопсихологической лаборатории знаменитого дрессировщика В. Л. Дурова, осуществлявшихся с середины 1920 года и до смерти Владимира Леонидовича. Количество проведенных им опытов превысило 10 000. В этих опытах принимали участие профессора Г. А. Кожевников, Б. Б. Кажинский, А. В. Леонтович, А. Л. Чижевский, академик В. М. Бехтерев. С моей точки зрения, эта серия опытов является неоспоримым свидетельством существования телепатии. Я расскажу только об одном из проведенных учеными опытов.

В. Л. Дуров и академик В. М. Бехтерев находятся в одном помещении, а собака по кличке Марс в другом, отделенном двумя промежуточными комнатами. Все двери плотно закрыты. Наблюдающий за поведением Марса профессор А. В. Леон-

тович не знает задания, которое мысленно должен передать собаке В. Л. Дуров. Не знает его и знаменитый дрессировщик. Только академик Бехтерев до начала опыта знает о нем.

Начинается опыт. Бехтерев передает Дурову листок бумаги с заданием: "Марс должен пролаять 14 раз". Дуров в недоумении: ему не приходилось давать собаке таких заданий, она вообще "умеет считать" только до семи. Тогда он решает разделить задание на два, пишет на бумажке "7 + 7" и приступает к внушению. Сложив руки на груди, он сосредоточивается...

Через несколько минут он садится на стул. Появляется Леонтович и сообщает: Марс пролаял семь раз и улегся на полу. Затем вскочил, пролаял еще семь раз и снова улегся.

Дуров осуществлял и другие мысленные внушения животным. Глядя в глаза животному, он думал о каком-либо действии – и собака выполняла его. Результаты, как правило, были великолепными. Чтобы устранить всякие сомнения, аналогичные опыты в отсутствие Дурова с его собаками осуществлял и академик Бехтерев.

Мне не известны другие поставленные столь же тщательно с научной точки зрения опыты телепатического внушения животным. Как мне кажется, к сожалению, их никто не только не продолжал в последующие годы, но и не пытался повторить.

Интересные опыты провел в 1925 году в Москве врач-невропатолог Т. В. Гурштейн. В этих опытах принимали участие сотрудники Гурштейна и академик В. С. Кулебакин. Внушение осуществлялось на расстоянии в 55 километров. Передавались геометрические фигуры, задания двинуть рукой, ногой. Был передан и приказ сказать фразу: "Мне приятно здесь сидеть". Она была принята испытуемой Е. Г. Никольской несколько в сокращенном виде: в протокол записаны ее слова "Мне приятно сидеть". В этих опытах применялась экранирующая радиоизлучения металлическая камера.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов исследователи телепатических явлений приняли на вооружение методы математической статистики. И точные математические методы раз за разом свидетельствовали, что телепатическая передача мыслей существует, что по теории вероятности не может быть такого процента совпадений, которыми пытались объяснить удаchi телепатических опытов противники.

Нет, я не противник вторжения в область телепатии математических методов. Но мне кажется, что в целом ряде случаев математическая обработка опытных данных не прибавляет ничего к общему итогу. Так, один из основоположников применения математической статистики в телепатии, английский ученый С. Соул, в середине пятидесятых годов провел с двумя братьями-телепатами 15 000 отдельных проб по отгадыванию так называемых карт Зеннера (карты Зеннера – карточки с изображением определенных символов: креста,

квадрата, треугольника, звезды и волнистых линий. Они помещаются в закрытые двойные конверты, и испытуемые должны угадать нарисованные на них символы. Методика позволяет проводить строго количественный учет правильных ответов. — *Ред.*) Были получены следующие результаты: в среднем из 25 карт 9 карт были угаданы телепатом точно, хотя по теории вероятности число угаданных карт не должно было превосходить 5. Это был вроде бы хороший, но отнюдь не блистательный результат. Между тем в минуты "настроя", в минуты вдохновения братья "угаывали" 25 карт из 25! И такой результат в ходе опытов был получен не однажды. Меня этот факт убеждает в телепатических способностях братьев значительно сильнее, чем абстрактные цифры, полученные при опытах, когда братья были не в настроении, когда им не хотелось работать и т. д.

Кстати, одновременно с западноевропейскими учеными и независимо от них математические методы исследования явлений телепатии применил и крупный советский физик академик В. Ф. Миткевич. Насколько мне известно, он первым построил и механическое устройство, исключающее при постановке опыта инициативу индуктора в постановке задачи. Сконструированная им "рулетка" выбрасывала то или иное задание — белый или черный цвет — без вмешательства человека.

В тридцатых годах интереснейшие опыты осуществил уже упоминавшийся мной ленинградский ученый профессор Л. Л. Васильев. Это были опыты внушения на дальние расстояния — вплоть до сотен и тысяч километров, разделяющих Ленинград и Севастополь. Это были и опыты внушения из металлической камеры со стенками, непрозрачными для большей части лучей электромагнитного спектра. Опыты дали чрезвычайно интересные результаты. В частности, Л. Л. Васильев пришел к выводу, что никакая изоляция, никакие препятствия и, пожалуй, никакие земные расстояния не могут помешать телепатической связи.

В 1940 году были опубликованы опыты профессора С. Я. Турыгина, проводившиеся в лаборатории биофизики Академии наук СССР, руководимой академиком П. П. Лазаревым. Турыгин пытался изучить законы отражения "телепатических волн", которые он отождествлял с волнами электромагнитного спектра...

Значительно более широкими стали исследования телепатических явлений в последние двадцать лет. В ряде стран работают специальные лаборатории и институты. В Советском Союзе функционирует специальная лаборатория, руководимая профессором Л. Л. Васильевым. Во многих странах созданы общественные организации, ставящие своей целью способствовать развитию знаний в области телепатии. Создана такая общественная организация и в СССР — секция "Биоинформации"

при московском правлении Научно-технического общества радиотехники и электросвязи имени А. С. Попова. Но, к сожалению, во многих случаях работа этих лабораторий и институтов не выходит за пределы тех же самых опытов, которые проводились и в тридцатых годах нынешнего века. Почему-то до сих пор главной задачей ставится найти условия, в которых телепатические явления можно было бы воспроизводить в лаборатории – уверенно, раз за разом. Между тем, вероятно, целесообразнее было бы “сделать шаг конем” – применить какие-то принципиально новые средства исследования, проанализировать какие-то более современные идеи, узнать о телепатических явлениях что-то более глубокое, чтобы затем уже на уровне полученных знаний понять, от чего зависит телепатия и как обеспечить ее максимальную эффективность, надежность, повторяемость опытов.

Да, я зову к смелости исследователей этого явления! Оно познаваемо и постижимо, как и все остальное в нашем материальном мире. И может быть, через разгадку механизма этого явления прорвется наука на новый этаж знаний в широкой области – и в психологии, и в физике, и в кибернетике...

Нет никакой необходимости еще и еще раз искать доказательства существования телепатии: таких доказательств накоплено даже слишком много. Пора отказаться и от бесконечных опытов с карточками, передачей рисунков – они уже ничего не прибавят к известному. Надо считать твердо установленными и некоторые свойства телепатии – хотя бы те, что подтверждены в тех самых сериях опытов, о которых я упоминал. Не надо каждому исследователю и каждой группе ученых проходить уже пройденные ступени с самого начала. Надо отталкиваться от уже сделанного и пытаться проникнуть в какие-то более глубокие тайны явления телепатии.

Хочу добавить к этому еще несколько слов. Я телепат, и конечно же мне очень хочется, чтобы быстрее и глубже была познана сущность этого явления. Я готов всеми силами своими способствовать его изучению, но только изучению, а не установлению существования телепатии. Но тот короткий обзор, что предпослан этим строкам, сделан мной не только как телепатом, а и человеком, интересующимся еще проблемой передачи мыслей на расстоянии. Мне хотелось представить на суд читателя и чужие свидетельства, чужие мнения. Поэтому я и привел ряд примеров из опытов киевского приват-доцента Я. Н. Жука, академика В. М. Бехтерева, ленинградского профессора Л. Л. Васильева и знаменитого укротителя и дрессировщика зверей В. Л. Дурова, академика В. С. Кулебакина и кандидата физико-математических наук Б. Б. Кажинского, врача-невропатолога Т. В. Гурштейна и академика П. П. Лазарева и многих других русских и зарубежных ученых, о которых идет добрая слава честных и серьезных людей, отнюдь не склонных к преувеличениям.

Мне доводилось присутствовать при спорах о том, что такое телепатия: атавизм, сохранившийся от наших предков, или, наоборот, свойство, которым в полной мере будут обладать люди будущего, или те существа, которые придут нам на смену? Сторонники первой точки зрения приводили массу доказательств, суть которых состояла в том, что, чем примитивнее устроен организм, тем нужнее ему телепатия. За счет телепатии эти люди объясняли, например, тот широко известный факт, что некоторые виды бабочек узнают о нахождении родственной особи на расстоянии до километра. На счет телепатии они записывают и другой общеизвестный акт: одновременность взмахов крыльев стайки нескольких бабочек, сидящих рядом. Телепатией объясняли удивительную одновременность и единодушность действия рыбных косяков, рыбьих стай. И так далее. Но чем выше развит организм, тем, по их мнению, меньше нужды ему в телепатии. Лев может находить другого льва по его рыку. Волк – по запаху. Тигрица заранее предупреждает тигрят о своем приходе тихим мурлыканьем. Обезьяны имеют развитую систему звуков для сообщения друг другу своих эмоций, предупреждений об опасности и т. п. Такую же систему звуков, как выяснилось в последнее время, имеют вороны и, вероятно, другие животные и птицы, живущие стадами или стаями... Еще менее нужна телепатия человеку, имеющему множество способов обмена информацией. И поэтому она почти исчезла из обихода людей, оставшись слабым рудиментом, и лишь иногда она неожиданно воскресает в полную меру у отдельных индивидуумов. Это атавистическое свойство, присущее редким людям от рождения. Ну так же, как у некоторых людей от рождения есть хвост или они от рождения покрыты волосами. Сторонником этой точки зрения в настоящее время является, например, кандидат медицинских наук В. А. Козак. Вот что пишет он по этому вопросу:

“У людей биологическая связь типа телепатической может выплывать из-под спуда эволюционных наслоений высших этажей головного мозга преимущественно в случаях, связанных с бедственным положением и вообще тяжелыми переживаниями, когда отдельные функции, находящиеся в нижних отделах головного мозга, могут выходить из-под контроля соответствующих отделов коры головного мозга...

Характерно, что до сих пор ни в одном опыте не было передано сколько-нибудь определенной фразы. Это также косвенно свидетельствует о том, что феномен биосвязи мы получили “по наследству” от животных, которым чуждо понятие о логически связанных словах, тем более фразах, а также представлениях о подробной сущности предмета. По-видимому, не случайно биологическое воздействие на расстоянии воспринимается нами чаще всего как неопределенное чувство беспокойства о близком человеке или предчувствие какого-то события. Вероятно, ин-

формация идет преимущественно на уровне первой сигнальной системы или таких ощущений, как страх, чувство опасности и т. п. Вполне естественно поэтому, что наибольшего развития способность передачи информации достигла в первую очередь у насекомых и других низших представителей животного мира.

В настоящее время такая форма биологической связи, по всей вероятности, анахронизм..." (*Кажинский Б. Б.* Биологическая радиосвязь. Киев, 1952).

Другие утверждают: нет! Все примеры, которые вы приводите, можно объяснить и другими способами. Бабочки находят друг друга по запаху – и ничего более. Стаи рыб воспринимают команду вожака по движению струй воды и, повторяя ее, передают дальше... Телепатия – это свойство, которое только рождается. Оно придет на смену другим способам передачи информации. Телепатия исключает возможность обмана нечеткости, поэтому она станет основным средством общения в обществе будущего, когда у людей не будет и тени мысли обмануть другого. Люди, обладающие повышенными способностями телепатии, принадлежат будущему. Это – первые вестники грядущего в наших днях...

"Нам представляется, – пишет в книге "Биологическая радиосвязь" Б. Б. Кажинский, – что феноменальная способность человека мысленно на расстоянии воздействовать на других находится все еще в зачаточном состоянии. Не правы те, кто считает эту способность мозга отживающей, вырождающейся и т. п. Наоборот, она представляет собой начало, зародыш новой, более высокой ступени развития человеческого сознания на новой высшей основе, на основе биологической радиосвязи" (*Кажинский Б. Б.* Биологическая радиосвязь).

Не берусь спорить, кто здесь прав. Бабочками ведь тоже еще не занимались как следует ни физики, ни телепаты. Бионика как наука только начинает обретать права гражданства. Я хочу сказать о другом. О том, что телепатические свойства в той или иной мере свойственны каждому. Чаще всего они действительно проявляются в детстве. Говорят, мать чувствует все, что испытывает ее новорожденный ребенок. И опять только говорят. Я никогда не слышал и не читал научного отчета о хотя бы таком простейшем опыте, который легко провести за пару недель в любом родильном доме. Надо одному человеку находиться в помещении с новорожденными и по часам засекать, когда и кто из них начал плакать, проснулся и т. д. А другому – в палате рожениц фиксировать поведение матерей. Итоги этого опыта уже могли бы прояснить многое...

Честно говоря, меня и не очень интересует – атавизм ли телепатия или свойство человека завтрашнего дня. Меня волнует другое: ведь каждый, буквально каждый человек, порывшись добросовестно в своей памяти, может припомнить те или иные случаи, дающие повод сделать предположение о существовании телепатии.

Почему серьезно не изучается это явление? Почему еще встречаются ученые, не знающие даже о его существовании?

Меня очень удивляет, как могут эти люди, считающие себя учеными (я говорю, конечно, далеко не о всех ученых!), не видеть и не желать видеть буквально каждодневных проявлений телепатии в самой обыденной жизни? Не так ли в средневековые ученые, слепо следовавшие доктрине Аристотеля, не поверили бы в существование электричества, хотя об этом каждодневно свидетельствовали молнии!?

Что ж, у них были основания для таких утверждений: ведь молния была тогда не воспроизводимым в лаборатории явлением. А когда она внезапно бьет прямо в глаза, можно и отвернуться, и заслониться, чтобы потом, не кривя душой, сказать: не заметил.

Глава IV

ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ? ГИПНОЗ

Я говорил о телепатии. Теперь мне хочется поговорить о другом круге моих способностей, связанных с гипнозом.

То, как я владею искусством гипноза, значительно выходит за рамки общеизвестного, и, значит, я не имею права не говорить об этом.

Мне не хочется, да и не следует в этой книжке останавливаться подробно на истории гипноза и на его сущности. Любопытный читатель сможет найти рассказ о гипнозе в других источниках. Надо отметить только, что гипноз имеет весьма древнее происхождение. Еще в Древнем Египте, как свидетельствуют найденные археологами папирусы, жрецы применяли гипноз для своих религиозных целей. И с тех пор, вплоть до XIX века, он использовался главным образом служителями самых разнообразных культов. Было в гипнозе нечто таинственное и непонятное. И умелое его применение укрепляло веру в высшие силы.

Гипноз имеет весьма различные формы. Пляска шамана – это своеобразный самогипноз. "Исцеления", которые совершает шаман после этой пляски, – результат гипнотического внушения.

Знаменитые целительные сеансы Месмера – врача, жившего во второй половине XVIII века и якобы излучавшего "магнетические" флюиды, – тоже гипноз. И так велика была сила гипнотического воздействия этого человека, что даже предметы, к которым он прикасался, приносили иной раз исцеление. В Лионском музее хранится "магнетический бак", похожий на барабан, снабженный металлическими стержнями, изготовленный по указанию Месмера. Больные держались за эти стержни и друг за друга. Месмер прикасался палочкой к "баку", и избыток "жизненных флюидов" перетекал якобы от него к больным. На иных этот бак "действовал" и в отсутствие Месмера – они исцелялись. Это тоже гипноз!

Приводят себя в гипнотическое состояние и верующие, многократно произнося принятые во многих религиях простые, короткие молитвы, вроде "Святой боже, помилуй мя". Когда это повторяется сотни и тысячи раз, наступает гипнотическое состояние.

К этому же приводят бесчисленные поклоны, отбиваемые перед иконами.

Современная наука различает три стадии гипноза. Первая из них – сонливость. Человек, находящийся в этой стадии гипноза, испытывает потребность покоя, необычайную тяжесть

тела, ему трудно открыть глаза. Именно в этом состоянии прослушивают длинные церковные службы большинство верующих.

Когда я видел в соборах людей, часами в неудобной позе стоящих на камнях, расprostертых на ступенях, прижимавшихся лбом к подножиям распятий, я не мог отделаться от мысли, что эти люди находятся во второй стадии гипноза – в состоянии так называемой гипотаксии.

При гипотаксии отмечается состояние восковой гибкости тела. Любому его члену и всему телу можно придать сложное положение, которое крайне трудно было бы сохранять в нормальном состоянии, но которое совершенно не обременительно, практически незаметно в состоянии гипотаксии.

Третья стадия гипноза – сомнамбулизм. В этом состоянии загипнотизированный полностью отрешен от всех внешних раздражений, кроме команды человека, приведшего его в это состояние.

В состоянии гипноза огромную власть над психикой человека и над его телом приобретает слово гипнотизера. Власть, совершенно объективную, такую, какой не имеет в большинстве случаев над своим телом сам испытуемый человек. Заставьте себя, скажем, не чувствовать ожога, когда к вашей руке прислонят огонек зажженной папиросы! А мне приходилось видеть этот бесчеловечный опыт, в свое время нередко демонстрировавшийся в цирках в Польше. Или, наоборот, попробуйте внушить себе, что обыкновенный карандаш – это раскаленный в огне прут, которым жгут ваше тело. А на руке загипнотизированного человека, когда к ней прикасаются таким карандашом, возникает язва от ожога.

Загипнотизированному алкоголику внушали отвращение к водке. Я видел в этот момент его желудок на экране рентгеновского аппарата. Он сокращался самым недвусмысленным образом, яростно стремясь выпшвырнуть якобы находящуюся в нем отраву, хотя в нем ничего не было. Попробуйте скомандовать своему желудку хоть какие-нибудь движения!

Загипнотизированному говорят:

– Вот перед вами сосуд с ледяной водой. Опустите в нее руку. Вашей руке нестерпимо холодно...

И хотя вода в сосуде имеет температуру на 45 градусов выше нуля, рука загипнотизированного покрывается крупными мурашками, кровеносные сосуды резко сужаются. Это неоспоримо свидетельствуют объективные показания приборов... Попробуйте скомандовать сосудам вашей руки самопроизвольно сжаться или расшириться!

В загипнотизированном состоянии у многих людей обостряются их телепатические способности. Внушение от гипнотизера к загипнотизированному человеку может передаваться прямо из мозга в мозг. Такие опыты делались неоднократно многими

гипнотизерами в разные времена и в разных странах. Собственно с открытия этого явления и началась телепатия.

Общее объяснение гипнозу найдено. Оно заключается в большем или меньшем торможении коры больших полушарий головного мозга. Торможение отдельных участков или всей коры может происходить по разным причинам – и естественным и искусственным.

Ну, скажем, под влиянием сильного испуга человек потерял дар речи. Он не может произнести ни слова. Он давным давно понял, что бояться было нечего, но язык и гортань не повинуются ему.

Произошло мгновенное торможение того участка коры головного мозга, который заведует речью. Под влиянием нового сильного возбуждения этот участок мозга может растормозиться. Такое сильное возбуждение в силах вызвать гипнотизер. На этом основано большинство случаев "чудесных исцелений", а также и лечение гипнозом, довольно широко применяемое во многих странах.

И все же гипноз – еще очень малоизученное явление. Множество проявлений его не так-то просто объяснить только торможением участков коры больших полушарий.

А теперь о том, как я сам применял гипноз, какими формами гипноза, внушения я владею.

В автобиографических главах я приводил несколько примеров, когда мне требовалось мгновенно внушить ту или иную мысль, то или иное ощущение. В этом ведь, по существу, и проявились впервые мои способности. Вспомните описанный мной в самом начале книги случай в берлинском экспрессе, в котором я ехал без билета. То, что произошло там, не было телепатией. Это было гипнозом, внушением: я внушил контролеру, что поданный ему обрывок газеты – проездной билет.

Вспомните, как я прошел без пропуска в строго охранявшийся кабинет.

Нечто подобное позволил я себе и еще раз. Примерно в те же времена довелось мне беседовать с одним очень высокопоставленным человеком. После разговора он, в шутку видимо, сказал:

– Ну, товарищ Мессинг, сможете ли вы выйти отсюда, если я не подпишу вам пропуск?

Дух озорства заиграл в моей душе:

– Без этой-то бумажки? Возьмите ее на память!..

– Нет, подождите. Вас не смутит, если я еще дополнительно предупрежу охрану.

– Сколько угодно!

Набран телефон коменданта. Отдана команда: "Не выпускать Мессинга без отмеченного пропуска". Да еще секретарше поручено идти за мной в десяти шагах, но, правда, не вмешиваться в мои действия.

Когда я через пару минут вышел на улицу и посмотрел на окно кабинета на третьем этаже, в котором только что состоялся этот разговор, я увидел в нем фигуру моего недавнего собеседника. Дух озорства еще не уснул, и я помахал ему рукой. Мне показалось, что тот рассмеялся.

Вспомните, как я получил деньги в Госбанке...

Думаю, что эти примеры должны по меньшей мере подвергнуть сомнению бытующее нередкое мнение, что даже под влиянием гипноза порядочный человек не способен совершить проступок, противный его моральным убеждениям, его совести, не способен совершить преступление.

Помню, где-то я читал, как ставились эти опыты: загипнотизированному дали в руки пистолет (заряженный, конечно, холостым патроном) и скомандовали выстрелить в прохожего. И тот не смог.

Но ведь можно заставить загипнотизированного представить, что он стреляет не в прохожего, а в движущуюся мишень в веселом парковом тире...

Наверное, я не смог бы внушить контролеру желание провезти безбилетного пассажира, то есть совершить служебное преступление. Но мне удалось убедить его, что клочок бумаги – это и есть мой билет. Внушение не вступило в борьбу с долгом.

Точно так же я убежден, что не смог бы внушить часовым, охранявшим входы в обоих зданиях, в случаях, о которых я вспоминал, нарушить свой долг и пропустить чужого им Мессинга. Но мне не составило труда внушить им, что я очень большой начальник, которого они хорошо знают и по долгу службы должны пропустить без пропуска.

К сожалению, не все люди, обладающие искусством гипноза, отличаются твердыми моральными принципами.

Я позволю себе рассказать случай, который в свое время наделал много шума в одной из европейских стран. Это – один из нередких случаев ограбления банка.

Помещение, где хранились сейфы, располагалось под землей. Единственный ход в него вел через караульное помещение. У этого входа круглосуточно стоял часовой. Остальные бойцы охраны здесь же играли в карты, в домино, просто отдыхали.

Однажды вечером, как всегда после закрытия банка, сейфы были опечатаны и кассиры разошлись по домам. Единственный человек, который после этого вошел в помещение с сейфами, был старичок полотер. Сначала он натер полы в караульном помещении, потом в помещении, где стояли сейфы. Выйдя оттуда, он, как всегда, посидел на своем ящике с мастикой, выкурил папиросу и ушел. А на другое утро один из сейфов оказался вскрытым.

На старика полотера даже не подумали. И только в связи с

тем, что он хотел нелегально перейти границу, его арестовали.

Но нет, грабителем был не он. Просто к нему за два дня до ограбления пришел какой-то немолодой человек и предложил ему крупную сумму денег, если он уедет из страны, никому об этом не сказав. Полотер согласился.

И вот в течение двух вечеров подряд этот немолодой человек – в первый день, вероятно, только выясняя обстановку – посещает банк, находится в кругу солдат, проходит мимо многочисленных часовых. И все принимают его за человека, к которому давно привыкли, хотя потом выяснилось, что он совершенно не был похож на старика полотера. Можно ли объяснить этот случай?

Я отношу это за счет того же умения мгновенного гипноза, о котором только что рассказывал. Как видите, непорядочный человек, преступник смог использовать гипноз в своих целях.

И опять же я убежден, что он не смог бы внушить часовому мысль пропустить к сейфам чужого человека, – это внушение вошло бы в конфликт с долгом. И не удалось бы. А внушение, что часовой видит перед собой известного ему человека, не встретило этого противодействия и удалось грабителю, видимо, без большого труда и напряжения.

...Я считаю очень правильным, что в Советской стране право заниматься гипнозом ограничено специальными постановлениями. Но считаю, что правду о гипнозе должны знать все. А ученым надо как можно подробнее изучать это интересное явление.

* * *

Теперь немного о народной медицине.

...Наверное, и вам приходилось читать или слышать, как знахари "заговаривают кровь". Вот льется она из глубокой раны, прямой пульсирующей струйкой бьет. Явно перерезана какая-нибудь крупная артерия... Над ранкой склоняется знахарь. Шепчет какие-то непонятные слова. Ранка – вытрите ее – суха. Кровь останавливается...

...Наверное, вам приходилось слышать и такое выражение – "заговаривать зубы". Чаше, впрочем, говорят "не заговаривай мне зубы". Пошло это выражение из польских и белорусских да, наверное, и из российских деревень, где в старые времена и помину не было о зубных врачах. Но зубы – убежден в этом – у людей болели всегда. Как же их там лечили?

Заговорами. Та же знахарка, тот же знахарь приходил к больному, шептал какие-то слова, делал какие-то телодвижения – и зубы болеть переставали. Точнее, человек переставал ощущать эту боль.

И то и другое – и "кровь заговорить" и "зубы заговорить" – занимает всего несколько секунд.

Удивительно? Да. Но ничего чудесного, во всяком случае, здесь нет. Нет никакого вмешательства "потусторонних сил" — ни злых, ни добрых. Это тоже одна из форм гипноза.

Я говорю об этом с такой убежденностью и знанием дела потому, что я и сам умею "заговаривать" зубы и изгонять головную боль не хуже самых знаменитых знахарей. Я делал это тысячи раз. И, как принято говорить, всегда без осечки.

Конечно, я обхожусь без заклинаний и нашептываний. Они не нужны. Я просто смотрю на моего пациента и представляю при этом свою абсолютно не беспокоящую меня челюсть, свой абсолютно здоровый зуб. И разговариваю при этом с пациентом о его болезни. И зуб у него перестает болеть. Занимает это столько же времени, сколько вы затратили, чтобы прочесть этот абзац.

Аналогичным способом я прекращаю головную боль.

Вероятно, так же излечивают и среднеазиатские табибы и знахарки укушенных змеей. Я говорю "вероятно", потому что лично с такими случаями не сталкивался.

Не надо, конечно, обращаться ни ко мне, ни к знахарям ни с зубной, ни с головной болью. Сняв боль, я могу заставить вас забыть о необходимости обратиться к врачу. И вы потеряете зуб, который можно было бы своевременно запломбировать. Знахарь заставляет больного не чувствовать боль, врач излечивает радикально, устраняет причину появления боли. А боль нужна: боль — это сигнал о том, что в организме что-то не в порядке.

* * *

И еще об одном редком и не очень изученном виде гипноза хочу я здесь рассказать. И тоже позволю себе начать с литературного примера.

Знаете ли вы удивительно поэтичную повесть Александра Куприна "Олеся"? По мотивам этой повести поставлен известный французский фильм "Колдунья" с участием Марины Влади. Лично мне эта повесть кажется прекраснейшим из творений этого великолепного писателя. Я позволю себе процитировать из нее несколько строк:

— Что бы вам такое показать? — задумалась Олеся. — Ну если разве это вот: идите впереди меня по дороге... Только смотрите не оборачивайтесь назад.

— А это не будет страшно? — спросил я, стараясь беспечной улыбкой прикрыть боязливое ожидание неприятного сюрприза.

— Нет, нет... Пустяки... Идите...

Я пошел вперед, очень заинтересованный опытом, чувствуя на своей спине напряженный взгляд Олеси. Но, пройдя около двадцати шагов, я вдруг споткнулся на совершенно ровном месте и упал ничком.

– Идите, идите! – закричала Олеся. – Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживет... Держитесь крепче за землю, когда будете падать.

Я пошел дальше. Еще десять шагов, и я вторично растянулся во весь рост.

Олеся громко захохотала и захлопала в ладоши.

– Как ты это сделала? – с удивлением спросил я...

– Вовсе не секрет. Я вам с удовольствием расскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумею я объяснить...

Я действительно не совсем понял ее. Но если не ошибаюсь, этот своеобразный фокус состоит в том, что она, идя за мной следом шаг за шагом, нога в ногу и неотступно глядя на меня, в то же время старается подражать каждому, самому малейшему моему движению, так сказать, отождествляет себя со мной. Пройдя таким образом несколько шагов, она начинает мысленно воображать на некотором расстоянии впереди меня веревку, протянутую поперек дороги на аршин от земли. В ту минуту, когда я должен прикоснуться ногой к этой воображаемой веревке, Олеся вдруг делает падающее движение, и тогда, по ее словам, самый крепкий человек должен непременно упасть... И я был очень удивлен, узнав, что французские колдуньи из простонародья прибегали в подобных случаях совершенно к той же сноровке, какую пускала в ход хорошенькая полесская ведьма..."

Об аналогичном событии рассказывает и Лион Фейхтвангер в не раз упоминавшемся уже мной романе о братьях Лаутензак. Вспомните встречу в ресторане Оскара Лаутензака и Пауля Крамера, когда талантливый и умный журналист не мог выйти из ресторана, запутался во вращающихся дверях и был спасен из подобного положения только швейцаром...

Можно было бы вспомнить и еще такие же эпизоды, великолепно подмеченные и описанные писателями. К сожалению, вы не найдете научного анализа подобных случаев.

А жаль! Я позволю себе высказать отнюдь не вздорную мысль: надо бы ученым заняться сбором и анализом древнего, как мир, искусства народного врачевания.

Разве мало целебных трав пришло из народной медицины в наши фармацевтические каталоги от тех же неграмотных знахарей и темных деревенских ведунов?

Разве мало народных секретов, рецептов, методов используется в промышленности?! А сколько их утеряно в веках, в связи с тем, что умирая, последний, знающий тайное, передаваемое из рода в род, свято хранимое искусство, уносит эту тайну с собой в могилу! Блистают загадочным темным узором в витринах музеев булатные клинки древних восточных кузнецов – и сегодня еще не до конца разгадан секрет булата. Стоит в Дели колонна из нержавеющей железа – где она, изготовленная сегодня нержавеющей сталь, не содержащая легирующих при-

садок? Ее нет! Пленяют вечной свежестью восковые краски древнеегипетских художников – и о них известно далеко не все...

Вполне возможно, что идущее из древних веков, от ранней юности человечества, умение народного врачевания не содержит ничего, кроме суеверий и шарлатанства. Нередко рассуждают: ну чему могут научить нас эти темные люди, не знающие не только теории относительности, но и таблицы умножения?.. А знание и умение – это вещи абсолютно разные. Для умения нередко вовсе необязательно знание. Когда-то путешественники и моряки пользовались компасом, не подозревая, что земля круглая и что у нее есть постоянное магнитное поле. (Кстати, мы и сегодня пользуемся компасом, хотя ученые не очень-то представляют, каково происхождение магнитного поля нашей планеты.) Кузнецы умели закалять сталь, ничего не зная о ее кристаллических превращениях. Так вот, чтобы не пропал секрет "компаса" и "стали" деревенских знахарей и колдунов, и надо соединить их умение с современным знанием.

Ну а какое же все это отношение имеет ко мне?

Да самое прямое! Я тоже умею внушить свою волю человеку, скажем, глядя ему в затылок. Или вовсе на него не глядя.

Очень редко я пользуюсь этим. Но, листая страницы памяти, чтобы привести пример из своей жизни, вспоминаю...

Вспоминаю небольшой, но уютный зал в одном из министерств Москвы.

Все идет хорошо. Зрители добросовестно и дружелюбно пытаются разобраться в том, что я им показываю. Я не менее дружелюбно и добросовестно пытаюсь помочь им в этом...

И вдруг в конце зала появляется почти шарообразная фигура самого большого здесь начальника. Все встают, приветствуя. А начальник, не отвечая на приветствия, кривит рот и скептически смотрит на меня.

"Ах так, – мысленно говорю я, – не верите, ну так я заставлю вас поверить – будете балериной". А вслух добавляю:

– Вот вы и будете моим индуктором.

И толстый начальник, по моему мысленному приказанию, вдруг нелепо начинает прыгать между рядами стульев, мимо своих опешивших подчиненных ко мне на сцену.

Гипноз? Да, безусловно. Родственный тому, которым владела Олеся и Оскар Лаутензак, литературные вымышленные герои...

* * *

Будет неправильно, если я умолчу в этой книге о том, что гипноз я нередко использовал для лечения психических болезней. Делал я это и в те далекие времена, когда абсолютно не знал ничего о сущности гипноза, не знал научных рекомендаций, руководствуясь лишь здравым смыслом. Возможно, что рассказанное мной встретит возражения специалистов, возможно, меня упрекнут в неправильных действиях, но что было, то было.

У одного польского графа началось неприятное для окружающих и очень странное заболевание. Ему представилось, что в голове свили себе гнездо... голуби. Да, обыкновенные голуби, сизари...

Одна из форм сумасшествия? Да. Навязчивая идея: "У меня в голове голубиное гнездо..."

Обращались к врачам. Но у графа был трудный характер, и лечиться он отказывался: ему казалось, что его любими средствами стремятся заманить на операцию, во время которой разрежут голову пополам. Тогда обратились ко мне.

Я не стал убеждать больного, обращаясь к его здравому смыслу, что в голове голуби жить не могут. Наоборот, я принес с собой на первую же встречу длинную блестящую трубу на треноге – вроде переносного телескопа – с какими-то колесиками и винтиками. Установил ее и посмотрел сквозь эту трубу на голову больного.

– Да, граф, – сказал я, – вы правы. У вас в голове – голубиное гнездо. И – преогромное. Целая голубятня!

– А разве я сомневаюсь в этом? И день и ночь крыльями хлопают... А тут как-то к ним кошка забралась! Вот переполох был. Я думал, у меня голова лопнет...

– Могу выгнать ваших ненормальных жильцов, и притом так, что они не вернутся.

– Буду весьма обязан...

Еще раз посмотрев в трубу, "пересчитав голубей", "прикинув", как лучше их выгнать, я вернулся домой.

На другой день граф прислал за мной с раннего утра.

– Вывелись птенцы – голубята! – объявил он почти радостно.

Снова пошла в ход труба – кстати, в ней не было даже оптического стеклышка. Выведение птенцов было подтверждено. На другой день была назначена решительная "чистка" графской головы-голубятни...

Заранее договорившись с родственниками графа, я провел в сад трех моих помощников с живыми голубями в руках. Завязав больному глаза, свел и его вниз. По моему знаку один из помощников выпустил голубя – я выстрелил перед лицом больного из пистолета. Затем, достав из кармана заранее подстреленного голубя, сунул ему в руку.

– Один готов, – сказал я. – Если бы я его не застрелил в воздухе, он мог бы вернуться. А теперь – шалишь! Все кончено...

Так повторялось еще два раза. Затем "выскочили" – просто от страха перед выстрелами – и новорожденные голуби...

Потом я позволил больному снять с лица повязку и открыть глаза.

Он собственноручно в моем присутствии закопал трупки бедных птичек под гигантским развесистым дубом в своем парке.

Голова у него оставалась "чистой" в течение нескольких лет, пока суть происходившего не раскрыл ему один близкий знакомый, полагая, что граф излечился навсегда. Узнав истину, тот с криком схватился за голову... Голуби с тех пор "жили" в ней у него до самой смерти. Думаю, средств вторично излечить его уже не было...

Что это? Шарлатанство? Нет, гипноз. Внушение. Просто я опустил до умственных способностей моего больного и средствами, доступными его пониманию, уничтожил его болезнь. Точнее, внушил ему, что он не болен... Человек поверил мне и мог бы оставаться здоровым до самой смерти...

Гипнозом же внушаю я отвращение к алкоголю, к папиросам и вообще к табачному дыму, к другим наркотикам.

Только должен сказать сразу: профессионально я этим не занимаюсь – обращаться ко мне с просьбами об излечении не следует. Если у вас не хватает сил и воли бросить пить – обратитесь к врачам. У них есть сейчас великолепные, многократно проверенные средства лечения самых застарелых алкоголиков... Если вы хотите бросить курить – не курите, и все. Не верю, что есть на свете хотя бы один человек, который, собрав всю волю свою в кулак, не мог бы в течение года ни разу не взять в рот папиросу. А после этого, даже если он и возьмет ее, она не доставит ему удовольствия. Только не надо снова приобретать эту привычку.

Лечил же от алкоголизма и от курения я большей частью случайно, близких мне людей.

Когда я внушал своим больным отвращение к алкоголю, я сам – месяцами! – не мог выносить даже слабых запахов спиртных напитков. Это отвращение к ним сначала охватывало всего меня. И уже после этого мог я его передать моим подопечным.

Когда назначенный мной период лечения кончается, я теряю отвращение к вину. Но излеченный мной человек его сохраняет на долгие годы. А там – все зависит от него самого.

Я много курю. Но, когда идут сеансы внушения отвращения к табаку, я сам бросаю курить и без судорог в теле не могу переносить самого слабого запаха папиросного дыма. Снова я закуриваю, только закончив цикл внушений...

* * *

Вот и все о гипнозе. Но мне хочется еще раз повторить ту же мысль, что я не раз уже высказывал на этих страницах.

Гипноз – область удивительно мало изученная. И к тому ж это область, изучение которой может открыть необыкновенные возможности.

Позволю себе проиллюстрировать это утверждение "посторонним", так сказать, примером.

Всего несколько лет назад впервые появилось в печати тогда почти неизвестное слово "гипнопедия". Этим термином был

окрещен новый метод обучения, вернее, запоминания во сне с помощью совершенно своеобразной формы гипноза.

Суть его проста. Скажем, вам надо овладеть английским языком. Известно, какое это сложное и кропотливое дело – изучение языка, особенно если вы вышли из детского возраста. Самое неприятное – запоминание слов, "зубрежка". Гипнопедия избавляет от нее. Вся зубрежка слов переносится на период сна...

Обучающемуся в период сна тихим голосом магнитофон "шепчет" содержание изучаемого урока. Шепчет один раз, второй, третий... Человек спит и обычно даже не видит снов. Но утром, к ему собственному удивлению, оказывается, что он знает все те слова, которые входят в очередное задание. Я читал, что такое "ночное" задание состоит в настоящее время из 30–40 слов, но специалисты-педагоги, овладевающие методом гипнопедии, считают, что и триста слов в ночь – вполне приемлемая норма. Все, кто изучали иностранный язык, знают, какой это нелегкий труд – выучить триста новых слов. А методом гипнопедии это осуществляется фактически незаметно для изучающего.

Что такое гипнопедия? Убежден: еще один очень мало известный вид гипноза. Он начинает находить все более широкое применение и, безусловно, имеет все шансы стать важнейшим средством интенсификации процесса обучения как школьников, так и взрослых.

Кстати, и обычный гипноз следовало бы медикам применять пошире. Настало уже для этого время.

Гипноз – опасное оружие. Но, так же как энергию атома, его следует использовать разумно.

Глава V

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Это самая трудная для меня глава. Все, о чем я писал раньше, я, материалист, могу объяснить пусть не в деталях, но достаточно четко. И если иной раз не совпадала моя точка зрения с точкой зрения того или иного ученого, это не меняло сути дела: то ли, иное ли объяснение механизма моего искусства будет в конце концов принято наукой в качестве объективной истины, мне не очень важно. Важно для меня другое: убежденность, что этот материальный механизм будет найден.

А сейчас я должен перейти к группе явлений, четкое объяснение которых я сегодня предложить бессилён. Мало того, я не могу дать и нечеткого и сколь-либо сносного гипотетического их объяснения. Но я не могу обойти их совсем, ибо это факты, а о них принято говорить, что это вещь упрямая. И еще я позволю себе последовать совету великого русского ученого Дмитрия Менделеева, сказавшего как-то относительно явлений, не укладывающихся в общепринятые рамки: "Их не должно игнорировать, а следует точно рассматривать, т. е. указать, что в них принадлежит к области всем известных естественных явлений, что к вымыслу и к галлюцинации, что к числу постыдных обманов, и, наконец, не принадлежит ли что-либо к разделу ныне не объяснимых явлений, совершающихся по не известным еще законам природы. После такого рассмотрения явления эти утратят печать таинственности, привлекающей к ним многих, и места для мистицизма не останется".

Речь пойдет об удивительном для меня самом умении.

Начну с фактов.

Однажды, еще в тридцатые годы, в Польше, пришла ко мне на прием молодая женщина. Пришла как к человеку, умеющему читать мысли, узнавать то, что скрыто от других.

Она достала фотографию мужчины, несколько моложе ее по возрасту, имеющего явное родственное сходство с ней.

— Мой брат, — объяснила она. — Два года назад он уехал в Америку. За счастьем. И с тех пор — ни единого слова. Жив ли он? Можете ли вы узнать?

Надо сказать, что из старой Польши, страны малоразвитой в промышленном отношении, очень многие уезжали в США, в Южную Америку, в Германию — "за счастьем". А точнее — за какой-нибудь работой, чтобы только не умереть с голоду.

Я смотрю на карточку брата бедной женщины... И вдруг вижу его словно сошедшего с карточки. Чуть вроде бы помолодевшего. В хорошем костюме... И говорю:

– Не волнуйтесь, пани. Ваш брат жив. У него были трудные дни, сейчас стало легче. Вы получите от него письмо на тринадцатый день, считая сегодняшний...

– Это будет первая весточка от него за два года...

– Потом он будет вам писать чаще.

...Женщина ушла от меня и, как водится, рассказала обо всем соседям. Пошла молва. Дошла до газетчиков. Начался спор в печати: ошибся Мессинг или нет? В общем на тринадцатый, предсказанный мной, день в этом местечке собрались корреспонденты чуть не всех польских газет. Письмо из далекой Филадельфии пришло с вечерним поездом...

Об этом факте много писали польские газеты. И до того, как он свершился, – в течение роковых "тринадцати дней" – и после. Это была одна из сенсаций.

Второй случай произошел несколько лет назад. Я показывал свои "психологические опыты" в редакции одной газеты. После сеанса меня пригласили в кабинет главного редактора. Присутствовали человек 10 журналистов. Разговор зашел о возможностях телепатии. Кто-то выразил сомнение в моих возможностях. Слегка возбужденный после только что окончившегося сеанса, еще не вошедший в "нормальное состояние", да еще подзадоренный разговором, я сказал:

– Хорошо... Я вам дам возможность убедиться в силе телепатии... Вы все журналисты. Возьмите свои блокноты...

Одни с интересом, другие со скептической улыбкой, но блокноты вытащили все. Те, у кого блокнотов не оказалось, взяли чистые листы бумаги со стола главного редактора. Вооружились вечными перьями...

– Теперь пишите, – скомандовал я весело, – сегодня – пятое июня... Между двадцатым и двадцать пятым июня... простите, как ваша фамилия? – обратился я к одному из присутствующих.

– Иванов Иван Иванович, – с готовностью ответил тот.

– Так вот, между двадцатым и двадцать пятым июня вы, Иванов, получите очень крупное повышение по служебной линии. Новое назначение... У меня просьба ко всем: когда это случится, позвоните мне... Все записали? Ну вот, через несколько недель и выясните, прав я был или нет.

Двадцать второго числа мне позвонили в разное время чепуре человека. Иванова назначили главным редактором одной из крупнейших газет...

Свидетели этого случая все живы и я думаю, все помнят этот день – пятое июня. Только фамилию Иванова не ищите в списках главных редакторов: я не знаю, будет ли ему приятно широкое обнародование этого случая, и поэтому не назвал ни редакции газеты, ни его настоящей фамилии.

Не надо спрашивать, как мне это удалось. Скажу честно и откровенно: не знаю сам. Точно так же, как не знаю механизма телепатии.

Могу сказать вот что: обычно, когда мне задают конкретный вопрос о судьбе того или иного человека, о том, случится или нет то или иное событие, я должен упрямо думать, спрашивать себя: случится или не случится?... И через некоторое время возникает убежденность: да, случится... или: нет, не случится... Вероятно, многие невольно подумают: Мессинг вступает в противоречие с материалистическим пониманием мира. Но посмеем высказать несколько соображений.

Во-первых, как материалист, я не могу даже на йоту предположить, что в этой моей способности есть хоть крупица чего-то непознаваемого, чего-то сверхъестественного.

Во-вторых, я убежден, что это свойство со временем найдет свое материалистическое объяснение. Кстати, два приведенных мною случая могут быть объяснены особым проявлением телепатических способностей. Возможно, как раз в тот миг, когда я смотрел на карточку брата женщины, пришедшей ко мне, он писал своей сестре письмо и высчитывал, что только через тринадцать дней она его получит. Эту мысль его и "принял" тогда мой мозг... Точно так же, где-то в высших инстанциях в те часы, когда я сидел в редакции газеты, решался вопрос о назначении Иванова... А я "услышал" об этом и сообщил журналистам.

Но в эту гипотезу не ложатся, вижу сам, многие другие факты. Кстати, мне довелось предвосхищать и большие общественные события.

В 1937 году, т. е. еще до начала второй мировой войны, я публично заявил, что Гитлер сломает себе шею на Востоке. Это было сделано в присутствии сотен людей в одном из варшавских театров. Мое заявление на первых полосах аншлагами дали польские газеты. Именно из-за него Гитлер объявил большое вознаграждение за мою голову.

Лучше всего я чувствую судьбу человека, которого встречаю первый раз в жизни. Или даже которого не вижу совсем, только держу какой-либо принадлежащий ему предмет, а рядом думает о нем его родственник или близкий человек.

Рассказанный мною эпизод о польском эмигранте относится именно к числу таких случаев: я держал в руке его карточку, а рядом сидела и думала его сестра... Перебирая в памяти сотни подобных случаев, я не могу не остановиться на единственном ошибочном. Впрочем, не совсем ошибочном...

Дело было опять-таки еще в Польше. Ко мне пришла совсем немолодая женщина. Седые волосы. Усталое доброе лицо. Села передо мной и заплакала...

— Сын... Два месяца ни слуху ни духу... Что с ним?

— Дайте мне его фото, какой-нибудь предмет его... Может быть, у вас есть его письма?

Женщина достала синий казенный конверт, протянула мне. Я извлек из него написанный листок бумаги с пятнами расплывшихся чернил. Видно, много слез пролила за послед-

ние два месяца любящая мать над этим листком линованной бумаги.

Мне вовсе не обязательно в таких случаях читать, но все же я прочитал обращение. "Дорогая мама!.." и конец "твой сын Владик". Сосредоточился. И вижу, убежденно вижу, что человек, написавший эти страницы, мертв...

Оборачиваюсь к женщине:

– Пани, будьте тверды... Будьте мужественны... У вас много еще дела в жизни... Вспомните о своей дочери. Она ждет ребенка – вашего внука. Ведь она без вас не сумеет вырастить его...

Всеми силами постарался отвлечь ее от заданного вопроса о сыне. Но разве обманешь материнское сердце? В общем наконец я сказал:

– Умер Владик...

Женщина поверила сразу... Только через полчаса ушла она от меня, сжимая в руке мокрый от слез платок...

Я было забыл уже об этом случае: в день со мной разговаривали, просили моей помощи, советовались три-четыре человека. И в этом калейдоскопе лиц затерялось усталое доброе лицо, тоскующие глаза матери, потерявшей сына... И конечно же сейчас я не смог бы вспомнить о ней, если бы не продолжение этой истории...

Месяца через полтора получаю телеграмму: "Срочно приезжайте". Меня вызывают в тот город, где я был совсем недавно.

Приезжаю с первым поездом. Выхожу из вагона – на вокзале толпа. Только ни приветствий, ни цветов, ни улыбок – серьезные, неприветливые лица.

Выходит молодой мужчина:

– Вы и есть Мессинг?

– Да, Мессинг это я...

– Шарлатан Мессинг, думаю, не ожидает от нас доброго приема?..

– Почему я шарлатан? Я никогда никого не обманул, не обидел...

– Но вы похоронили живого!..

– Я не могильщик...

– И чуть-чуть не загнали в гроб вот эту женщину... Мою бедную мать...

Смутно припоминаю ее лицо, виденное мной. Спрашиваю:

– Все-таки кого же я заживо похоронил?

– Меня! – отвечает молодой мужчина.

Пошли разбираться, как это всегда в таких случаях было в еврейских местечках, в дом к раввину. Там я вспомнил всю историю.

– Дайте мне, – прошу женщину, – то письмо, что вы мне тогда показывали.

Раскрывает сумочку, достает. В том же синем конверте, только пятен от слез прибавилось. По моей вине лились эти бесценные слезы! Смотрю я на страницы с расплывшимися

чернилами – и еще раз прихожу к убеждению: умер человек, написавший это письмо, умер человек, подписавшийся "твой сын Владик"... Но тогда кто же этот молодой мужчина?

– Вас зовут Владик?

– Да, Владислав...

– Вы собственноручно написали это письмо?

– Нет...

Для меня это "нет", как вспышка молнии, озаряющая мир.

– А кто его написал?

– Мой друг. Под мою диктовку... У меня болела рука... Мы с ним вместе лежали в больнице.

– Ясно... Ваш друг умер?..

– Да. Умер. Совершенно неожиданно. Он был совсем нетяжело болен...

Обращаюсь к женщине:

– Пани, простите мне те слезы, что вы пролили после нашей встречи... Но ведь нельзя знать все сразу... Вы мне дали это письмо и сказали, что его написал ваш сын. Я вижу обращение "мама", подпись "твой сын"... И вижу, что рука, написавшая эти слова, – мертва... Вот почему я и сказал, что сын ваш умер.

...Так подробно со всеми деталями рассказал я эту историю потому, что, может быть, ее странные события помогут человеку, который, возможно, будет расшифровывать таинственные сегодня, но абсолютно материальные основы этого необычного свойства, о котором я рассказал. Я убежден, что неизвестный пока механизм этого явления будет изучен и когда-нибудь понят.

Мой чисто интуитивный метод не ясен ни мне, ни кому-нибудь другому. Но я убежден, что этот "метод", "способ" – называйте его как хотите – имеет материальную базу, материальный действенный механизм.

Кстати, этим даром владею не только я. В истории записаны, если покопаться в хрониках, в дневниках, в мемуарах, тысячи совершенно неожиданных и с поразительной точностью сбывшихся предчувствий – интуитивных предвидений.

Это случилось в конце XVIII столетия. Три молодых артиллерийских офицера зашли к парижской предсказательнице. Она равнодушно говорит чепуху одному офицеру, второму... И вдруг... И вдруг она встает на колени перед третьим – низким, рослым, живым, почти мальчиком:

– Передо мной – будущий император Франции! – говорит она взволнованно. – Это – удивительнейший день моей жизни!..

Уже став императором, Наполеон Бонапарт отдал распоряжение отыскать предсказательницу. И снова она предсказывает императору его будущее, на сей раз – смерть в изгнании... на одиноком острове в океане.

Этот случай рассказывается во всех без исключения французских биографиях знаменитого полководца.

...К петербургской предсказательнице зашли несколько молодых людей. Среди них был и человек, перед которым я преклоняюсь. Меня пленяет в нем не только удивительная сила его поэтического гения... На Руси господствовало крепостное право – он с детских лет был врагом крепостничества, защитником свободы. Он был дворянином, в среде дворянства веками воспитывался культ царя – а он писал на него эпиграммы. Церковь была официальной опорой государства, его составной частью, религиозность пронизывала все общество – он был законченным атеистом. Господствовали идеалистические представления во всех областях жизни – он был до мозга костей материалистом. Это был Александр Пушкин.

Предсказательница сказала ему:

– Вы умрете тридцати семи лет от белой лошади или белого человека...

Пушкин, конечно, смеялся...

Он погиб тридцати семи лет от подлой пули Дантеса... Его убийца был белокур от рождения...

Об этом факте рассказывается в великолепной книге В. Вересаева "Пушкин в жизни".

Что полководцы древности советовались с жрецами – это известно и не вызывает удивления. Менее известно другое: к советам "ясновидящих" прибегал Гитлер, Пилсудский. Уинстон Черчилль занялся политической деятельностью только после совета с известным ясновидящим графом Гаммонэ.

Да, я знаю, что "прямое познание", "прямое видение" в течение многих лет и столетий в большинстве цивилизованных стран объявлялось шарлатанством, недостойным серьезных людей занятием. Но в последние годы кое-где отношение к этой области непознанного начинает меняться. Я не имею в виду чисто спекулятивные и шарлатанские организации и объединения, а таких много. Я имею в виду научные организации, ставящие своей задачей, отбросив шелуху мистики, разобраться в механизме прямого видения, постараться использовать его для блага людей. Видимо, к числу таких организаций принадлежит созданный в Голландии еще в 1953 году Институт парапсихологии, о котором я прочитал в одном из номеров французского научно-популярного журнала "Сьянс э ви". Этот институт, по сообщению журнала, сотрудничает с Министерством просвещения и полицией.

В статье сообщается, как один из сотрудников института, некто Круазе, указал местонахождение трупа утонувшего ребенка, несмотря на то, что не было ничего, что указывало бы на это.

Другой случай, официально запрототолированный и снабженный подписями официальных лиц и полицейских чинов, произошел с дамой, имевшей неосторожность уронить драгоценное ожерелье... в унитаз. К счастью, ожерелье было застраховано на крупную сумму. Предпочитая найти пропажу, нежели

выплачивать большую сумму, страховая компания попыталась в нескольких местах вскрыть канализацию, но сеть труб разветвлялась по всему городу, и поиски фактически были безнадежны. Тогда обратились к некоему Гамару, известному своим даром "ясновидения". Прийдя в состояние крайней сосредоточенности, или, как говорят, "транса", Гамар безошибочно указал то место мостовой, которое следовало вскрыть и где, глубоко под землей, в трубе, действительно было найдено потерянное ожерелье.

Известно немало других фактов, например когда человек, наделенный даром "прямого знания", воссоздавал мысленно картину совершенного преступления, давал описание обстановки и точной внешности преступника. Руководствуясь только этим словесным портретом, полиция задержала человека, который сознался в совершенном преступлении и сообщил те детали обстановки убийства, которые были уже известны полиции со слов "ясновидящего". Естественно изумление задержанного, поскольку он точно знал, что никто не видел его и он был единственным на месте преступления.

Мне известно из литературы, что за рубежом в последние годы проводились опыты по изучению и этого явления. В частности, я читал об опытах, поставленных Психологическим обществом в Нью-Йорке. Велись они таким образом. Испытуемый – назовем его условно "ясновидящим" – садился напротив испытателя. Тот вынимал из колоды первую попавшуюся карту, так что ее значение не видел ни он сам, ни "ясновидящий", ни свидетели опыта. Глядя только на рубашку карты, "ясновидящий" называл ее. Только после этого карту переворачивали и убеждались в правоте или ошибочности ответа.

Для того чтобы сделать опыт окончательно и безукоризненно чистым, исключили руки испытуемого. В специальную машину закладывали несколько колод обыкновенных игральных карт. Машина сама их тасовала, а затем выбрасывала по одной карте через определенные промежутки времени. "Ясновидящий" называл значение карты, свидетели опыта записывали, а проверка осуществлялась после того, как заканчивалась целая серия – 25 карт. Затем велась математическая обработка полученных результатов. Не помню уже точных цифр, но они совершенно однозначно свидетельствовали, что испытуемый обладал умением узнавать, какая это карта.

Многие специалисты в западных странах считают, что ясновидение – такой же точно установленный факт, как и телепатия. Руководитель группы американских исследователей телепатии доктор Ратен считает это явление подтвержденным и опытным путем.

Да, предвидение будущего, не научное предвидение, а интуитивное предвидение – существует. Необъяснимо? Да, с нашим нечетким представлением о сущности времени, о его связи

с пространством, о взаимосвязях прошлого, настоящего и будущего пока необъяснимо. Ведь, думаю, с этим согласится каждый, что мы еще очень мало знаем о взаимозависимости между прошлым и будущим. Нет, я совсем не сторонник механистического толкования, которое образно выразил в своем стихотворении "Звено в цепь" Валерий Брюсов (1921). Позволю себе процитировать это стихотворение:

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острее томагавка,
Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь — только ставка;
Как и в пышных пустынях баснословных Аравий,
Где царица Савская шла ласкать Соломона, —
О мираже случайностей мы мечтать не вправе:
Все звенья в цепь, по мировым законам...
И если наши губы отравлены в поделуе,
Хотя и пытаешься ты порой противоречить, —
Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и нечет.

Но отвергая такую железную механистичность сущего, не считая, что "все звенья в цепь, по мировым законам", признавая в первую очередь свободу воли, должен убежденно заявить, что будущее определяется прошлым и настоящим, и связи эти еще далеко не известны людям... Так, может быть, и познание этих связей можно начать с изучения механизма интуитивного, предвидения этого механизма, который, я это четко знаю по себе, существует.

Приведу два примера из совершенно другой области. Первый касается удивительной способности мгновенного счета. Люди, обладающие подобным талантом, насколько мне известно, встречались во все времена у всех народов. Обычно проявляется эта способность в раннем детстве, причем ребенок четырех-пяти лет, не имеющий вроде бы даже понятия о четырех действиях, начинает решать задачи, требующие извлечения квадратных и кубических корней, многократного возведения в степень и т. д. Иногда с годами этот дар бесследно исчезает, иногда сохраняясь на всю жизнь.

Из наиболее интересных "мгновенных счетчиков" были в разные времена известны француженка Осака, индианка Секунтара Деви, итальянец Жан Иноди, француз Мориц Дагбер и т. д. Осака мгновенно давала ответ на просьбу извлечь корень шестой степени из такого, например, числа: 402 420 747 776 576; Деви за три-четыре секунды отвечала на вопрос, чему будет равен корень 20-й степени из числа, состоящего из 42 цифр. Невозможного для нее не было. "Я еще никогда не достигала своих границ", — сказала она однажды.

У специалистов мгновенного счета нередко спрашивали о секретах их умения, но отвечали они обычно не больше, чем на эти вопросы могу ответить я. Общий смысл ответов состоял в

том, что несколько мгновений они ощущают в уме не поддающуюся их контролю чехарду и мелькание цифр, а затем появляется результат в его готовом, завершенном виде. Уследить или проанализировать ход решения они обычно неспособны.

Неспособны потому, что самого процесса этого решения практически нет. Есть конечный результат, последняя цифра, вспыхивающая в итоге напряжения воли, подобно тому как "ясновидящему" открывается вдруг конечный факт в отношении какого-либо лица или события. Это тоже "прямое познание", минующее длинную причинно-логическую цепь и дающее лишь конечное, заключительное звено этой цепи.

Второй пример вы можете найти в одном из номеров советского журнала "Знание – сила" за 1964 год. Впрочем, аналогичные сообщения печатались и в других изданиях. Я имею в виду так называемый "феномен Розы Кулешовой" – "видение пальцами".

Мне рассказывал об этом человек, присутствовавший на опытах, которые ставили с ней ученые. Ей завязывали глаза. Поставили дополнительно непрозрачный экран. И за этой двойной преградой дали в руки черный мешок из непрозрачной ткани. В таких мешочках и сегодня еще фотографы производят перезарядку кассет для своих фотоаппаратов. В мешочке лежали одинаковые по формату разноцветные бумажки.

Роза Кулешова брала в руку одну из бумажек, называла ее цвет и только после этого извлекала ее из мешка. Но и после этого она не видела бумажки и не знала, ошиблась она или нет. Видели это и знали только члены проводившей опыты комиссии.

Они заверили своими подписями протокол, что ошибок у Розы Кулешовой не было.

Чтобы сразу же снять предположение о ее сверхчувствительных пальцах, был сделан другой опыт. На бумаге выдавили рельефом некий текст. Роза не смогла его прочесть. Буквы окрасили. "Чтение пальцами" сразу же начало блестяще удаваться.

Скажу откровенно: я слушал об этом, как о чуде. Однако это чудо, безусловно, реальность.

Кстати, сегодня во многих институтах Советского Союза ученые ведут опыты с "видением пальцами". И уже десятки, а то и сотни людей овладели этим необъяснимым на сегодня искусством не хуже, чем Роза Кулешова.

Московский ученый профессор А. А. Смирнов рассказывал мне о своем опыте, поставленном им с целью выяснить, не обладает ли Роза Кулешова способностями к ясновидению. Для этой цели, отправляясь к ней в гости, он захватил с собой конверт из очень плотной бумаги, в который его коллега положил в произвольном порядке несколько цветных бумажек. Придя к Кулешовой, Смирнов подал ей конверт и попросил сказать, что в нем лежит. Она взяла конверт и сказала:

– Это, конечно, значительно сложнее, чем видеть пальцами. Но попробую... Мне кажется, что сверху лежит красная бумажка, под ней синяя, а дальше зеленая... Под этими бумажками лежат еще какие-то цветные листики, но их я вижу уже смутно...

– Проверим, – весело сказал ученый и вскрыл конверт; он и сам не знал последовательности цветных бумажек. – Итак, достаем. Вы угадали: сверху – красная, за ней – синяя, и дальше – зеленая. А дальше еще семь разных цветных бумажек...

Кстати, опыты с "кожным зрением" проводили и американские ученые. Обладательницу этого интересного дара Патрицию Стенли в последние годы обследовали трижды. Выяснилось, что от раза к разу ее способности слабеют. Если первая серия испытаний была очень эффектной, то вторая, проведенная через несколько месяцев, показала хотя и положительные, но не блистательные результаты. А третья серия – еще через несколько месяцев – вообще не дала результатов. Патриция потеряла свою удивительную способность.

Мне хочется сказать здесь и о том, что очень внимательно и доброжелательно надо относиться к людям, обладающим интересными телепатическими и другими редкими способностями. Мне не раз приходилось слышать, что демонстрация таких способностей особенно удастся при благожелательном отношении аудитории, вызывающем особый подъем настроения, рождающем порыв вдохновения испытуемого. И наоборот, при ироническом, скептическом и недоброжелательном отношении вдохновение увядает, самые способности резко уменьшаются... Ну а злобная или недоброжелательная статья в газете может вообще привести к тому, что у телепата или "ясновидящего" возникнет яростное нежелание подвергаться исследованиям, публично демонстрировать свое умение. Между тем наука заинтересована, чтобы исследованиям подвергались все обладающие особыми способностями, ибо без детального изучения этих способностей трудно будет найти им научное объяснение.

..."Феномен Розы Кулешовой" наукой еще не объяснен. Но он существует. В этом, кажется, уже нет сомнений. Феномен предсказаний также ждет и своих исследований, и своих толкований.

Очень часто я ловлю мысли людей, завидующих мне:

– Вот бы мне такие способности... Я бы...

А мне хочется сказать этим людям:

– Не завидуйте!

И действительно, чему завидовать? Свойство телепата позволяет мне иной раз услышать о себе такое, что, как говорится, уши вянут. Увы! Так много рождается у людей мыслей, которые совсем ни к чему слышать другим и которые обычно не высказывают вслух... Приятно ли слышать о себе бесцеремонные, грубые, лукавые мнения?

Так, может быть, способность гипнотического воздействия – завидная вещь?

О нет! И в доказательство этого могу сослаться на тот факт, что я и сам к этой способности прибегаю крайне редко. Считанное количество раз в своей жизни.

Ну, наверное, самое завидное – умение видеть будущее?

Да тоже нет! Кстати, я никогда не сообщаю людям, что они должны скоро умереть. Стараюсь не сообщать и другие печальные вести. Зачем? Пусть лучше они не ожидают бед и несчастий. Пусть будут счастливы.

Нет, ни одна из этих способностей не дает никаких особенных преимуществ. Если, конечно, их обладатель честный человек и не собирается использовать свое умение в целях личной наживы, обмана, преступлений... Но и в этом случае он не достигнет успеха. Он будет в конце концов обнаружен и, попросту говоря, наказан... обязательно!

Так что не завидуйте!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня у меня – один из дней отдыха. Позади очередная гастрольная поездка с "Психологическими опытами". Впереди еще несколько дней до следующей поездки.

Я дома. Я сегодня не Вольф Мессинг. Сегодня я для всех просто Вольф Григорьевич, обыкновенный человек.

Я живу в Москве, в обыкновенной квартире в новом доме на Новопесчаной улице. Я пишу сейчас в комнате за письменным столом, стоящим у окна. Вместо письменного прибора – шахтерская лампа. Слева – кофейный прибор из старинного фарфора. Все это – подарки друзей. Несколько сотен любимых книг. Портрет покойной жены на стене. На телевизоре – кусок удивительной прозрачной горной породы – хрусталя. Я люблю держать его в руках. Подарили мне ее горняки в одну из моих поездок по Советскому Союзу.

В этой квартире обитают четверо – вся моя семья. Кроме меня сестра моей жены – она ведет наше нехитрое хозяйство – да две забавных белых, как снег, собачки Машенька и Пушинка – дочь и мать. Мы все очень доброжелательно относимся друг к другу и стараемся уважать и понимать желания и привычки другого.

Встал я, как всегда, в восемь утра. Сделал несколько дыхательных упражнений. Занялся туалетом. Потом пошел прогуляться с моими четвероногими друзьями.

Возвращаясь с прогулки, достаю из почтового ящика газеты и письма. Устроился на диване и развернул их. Так же, наверное, как это делаете в свой выходной день и вы, читатель. И так же, как и всех, меня взволновали и расстроили одни сообщения, обрадовали и воодушевили другие. Современный человек не может не жить жизнью всего земного шара, который достижения науки и техники сделали таким маленьким. И меня радуют и печалят сообщения со всех материков земли – и из Антарктиды, и из Бразилии, и из Австралии, и из Сомали...

В десять я завтракаю. Крепкий кофе с молоком. Пара куринных яиц всмятку. Кусочек хлеба.

От завтрака до обеда – разбор почты. Письма приходят ежедневно. Пишут мои зрители. Советуются по самым различным вопросам жизни и творчества. Пишут ученые – нередко из, казалось бы, далеких областей знаний. Я отвечаю на каждое письмо. Иногда – не сразу. Иногда через неделю, а то и через две, когда придет ясность о том, как я должен ответить.

Ну а если остается время, я отдаю его интересной новой повестью, опубликованной в литературном журнале, размышлениям над новыми экспериментами, игре с моими четвероногими друзьями. В такие часы писалась и эта книга.

В четыре часа – простой домашний обед.

Короткий отдых. Включаю телевизор. Это удивительное изобретение доставляет мне массу радости. Оно раздвигает стены дома так, что виден весь мир. И нередко оно заменяет мне посещение театра, концерта, цирка...

Я люблю все виды театрального искусства – от драмы и оперы до цирка и эстрады. Я был знаком со многими выдающимися актерами: с неповторимым Шаляпиным, ироничным Михоэлсом, могучим Провом Садовским, волшебником Вертинским... И раньше каждый свободный вечер я проводил в театре, на концерте или в цирке. Сейчас нередко вместо этого я сижу у телевизора. Сознаться ли? Одна из причин, которая заставляет меня избегать посещать театры – боязнь быть узнанным. Очень неприятно, когда на тебя, пришедшего спокойно и мирно насладиться игрой актеров, искусством постановщика, тайно из-за спины показывают пальцем, а иной раз и бесцеременно забегают вперед "поглядеть". Это очень мешает. Эта одна из причин, почему я избегаю появляться в местах, где много публики.

Иногда вечером заходит кто-нибудь из друзей. Иногда сам я иду к кому-нибудь в гости. Но, как правило, уже в одиннадцать часов я дома. Ведь меня ждут мои четвероногие друзья. Вечерняя прогулка с ними. И в двенадцать часов я уже сплю...

Сегодня я был просто Вольфом Григорьевичем. А завтра у меня снова выступление. Надо будет с утра собирать силы, сосредотачиваться... Надо снова становиться Вольфом Мессингом!..

Поверьте, им нелегко быть.

1964–1965 гг.

Литературная запись
Михаила Васильева

Виктор Кулагин

ФЕНОМЕН "К"

(Феномен Нинель Кулагиной)

Глава I

ГРАНИ ФЕНОМЕНА

Поздним вечером в апреле 1988 года по Центральному телевидению миллионы людей впервые в нашей стране смогли увидеть, что такое телекинез.

Появившиеся перед зрителями Нинель Сергеевна Кулагина, академик Юрий Борисович Кобзарев и автор этих строк коротко в рамках отведенных семи минут рассказали о труднообъяснимом даре, которым природа наделила представшую перед всем народом его обладательницу. За свою жизнь она многократно подвергалась нападкам в печати, заслужив устойчивую репутацию мистификатора и другие нелестные эпитеты...

В тот вечер, почувствовав прилив вдохновения, вызванного добрым отношением съемочной группы и ведущего, Нинель Сергеевна показала тот самый "фокус", что не дает покоя многим истинным ученым.

Сняв с пальца золотое обручальное кольцо, она положила его перед собой на крышку журнального стола и, поведя над ним ладонью, к изумлению всех, кто находился в студии, думаю, что и всех телезрителей, стронула кольцо с места, и оно, повинувшись некоей силе, рывками переместилось к краю стола... Сдвинулись с места и разложенные на столе спички... Так был продемонстрирован простой, но феноменальный опыт, для объяснения которого требуется много усилий: движение предметов, к которым не прикасалась рука!

Так впервые советское телевидение оказало внимание феномену. Лет за пятнадцать до этого показа несколько дней мы жили в Москве; операторы сняли тогда документальный фильм о способностях Нинель Сергеевны. Вскоре ее увидели миллионы. Но снимали фильм по заказу японской телекомпании, и смотрели его зрители Страны восходящего солнца. Потребовалось много лет, должна была начаться эпоха гласности,

чтобы Н. С. Кулагина смогла предстать перед своим народом. О ней к тому времени успели рассказать журналисты многих стран.

Но не только представители средств массовой информации проявили пристальный интерес к феномену. Им в течение ряда лет занимались ученые Ленинграда, Москвы и других городов СССР, а также зарубежных стран, которым удалось поставить ряд интересных экспериментов, ставших предметом раздумий физиков.

Будучи инженером-судостроителем, я также постепенно втянулся в эту трудную работу, не ограничился ролью наблюдателя, а в меру сил и знаний, которые пришлось постоянно пополнять, включился в исследования, поставил сотни опытов, что и позволило в конце концов взяться за перо.

Выступление по телевидению вызвало многочисленные отклики. Учитель физики из Харькова прислал в газету "Правда Украины" такое письмо: "Вопрос, который оказался для меня актуальным, связан с "делом о телекинезе" Кулагиной. У меня возникли трудности в освещении феномена на уроках. Дети перестают верить традиционному объяснению, которое учитель обязан дать. Как быть?"

Научно-исследовательский институт психологии Министерства народного образования УССР ему ответил: "Феномен Кулагиной вполне материален, объяснить суть явления еще предстоит".

Такое объяснение вряд ли удовлетворило учителя физики.

Отвечая на вопросы научного обозревателя "Труда", директор Отдела теоретических проблем Академии наук СССР Э.И. Андрианкин так объясняет явление: "...Эффект передвижения легких предметов, находящихся в создаваемом Кулагиной силовом поле, вполне укладывается в рамки нашей обычной физики – скажем, его можно объяснить законами электродинамики и акустики. Так же объясняется и раскручивание магнитной стрелки. Так что "волшебство" в этом явлении – вовсе не сами факты передвижения, а очень редкая, необычная способность Кулагиной управлять и выработкой магнитных импульсов в организме, и созданными зарядами".

Хотя последнее объяснение более многословное и исходит от физика-теоретика, тем не менее оно не намного убедительнее того, что получил учитель физики от коллег из ведомственного института.

Сам по себе факт признания достоверности телекинеза как реального физического явления со стороны ученого, руководителя Отдела теоретических проблем Академии наук СССР имеет, конечно, значение. Это гарантия того, что будет преодолен наконец-то страх перед таинственной природой необычайного феномена, с него будет снято клеймо мистицизма и шарлатанства.

Задолго до этого публичного заявления представителя официальной науки академик Юрий Борисович Кобзарев, проведя ряд опытов с Н. Кулагиной, выдал ей на руки письменное подтверждение, которое явилось для нее огромной моральной поддержкой, своеобразной "охранной грамотой". На личном бланке, заверенном подписью и печатью института, где служит академик, значатся такие слова:

"Подтверждаю, что Нинель Сергеевна Кулагина обладает необыкновенной способностью вызывать движение легких предметов без прикосновения к ним, исключительно путем напряжения своего организма.

Опытами доказано, что это не может быть объяснено возникновением электрических и магнитных полей.

Демонстрируемое Н.С. Кулагиной явление представляет колоссальный интерес для науки. Его изучение может привести к фундаментальным открытиям, не уступающим по своему значению теории относительности и квантовой механике.

Я считаю, что необходимо оказывать Н.С. Кулагиной всемерную поддержку, всячески содействовать улучшению условий ее существования, оказывать помощь в проведении научных исследований демонстрируемых ею явлений.

Председатель Научного совета
по проблеме "Статистическая радиофизика" АН СССР
Герой Социалистического Труда
Ю.Б. Кобзарев"

Как видим, в этой "охранной грамоте" правдиво и честно сказано, что явление "не может быть объяснено возникновением электрических и магнитных полей".

Предложение написать для этого сборника, которое сделал мне его составитель, признаться, было неожиданным, озадачило. И в самом деле. Как поведать о необычных способностях близкого тебе человека, о жене, с которой прожито без малого сорок пять лет, написать так, чтобы читатель не обвинил автора в личной заинтересованности, необъективности? Как рассказать о редких и необычных психофизических возможностях, которые проявляются в странных и труднообъяснимых формах взаимодействия с объектами живой и неживой природы? Сумею ли я написать так, чтобы это не было воспринято как досужий вымысел или желание поразвлечь читателя новеллами фантастического характера? Как сделать так, чтобы мне поверили? Ведь речь пойдет о фактах, которые противоречат каждодневному человеческому опыту, так называемому здравому смыслу, а главное, не находят у тебя самого логического объяснения в пределах известных науке законов.

Мое положение осложняется бесчисленным множеством различного рода публикаций, авторы которых, "защищая" ма-

териалистическое мировоззрение, напроочь отрицали достоверность таких явлений, как телекинез, а также телепатия, ясновидение... А к ним Нинель Сергеевна также имеет отношение.

За прошедшие двадцать пять лет имя жены в подобных публикациях упоминалось по меньшей мере сто раз. При этом ее напрямую обвиняли в обмане, не стесняясь, наделяли всевозможными оскорбительными эпитетами. Досталось и мне, как "обеспечившему техническую сторону мистификаций".

Характеризуя атмосферу, которая создавалась по этому поводу в недалеком прошлом, сошлюсь на несколько недавних примеров.

Весна 1988 года. В клубе Московского университета идет диспут "О непонятных явлениях, загадках, сверхчувственных восприятиях".

Со сцены звучит голос биофизика члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Волькенштейна:

"Я физик и биофизик и не чужд других интересов. На мой взгляд, имеется только один социально-психологический вопрос, который действительно интересен. Почему наше общество заинтересовалось такого рода вещами вот именно в эти годы?"

Почему, скажем, в трудные годы первых пятилеток, войны, послевоенного восстановления никто не помышлял об экстрасенсах. Я не оспариваю некоторых чудес, и я полностью признал историчность фигуры Иисуса Христа, и есть чудеса, которые можно объяснить, но большая часть чудес, о которых говорится – фикция. И вместо того чтобы предпринять элементарную проверку, в которой должны участвовать вовсе не ученые, а криминалисты и иллюзионисты, вместо этого начинается широкая реклама. Я утверждаю, что такого рода увлечения характерны для периодов упадка, загнивания, застоя общества".

С этим высказыванием известного биофизика в телепрограмме "Очевидное – невероятное" созвучен и комментарий ее ведущего, профессора С. П. Капицы:

"В начале этого века, в канун первой мировой войны, также был невероятный интерес, я бы сказал, ко всему потустороннему, который завершился действительно жуткой фигурой Распутина, связанной с крушением всего порядка царской России. И вот такие явления, такой интерес к этим вещам – он всегда возникает тогда, когда происходит некая смена мировоззрений, потеря, я бы сказал, веры в те принципы, в те устои, которые до какого-то времени руководили обществом.

Это серьезные соображения, соображения, которые выходят за рамки тех простых, я бы даже сказал, несколько наивных историй, о которых вам сейчас рассказывали. И я их рассматриваю скорее как симптом некоего явления, чем как само явление, которое могло бы вызвать опасения другим.

В конечном итоге мне кажется, что есть совсем простой способ смотреть на эти вещи: давайте отделим телепатию от государства. Пускай все те, кто хочет заниматься этими вещами, занимаются этим делом. Пусть даже на кооперативных началах!"

Но разве можно в наш век отделить науку от таких явлений, как телекинез? Разве тем самым не нанесем мы ущерб не только им, но и государству?

А ведь не кто иной, как профессор Капица, в марте 1968 года был свидетелем телекинеза, который демонстрировала Н. С. Кулагина на кафедре волновых процессов МГУ. Опыты проводились в кабинете заведующего кафедрой, члена-корреспондента Академии наук СССР (впоследствии академика и ректора университета) Рема Викторовича Хохлова.

В тех опытах принимала участие группа ученых Физического института имени Н. П. Лебедева АН СССР во главе с заведующим сектором, доктором физико-математических наук Ф. Бункиным, который, приглашая Н. Кулагину в Москву, писал:

"Глубокоуважаемая Нинель Сергеевна!

Группа научных работников Физического института им. Н. П. Лебедева АН СССР, заинтересовавшись сведениями о Ваших психофизиологических возможностях, приглашает Вас принять участие в исследованиях в этой области.

Мы будем Вам очень благодарны, если Вы сможете провести несколько дней в Москве по нашему приглашению в конце марта с. г."

И удивительное дело – за двадцать с лишним лет у ведущего программы "Очевидное – невероятное" не хватило времени рассказать об удивительном эксперименте по телекинезу, свидетелем которого он был, показать документальные кинокадры фильма, который тогда снимали сотрудники кафедры. Не это ли характерная черта периода действительного застоя в нашей науке – замалчивать очевидное, уходить от объяснения невероятного?

Развернувшаяся в прошлые десятилетия в прессе борьба вокруг так называемых "таинственных явлений" редко обходилась без того, чтобы в том или ином негативном ракурсе не было упомянуто имя Н.С. Кулагиной.

Травля в печати кончилась тем, что нам пришлось обратиться в суд.

Комментируя ход судебного разбирательства и решение по иску Н.С. Кулагиной о защите чести и достоинства (которое опубликовано в № 5, 6 и 7 журнала "Техника – молодежи" за 1988 год), доктор юридических наук, профессор В. Мартемьянов заключает свою статью "Оправдание экстрасенса, или Как правосудие может внести свой вклад в науку" таким выводом:

”По данному делу выступали в качестве свидетелей известные ученые-физики, их показания оказались решающими, подтверждая существование явлений, пока необъяснимых. Факты установлены решением суда, вступившим в законную силу. Этим правосудие внесло свой вклад в науку. Истина факта оградена. Дело науки дать факту объяснение”.

Конечно, те, кто годами специализировался на разоблачении ”фокусов”, и после суда не изменял позицию, не поверят в реальность телекинеза, будут продолжать, но только в более корректных формах, настраивать общественное мнение против исследований феноменов, таких, как Кулагина.

Но время работает против них: энтузиасты, ученые, загнанные в подвалы, где они годами тайком вели наблюдения, выходят теперь на свет, объединяются.

”При Союзе научных и инженерных обществ СССР (СНИО) создан Комитет по проблемам энергоинформационного обмена в природе. Событие это долгожданное: теперь будут официально изучаться многие загадочные, не укладывающиеся в обычные рамки явления”. (Привожу цитату из ”Известий” за 11 февраля 1989 года.) Ныне открыто проходят симпозиумы, научные конференции. Готовятся к изданию отчеты, доклады ученых, в том числе тех, кто изучал Н. С. Кулагину.

С чего начать рассказ о явлении, которое в лаборатории Института радиотехники и электроники АН СССР обрело официально права гражданства, название ”Феномен ”К””?

Что может Нинель Сергеевна, кроме телекинеза, воздействия на легкие предметы, магнитную стрелку?

Неоднократно она демонстрировала способность к так называемому ”кожному зрению”, ”читала” рукой разные тексты. Экспонировала светочувствительные фотоматериалы. Контакт-но и бесконтактно вызывала у других людей ощущение жжения, оставляя на их теле ожоги. Существенно на несколько единиц снижала рН воды (рН – величина, характеризующая концентрацию ионов водорода в растворах. Водные растворы могут иметь величину рН в интервале от 1 до 15; в нейтральных растворах рН равен 7, в щелочных – больше 7. – *Ред.*), создавала кислую среду в разных жидкостях. Воздействовала на распространение лазерного луча. Значительно увеличивала электропроводимость воздуха. Оказывала болеутоляющее, терапевтическое воздействие при воспалительных процессах, некоторых заболеваниях, а также проводила ряд других экспериментов, о чем пойдет речь в этой книге.

Пытаясь познать физическую природу неординарных явлений, наряду с самостоятельными поисками мы шли на тесные контакты с учеными, принимали участие во многих опытах и экспериментах с использованием различной диагностической аппаратуры и физических приборов.

Так, начиная с 1964 года они проводились более чем в 25 различных государственных научных лабораториях Ленингра-

да и Москвы, в том числе Ленинградском университете; Московском университете; в психоневрологическом Институте имени В. М. Бехтерева; нейрохирургическом Институте имени А. Л. Поленова АМН СССР; в магнитно-ионосферной обсерватории Ленинградского отделения ИЗМИРАН АН СССР; Институте химической физики; Институте радиотехники и электроники АН СССР; Ленинградском институте точной механики и оптики; Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте; Ленинградском институте текстильной и легкой промышленности имени С. М. Кирова, в ряде других медицинских, научных организаций.

В этих экспериментах принимали участие ученые различных специальностей, в том числе ряд известных академиков, профессоров. Обычно наши контакты с учеными являлись следствием инициативных частных предложений, поскольку исследования феномена до последнего времени рассматривались в официальных кругах как псевдонаучные, они не освещались в печати.

Однако по ряду экспериментов получены заключения ученых, отчеты и протоколы. Появились отдельные публикации в научных сборниках, впервые изданные в 1984 году Калининским университетом и Таганрогским радиотехническим институтом имени В. Д. Калмыкова. На страницах центральных газет и журналов публиковались статьи, рассказывающие о наиболее важных опытах, проводившихся с участием Н. С. Кулагиной. Эти публикации – об исследовании физических полей биологических объектов – свидетельствуют о серьезном научном интересе к проблеме. Полученные нами результаты более обширны, чем упомянутые выше публикации и статьи. Поэтому мы считаем необходимым рассказать более подробно и обстоятельно о них, дабы наша информация могла бы быть использована при проведении дальнейших исследований, послужила бы для размышлений. Надеемся, что она не будет воспринята как желание самоутвердиться или обозначить таким образом свой возможный приоритет.

Наблюдавшиеся нами явления имели место в условиях реального масштаба времени и пространства, в их интерпретации мы использовали уровень знаний, базирующийся на материалистическом мировоззрении. И есть убеждение, что нами не допущены принципиальные ошибки в оценке приведенных фактов.

Мы с должным вниманием относимся к авторитетам в науке, к высказываниям видных ученых о профессионализме, об ответственности за объективный и всесторонний анализ явлений природы в какой-либо из областей естественных наук. Простое чувство гражданского долга обязывает излагать факты предельно объективно, ибо во всем, что нами проделано, преследовалась единственная цель – поиск истины, попытка разобраться в физической природе феномена "К".

Явления, которые нами наблюдались, в большинстве своем четко отображали наличие физического, физико-химического или биофизического эффектов. Они регистрировались либо визуально, либо с помощью различных физических приборов и регистрирующей аппаратуры, или существующих методов химического анализа.

В конечном счете речь в нашем изложении пойдет о способностях человека воздействовать на объекты живой и неживой природы без использования при этом известных науке форм взаимодействий, т. е. гравитационных, электромагнитных, а также чисто механических.

По внешним проявлениям это, с одной стороны, энергетические (без видимого физического контакта) взаимодействия, связанные с перемещением в пространстве и изменением состояния и структуры объекта, а с другой стороны – психофизические усилия и определенный самонастрой организма, обеспечивающие получение информации о состоянии и особенностях тех или иных объектов без использования известных средств наблюдения и связи.

К числу первых можно отнести:

эффект "жжения";

воздействие на структуру и состояние материалов (на воду, некоторые виды органических веществ, пластмассы, полимерные пленки и волокна...);

воздействие на фотоматериалы, упакованные в светонепроницаемых конвертах, вызывающее засветку. Воздействие на ход химических реакций;

перемещение в пространстве легких предметов и воздействие на магнитную стрелку компаса;

умение обнаружить те или иные предметы, находящиеся вне видимости; способность определить содержание текста, характера и цвета изображения на страницах закрытых книг или журналов, ранее неизвестных испытуемой, без предварительного осмотра источника информации.

В домашних условиях удавалось проводить опыты нередко более интересные, сложные, более информативные, чем в официальных, лабораторных. Все объясняется тем, что неординарность явлений, свидетелями которых становились экспериментаторы, отсутствие у них сколько-нибудь приемлемых гипотез для объяснения наблюдавшихся фактов зачастую вызвали у них недоумение и сомнения. Это приводило к многократным повторениям однотипных опытов, что, естественно, усложняло и сужало их ход, увеличивало нервное и физическое напряжение испытуемой и в конечном итоге обедняло реальную картину проявлений феномена.

Не ставлю целью раскрыть в хронологическом порядке всю историю феномена "К". За прошедшие четверть века были периоды активной работы и периоды спада и депрессии, которые связаны в основном с травлей в печати, вызванными ею болез-

нями, неурядицами. В эмоциональном отношении наша жизнь менялась довольно часто, имела сложный и напряженный характер.

Изложим известные из наблюдений и опытов факты, классифицируя их по характеру физического проявления. Они выявились отнюдь не в одночасье. Начав, казалось бы, с незначительного, но тем не менее странного факта – способности определять цвета предметов с закрытыми глазами при касании к ним пальцами, Нинель Сергеевне удалось в результате поисков и тренировок развить природный дар, обрести уникальное умение управлять необычными способностями.

Глава II

"КОЖНОЕ ЗРЕНИЕ"

Все началось вечером в первых числах декабря 1963 года, когда по радио прозвучало сообщение о способностях некой девочки из Харькова с завязанными глазами определять цвета на ощупь — пальцами. Услышав это, жена вдруг сказала: "И я могу так делать!" Она вспомнила, что в больнице после операции на ощупь безошибочно выбирала нитки нужного ей для вышивания цвета, находившиеся в мешочке из плотного материала.

Незадолго перед этим мы узнали из газет о способности жительницы Урала Розы Кулешовой подобным образом "читать" крупный печатный текст, различать цвета и определять характер рисунка.

Когда жена объявила, что и она может различать цвета не глазами, а пальцами, я ей не поверил. Взялись за проверку. Завязали ей глаза шерстяной пуховой косынкой, сложенной в несколько раз. Завязывали туго, исключив возможность подглядывания через повязку. На столе лежала книга по цветной фотографии, раскрытая на страницах, где имелись яркие изображения. К моему удивлению, после непродолжительной тренировки все цвета на страницах этой книги Нинель Сергеевна безошибочно определила на ощупь пальцами правой руки.

Начали другие опыты. Изготовили из белого ватмана листки бумаги, покрасили их, используя все 24 тона акварельной краски из набора "Ленинград". Слои краски наносились несколько раз. При этом достигалась яркость и равномерность покрытия поверхности листа. Чтобы окрашенная поверхность не оставляла следов на пальцах при касании, не имела различной шероховатости, высохшие листы тщательно зачищались.

Таким образом появился набор цветных листков с тонким переходом различных тонов всех цветов и красок. Вскоре из-за сложности правильной оценки полутонов пришлось ограничиться половиной разноцветных листов. После некоторой тренировки все цвета на этих листах определялись без ошибок.

Затем в дело пошел набор из двенадцати цветных карандашей. Все цвета определялись в большинстве своем без ошибок. Через несколько дней не оставалось никакого сомнения в том, что выявившиеся удивительные способности различать цвета, прикасаясь к предмету руками, не случайность, не какой-либо фокус, а реальность. Захотелось в ней разобратся.

А что, если почитать газетный текст? Пробуем. Не сразу, но стало и это получаться. Начали с крупного шрифта, затем перешли к чтению мелкого. Все идет хорошо, с незначительными ошибками и сбоями. И вот что замечаем: проводя рукой вдоль строки текста, Н.С., оказывается, не закрывает пальцами читаемую строку. Пальцы ее скользят под строкой! Выходит, что так называемый "кожно-оптический" эффект здесь ни при чем... возможно, вовсе необязательно касаться предмета, чтобы определить на ощупь цвет, шрифт или изображение?

Начинаем усложнять опыты. Оказывается, цвета и печатный текст определяются на ощупь не только пальцами руки, но и пальцами ноги, подошвой ступни, локтем, подбородком, любым открытым участком тела!

Что произойдет, если выключить освещение, а глаза оставить завязанными? На столе раскладываем все листки окрашенной бумаги. Проводим опыт не только "вслепую", с завязанными глазами, но и в темноте. После каждого объявления цвета включаем свет. Все правильно, ни одной ошибки.

Раскладываем цветные карандаши. Повторяется вся процедура определения цвета в темноте. Ошибки бывают только на "черном" и "коричневом", на "синем" и "темно-зеленом", на темных тонах. Остальное все определяется правильно.

В чем же дело? Почему в темноте, когда даже открытыми глазами невозможно определить цвет предмета, увидеть газетный текст, испытываемая тем не менее дает верные ответы, "читает"? Может быть, она обладает какой-то непонятной чувствительностью кожи, когда в поздний темный вечер достаточно отблеска даже слабого света, через окна проникающего с улицы?

Уединяемся в полной темноте, в ванной, в которой я обычно занимаюсь фотографией. Выключаем свет в квартире. Результат — поразительный.

Почему в полной темноте, где даже не засвечивается фотоматериал, правильно определяются цвета рукой? Может быть, играет роль какое-то подобие эффекта фосфоресценции окрашенной поверхности? Может быть, при освещении окрашенная поверхность получает какой-то заряд энергии, который затем сохраняется некоторое время и излучается в виде инфракрасного излучения? Возможно, оно и воспринимается, дифференцированно оценивается особыми чувствительными рецепторами кожи?

Решаем положить минут на тридцать в темную ванную комнату стопку окрашенных листов бумаги, вложив ее в черный светонепроницаемый конверт. Операцию эту проделываю в предположении, что тридцати минут окажется достаточно, чтобы выравнялись уровни энергетического возбуждения окрашенных поверхностей, хотя понимаю, что такое предположение никак не может быть обосновано с физической точки зрения.

Проходит полчаса. Вновь повторяем опыт. Каждый раз после объявления цвета очередной лист выносится в комнату, где при свете переносного фонарика, чтобы не зажигать свет в квартире, устанавливается фактическая окраска. И снова все называется верно!

Все действия мы проводили с особой осторожностью и предусмотрительностью, чтобы исключить для себя любые сомнения относительно чистоты и корректности всех процедур. Это позволяло нам быть уверенными в объективности оценки наблюдавшихся результатов.

Экспериментируем дальше. Начинаем "читать", определять цвета, видеть рисунки, не прикасаясь рукой к предметам или листам. И в этом случае все постепенно удается. Не сразу, но после нескольких дней тренировок ошибок почти нет.

С плотно завязанными глазами, с помощью пассов рук на расстоянии в 20–30 сантиметров Нинель Сергеевна находит иголку. Определяет достоинство монет, год их выпуска. Проводя руками перед экраном телевизора, у которого выключен звук, определяет характер телепередачи.

Все эти занятия вызывали огромный интерес не только у жены, у меня, но и у всех членов семьи. Во время опытов Нинель Сергеевна сильно утомлялась, у нее возникали головные боли, вплоть до рвоты. Со временем это утомление спадало, появилось умение самонастроиться.

Усложняя опыты, прикрываем цветные полосы чистым белым листом чертежной бумаги. И в этом случае цвета определяет почти верно. Происходят ошибки за счет близкого звучания цветов – желтого и оранжевого, темно-зеленого и синего, коричневого и черного.

Пишу карандашом крупные буквы и закрываю их листом... Вновь удача.

Вкладываю цветные листки в черные конверты. Глаза – завязаны. Пальцами руки Н.С. прощупывает поверхность конверта, слегка трет пальцами по нему. Проходит полминуты, минута – и называется цвет. Ошибки случаются на темных тонах.

Далее закладываю все цветные листки в черные конверты поштучно. Перемешиваю конверты так, чтобы самому не знать, где что находится. Тщательно пальцами Н.С. прощупывает конверт с обеих сторон и объявляет, где какой цвет. Конверты предварительно попросила память. Оказывается, возникло такое ощущение, что при мятой поверхности конверта ей легче определить цвет, по гладкой поверхности рука скользит и не успевает "понять цвет". Ответы поразительные – ошибок мало. Возможность как-либо подсмотреть – исключена.

Дальше – больше. Закладываем в черные конверты листки с цифрами, буквами, короткими словами. Конверты тщательно перемешиваю. И все равно результаты по-прежнему хорошие.

Как-то вечером предлагаю Нинель Сергеевне выполнить такое задание: взять четыре листа чистой бумаги, карандаш и нарисовать на каждом из них то, что ей будет представляться в уме после моей команды. Я же в это время буду находиться в другой комнате и рисовать на каждом из четырех листов простую фигуру или знак.

Каково же было наше удивление, когда, сравнив ее и мои рисунки, мы видим их идентичность. Во время этого сеанса мы находились в разных комнатах квартиры, на расстоянии не менее десяти метров друг от друга. Тут же опыт повторяется, и опять успех.

Так началась серия самых разнообразных экспериментов, каждый из которых открывал что-нибудь новое, удивительное и... необъяснимое.

За какой-то месяц наших упражнений появилось столько загадок, что ни о чем другом не хотелось думать.

То, что ни одно из публично высказанных объяснений так называемого "кожного зрения" или "кожно-оптического эффекта" Розы Кулешовой к нашим опытам не подходило, было вполне очевидно.

Не подходило для толкования эффекта и понятие о цвете вообще. Известно, что "цвет является ощущением, производимым в глазу и мозгу светом различных длин волн и интенсивностей или, что равноценно различным энергиям фотонов, на которые реагирует глаз" (*Брилл Т. Свет. М., 1983*). Далее в книге Фадеева Г. Н. "Химия и цвет" (М., 1977) утверждается:

"Цвета, которые мы воспринимаем, есть результат нескольких процессов:

1) взаимодействия электромагнитных колебаний, из которых состоит световой луч, с молекулами вещества;

2) избирательного поглощения, обусловленного особенностями структуры молекул, обладающих цветом, тех или иных световых волн;

3) воздействие лучей, отраженных или прошедших через вещество, на сетчатку глаза..."

Хотя физиология цветного зрения изучена недостаточно, все же существует несколько гипотез и теорий цветного зрения, из которых наибольшее распространение получила трехкомпонентная теория. Согласно этой теории, в сетчатке глаза имеется три воспринимающих рецептора, они возбуждаются в разной степени под воздействием световых волн с различной длиной волны. Каждый вид этих рецепторов возбуждается главным образом одним из основных цветов – красным, зеленым и синим. И каждому из этих трех цветовых раздражителей соответствует определенный вид биопотенциала сетчатки и зрительной области коры головного мозга.

"В коре головного мозга происходит окончательный анализ и синтез светового воздействия, которое осуществляется одно-

временно. Благодаря такому устройству зрительного анализатора человек может достаточно хорошо различать множество цветовых оттенков" (Большая медицинская энциклопедия. М., 1986. Т. 27. Статья "Цветовое зрение").

Что же мы наблюдали, выключив из работы зрение, плотно зажав глаза испытуемой? Ведь мы исключили возможность реакции светочувствительных рецепторов сетчатки глаза, поступление по естественным каналам связи какой-либо информации в виде измененных биопотенциалов в зрительную область коры головного мозга...

Погасив свет, спрятав цветные листы в непроницаемом конверте, исключили какое-либо взаимодействие электромагнитных колебаний видимого диапазона, проще говоря, света с молекулами красящего вещества, нанесенного на лист бумаги. Значит, никаких электронных возбуждений в атомах красящего вещества, нанесенного на лист бумаги, не происходило. Не происходило и никакого "избирательного поглощения, обусловленного особенностями структуры молекул, обладающих цветом, тех или иных световых волн". А Нинель Сергеевна видела, читала...

Упаковав листы бумаги в конверты, мы полностью исключили и без того теоретически совершенно необоснованное предположение о наличии собственного излучения в инфракрасном диапазоне каждого из окрашенных листков. Таким образом, все компоненты внешнего воздействия на зрительный анализатор человека были исключены. А Н.С. тем не менее правильно воспринимала различные цвета!

Выходит, что внешние "раздражители" зрительного анализатора – отраженное от окрашенной поверхности электромагнитное излучение – для объяснения эффекта вовсе не нужно.

Может быть, все дело в собственном излучении организмом человека какого-то особого "поля", с помощью которого и происходит поиск, определение структуры окрашенной поверхности.

Возникает вопрос о характере взаимодействия этого гипотетического биологического поля со структурой окрашенной поверхности. Если взаимодействие адекватно световому, то это означало бы, что наше предполагаемое биологическое поле должно само вызывать те же электронные возбуждения в оболочках атомов вещества. Значит, лоцируя окрашенную поверхность, находящуюся в темноте, биологическое поле само возбуждает электронные оболочки, то есть само создает "цвет" окрашенной поверхности. Такое рассуждение кроме как абсурдным назвать, конечно, нельзя. Выходит, что тупик?

Ну а что же другое? Может быть, окрашенная поверхность имеет в каждом варианте цвета какую-то свою отличительную особенность, не связанную только с понятием возбужденных

валентных оболочек атомов красящего вещества? И может быть, какая-то особая природа биологического поля, лоцируя окрашенную поверхность ежедневно, наряду с постоянной работой зрительного анализатора отмечает где-то в сознании человека эту отличительную особенность и при необходимости (как в наших опытах), сопоставляя ее с реакцией при определении цвета в темноте, выдает правильный ответ?

Тупики в лабиринтах рассуждений появляются и когда пытаешься разобраться в физической природе других наблюдений, которые последовали за опытами с эффектом "кожного зрения".

Спустя месяц, в течение которого почти ежедневно проходили тренировки, мы решили рассказать о наших опытах врачам, у которых жена проходила курс лечения.

Кандидат медицинских наук С.Г. Файнберг, лечивший жену гипнозом, очень заинтересовался нашим рассказом. Вскоре он у нас дома сам проводил опыты, в достоверность которых поначалу никак не хотел поверить. Доктор рассказал о Нинель Сергеевне известному ученому-физиологу, профессору Ленинградского университета Л.Л. Васильеву, который выразил желание увидеть все то, о чем поведал ему коллега.

Другой наш врач, кандидат медицинских наук Г.С. Беляев, посоветовал не увлекаться опытами, поскольку совершенно неизвестно, как они повлияют на здоровье. При этом он отметил особую восприимчивость своей пациентки к методам внушения, аутотренинга, который использовал в практике.

В начале 1964 года доктор С.Г. Файнберг решил сделать сообщение о способностях своей пациентки на конференции врачей, пригласив на нее профессора Л.Л. Васильева и других ученых города.

Будучи убежденными, что в наших опытах нет никаких фокусов, тем более обмана, полагая, что исследование необычных возможностей человека действительно имеет интерес для медицины и науки, мы дали согласие на участие в этой встрече.

Конференция и встреча с группой известных ученых состоялась. Вот как вскоре, 16 января, об этом писала ленинградская газета "Смена" в статье "Сеанс телепатии":

"За последние годы, когда начала развиваться новая наука – парапсихология, или телепатия (передача мыслей и образов от одних субъектов к другим), у нее, как и у всякой новой науки, появились свои ярые поборники и свои скептики. Доктор Файнберг принадлежал именно к последним. И вот – забавная ирония судьбы – как раз ему-то и пришлось стать "первооткрывателем" фактов, несомненно, подтверждающих возможность такой передачи образов.

10 января 1964 года лекционный зал психоневрологического диспансера, рассчитанный на сто пятьдесят мест, с трудом вместил всех желающих. Пришли врачи невропатологи и пси-

хиатры, пришли психологи из университета, научные сотрудники из Государственного оптического института...

В президиуме – доктор Файнберг, директор диспансера Т. И. Тупицина и профессор С. Л. Левин, а также гости: ректор университета, член-корреспондент Академии наук СССР А. Д. Александров и заведующий кафедрой физиологии человека и животных университета профессор Л. Л. Васильев, доцент-невропатолог П. И. Буль, профессор института имени Бехтерева М. М. Мирская, представитель Государственного оптического института доктор физико-математических наук Д. Ю. Гальперин и другие. Тут же и виновница торжества, милостивая молодая женщина (ей 37 лет, но выглядит она значительно моложе) Нинель Сергеевна Кулагина вместе со своим мужем.

Необычное заседание открывает Л. Л. Васильев..."

Затем идет описание проводившихся в тот вечер опытов, в которых практически жена смогла повторить только часть наших домашних заготовок. Методика исполнения задачи в какой-то степени видоизменилась, как в силу необычных условий, так и в основном по инициативе ученых, наблюдавших за экспериментами, стремившихся исключить подглядывание и т. д.

Подводя итог, автор пишет:

"Общие ощущения выразил в своем заключительном слове профессор Васильев. "Мы присутствовали при настоящем научном событии", – сказал он. Тридцать лет работает в области парапсихологии Леонид Леонидович. За всю свою долгую деятельность помнит лишь два случая, когда эксперимент удавался не в лабораторной обстановке, где экспериментатор встречается один на один с испытуемым, а в большой аудитории. Но то были частные случаи (одного испытуемого удалось усыпить экспериментатору, которого он не видел; другому давались внушения в гипнозе без слов). Таких же разносторонних способностей, как у Н. С. Кулагиной, профессор не наблюдал никогда, да и в литературе такие случаи не описаны".

Статья заканчивается словами:

"Мы живем в век удивительных открытий. И сейчас мы, быть может, стоим на пороге нового открытия в нашей советской науке".

Столь успешное публичное выступление, особенно встреча и знакомство с профессором Л. Л. Васильевым, автором известной книги "Таинственные явления человеческой психики", вызвало у нас тогда душевный подъем, желание совершенствовать свои усилия.

Через несколько дней мы были приглашены профессором Васильевым в его университетскую лабораторию, где исследовались особенности физиологических возможностей человека и животных. Леонид Леонидович предложил Н. С. принять

участие в научных исследованиях в качестве сотрудника. Решение о зачислении ее в штат лаборатории было принято ректором университета, членом-корреспондентом Академии наук СССР А. Д. Александровым, у которого, как сказал профессор, осталось неизгладимое впечатление от увиденного. Профессор предложил провести еще один публичный эксперимент в научно-исследовательском институте, который носит имя его учителя – Бехтерева...

Мы, конечно, дали согласие. Жену зачислили в штат сотрудников лаборатории университета, а 16 января в переполненном конференц-зале в институте имени Бехтерева с большим успехом прошла повторная демонстрация опытов.

Итак, мы вступили на неизведанный и оказавшийся тернистым путь...

Глава III

ТЕЛЕКИНЕЗ

Из всех явлений, которые мы наблюдали, телекинез нам представляется наиболее интересным и загадочным. Он проще всех других – поддается регистрации, наблюдению, более ощутим. С физической точки зрения в этом эффекте выполняется работа по перемещению предметов, величина которой в каждом конкретном случае может быть определена путем элементарных расчетов. Телекинезу, несмотря на то что воспроизведение его связано с большими усилиями и напряжением испытуемой, мы посвятили особенно много времени. Процесс перемещения неоднократно сфотографирован, снят как мною на любительскую киноплёнку, так и операторами студий научно-популярных фильмов, телестудий.

Впервые в нашей стране сведения о телекинезе даны во втором издании книги профессора Л.Л. Васильева "Таинственные явления человеческой психики" (М., 1963).

В главе "Возможна ли передача мускульной силы на расстоянии" автор пишет: "Достижения телемеханики, создание радиоэлектронной аппаратуры, позволяющей на расстоянии управлять различными машинами и производственными процессами, невольно наталкивают на мысль, не располагает ли и живой организм способностью в какой-то мере и форме при каких-то условиях не только воспринимать, но и действовать на расстоянии посредством продуцируемой им электромагнитной или, быть может, какой-либо иной, еще неизвестной энергии".

Профессор приводит ряд примеров того, как проявлялось в реальной действительности это крайне странное для восприятия понятие о передаче "мускульной силы на расстояние". Так, в 1928 году в печати появилось оригинальное исследование Рудольфа Рейтлера "Действие живых организмов на живые изолированные органы на расстоянии". В нем показано, как "работающие мышцы одного живого существа на расстоянии усиливали сокращения мышц другого существа".

Приводится, со ссылкой на источник, "курьезное заверение англичанина Ричмонда в том, что усилием мысли ему будто бы удавалось направлять беспорядочные движения парameций (туфельки – род простейших инфузорий, используются в опытах. – В.К.) в определенный сектор поля зрения микроскопа".

Подробно описываются опыты, проводившиеся в лаборатории доктора Райна (США), в которых проверялось утверждение, "что усилием мысли можно в какой-то степени управлять падением игральной кости (косяного кубика с начерванными на

его гранях цифрами или кружками), заставляя кость падать задуманной гранью наверх”.

Далее автор отмечает: ”Вера в существование таких лиц, одаренных телекинетической силой, питается не только лабораторными исследованиями парапсихологов, не теряющих надежду когда-нибудь непрерываемо установить существование этой силы, но и непрекращающимися рассказами о житейских случаях ее проявления”. Затем идет рассказ о двух таких случаях, описанных в автобиографической повести писателя К.Г. Паустовского.

Наконец, дается описание опытов по телекинезу, проводившихся в 1930–1931 годах в Парижском метапсихологическом институте его директором – доктором Эуженом Ости и его сыном – инженером Марселем Ости. В этих опытах в качестве контроля для регистрации невидимой субстанции, которая якобы излучается человеком в момент телекинеза, использовались инфракрасные лучи. В схему был включен гальванометр, присоединенный ”к прибору, трансформирующему инфракрасные лучи в электрический ток”.

Испытуемый, сидя спиной к столу, где лежал носовой платок, двигал его на край стола и сбрасывал на пол. Во время сеанса, проводившегося в темноте, в ультрафиолетовых невидимых лучах производилось фотографирование. Снимки подтверждали: испытуемый с места не сходил, руками не действовал, а платок, тем не менее, сдвигался. На многочисленных электрограммах, регистрировавших сигнал от гальванометра, фиксировалось прохождение (вблизи от установленного на столе предмета) инфракрасного луча. В книге приводится рисунок одной из 70 полученных электрограмм, при этом говорится, что, ”когда пучок инфракрасных лучей, направленный на объект, пересекается тянущейся к тому же объекту невидимой субстанцией, кривая делает резкий изгиб в виде двойного зубца”.

Профессор Л. Васильев заключает:

”Это значит, что невидимая субстанция частично поглощает инфракрасные лучи. Таким образом, явилась возможность по объективным электрографическим данным следить за ”поведением” невидимой субстанции, и эти данные совпадали со словесными показаниями медиума (испытуемого. – В.К.) о ее перемещениях в пространстве, ее воздействии на объект”.

Так впервые в СССР в 1963 году в книге, изданной тиражом 175 тысяч, появилась информация о явлении, которое действительно производит ”ошеломляющее” впечатление. Хотя автор книги член-корреспондент АМН СССР, профессор Л.Л. Васильев заведовал кафедрой физиологии человека и животных Ленинградского университета, был известен трудами по физиологии человека, считался соратником и учеником известного физиолога академика В.М. Бехтерева, поверить в то, что он написал в главе ”Возможна ли передача мускульной силы на расстоянии?”, было невозможно. Мои сомнения усиливались

еще и потому, что автор, будучи в то время вице-президентом Европейской ассоциации парапсихологов, располагая всей имеющейся в мировой практике информацией по этой теме, не приводил в книге ни одного факта, который бы подтверждал опыты Парижского метапсихологического института.

Когда жена показала "кожно-оптический" эффект и другие явления, описанные в книге профессора Л.Л. Васильева, то он предположил, что Нинель Сергеевна способна сделать нечто подобное тому, что однажды наблюдали в Париже.

Во время разговоров на эту тему жена вспомнила, что однажды лист бумаги неожиданно для нее действительно сдвинулся с места на столе, хотя руками к нему она не прикасалась. Этот факт запечатлелся в ее сознании, но никто в семье ему не придал особого значения: сочли за какую-то случайность, воздействие воздуха...

Ничего не говоря даже мне, Нинель Сергеевна решила попробовать свои силы в новом для нее деле. Первую попытку проводила одна, без чьего-либо присутствия в затемненной комнате. Черный конверт положила на край стола, села на стул от него в двух метрах – все сделала, как в Париже... Долгое время ничего не получалось. Она тогда еще не знала того особого состояния, ощущения, которые появляются в тот миг, когда начинается движение предметов. Н.С. настойчиво, сосредоточенно смотрела на конверт, полностью сосредоточив внимание на поставленной цели, создавая определенное мысленное напряжение так же, как она делала это во время лечебных сеансов аутотренинга. Неожиданно для нее самой конверт начал медленно разворачиваться, несколько приподнялся и затем плавно соскользнул со стола на пол. Обрадованная, повторила, стараясь запомнить новое для нее найденное поразительное состояние, при котором случился телекинез.

Так начались удивительные упражнения, которые продолжались много лет.

Вслед за конвертом поехали по столу ручные дамские часы с браслетом, а потом в ход пошло все, что оказывалось под рукой, что попадало на глаза в доме: спички, сигареты, кольца, колпачок от авторучки и тому подобное.

Когда впервые мы по телефону рассказали профессору Л.Л. Васильеву, что удалось воспроизвести эффект телекинеза, переместив конверт и другие легкие предметы, он попросил незамедлительно приехать в лабораторию.

Первая демонстрация телекинеза здесь состоялась в марте 1964 года в присутствии группы сотрудников. Профессор Васильев пригласил на это событие бывшего флагманского флотского медика, врача-психиатра, профессора Е. Вишневого – своего друга и коллегу.

Первый лабораторный экзамен запомнился в мельчайших деталях. Взволнованную Нинель Сергеевну усадили за небольшой стол, покрытый газетой. В полуметре от испытуемой

Л. Л. Васильев установил вертикально металлический футляр от кубинской сигары. Положение футляра обозначил, обведя карандашом на бумаге по контуру торец фигуры.

Не сразу Нинель Сергеевна справилась с волнением, сумела настроиться. Сидевший рядом профессор успокаивал и подбадривал ее. Все присутствовавшие напряженно наблюдали за происходящим. Никто не разговаривал, не нарушал тишины. Жена сидела на стуле, опустив на колени руки. Медленно покачивала головой. У нее участилось дыхание. Всем было видно, как возрастает ее напряжение. Несколько раз она как бы сбрасывала нагрузку, откидывалась на спинку стула, отдыхала. Затем вновь начинала вводить себя в состояние, которое ей удавалось вызывать дома. Наконец ей удалось благодаря предельному напряжению организма переместить футляр сантиметров на пять... не прикасаясь к нему руками.

Движение на глазах у всех произошло стремительно, рывком. Профессор Л. Л. Васильев, как показалось, был и обрадован, и в то же время сильно озабочен. Он сразу зафиксировал место, куда переместился объект, вновь обведя карандашом по контуру положение футляра.

Начались возбужденные разговоры, обмен мнениями, всякие суждения, как обычно бывает во время экспериментов. Но не это главное. Мне больше всего запомнилось высказывание профессора Л. Л. Васильева, которое он сделал тогда мне доверительно с глазу на глаз, плотно прикрыв входную дверь в лабораторию. Волнуясь, профессор признался, что давно, с молодых лет, занимается проблемами внечувственного, экстрасенсорного восприятия. Знаком с работами в этой области как у нас в стране, так и за рубежом. Располагает обширной отечественной и иностранной литературой по многим таинственным явлениям человеческой психики. Исследовал под руководством академика Бехтерева, а затем после его неожиданной кончины сам физическую природу некоторых необъяснимых способностей у талантливых личностей, которых природа наградила редким даром. Но то, что ему за короткое время нашего с ним знакомства успела показать Нинель Сергеевна, он никогда не видел. А тут к тому же еще и телекинез, да прилюдно, демонстрируемый открыто, без всяких тайнств! При свете дня. Этот природный дар нужно беречь и развивать. В исследовании именно таких явлений — будущее естествознания. Но, признался профессор, сегодняшняя обстановка в науке вообще, а в Ленинграде и в университете особенно, настолько сложна и опасна для открытого обсуждения и рассмотрения всех этих сложных проблем, что сотрудникам его лаборатории и ему лично придется скрывать информацию в стенах лаборатории. И это делается, несмотря на то, что его лаборатория поддерживается ректором университета, членом-корреспондентом АН СССР А. Д. Александровым, с ведома и согласия которого Н. С. зачислена в штат сотрудников лаборатории.

Далее профессор сказал, что, несмотря на то, что его работы поддерживает кафедра философии ЛГУ – в те времена заведовал ею профессор Тугаринов, – все же ситуация в университете в целом остается тревожной. Она усугубляется выступлениями в печати печально известного публициста В. Львова, много лет специализирующегося на травле естествоиспытателей с позиций вульгарного материализма, третирующего ученых как отступников от положений марксистской философии. На его совести травля великого физика-теоретика Френкеля, он пишет также статьи, которые ничем не отличаются от доносов. Поэтому, рекомендовал профессор, ни в коем случае никому и нигде не следует рассказывать, что Нинель Сергеевна показала телекинез в лаборатории университета! Пока не удастся дать этому явлению надлежащего научного объяснения, говорить о нем как о реально существующем факте нельзя. Все будет расценено как распространение лженауки в стенах советского университета. А это может стать основанием для закрытия лаборатории, гонений на сотрудников, ну и, конечно, в первую очередь на Нинель Сергеевну. Ее надо беречь. А телекинез, если уж исследовать и показывать его, то только в лаборатории. В случае же если где-то это явление она все же будет демонстрировать, то профессор советовал обязательно каждый раз описывать весь ход опыта, оформлять протокол подписями официальных лиц.

Финал разговора для меня был просто устрашающим. Леонид Леонидович заявил, что если не удастся и на этот раз дать научное объяснение телекинеза, то усилиями таких невежественных, агрессивных "защитников материалистического мировоззрения", каким является В. Львов и ему подобные, мою жену могут просто объявить опасной для общества, упрятать в психиатрическую больницу.

Через несколько дней Леонид Леонидович вместе с сотрудниками и профессором Е. Вишневым побывал у нас в гостях. Профессор, не вдаваясь в объяснения, довольно неожиданно попросил Нинель Сергеевну повторить то, что она делала в лаборатории. В качестве объекта воздействия взяли все тот же футляр от сигары, установленный на газете.

Все повторилось, как прежде в университете. Леонид Леонидович очертил карандашом место, где остановился футляр после перемещения, а затем, указывая на каждого пальцем, как-то театрально опросил всех присутствовавших, включая профессора Е. Вишневого, – видел ли опрашиваемый перемещение футляра, есть ли сомнение в том, что Нинель Сергеевна показала не фокус, а телекинез.

Запомнилась категоричность в постановке вопросов каждому, в обстановке застольной, казалось бы, непринужденной, что не могло не вызвать у нас недоумения. Как только Леонид Леонидович закончил этот своеобразный допрос, вся группа быстро собралась и покинула нашу квартиру. Уходя, профессор поблагодарил хозяйку за ее усилия и добросовестность, и вновь

напомнил, что нужно хранить молчание по поводу телекинеза.

Нинель Сергеевна начала посещать лабораторию трижды в неделю. С нею проводились различные опыты. Все вроде бы шло хорошо. Но вскоре мы заметили, что, когда профессора Васильева не было на месте, некоторые сотрудники в разговорах с Нинель Сергеевной сначала завуалированно, а потом явно начали высказывать ей свое недоверие. Появились и факты явно враждебного отношения. Однажды жена вернулась домой в слезах, решив больше в лабораторию не ходить.

Кто-то из персонала сказал, что она дурачит доверчивого старого профессора, перемещает предметы тонкими нитями...

Только вмешательство Л. Л. Васильева разрядило в какой-то степени обстановку. Работа продолжалась. Вскоре он решил показать телекинез ведущим ученым, чтобы прекратить начавшиеся кривотолки в коридорах университета относительно оккультного характера исследований, которые ведутся под его руководством.

Июнь 1964 года. Ленинградский университет, кабинет профессора Л. Л. Васильева. Сюда пришли заведующий кафедрой философии профессор Тугаринов, доктор биологических наук профессор Гуляев, психиатр профессор Случевский, а также помощник проректора по научной части – по специальности физик – и с ним сотрудники института физики университета, чьи фамилии мною не записывались, а также инженер одного из московских институтов Зейденман и другие наблюдатели. Присутствовал также первый секретарь Кировского райкома партии Ленинграда А. В. Иванов. Он явился по моей просьбе.

На массивном старинном столе профессора, покрытом стеклом, все увидели, как под колпаком из органического стекла телекинетически перемещаются спички, папиросы, поставленные на мундштук, крышка от чернильницы, дюралевый футляр из-под сигареты... Хочу обратить внимание читателей – под колпаком! Таким образом, исключалось предположение о нитях, якобы используемых Н.С. За движениями испытываемой наблюдателя более двадцати человек. Несколько из них находились в непосредственной близости от стола. Сотрудник лаборатории Розенфельд производил киносъемку. Ни у кого не возникло никаких сомнений в реальности эффекта, и никто не высказывал подозрений, что здесь – ловко подстроенный фокус. Через час – полтора перерыв.

Профессор Васильев предполагал, что все наблюдатели после завершения опытов подпишут протокол, который засвидетельствует факт. И вдруг выясняется, что помощник проректора отказывается от подписи. Он заявляет, что, как физик, не может признать реальность этого явления и не признает эксперимент научным. Почему опыт проводился на столе? Он может иметь

вибрацию. Эксперимент следовало проводить на консольном основании! Сотрудники лаборатории в недоумении: почему на консольном основании, какая может быть вибрация столь массивного стола?

После перерыва эксперимент продолжается. На столе появляются весы, используемые фотолюбителями. Выравниваются их чаши, и вот под воздействием испытываемой одна пустая чаша весов опускается вниз, ложится на стол, ослабевают и обвисают нити, на которых удерживается эта чаша весов. На вторую, пока пустую и поднявшуюся над столом, испытываемая кладет сначала гирьку весом в 2 грамма, добавляет 3-граммовую, затем 5-граммовую, и так наращивается груз до 30 граммов. Вопреки закону физики нижняя пустая чаша весов продолжает покоиться на столе. Так длится 5–6 секунд. Только потом верхняя чаша с гирями стремительно опускается вниз. Опыт повторяется и снова взят вес в 30 граммов! Какой силой припечатала Н.С. пустую чашу к столу? Физическая и нервная нагрузка на пределе. Но велико моральное удовлетворение, что такой уникальный эксперимент удался.

Проходит несколько дней. Снова раздаются телефонные звонки из лаборатории профессора Васильева: опыт необходимо повторить, но теперь на консольном основании, иначе протокол не будет подписан! Требование странное, звучит как ультиматум, уговариваю жену повторить испытания. Я думал, что протокол, который официально подтверждал бы, что телекинез не мистика, а реальность, важен и нужен для науки. Не понимал тогда по неопытности, что такие протоколы мало кому что доказывают в наш XX век.

В это время профессор Васильев уезжает на сессию Академии медицинских наук в Москву. После его отъезда внезапно раздается звонок из лаборатории. Ее сотрудник Розенфельд просит разрешения приехать на квартиру вместе с инженером из Москвы Зейденманом, присутствовавшим при показе, и еще раз, если это возможно, просит повторить то, что происходило в лаборатории. Зейденман должен был возвращаться в Москву, и ему еще раз хотелось бы убедиться в виденном, чтобы доложить в столице руководству своего института. Нам показалось, что этот институт мог бы поддержать усилия лаборатории, профессора. И мы, забыв его предостережение никому не демонстрировать телекинез в домашних условиях, согласились принять обратившихся к нам лиц. Им, на свою беду, Нинель Сергеевна уже в который раз показала свои достижения...

Вскоре сотрудники лаборатории приглашают Н.С. приехать, чтобы опробовать приготовленное для будущего эксперимента консольное основание. Встретили ее враждебно, как чужую, разговаривали категорично: "Прежний опыт не признается чистым, необходим новый, на консольном основании. Это в ваших интересах..." Нинель Сергеевна отказалась что-либо делать в такой обстановке.

Вернувшийся из Москвы профессор Васильев вечером просит срочно приехать к нему домой. Встретил он меня серьезным разномом за то, что "каким-то ослам Нинель Сергеевна демонстрировала то, что не каждому следует показывать". Оказывается, Розенфельд – временный сотрудник лаборатории, человек некомпетентный – начал распространять слухи, что он и его московский знакомый Зейденман, будучи у нас дома, уличили Кулагину в мошенничестве, в том, что она перемещает предметы с помощью тончайших нитей. Профессор с сожалением заключил, что поскольку такое заявление сделано, то теперь о подписании протокола не может быть и речи.

Так, вместо науки начался детектив. Вся эта история с якобы кем-то когда-то и где-то замеченными нитями была всего лишь прелюдией к событиям совершенно другого порядка. Началось то, чего больше всего опасался профессор Л. Л. Васильев, – фронтальное наступление противников нового научного направления, которое завершилось прекращением опытов по телекинезу. Вскоре сменился ректор университета. Из лаборатории Нинель Сергеевну уволили.

Наши контакты с профессором Васильевым свелись к эпизодическим телефонным разговорам, во время которых он рекомендовал нам не бросать опыты, какие бы трудности ни встретились при этом. Посоветовал показать телекинез в Институте метрологии имени Д. И. Менделеева. Сам он, в связи с ухудшением состояния здоровья, временно вынужден отойти от начавшейся борьбы.

Чтобы выйти на институт метрологии, мне пришлось обращаться за поддержкой к партийным руководителям района и города, в частности к секретарю райкома А. В. Иванову. В результате в январе 1965 года институту было поручено дать официальное заключение относительно этого "таинственного" явления.

Два сотрудника института – секретарь партбюро М. Г. Богуславский и начальник отдела весовых испытаний А. И. Карташева – вместе с секретарем Кировского райкома КПСС А. В. Ивановым побывали у нас на квартире. Познакомившись с эффектами, которые предстояло зафиксировать и в какой-то степени исследовать, ученые решили за две недели разработать методику экспериментов, подготовить регистрирующую аппаратуру и приспособления, соответствующий реперит.

Спустя две недели, как договорились, первые опыты в стенах института. Они проводились в бывшем кабинете Д. И. Менделеева, здесь был установлен дополнительно стол, различная измерительная аппаратура.

Вблизи стола, за которым сидела испытуемая, установили кинокамеру с дистанционным приводом включения и переносную телевизионную камеру. С помощью этой телевизионной

установки группа сотрудников наблюдала на экране телевизора в соседней лаборатории весь ход эксперимента. Реквизит, с которым предстояло работать, изготовили в институте.

После знакомства с историческим кабинетом Д. И. Менделеева, вещами и сувенирами, некогда принадлежавшими великому ученому, начался эксперимент. Нинель Сергеевна села за стол, который был покрыт белой бумагой, разграфленной на большие клетки, и уставленный различными предметами, приборами и стеклянными колпаками. На столе находились также электрические однорычажные весы, их чаша находилась на вертикальном подвижном штоке. Шкала весов, сконструированных и изготовленных в лаборатории отдела весовых испытаний, была отградуирована на предел измерений от + 5 до - 5 граммов. Весы связали с самописцем, находившимся в соседнем помещении. На бумажной ленте его происходила запись измеряемых весовых нагрузок в динамике процесса.

Рядом на тумбе установили настенные маятниковые часы в деревянном футляре. Они были похожи на наши, домашние, с которыми Нинель Сергеевна проводила опыты, останавливая и запуская маятник не прикасаясь к нему, при закрытой лицевой дверце часов, с расстояния около метра. (Это упражнение ею было также показано сотрудникам института во время предварительной встречи у нас дома.) Здесь же рядом находились вторые электрические весы, аналогичные по конструкции первым, но с большим масштабом градуировки шкалы: на + 20 граммов и - 20 граммов. Эти весы с самописцем не были связаны, и наблюдение за их показаниями велось только по шкале прибора.

Сотрудники института, а также приглашенные разместились вокруг испытуемой. Долго Нинель Сергеевна никак не могла настроиться. Новые люди, незнакомая обстановка, невиданные приборы и реквизит — все это, естественно, стесняло ее. Она медленно, напряженно покачивала туловищем, головой, руками, совершала пассы над предметами... Все было безрезультатно. Предметы не повиновались ей. Нарастало напряжение, усталость. Все чаще и чаще она откидывалась на спинку стула, отдыхала. Вскоре появилось головокружение, тошнота... Ничего не показав, она решила отдохнуть.

Особенно удручающим для нее было то напряженное и неудовлетворенное ожидание окружающих, которое легко читалось на их лицах.

К счастью, в целом психологическая обстановка как в первый, так и во второй день нашего пребывания в институте была нормальной.

Справившись с волнением, отдохнув, Нинель Сергеевна продолжила усилия. И вскоре сумела поочередно передвинуть все предметы, которые лежали на столе: спичечный коробок, спички, колпачок от авторучки. Она брала их в руки, как бы ощупывала, привыкала к ним, сама устанавливала перед собой.

Если какие-либо предметы не двигались, заменяла их другими, находившимися на столе. Комбинировала различное положение предметов. После того как ей удавалось что-либо передвинуть, повторяла упражнение с этим предметом или заменяла его другим. Все эти действия проводились на столе. Повторяю — за всеми действиями наблюдали как присутствовавшие рядом сотрудники института, так и наблюдатели, контролировавшие опыт по телевизору.

Первый день предметы ничем не экранировались, не накрывались колпаками. По просьбе испытуемой на стол была положена газета, закрывшая приготовленную белую бумагу, разлинованную на клетки. По этой газете и перемещались предметы. Как объяснила Нинель Сергеевна, белая бумага, да еще и разрисованная на клетки, была для нее непривычной, отвлекала, ей было сложно сосредоточиться.

Наиболее удачными в первый день оказались опыты с чашей весов. Они повторялись неоднократно не менее десяти раз. Чаша по желанию испытуемой или по просьбе кого-либо из присутствовавших поднималась то вверх, то вниз, совершая полную амплитуду движения, то есть от $+5$ граммов до -5 граммов по шкале прибора. Опыт этот она проводила стоя у стола. Весы закрывались футляром. Чаша (обычной формы полусферы) имела диаметр в пределах 50 миллиметров. Весы находились вблизи от кромки стола.

Весы эти были очень чувствительны, и, чтобы убедиться в отсутствии влияния потока воздуха на чашу, их закрыли стеклянным колпаком. И в этом случае, как и без колпака, опыт проходил успешно! Изменение положения чаши не только наблюдалось визуально, но и регистрировалось самописцем на бумажной ленте.

Неоднократно без какого-либо предварительного предупреждения дистанционно включалась кинокамера и производилась съемка.

Первая встреча не позволила ученым сделать какой-то определенный вывод о физической природе наблюдавшихся явлений. Результаты опыта не удовлетворяли до конца и саму испытуемую. Из того, что предполагалось показать, многое в тот день у нее не получалось.

Решили протокол не составлять, а, учтя виденное, подготовить повторный опыт, расширив номенклатуру приборов физического контроля. Договорились о встрече в том же кабинете Д. И. Менделеева.

Через два дня произошла вторая серия испытаний. На этот раз, исходя из опыта первого дня, произвели некоторые изменения. Несколько по-другому был развернут и установлен стол, его накрыли одноцветной плотной бумагой, а не белой в клетку, как прежде. Появились другие приборы и оборудование, новый реквизит. Для регистрации электростатического поля был установлен электроскоп и на длинной консольной гибкой под-

веске – металлический шарик. Этот шарик был очень чувствителен к наличию самого незначительного электрического заряда, немедленно отклонялся при приближении к нему расчески, предварительно потертой о волосы. Гибкая консольная подвеска была закреплена так, что шарик, закрепленный на тонком конце гибкой подвески, находился в 5–8 сантиметрах над головой испытуемой.

Здесь же на столе водрузили электрические весы со шкалой на 5 граммов и весы со шкалой на 20 граммов. Меньшие весы, как и в первый раз, были соединены с самописцем. На соседней тумбочке находились стеклянные лабораторные колпаки, стаканы, всевозможные алюминиевые стаканчики, различные коробки. Здесь же покоились два стеклянных колпака. Как видим, тонкие "невидимые" нити не давали покоя и метрологам... Изпод одного колпака откачали воздух.

Рядом с большими маятниковыми часами на тумбочке закрепили настенные часы в деревянном корпусе. Их расположили выше и удобнее для испытуемой.

Больше стало света. Появились несколько новых участников эксперимента. В частности, был приглашен не представленный нам доктор наук из Института физиологии высшей нервной деятельности.

Как и прежде, обстановка была нормальной, отношение к испытуемой – самое благожелательное. Все это, а также знакомая обстановка, знакомый в основном реквизит, приборы существенно сказалось на самочувствии Нинель Сергеевны. Она не волновалась и не напрягалась, как в часы первого испытания.

После того как все собрались и было решено больше никого во время опытов в помещение не допускать, испытуемая приступила к делу, села за стол спиной к стене, а все наблюдающие располагались вблизи со всех сторон.

Небольшая внутренняя настройка, несколько попыток – и эффект телекинеза показан. Перемещались спички, коробки, деталь от авторучки – без закрытия их экранами и колпаками. Затем опыты стали усложнять. Предметы накрывались стеклянными колпаками. И под ними наблюдалась та же картина – телекинез.

Как вел себя при этом электроскоп? Не генерировала ли испытуемая электростатические заряды? Лепестки прибора неподвижно висели. Зарядили электроскоп. Телекинез есть, а электроскоп никак не реагирует. То же случилось и с шариком на консольной гибкой подвеске – не отклонился шарик во время перемещения предметов.

Один из специалистов предложил проверить наличие высокочастотного излучения лампочкой-индикатором. Ее поместили в тонкий алюминиевый стаканчик – экран от радиоволн. И предложили сдвинуть. Лампочку закрепили так, что ее стеклянный баллон был хорошо виден всем. И вот алюминиевый

стаканчик вместе с лампочкой-индикатором перемещается, а реакции лампочки – никакой.

Чувствуя доброе отношение к себе, Нинель Сергеевна показала сверх программы один из опытов, который незадолго перед этим отработала в домашних условиях. Папироса, поставленная на мундштук, была накрыта сверху стеклянным лабораторным стаканом. Она при этом оказалась у дальней от Н. С. стенки. Оповестив всех, что она собирается делать, испытываемая переместила папиросу под стаканом, к ближней стенке. Папироса двигалась, не падая, стоя, прерывисто, с короткими остановками, проходя каждый раз полтора-два сантиметра. После того как папироса вплотную приблизилась к стенке и остановилась, испытываемая начала двигать к себе стакан, не прикасаясь ни к стакану, ни к чему-либо на столе. Папироса стояла неподвижно. А вот стакан короткими движениями переместился к испытываемой, и папироса вновь оказалась у дальней его стенки. Этим упражнением удалось показать, что Кулагина может отдельно, по собственному желанию, управлять процессом телекинеза и воздействовать либо на предмет, закрытый экраном-колпаком, либо на сам экран.

Испытания продолжались. Появились два совершенно одинаковых стеклянных колпака на деревянных подставках. Под ними виднелись легкие алюминиевые футлярчики-экраны от радиоламп. Под одним из колпаков создали вакуум – частичное разряжение, о чем Нинель Сергеевна была предупреждена. Однако под каким именно – ей не сказали. Под колпаком, откуда не откачали воздух, футлярчик переместился довольно быстро.

Однако под вакуумом добиться перемещения предмета не удалось. Неоднократно предпринимаемые попытки оканчивались безуспешно. Нинель Сергеевна объясняла, что ощущает какую-то тяжесть под этим колпаком, ей что-то "мешает".

Под стеклянными колпаками размещали сразу и несколько вещей из различных материалов. Все они двигались также рывками, то короткими, то более длинными, то отдельно, то одновременно...

Повторили опыты с весами. Снова чаши весов уверенно перемещались вверх и вниз. Как без экранов, так и будучи закрытыми колпаками.

Однако и в тот вечер повлиять на маятник настенных часов не удалось. Упражнение, которое дома она с успехом показывала сотрудникам института, не получилось. Не справившись с ним, решено было больше не отвлекаться на опыт с маятником.

В тот вечер Нинель Сергеевна была на подъеме, внешне не испытывала усталости и напряжения, как прежде, хотя ей пришлось потрудиться, выложиться до конца.

Под конец, когда намеченная программа была почти вся исчерпана, кто-то из присутствовавших спросил:

— Не можете ли вы поднимать предметы, не прикасаясь к ним?

— Могу, — ответила жена, удивив всех.

Дома она поднимала почтовый конверт, кусочки бумаги, пластмассовый футляр от пленки, шарик пинг-понга... На этот раз под ее руками тут же оказалась пустая картонная коробка из-под скрепок. Сделав несколько напряженных движений кистями рук над лежавшей коробкой, Нинель Сергеевна попросила убавить свет: болели глаза. Наступила тишина. Испытуемая сидела за столом, опираясь на него локтями. Кисти рук сводились и разводились над коробкой. Эти пассы продолжались несколько минут. Видно было, как возрастает усилие. Участилось дыхание, напряженно качается, как маятник, голова. И вдруг в какой-то момент коробка одним углом приподнялась над столом, как бы зависла и, соскользнув в сторону на полтора-два сантиметра, начала медленно, но верно подниматься над столом. Напряжение испытуемой становится предельным: она отрывает руки от стола, наклоняется вперед. Все видят: коробка зависла в воздухе между разведенными ладонями рук. Проходит примерно пять секунд, и затем сначала нехотя, медленно, как бы освобождаясь от пут, а потом свободно коробка падает на стол. Таким был финал демонстрации в институте метрологии.

Обсуждая виденное, ни один из присутствующих не высказал тогда ни малейшего сомнения в реальности эффектов. Ни у кого не возникло подозрения в чистоте экспериментов. Никто не сомневался, что Нинель Кулагина показывала все без каких-либо злополучных "невидимых" нитей или других хитростей.

Наблюдатели имели все мыслимые условия для проверки таких сомнений. Где, как не в институте метрологии, умели проводить точные измерения?

Кто-то поинтересовался, а не обладает ли Нинель Сергеевна способностью к "кожному зрению", о котором тогда многие говорили.

Тут же появилась газета, довольно быстро и правильно прочитано несколько фраз. Текст при "чтении" закрыли другим газетным листом.

Никто в тот вечер не пытался дать какое-либо теоретическое обоснование увиденному.

Все сходились на одном мнении, что ни одной из известных форм физических взаимодействий эти явления пока объяснить вроде бы невозможно. Сущность бесконтактного, видимого для глаза, но не регистрируемого приборами воздействия человека на предметы оставалась полной загадкой.

Хочу сказать, что методика и программа экспериментов в институте метрологии, состав аппаратуры, приборов, всего реквизита, а также форма и содержание протоколов опытов с нами не обсуждались. По ходу дела стало видно, что эти вопросы не были продуманы организаторами встреч.

Неординарность физических явлений, которые наблюдались, очевидно, не позволила учесть все мыслимые средства и аппаратуру, которые в конечном счете могли бы дать характеристику физических силовых полей телекинеза.

Не были проведены какие-либо медико-биологические исследования, не предусмотрели необходимый медицинский контроль за состоянием испытуемой.

Поразительно, но это именно так: получив возможность наблюдать редчайшее явление природы, никто из ученых не вел протокола, не делал никаких записей по ходу экспериментов. Единственными документальными подтверждениями реальности наблюдений могли стать только кинокадры, а также лента самописца, регистрировавшего отклонение чаши малых весов.

И это произошло в 1965 году в институте, где собран был цвет отечественной метрологии!

Таким образом, опыты тогда закончились, ученые обменялись мнениями... И только. Протокол составить и подписать никто не спешил. Нам пообещали, что такой документ будет составлен позднее и мы получим свой экземпляр в копии.

Недели через полторы-две телефонным звонком из института мы были поставлены в известность, что для протокола требуются... некоторые уточнения. Следовательно, необходимы новые опыты. Конкретно, в деталях, какие требования выдвигаются для "уточняющих" опытов, нам сказано не было. Разговор по телефону, проходивший в официальной форме, не оставлял сомнения в том, что организаторы пересмотрели свои недавние оценки увиденного. Возникла ситуация, уже знакомая нам по лаборатории профессора Васильева. Появились какие-то недомолвки, сомнения в чистоте ранее проведенных физических опытов.

Нинель Сергеевна отказалась проводить повторные опыты в стенах института. После настойчивых уговоров все же согласилась что-либо показать, но только дома и не по полной программе. Как прежде, она долгое время не могла прийти в себя после испытанного напряжения.

В намеченный день четыре сотрудника института, включая кинооператора, прибыли на квартиру, привезя с собою заготовленный реквизит. На сей раз появился из толстого литого прозрачного оргстекла ящик с крышкой на винтах. В алюминиевый стаканчик, с которым в институте проводились опыты, встроили миниатюрный механизм, назначение которого из последовавших невразумительных объяснений осталось для меня непонятным.

Этот стаканчик поместили на дно ящика, после чего закрыли его крышкой и завинтили ее.

Зачем потребовалось изготавливать новый ящик из оргстекла? Закрывать крышкой на винтах? Почему стаканчик не на-

крыли привычным для испытуемой прозрачным стеклянным колпаком, как это делалось в институте? Нам не объяснили ничего. Не разъяснили и то, какая же сторона физического процесса в этих условиях будет раскрыта и почему именно этот эксперимент задерживает оформление протокола... По тону разговора, по настороженности сотрудников было видно, что у них возникли подозрения относительно чистоты выполнявшихся ранее опытов, и ставилась задача не подписывать протокол, спровоцировать легко возбудимую Кулагину на отказ от этого "решающего" опыта.

Молчаливо-настороженное поведение сотрудников института, гнетущая атмосфера не позволили настроиться должным образом. Все попытки сдвинуть стаканчик не дали результата. Чтобы добиться прилива сил, Нинель Сергеевна попыталась переместить свои предметы, с которыми она неоднократно занималась дома. Но и это у нее не получилось в тот вечер.

Что делать? Нинель Сергеевна решила показать явившимся, среди которых только двое видели ее прежде, новый, придуманный мною опыт по телекинезу, проверенный ею в домашних условиях. В прозрачный сосуд из оргстекла наливалась вода настолько соленая, что сырые куриные яйца, опущенные в такой раствор, не тонули, а находились во взвешенном состоянии вблизи дна.

На эти плавающие яйца и воздействовала Кулагина, перемещая их в любое заданное место, сводив вместе или разводя по разным углам "аквариума".

Сотрудники института согласились посмотреть на такой телекинез. Опыт прошел успешно. Движение яиц в сосуде и поведение Кулагиной снимались на киноплёнку.

Как ни странно, увиденный эффект не вызвал никакой заинтересованности у наблюдавших, очевидно, потому, что не входил в их планы. Более того, один из сотрудников, подойдя к столу, где находился сосуд с водой, начал двумя руками сильно раскачивать стол. Естественно, вода заколебалась и яйца начали двигаться. Такой, с позволения сказать, "опыт" укрепил проявленный скептицизм в отношении всего, что показала Нинель Сергеевна.

Мы высказали свои доводы относительно несостоятельности возникших подозрений метрологов, что для телекинеза использовались нами какие-то трюки, "тонкие нити" и т. д. Чтобы убедить ученых в том, что техника перемещения предмета с помощью нити не может остаться незамеченной, я предложил просмотреть снятый на мою любительскую киноплёнку эпизод с телекинезом. И для сравнения – снятый эпизод перемещения предметов с помощью нитей. Полчаса на экране проходили один за другим различные сюжеты опытов Кулагиной. Сотрудники института попросили плёнку взять в институт, чтобы изучить ее. Возражений с нашей стороны не последовало, и я отдал им кинофильм во временное пользование.

На этом наша очередная встреча с учеными института метрологии, среди которых находился секретарь партийного бюро института доктор технических наук М. Г. Богуславский, закончилась. Именно его райком партии просил провести опыты, сорванные в университете. Райком партии не отступился, подтвердил свою просьбу — довести начатое дело до конца.

Наконец после долгих проволочек появился на свет протокол. Он объективно отражал основные моменты, продемонстрированные в институте. В нем, однако, не детализировались проводимые опыты, не приводилось их описание. Оценка в целом давалась положительная. Вместе с тем констатировалось — чтобы дать окончательное заключение о наличии неизвестных науке форм физических взаимодействий, необходимы более тщательные всесторонние исследования. Я могу только по памяти пересказать суть этого документа, добытого нами такой дорогой ценой.

Судьба этого протокола неизвестна. Нинель Сергеевне он вообще не предъявлялся, подписи ее там нет. С протоколом меня ознакомили, но копии не дали. Один экземпляр протокола направлен был в райком партии, по инициативе которого проведена была проверка способностей Н.С. Кулагиной. Другой, основополагающий, экземпляр... затерялся.

Нам так и не удалось его больше увидеть. Таковы были нравы в "застойной" науке. Ни я, ни моя жена не предполагали, что такая, мягко говоря, "некорректность" возможна в институте, основанном великим Менделеевым, а также в университете нашего прекрасного города.

Мы по-прежнему поддерживали связь с профессором Л. Л. Васильевым, информируя его о ходе встреч с метрологами. Он радовался успехам Нинель Сергеевны, наметившимся контактам с такой, по его словам, авторитетной организацией, как ВНИИМ им. Д.И. Менделеева. Затяжка с оформлением протокола, попытка навязать Нинель Сергеевне дополнительные контрольные опыты, вызвали у него беспокойство. Он предполагал, что палки в колеса ставят нам те же самые лица, которые сорвали исследования феномена в его лаборатории. Конкретных лиц не называл, но говорил, что к их числу относится ряд видных ученых и журналистов.

После завершения опытов во ВНИИМе Леонид Леонидович пригласил нас в гости. Оказалось, ему, как вице-президенту Европейской ассоциации ученых-парапсихологов, прислали небольшой документальный фильм. Мы просмотрели этот фильм и увидели, как женщина-гречанка пассами рук рассказывала, а затем и раскрутила стрелку компаса.

Профессор предложил Нинель Сергеевне воспроизвести этот эффект. Он полагал, что в случае успеха будут сняты все появившиеся сомнения физиков относительно чистоты опытов по телекинезу. Кроме того, по его мнению, столь наглядный опыт

со стрелкой компаса приблизит всех к пониманию природы загадочного явления.

Через неделю мы позвонили профессору и сообщили обрадовавшую его новость – Нинель Сергеевна научилась делать то же, что и гречанка, – раскручивать стрелку компаса. Но на этом она не остановилась. Ей удалось раскрутить стрелку не только руками, но и без рук – вращением головы. Более того, вращалась не только стрелка, вращался, перемещался компас вместе с ремешком...

Нинель Сергеевна начала упражняться с двумя компасами. Ей удавалось воздействовать сразу на стрелки обоих компасов, устанавливая и удерживать каждую из них в любом заданном ею положении. Стрелки стали поворачиваться и замирать, обращенные одна к другой одноименными полюсами. Удалось установить, что магнитная стрелка отклонялась от нормального положения не только под воздействием рук, но и когда компас подносился к различным участкам ее тела. Интересно, что в верхней части плеч справа, к примеру, обозначалась нордовая, северная, полярность. А слева, на том же уровне, зюйдовая, южная. Менялась полярность и на других участках тела.

Приступая к опытам, Нинель Сергеевна надевала платье без каких-либо металлических украшений, пуговиц, окрашенных красками с ферромагнитными компонентами. Однажды Нинель Сергеевна провела даже опыт без всякой одежды.

Таким образом, мы дали Леониду Леонидовичу подробный отчет о новых наблюдениях, просили совета, что делать дальше, кому из ученых следовало бы показать манипуляции с магнитной стрелкой, чтобы продвинуться к разгадке телекинеза. Мы в душе надеялись, что именно профессор Васильев займется нами.

Ответ его, признаться, нас обескуражил. В стенах Ленинградского университета профессор не видел возможности поставить нужный эксперимент, хотя слыл известным ученым, учеником Бехтерева, заведовал лабораторией... Обстановка, которая сложилась после проведения опыта по телекинезу, не только не пришла в норму, но ухудшилась. Профессор посоветовал обратиться за содействием... в институт метрологии. На волокиту с протоколом посоветовал не обращать особого внимания, пообещал помочь установить контакт с руководителем службы магнитных измерений этого института.

Вскоре нам позвонили и сообщили, что по просьбе профессора Васильева служба магнитных измерений готова провести проверку возможностей Кулагиной, прислав к нам двух достаточно квалифицированных специалистов для исследования эффекта.

Спустя несколько дней к нам прибыли два сотрудника института метрологии. Кандидат технических наук Н. В. Студенцов и кандидат физико-математических наук В. П. Скрынников, специалисты по магнитным измерениям.

Доставив все необходимые приборы, они ознакомили нас вкратце с особенностями методики предполагаемых измерений, показали оборудование и измерительную аппаратуру. Сюда входили чувствительный феррозондовый магнитометр с датчиком, буссоль и магнит, подвешенный на нити.

В свою очередь мы проинформировали метрологов о том, что удалось обнаружить нам в опытах с магнитной стрелкой. Их методику рекомендовал профессор Л. Л. Васильев.

Ко дню встречи с метрологами Нинель Сергеевна уже могла многое. Она играла со стрелкой, как ребенок с игрушкой.

Но для этого ей приходилось работать напряженно, не жалея здоровья. Просто так, поднеся руку к компасу, она ничего не добивалась. Только сильным внутренним напряжением ей удавалось отклонить стрелку от нормального положения, а затем манипулировать ею, как хотелось.

Замечено было, что поразительный эффект достигался сравнительно легко и быстро при общем эмоциональном возбуждении Нинель Сергеевны, если создавалась благоприятная обстановка, возникало желание показать кому-либо телекинез. Тогда все выходило значительно проще и легче.

Мы подробно рассказали сотрудникам института метрологии, как проводились домашние наблюдения, показали им три постоянных магнита, весом от 100 граммов до 3 килограммов, а также небольшой судовой компас, который использовали в наших опытах. Я сообщил, что Нинель Сергеевне ни разу не удалось изменить положение стрелки, если к компасу приближался тот или иной постоянный магнит. В то же время магнит не мешал демонстрировать телекинез.

Ознакомившись с обычным туристским компасом, который использовался в опытах, с методикой наших наблюдений, сотрудники института выразили явное недоверие ко всему услышанному, не скрыли от нас, что вся наша информация настолько необычна и противоестественна, что они вряд ли смогут ответить на все поставленные вопросы. Они выразили убеждение, что с помощью своих приборов безошибочно сумеют определить наличие у испытуемой, как они выразились, "скрытых" магнитных диполей, которые и могли быть причиной странных эффектов. Сначала это убеждение они высказали в довольно завуалированных выражениях. По мере того как проводимые ими измерения все более вызвали недоумение, высказывания эти стали более определенными.

Приступив к делу, гости тщательно обследовали магнитные массы и поля в комнате. Особенно внимательно изучили стол, где проводили опыты, разворачивая его и двигая по комнате. Перемещали мебель, стулья, наблюдая за показаниями своих приборов.

С помощью различных магнитных датчиков обследовали испытуемую, заставляли ее ходить по комнате, разворачивать-

ся, проверяли приборами всю одежду, даже прическу. Искали "скрытый" диполь, но не нашли...

Вся эта проверка сопровождалась замечаниями о весьма высокой чувствительности приборов, что позволит им точно установить координаты любого магнитного диполя. А его-то и не было.

Наконец, после проверки и регулировки приборов, мы начали. Впервые метрологи увидели, как Нинель Сергеевна, манипулируя руками, довольно энергично отклоняла и разворачивала стрелку компаса. Вслед за тем ее попросили встать, отойти от стола, приборами проверили что-то вновь...

Затем, раскрутив стрелку, Нинель Сергеевна развела руки в стороны и стала поддерживать обороты стрелки наклонами и поворотами головы. Снова последовала остановка и проверка в положении сидя, стоя... Вот в такой обстановке шел эксперимент.

Проверяющие были в явном недоумении. Приборы регистрировали явное наличие магнитных диполей, которые то появлялись, то исчезали, не имея постоянного места у испытуемой. Но где? И тогда магнитологи заявляют, что диполь спрятан под одеждой.

Нам бы следовало тут же выпроводить гостей, прекратить с ними отношения, но мы начали им доказывать, что никаких металлических предметов в туалете нет, тем более нет никакого спрятанного постоянного магнита.

Единственные металлические предметы – заколки в волосах – были тут же удалены. Пришлось Нинель Сергеевне снять даже лифчик, на котором есть, как известно, металлические крючки, и опять стрелка повинуетея ей. Снова проверка, еще большее недоумение. Магнитные диполи то фиксируются, то вдруг нет... Ясно было, что возникшая задача этим ловцам "диполей" не по силам. Войдя в азарт, Нинель Сергеевна вновь раскрутила стрелку и затем, остановив, зафиксировала ее в каком-то резко отличном от обычного положении. Снова проверка рук, головы, тела. Еще больше озадачены метрологи – показания приборов снова нестабильны. Такого случая у них в практике не было.

Испытуемую просят полностью сбросить внутреннее напряжение. Когда ей кажется, что она вроде бы расслабилась, все проверяется вновь. И опять показания приборов поражают. Где нет диполя – стрелка отклоняется, и наоборот, диполь вроде бы фиксируется, а стрелка на него не реагирует. Видимое расслабление не снимает магнитное возбуждение: руки, поднесенные к компасу, тотчас вызывают пляску стрелки.

Все наши попытки объяснить магнитологам, что не то они ищут, что ничего металлического и магнитного у Нинель Сергеевны нет, не меняет их поведения, явного недоверия. Чтобы окончательно посрамить неверующих, Нинель Сергеевна ре-

шает во что бы то ни стало не только раскрутить стрелку, но и компас подчинить своей власти.

И ей удалось переместить компас на расстояние около 20 сантиметров. Явное недоверие и подозрение магнитологов вновь сменилось каким-то человеческим интересом. Тем не менее старший группы кандидат технических наук Н. В. Студенцов заявил: "Телекинез мы смотреть не хотим, это не входит в наши планы и компетенцию. А в остальном для нас все более или менее ясно..."

И начал демонтаж приборов и аппаратуры. Другой метролог неожиданно для нас не согласился с таким мнением. Несмотря на то что опыт продолжался уже около четырех часов, он стал настаивать на его продолжении, проявив на этот раз явную заинтересованность, желание выяснить причину столь необычных явлений.

После дискуссии метрологи все же решили эксперимент закончить. И признались нам, что им придется доложить руководству института, что они не смогли установить истинную причину эффекта магнитных аномалий.

Весь этот мучительный эксперимент походил скорее на сумбурные попытки уличить нас в мошенничестве.

Однако Нинель Сергеевна, хотя и обиделась, устала, все же предложила ученым продолжить опыт.

Приборы снова установили, и проверка продолжалась. На этот раз она была короткой. Студенцов все внимание сосредоточил на... одежде, где, как ему казалось, спрятан магнит. Ничего не найдя и не получив какого-либо объяснения виденного, он заявил, что если бы ему удалось обследовать испытуемую без всякой одежды, то ответил бы сразу на все вопросы...

Такая бестактность шефа этой группы положила конец такому, с позволения сказать, физическому эксперименту.

Спустя четыре года Николай Валерианович Студенцов, став доктором технических наук, на листе с машинописным текстом, некоем подобии научного отчета, фотокопия которого имеется у автора этих строк, сделает собственноручно приписку, поставит дату и роспись. Исправив несколько печатных слов, сделав приписку, он, очевидно, завершил тем самым изложение своих "изысканий", которые проводил в 1965 году у нас на квартире.

Вот содержание этого отчета, напоминающего репортаж:

"В течение 3,5 часа мы проводили наблюдения и убедились – тело Кулагиной (район ниже пояса или у бедер) содержит постоянный магнитный диполь, магнитный момент которого совершенно не зависит от психического состояния обследуемой.

Выяснено: руки совершенно немагнитны. Голова тоже. Высказали удивление: для чего вы кладете руки, если они не вращают и не отклоняют стрелку? Получили ответ: мне кажется, что это исходит больше от головы, чем от рук.

Исследовали: при повороте, наклоне головы стрелка магнитометра не отклонилась. Предложили Кулагиной встать – магнитометр зашкалил.

Предложили ей поворачивать тело вокруг вертикальной оси – четко выражена диполь, с хорошей воспроизводимостью результатов измерений. Все ясно: нужно искать, куда она запрятала диполь.

"Нет никакого сомнения, что в Вашем теле, но не в руках, не в голове, а где-то в районе бюста сидит что-то вроде диполя, то есть кусок магнита или катушки с током". Претенденты на чудо будто притихли. Мы перевели разговор на другие темы...

Решающий этап должен был бы заключаться в исследовании одежды и ее самой. Однако мы не стали делать, так как среди нас не было женщин".

Так заканчивается текст, а далее, ниже сделана собственно-ручная приписка.

"Кроме того, предмет перемещался Н. Кулагиной путем натяжения скатерти.

Н.В. Студенцов"

Таким образом этой припиской объяснялся телекинез. Разве похож этот отчет на квалифицированное заключение научного работника, специалиста в области магнитных измерений, работающего в столь высокоавторитетном Всесоюзном научно-исследовательском институте метрологии имени Д.И. Менделеева? Документ датирован автором 2 апреля 1969 года, а ведь "обследование" проводилось им в мае 1965 года.

В письменном отчете, который согласился в 1970 году сделать второй участник этого события, сказано:

"Совместно с к.т.н. Н.В. Студенцовым мною был проделан эксперимент по определению способности Кулагиной создавать магнитное поле и воздействовать на намагниченные предметы.

Эксперимент проходил на квартире. Кулагина продемонстрировала нам следующие опыты: движение по столу спичек и легкого футляра, вращение стрелки магнитного компаса.

Предметы и компас располагались на столе.

Кулагина сидит на расстоянии 10–20 сантиметров от стола на стуле. Движение предметов и стрелки компаса она вызывала движением руки, головы и всего тела.

Нами были проделаны следующие контрольные опыты: в стол была воткнута игла, на острие которой была горизонтально положена спичка, так, чтобы все это представляло немагнитную имитацию компаса.

Ни одна из попыток Кулагиной повернуть спичку, помещенную на острие иголки, не увенчалась успехом. Стрелка компаса, поставленного рядом, в это время вращалась.

Мы попросили объяснить, чем, по ее мнению, вызывается движение стрелки. Она сказала, что ее руки и голова обладают способностью воздействовать на все эти предметы. После этого мы зафиксировали Кулагину на стуле, оставив свободными руки и голову, и снова попросили повернуть стрелку компаса. Попытки, предпринятые в этом положении, окончились неудачно.

Затем мы попросили Кулагину встать и с помощью датчика магнитометра "М-17" обследовали Кулагину от головы до ног. При этом в области между бедром и грудью было установлено наличие четко очерченной магнитной аномалии линейными размерами меньше 10 сантиметров. Такого типа аномалии вызываются постоянными магнитами малых размеров. Подобные аномалии меньшей величины могут вызываться такими предметами, как ключи, ножи и т. д., что неоднократно наблюдалось мною ранее у операторов в партиях, проводящих магнитные съемки.

С нами был чувствительный магнитометр типа "М-17". Датчик его располагался на расстоянии 50–60 сантиметров от Кулагинной. Стрелка магнитометра реагировала на пассы Кулагинной, причем амплитуда отклонений достигала десятков гамм.

Опыт продолжался четыре часа.

К.ф.-м.н. Скрыпников В.П."

Информация Скрыпникова существенно отличается от "отчета" Студенцова, но тем не менее и он упоминает о неких ключах, ножах и т. д., которые вызывают "подобные аномалии".

Магнитолог Студенцов, выступая на бурно проходившей конференции в Доме научно-технической пропаганды в Ленинграде летом 1968 года, где, в частности, обсуждались опыты Н.С. Кулагинной, обосновывая свои выводы, заявил:

– Для того чтобы обнаружить мину непросвещенному в области магнитных измерений минеру, совсем не обязательно видеть эту мину.

Для того чтобы современный специалист сказал, что из себя представляет причина, вызывающая магнитное поле, совсем не обязательно вынимать магнит.

Задачу вынуть магнит я перед собой не ставил. Об этом было сказано Кулагинной.

Я здесь совершенно официально, ответственно заявляю, что – если это понадобится – пожалуйста!

Вряд ли только, думаю, Кулагина теперь согласится, потому что она знает, что она была обнаружена.

В любое время мы приступим к этому обнаружению магнита, и он будет выложен. Все!

Из подписанных магнитологами отчетов, а также из выступления Студенцова на конференции в Доме научно-технической

пропаганды отнюдь не следует, что они обнаружили "спрятанный под одеждой диполь".

Мы абсолютно убеждены, имея за плечами многолетний опыт, что никакими постоянными магнитами, диполями, скрытно закрепленными где-либо на теле или в одежде, невозможно воспроизвести весь тот комплекс воздействия на магнитную стрелку и сам компас, как это делала Нинель Сергеевна.

Несмотря на то что стрелка компаса вроде бы вполне убедительно указывала на наличие магнитной аномалии, мы тем не менее не убеждены в том, что всегда имеем дело с продуцированием организмом Н.С. именно постоянного магнитного поля.

На это указывают наши опыты с сыпучими материалами. Железные опилки, к примеру, перемещались точно так же, как и алюминиевые или эбонитовые, никак не обозначая наличие каких-либо силовых магнитных полей.

Профессор Л.Л. Васильев ни разу не высказывался относительно возникавших магнитных аномалий в организме человека, по напряженности равнозначных геомагнитному полю Земли. Он был убежден, что в случаях с магнитной стрелкой мы встречаемся с проявлением тех же телекинетических сил, что и при перемещении предметов.

К сожалению, кончина Л.Л. Васильева в 1967 году надолго отодвинула исследование проблемы, а мы лишились поддержки замечательного ученого и доброжелательного человека.

Опыты с магнитными компасами затем наблюдали многие ученые-физики. В частности, на кафедре волновых процессов МГУ у члена-корреспондента АН СССР Р.В. Хохлова три дня в марте 1968 года проходили показы телекинеза. И здесь один из наблюдателей попытался было уличить Нинель Сергеевну в фокусничестве.

Эти упражнения вошли в фильм, снятый Ленинградской киностудией научно-популярных фильмов в том же году, а также в японо-советский телефильм, снятый в 1977 году на Центральном телевидении в Москве.

За редким исключением нигде, ни у кого не возникало сомнения в достоверности виденного, никто не усматривал в показе обмана. Перед сидящей за столом Нинель Сергеевной устанавливались один или два компаса. Когда их стрелки успокаивались и занимали естественное положение, она подносила к ним сверху ладони и показывала, что никакой реакции на них нет. Затем начинала формировать известное только ей напряжение... Иногда проходило десять и более минут, прежде чем стрелка начинала шевелиться. С этого момента становилось особо заметно напряжение Н.С. – учащенное дыхание, дрожали пальцы, пропадала плавность и свобода движений ладоней. В такт с ними включалась голова, плечи. И вот с большой натугой,

как бы волоча что-то тяжелое и невидимое, ей удавалось "зацепиться" за стрелку и сдвинуть ее на 30–40 градусов, потом еще раз и еще. Стрелка начинала раскачиваться на 90 и больше градусов, а потом совершала почти полный круг. Еще усилие, и стрелка делала полные обороты, следуя за круговыми массами ладоней. Затем руки разводятся в стороны, а стрелка подкручивается движениями головы. Обе руки при этом неподвижны, в естественном положении.

Никогда не удавалось раскрутить стрелки компаса, закрепив под одеждой постоянный магнит, тем более не разворачивался и не перемещался сам компас, вместе с ремешком лежащий на скатерти стола. А именно так должно было бы произойти, по версии незадачливых контролеров.

Опыты с магнитной стрелкой периодически проводились, однако каких-либо специальных измерений больше не делалось. Поэтому о природе эффекта сказать что-либо определенное долгое время было нельзя. Только в лаборатории ЛИТМО – Ленинградского института точной механики и оптики – в 1978 году впервые изучили магнитную природу явления так, как следовало.

Вот что по этому поводу записано в отчете по "Исследованию некоторых психофизических явлений", подписанном заведующими кафедрами этого института – теплофизики, квантовой электроники и общей и физической химии соответственно, – профессором, доктором технических наук Г.Н. Дульневым; профессором, доктором технических наук К.И. Крыловым; доцентом, кандидатом технических наук И.К. Мешковским, а также доцентом кафедры теплофизики, кандидатом технических наук Н.В. Пилипенко. Отчет этот утвержден ректором ЛИТМО.

"Первая серия (7 опытов) была поставлена с целью установить достоверность вращения стрелки компаса (обычный школьный компас) при воздействии на него на расстоянии примерно 25–30 сантиметров от "К." (то есть Кулагиной. – В.К.).

Во всех опытах стрелка компаса вначале скачком поворачивалась (отклонялась на угол около 45^0), а затем вращалась с различной скоростью, в зависимости от воздействия "К."

Скорость вращения стрелки совпадала со скоростью перемещения рук "К". Максимальная скорость вращения не превышала 20 оборотов в минуту; при этом в каждом опыте стрелка совершала 3–4 оборота. По впечатлению "К.", вращение стрелки компаса служит для нее как бы индикатором, свидетельствующим о том, что "К." приобрела нужную "форму" и готова к дальнейшим опытам.

Затем был проведен опыт со стальными и медными опилками. На лист кальки по площади 200 x 150 миллиметров равномерно насыпались либо стальные, либо медные опилки диаметром 0,1 миллиметра, опилки покрывались листом кальки, края которого закреплялись грузом. На расстоянии 30–60 мил-

лиметров "К." воздействовала на опилки пассами рук. В результате равномерный слой как медных, так и стальных опилок приобретал хаотический рисунок, то есть происходило скопление опилок в отдельных районах поля...

Дальнейшие исследования носили количественный характер. Для измерения величины магнитного поля использовались два серийно выпускаемых германиевых датчика Холла.

Один из них помещался в латунный корпус, второй – без корпуса. Чувствительность обоих датчиков была приблизительно одинакова...

К каждому датчику нами была разработана и смонтирована измерительная схема, которая позволила записать результат на шкале чувствительного потенциометра типа "ЭПП-09".

"К." воздействовала на датчик, либо зажимая его в ладони, либо на расстоянии, поступательными и вращательными движениями рук располагая датчик перед собой. Минимальное расстояние от рук до датчика составляло 30 миллиметров.

Всего было проведено 4 опыта. В четвертом опыте отклонения были незначительны, ввиду плохого состояния "К.". Первые два опыта проводились с датчиком в корпусе.

Особо следует остановиться на результатах второго опыта. Ко времени проведения опыта (они проводились последовательно друг за другом с интервалом в 5–10 минут) "К." заявила, что она в хорошей форме и что следует ждать значительного эффекта, что в действительности и произошло. Наблюдалось два больших всплеска (более 270 гаусс), максимальную величину которых, к сожалению, зарегистрировать не удалось: не хватило шкалы потенциометра. При этом наблюдалось очень напряженное физическое состояние "К.". Затем произошел спад (третий опыт) и состояние "К." ухудшилось.

На основании опытов с датчиками Холла можно утверждать, что имеет место импульсное магнитное поле. При этом прибором из-за его инерционности зарегистрирована лишь огибающая магнитного поля длительностью менее одной секунды и с амплитудой более 300 гаусс. Возможно, длительность отдельных импульсов значительно меньше, а их амплитуда намного больше зарегистрированных прибором".

Вот такой отчет появился на свет, когда за дело взялись истинные ученые.

Работа, проведенная в лабораториях ЛИТМО, не вскрыла, к сожалению, физической природы этих явно аномальных результатов. Одно было с достоверностью установлено: никаких "спрятанных под одеждой диполей" или других ухищрений, которые позволяли бы "К." воздействовать на стрелку компаса, нет.

В мае 1983 года, а затем повторно в январе 1984 года жажда истины привела нас в поселок Вейково Ленинградской области в специальную Магнитно-ионосферную обсерваторию Ленинградского отделения научно-исследовательского института зем-

ного магнетизма, ионосферы и распространение радиоволн АН СССР (ИЗМИРАН).

Инициатором этих исследований был участник многих наших опытов ленинградский инженер и журналист В.И. Демидов. Он связал нас с руководителем Магнитно-ионосферной обсерватории, кандидатом физико-математических наук Э.С. Горшковым, решившим провести серию магнитных измерений, смоделировать эффект воздействия "К." на стрелку компаса.

Несмотря на явное недоброжелательное отношение к исследованию нашей проблемы, бытовавшее в то время в академических кругах, директор Ленинградского отделения ИЗМИРАН профессор В. И. Почтарев не только с пониманием отнесся к исследованиям, но и сам принял в них участие.

Психологическая обстановка в обсерватории была самая благоприятная, это позволило Нинель Сергеевне максимально раскрыть свои способности. Впервые она подвергалась всестороннему обследованию на высоком инструментальном и профессиональном уровнях.

В результате этих исследований появились научные отчеты, которые содержат подробное описание всех опытов. В обсерватории использовались новейшие сверхчувствительные приборы, в том числе протонный магнитометр.

Насколько чувствителен этот прибор и каковы пределы точности измерений, можно судить по той характеристике, которую дает этому прибору профессор В. И. Почтарев в книге "Земля — большой магнит" (Л., 1974).

"Чувствительность прибора настолько высока, что он отмечает действие незначительных магнитных масс. В новом немагнитном павильоне магнитно-ионосферной обсерватории в Воейкове под Ленинградом на постамент из силикатного кирпича установили протонный магнитометр. Прибор включили, но сигнала не последовало. Это могло быть лишь в случае, когда магнитное поле Земли чем-то искажено. Рабочие-строители утверждали, что ничего магнитного в постаменте нет. Разобрали постамент и в одном из кирпичей нашли магнитное включение в виде небольшой железной проволочки".

И вот этот точнейший прибор никак не прореагировал на присутствие Нинель Сергеевны в специальном немагнитном павильоне в то самое время, когда она создавала свое напряжение, при котором происходит перемещение и вращение магнитной стрелки.

Когда рядом со спичечным коробком, предназначенным для телекинеза, расположили датчик, то показания прибора (когда коробок начал движение) не могли не вызвать недоумение физиков.

В отчете говорится так: "К." взяла коробок из-под спичек и поставила его рядом с датчиком. Через одну минуту манипуляций над ним на показывающем приборе наблюдался резкий

отброс стрелки от 0 до -500 нТл. После двух минут отдыха отброс до -700 нТл (стрелка резко отклонилась до -700 нТл, затем переместилась на -500 нТл, затем снова до -700 нТл и медленно к нулю).

После одной минуты отдыха наблюдались колебания стрелки от $+200$ нТл до -1000 нТл.

В 12 час. 17 мин. (через 7 минут после начала эксперимента. — В.К.) испытываемая поставила коробок из-под спичек (без крышки) на датчик, после чего наблюдались резкие отклонения стрелки от нуля до $+800$ нТл и затем до -200 нТл. Стрелка прибора неустойчива, не фиксируется на определенном значении шкалы, "мечется".

При воздействии на датчик Холла в режиме "телекинез" было зарегистрировано при этом изменение магнитного поля, достигающее $3-8 \times 10^3$ нТл".

Цитирую этот документ, понятный только специалистам, чтобы всем читателям стало ясно, с какой предвзятостью, косностью в научной среде столкнулись мы в 1965 году, начав хождения по мукам.

В серии аналогичных опытов, проводившихся в лабораториях обсерватории в январе 1984 года, получены еще более впечатляющие, если не сказать — шокирующие каждого магнитолога результаты.

При телекинетическом воздействии Н.С. на датчик был зарегистрирован результат более чем в 20 раз превышающий величину магнитной индукции, наблюдавшейся в опытах, проводившихся ранее в ЛИТМО.

Впервые процитирую этот документ:

"В 12 час. 22 мин. "К." возвращается к компасам. Медная катушка размещена почти вплотную к компасам, в 3–5 сантиметрах. При приближении рук "К." стрелка компаса колеблется на 40–60 градусов. "К." приближает руки к катушке — отклонений луча нет, потом снова к компасам — стрелка вращается.

В 12 час. 25 мин. "К." отдыхает, пульс 80 ударов в минуту.

В 12 час. 28 мин. испытываемой предлагается воздействовать на датчик микротесламетра "Г-79". Рядом с датчиком размещен "компас" с немагнитной стрелкой. На показывающем приборе тесламетра стрелка на нуле...

При воздействии "К." стрелка немагнитного "компаса" остается неподвижной, а на тесламетре при этом регистрируются периодические резкие отклонения стрелки на шкале прибора с последующим более медленным ее возвратом на "0":

отклонение до 70 делений, спад до нуля;

отклонение до 40 делений, спад до нуля;

отклонение до 30 делений, спад до нуля;

отклонение до 40 делений, затем резкий подъем до 45 делений, потом спад до нуля;

отклонение до 20 делений, колебание стрелки от 20 до 30 делений, затем спад до нуля.

"К." осуществляет *прямое воздействие на феррозонд* (подчеркнуто мною. – В.К.): резкий отброс стрелки на шкале регистрирующего прибора тесламетра до 70 делений.

В 12 час. 32 мин. "К." осуществляет прямое воздействие на медную катушку. Отклонений электронного луча нет..."

Требуются пояснения к сказанному. "Медная катушка" представляла из себя датчик из большого числа витков медной проволоки. Предполагалось, что если "К." во время этих опытов действительно создает импульсное магнитное поле, то, воздействуя таким образом на катушку из медной проволоки, она этим импульсным магнитным полем должна будет вызывать появление в катушке электрического тока, что совершенно определенно вытекает из известного в физике закона электромагнитной индукции Фарадея. А дальше электрический сигнал, проходя по цепи, в конечном итоге должен был привести к отклонению электронного луча на экране осциллографа.

Одновременно с этим на импульсное магнитное поле должны были отреагировать и магнитный компас, и датчик микротесламетра, находившиеся вблизи с катушкой.

Размещенный рядом с датчиком прибор – "компас" с немагнитной стрелкой. В случае, если бы он отреагировал каким-либо изменением ее положения на действия Н.С., то этим показал бы, что телекинетическое воздействие влияет на пространство, а не на определенный предмет. И кроме того, оно не связано с магнитной составляющей поля.

Результаты опыта оказались под стать хорошему кроссворду. Судя по тому, что "катушка не сработала", можно сделать вывод, что никакого импульсного магнитного поля во время телекинеза нет и все наши предыдущие предположения на этот счет ошибочны. А то, что феррозондовый датчик и датчик Холла выдают астрономические величины якобы имеющей место импульсной магнитной индукции, не связан ли этот эффект с временным изменением работоспособности датчиков под воздействием какой-то электропроводящей среды, излучаемой испытуемой "К.".

Ведь зарегистрированная микротесламетром величина индукции не укладывается ни в какие разумно допустимые аналогии. Она во много миллиардов раз больше тех величин магнитного поля постоянных токов, которые зарегистрированы при изучении скелетной мускулатуры человека в области локтя при сжатии руки. (См.: Магнитные поля биологических объектов. М., 1987.)

Не менее поразительными оказались магнитные измерения экрана в отсутствии "К.", а затем и в ее присутствии рядом с экраном.

Экран – в виде переносной школьной доски на деревянной подставке, изготовленный из линолеума и фанеры; – установили в лаборатории. Плоскость доски, то есть экрана, была

совмещена с плоскостью местного магнитного меридиана с точностью до одного – трех градусов.

"К." спиной прижималась к одной стороне экрана, а датчик перемещался вдоль его плоскости с другой стороны. На той стороне, где перемещался датчик, были нанесены пунктирные линии, условно изображавшие контур испытуемой, и сплошные линии координат в пределах этого контура. Процедура перемещения датчика по координатам заведующий лабораторией З.С. Горшков осуществлял сам. Тонкость этой операции заключалась в том, что необходимо было тщательно соблюдать горизонтальность датчика, контролируя положение в замеряемой точке по уровню прибора. Поскольку отклонение датчика влияло на точность замеров, Горшков, из-за принципиальной важности эксперимента, не решился доверить простую, в сущности, операцию кому-либо из помощников.

Вначале измерили магнитное поле без испытуемой. "Нулевые" значения были практически одинаковы в различных точках экрана.

Затем измерили поле после появления "К.", до начала ее работы. Она располагалась с противоположной стороны доски. В измерениях на всей площади, датчик показывал "0". Только в одной точке, которая проецировалась со спины, было зарегистрировано изменение магнитного поля около 6000 нТл. Четырежды производили замеры, четырежды получали все тот же результат.

Примерно через 40 минут было повторно измерено поле организма. Величина напряженности его заметно возросла. В одной из точек, а именно в верхней части легкого, справа, изменения напряженности поля при повторных измерениях происходили от величины -2000 нТл до +6000 нТл, то есть со сменой полярности поля. В двух других точках, расположенных слева (одна над другой) в зоне легкого, показания менялись от +1000 нТл до +4000 нТл.

После окончания испытаний и непродолжительного отдыха вновь измерили "собственное" магнитное поле с помощью того же датчика и прибора. Стрелка его резко отклонялась до упора. Магнитологи получили много другой ценнейшей информации для размышлений.

Стоит ли говорить, что таких парадоксальных результатов, какие получены в этой серии опытов, никакими мыслимыми причинами объяснить нельзя. Ну как, к примеру, расценивать магнитное поле, исходящее от кисти рук человека, с величиной индуктивности, близкой к той, которую создает лабораторный магнит для фокусировки электронных пучков или промышленный магнит электродвигателя? Как истолковать, что на уровне верхних долей грудной полости Кулагиной в двух точках прибор фиксирует разноименную полярность магнитного поля. При этом величина его индукции сопоставима с той, которая возникает в соленоиде с большим числом витков при силе тока

в обмотке более 100 миллиампер. Вместе с тем известно, что электрический ток в 50 миллиампер считается опасным для жизни, а 100 миллиампер – является безусловно смертельным.

Единственное, что имело бы логический смысл при объяснении всех этих крайне странных и противоречащих элементарным законам физики результатов, это предположение, что "К." своим воздействием на датчики приборов искажает их физические характеристики.

Логика фактов, которые мы наблюдали, побуждает думать, что это направление поиска могло бы оказаться наиболее удачным.

Итак, каковы же в общих чертах результаты серии опытов, проведенных в 1983–1984 годах в обсерватории?

Прежде всего, установлено однозначно, что эффект воздействия на магнитную стрелку компаса, ее вращение с одновременным (в отдельных случаях) перемещением и самого компаса, которое демонстрировала "К." много лет, не имеет никакого отношения к каким-то фокусам и трюкам, связанным якобы с использованием для этого спрятанных под одеждой постоянных магнитов. Для реабилитации нашего честного имени это имеет значение. Но, конечно, не только этим важны проведенные исследования.

Другой эксперимент, цель которого – воспроизвести эффект вращения магнитной стрелки с помощью каких-либо известных физических средств, убедительно доказал: повторить то, что показывала "К.", невозможно.

Опыты подтвердили способность Нинель Кулагиной реагировать на воздействие магнитного поля, изменять свойства электроизоляционных материалов и воздуха. Это, по всей вероятности, и является причиной аномальных показаний магнитоизмерительной аппаратуры во время демонстраций Н.С.

Наконец, можно со всей определенностью утверждать: эффект воздействия на стрелку компаса не является следствием якобы излучаемого испытуемой импульсного магнитного поля. Скорее всего, реакция магнитной стрелки компаса связана все с той же загадочной телекинетической способностью, которую Н.С. показывала на удивление всем четверть века...

* * *

Хотелось бы дать читателям информацию для размышлений, сделав некоторые обобщения из того, что нам удалось увидеть и твердо установить.

Для телекинеза необходима благоприятная психологическая обстановка, рабочий настрой испытуемой.

Когда Нинель Сергеевна по собственной инициативе демонстрировала наблюдателям эффект, показы проходили весьма успешно. При этом не происходило ни перенапряжения, ни учащения сердцебиения и дыхания. Не замечалась усталость.

Опыты проводились легко, как бы играючи. Длительность демонстраций была значительной, достигала нескольких часов.

Важное значение также имеет настроение окружающих. Открытый интерес, искреннее, доверительное и сочувственное отношение, атмосфера дружеского участия – залог успеха.

Когда инициатива исходила не от Нинель Сергеевны, она попадала в непривычную обстановку, присутствовали незнакомые люди – той легкости уже не было. Официальная атмосфера, чужие лица, незнакомые предметы, иные, чем обычно, условия освещения и т. д. – все это осложняло ход эксперимента. Внутренняя подготовка, психологический и физический настрой происходили сложнее, требовали порой нескольких часов. Возрастало возбуждение, учащался пульс и т. д. В момент телекинеза его частота доходила до 220–240 ударов в минуту... В таком состоянии она переставала различать предметы, не замечала их перемещения. В этих случаях быстро наступала усталость.

Предельное напряжение, в момент которого происходил телекинез, продолжалось обычно 8–10 секунд. Иногда до 15–20 секунд. После проведения подряд серии перемещений необходим короткий перерыв и отдых. Ход эксперимента значительно усложнялся, когда кем-либо из присутствовавших в явной или скрытой форме высказывалось недоверие к Н.С., проявлялся скептицизм.

Часто бывало так, что, несмотря на кажущееся общее благоприятное отношение собравшихся, при настойчивом желании Нинель Сергеевны показать свой дар, предметы не повиновались. В этих случаях она безошибочно указывала на одного или двух присутствующих, которые своим замаскированным недоверием, скрытым скептицизмом, по ее словам, мешали ей. После того как такие лица временно покидали помещение, где проходили опыты, восстанавливалась обстановка доверия. Опыт продолжался, и эффект достигался быстро. Когда все убеждались в реальности эффекта, присутствие скептически настроенных лиц уже не влияло на дальнейший ход опыта, работоспособность Н.С.

Если опыты с перерывами проходили весь день, Нинель Сергеевна испытывала значительную усталость, возникала боль в позвоночнике, в затылке.

Во рту ощущался привкус железа или меди, появлялась сильная жажда. Случались головокружение и рвота. Через час-полтора состояние улучшалось. Боль в голове и в позвоночнике ослабевала. Появлялся аппетит. За час относительно напряженных опытов потеря в весе составляла в среднем 500–700 граммов. Увеличивался сахар в крови.

Длительные перерывы, отсутствие систематической тренировки резко отрицательно сказывались на результатах, на самочувствии. Восстановление "спортивной формы" достигалось примерно за месяц тренировок.

Эксперименты по телекинезу не удавались во время гроз. Теперь о предметах, используемых для телекинеза.

Материал, из которых они сделаны, практически не влияет на эффект. Нами использовались изделия из алюминия, меди, стали, бронзы, золота, серебра, стекла, различных пластмасс, оргстекла, керамики, фарфора, дерева, бумаги, тканей, органические вещества (хлеб, сахар и пр.), а также вода.

Форма, вес, размеры имеют значение. Объекты цилиндрические, удлинённые, установленные вертикально легче поддаются воздействию. Расположенные горизонтально, вдоль продольной оси, переместить труднее. Детские шары, резиновые мячи, деревянные шарики диаметром 3 – 5 сантиметров, пластмассовые мячи для настольного тенниса и другие перемещаются без качения, вращения.

Мы брали для опытов обычно предметы обихода небольших размеров и веса – спички, коробки, папиросы, различные пластмассовые и металлические футляры от парфюмерии, рюмки, стаканы, игрушки, листы бумаги, картона, куски сахара, конфеты, небольшие куски хлеба, фрукты и т.п. Вес их составлял от единиц до сотен граммов. Самый массивный предмет, переместить который удалось несколько раз на расстояние около 10 сантиметров, был стеклянный графин весом 380 граммов.

В семейной обстановке во время беседы однажды неожиданно лопнула ваза с цветами, стоявшая на столе. Другой раз во время эксперимента рюмка, перевернутая и поставленная на стол, раскололась: от нее с характерным резким звуком отскочила ножка. Других случаев, связанных с изменением формы и внешнего вида предметов, не было.

При воздействии на жидкость – каплю чернил на бумаге – форма ее изменялась. След капли (в сторону движения) резко сужался и на расстоянии двух-трех сантиметров переходил в тонкую, как волос, линию, обрывавшуюся в пяти-шести сантиметрах.

Сыпучие материалы – мелкие опилки из алюминия, железа, эбонита, расположенные на листе бумаги в виде круга, – неравномерно по длине окружности перемещались как с периферии к центру, так и наоборот.

По субъективной оценке Нинель Сергеевны перемещать предметы плоские, сыпучие или, как в опыте с каплей чернил, жидкие, ей тяжелее.

Теперь о физических условиях эффекта.

Маршрут движения предметов зависит от желания Н.С., условий, которые оговариваются при опытах. Ей в принципе все равно, куда их двигать, то ли к себе, то ли от себя. Однако следует отметить ряд обстоятельств.

Первое время Нинель Сергеевна перемещала предметы от себя. При движении они как бы скакали, делали рывки, в одно и то же время преодолевая разное по длине пространство.

Некоторые наблюдатели высказали предположение, что на легкие предметы оказывает воздействие поток воздуха при выдохе, поэтому и происходит перемещение от себя.

В связи с этим испытываемая решила изменить направление телекинеза и, потренировавшись, начала их двигать к себе.

Большинство опытов проводилось именно так. Она заметила, что перемещать к себе даже легче. Предметы движутся энергичнее, быстрее и как бы сами стремятся к источнику напряжения. Если, сидя за столом, Нинель Сергеевна поворачивалась, отклонялась в ту или иную сторону, то предметы устремлялись в том же направлении, как бы стремясь ее догнать.

Реже, но весьма устойчиво выполнялись боковые перемещения – вправо или влево. Смена направлений требовала какой-то внутренней перестройки. Не всегда она Н.С. удавалась.

Неоднократно проводились опыты перемещения двух, трех и более предметов одновременно в разных направлениях. Какой-либо установившейся последовательности в начале и окончании движения предметов замечено не было. Объекты то вдруг расходились одновременно, то перемещались поочередно. Продолжительность движения была различной. По желанию Нинель Сергеевны самопроизвольно, наряду с прямолинейным происходило поступательное и вращательное движение вокруг вертикальной оси.

Выполнялось задание – переместить объект по заданной траектории. Например, из фигуры "звезда", выложенной спичками, дальняя палочка перемещалась по маршруту "направо и к себе" или "налево и к себе". Из фигуры, выложенной из спичек, могла быть выбрана любая палочка, которая перемещалась по заданному маршруту. Обычно положение остальных спичек не менялось.

На какое расстояние распространяется силовое поле Нинель Кулагиной? В начале своих упражнений она воздействовала на предметы, отстоявшие от нее на два метра, ей удавалось переместить их с края на край стола.

С увеличением расстояния возрастали усилия. Поскольку каких-либо конкретных задач по изучению характера и скорости распространения в пространстве этого вида "силового поля" не ставилось, опыты стали проводить в пятидесятиметровой зоне. Усилий потребовалось меньше, а эффект проявлялся быстрее.

Сначала Нинель Сергеевна добивалась эффекта без движения рук, при относительном покое. Она предельно напрягала мышцы, иногда невольно опиралась на кромку стола, убирая руки под его крышку. У наблюдавших нередко возникало подозрение, что она использовала какие-то невидимые нити... Однажды мы заметили, что уже после того, как предмет оста-

новился, одно поднесение к нему руки вновь вызывало перемещение. Вот тогда решила включить в эксперимент руки. Это значительно ускорило появление эффекта, снизило усилия. Положение рук над предметом, как казалось нам, должно было снимать какие-либо подозрения относительно чистоты опыта, а это создавало лучшую психологическую обстановку. Включение рук в эксперимент позволило полностью отвергнуть некоторые высказывавшиеся соображения о роли глаз, "особого взгляда", головы и т. п.

Начались опыты при плотно завязанных глазах. Эффект нисколько не изменился, а выполнять упражнения стало легче. Хотя Нинель Сергеевна не видела объекта, она верно говорила о начале или конце его движения, направлении и местоположении.

Большинство упражнений проводилось лицом к предметам. Иногда испытуемая располагалась затылком к ним с открытыми или плотно завязанными глазами. Руки, естественно, в опыте не использовались, но эффект все равно достигался, хотя и с несколько большим напряжением.

Иногда Нинель Сергеевна наклоняла голову ниже крышки стола, приседая, и в таком положении двигала объекты, которые находились в полуметре от кромки стола. Обычно упражнения выполнялись сидя, однако и стоя она могла добиться того же результата.

Раз десять объект перемещался спонтанно неожиданно для самой Нинель Сергеевны. Мы эти случаи относим к странному эффекту — "последствия". Суть его заключается в том, что после остановки предмет иногда мгновенно стремительно перемещался вновь на три — пять сантиметров к руке, протянутой к нему кем-либо из наблюдавших или самой испытуемой. Как правило, рывок происходил неожиданно и даже пугал наблюдателей.

Эффект "последствия", казалось бы, просто объяснить элементарным притяжением двух предметов, заряженных разноименными электрическими зарядами. Однако практика показывает, что это не совсем так. С помощью электроскопов, электрометров и других приборов установлено: во время телекинеза ни на поверхности тела испытуемой, ни на поверхности объекта электрический потенциал не изменялся. Более того, в ряде опытов было установлено, что электрический потенциал вблизи тела Н.С. был на четверть меньше, чем у любого из присутствовавших в лаборатории.

В момент начала движения пространство между рукой Кулагиной и предметом становится электропроводным! Это подтверждено простым опытом с использованием электрической схемы, составленной из элемента питания постоянного тока (батарейки) и измерительного прибора. В другом опыте Кулагина через воздушное пространство снимала электрический заряд с поверхности куба из оргстекла.

Несколько замечаний об экранах. Какова их роль в телекинезе? Чтобы исключить всякие подозрения в фокусах и мошенничестве, мы часто накрывали объекты защитным колпаком, помещали в закрытые сосуды.

В качестве преграды, экрана использовались листы бумаги, картона, фанеры, оргстекла и жести, эбонита, щиты из дерева. Применялись колпаки, коробки, сосуды, прозрачные и непрозрачные материалы из стекла, оргстекла, свинцового стекла, жести.

Неоднократно на пути объекта кем-либо из присутствующих устанавливалась ладонь. Предмет упирался в ладонь и замирал. Однако никаких других ощущений, кроме прикосновения, не замечалось.

При непрозрачном экране, когда Нинель Сергеевна не могла видеть объект, характер его движения был обычным. Она безошибочно определяла начало телекинеза, остановку предмета, а также направление его перемещения.

Когда предметы накрывались колпаками до начала опыта, Нинель Сергеевна затрачивала больше усилий и времени, чем обычно при отсутствии такого экрана. Однако характер движения и в этом случае не менялся. Неоднократно объект накрывался в момент движения. При этой процедуре не происходило ни остановки, ни замедления, ни изменения направления...

Несколько раз использовались закрытые герметизированные сосуды. Эффект телекинеза был достигнут в двух случаях: в длинной стеклянной запаянной колбе однажды удалось переместить плавающий в воде шарик. В другой раз – воздушный пузырек.

Переместить предметы, находившиеся в сосудах под частичным вакуумом, не удавалось.

В одном из опытов колпак из свинцового стекла накрыл металлическую подставку и объекты из стекла, алюминия, дерева и бумаги. Колпак и подставка были надежно заземлены. Также заземлили с помощью металлических браслетов обе руки Кулагиной. И тем не менее все, что оказалось под колпаком, поехало.

В другой раз под стакан поставили на попа папиросу. Во время телекинеза сначала папироса переместилась от дальней стенки к ближней, а затем в том же направлении стронулся стакан. При этом папироса оставалась неподвижной.

Небольшие предметы перемещались по траектории, проходившей вблизи полюсов сильного постоянного магнита. Этот магнит удерживал стальные изделия весом в 5 и более килограммов.

Следует упомянуть об уникальном упражнении, которое годится в "копилку для раздумий". Легкая металлическая крышка из жести устанавливалась на предельно близком расстоянии от небольшого подковообразного магнита, но так, что-

бы не возникало притяжения. Первым делом Кулагина притягивала к себе крышку. Затем предметы менялись местами и Н.С. притягивала к себе один магнит, а крышка при этом не трогалась. Далее ставилась задача переместить сразу и крышку и магнит как в связке. И эту задачу выполнить удавалось.

Оба объекта, не стыкуясь, двигались сантиметром пять-шесть, после чего, как правило, крышка притягивалась к магниту.

Опыты выполнялись как на гладкой полированной поверхности, так и на ворсистой, грубошерстной ткани. Ворс ощети- нивался, приподнимался еще до начала движения объекта. А сам предмет как бы скользил по ворсинкам, чуть приподняв- шись над ним.

Расскажу, как вел себя при опытах электроскоп: никаких реакций он никогда не давал. Ни разу не удалось Кулагиной ни зарядить энергией электроскоп, то есть добиться, чтобы его лепестки разошлись, ни разрядить, чтобы лепестки опали.

Многие видели, как реагируют кусочки бумаги на электри- чески заряженную эбонитовую палочку. При телекинезе кар- тина иная: мелкие кусочки бумаги движутся не порознь, а кучно, все вместе. Затем эта кучка мелких кусочков вытягивается, об- разуя некое подобие клина, устремленного вперед. Некоторые кусочки бумаги, перемещаясь, как бы приподнимаются и сколь- зят по нижележащим, передвигаясь быстрее. Отдельные листки при этом движутся вокруг вертикальной оси. Некоторые из них разворачивались более чем на 90^0 .

Удавалось неоднократно получать висящую в воздухе "гир- лянду" из бумаги между разведенными на пятнадцать – двад- цать сантиметров ладонями рук.

Перемещались объекты, плававшие на поверхности воды. При этом усилий Н.С. требовалось меньше, чем при обычных "сухопутных" экспериментах.

Предметы также погружались в воду. Прозрачный сосуд заполнялся соленой водой большой концентрации, при этом сырое яйцо, опущенное в воду, не тонуло, находилось во взве- шенном состоянии, держалось у дна. Затем в этот же сосуд по- гружалось еще одно или два сырых яйца. Во время телекинеза яйца то сходились вместе, перемещаясь навстречу друг другу, то разводились в стороны; то двигались в одном направлении и т. д.

Остановлюсь подробнее на одном опыте, когда в сосуд с водой погружался ареометр.

Его выполнили английские ученые весной 1973 года в Ле- нинграде. Биофизики Херберт и Кассирер привезли с собой разные приборы: электромметр, радиометры Крукса, ареометр, который погружался в цилиндрический сосуд с водой емкостью около литра. Затем сосуд с погруженным ареометром устанав- ливался в металлическую банку. Она заземлялась, выполняя роль экрана.

Перед началом показа один из английских ученых несколько раз обошел вокруг Кулагиной, чтобы удостовериться в отсутствии каких-либо нитей для имитации телекинеза. Эта процедура была проделана одновременно с тщательным осмотром стола, за которым сидела испытуемая. Если учесть, что опыт проводился в номере гостиницы, где жили наши гости, и то, что Нинель Сергеевна появилась в нем незадолго до начала эксперимента, то станет ясно, с каким запасом сомнения приехали английские ученые.

Опыт с ареометром ставился ими в предположении, что Кулагина сумеет изменить только его вертикальное положение. Однако она переместила ареометр в горизонтальном направлении от дальней кромки сосуда к ближней и наоборот, повторив движение дважды при строго вертикальном положении прибора.

Наблюдателей особо поразило, что ареометр в момент телекинеза сохранял строго вертикальное положение. Обычно переместить его, не наклонив, прикоснувшись к верхней, выступающей из воды, части ареометра, не удастся.

Этот парадоксальный результат полностью снял у английских ученых какие-либо подозрения в отношении честности испытуемой.

Вот что пишет Б. Херберт об этом опыте в журнале "Парафизика" (Лондон, 1973. Т.7. Вып. 3):

"Измерить силы, действующие на ареометр, оказалось не так просто. Все присутствовавшие день назад безуспешно пытались привести его в движение, положив руки на металлический корпус банки, выполнявшей роль экрана. Теперь я обнаружил, что плавающий в солевом растворе ареометр очень трудно сдвинуть даже нормальными средствами так, чтобы он оставался в вертикальном положении, как это сделала Кулагина. Из-за низко расположенного центра тяжести и вязкости раствора инструмент обладает значительной стабильностью, и даже при открытом, близко расположенном окне при порывах ветра он только подпрыгивал вверх и вниз, но не плыл через стеклянный сосуд.

Это был прибор, специально приспособленный для демонстрации телекинеза. Когда усиленно дуешь на него с расстояния в фут, он пытается колебаться, как маятник, и только с трудом передвигается на сантиметр-другой. Кулагина же сидела на расстоянии 3—4 футов, ее рот был все время плотно закрыт. Сильно ударив по столу и толкнув ножку стола, я не смог изменить его положение.

Стекло и солевой раствор действовали как электрический щит; даже без металлического корпуса банки электрический заряд, полученный в результате трения о стекло, не может произвести движения, а если бы заряд был расположен выше стенок сосуда, то верхняя часть ареометра длиной 4,5 сантиметра (общая длина 20 сантиметров), находящаяся вне жид-

кости, была бы притянута и опять было бы маятникообразное движение. Этот заряд также вызвал бы значительное отклонение электростатического счетчика (электрометра. — В.К.), в то время как не было замечено никаких отклонений во время эксперимента Кулагиной.

В колбообразном основании ареометра находился порошок свинца — это понижало центр тяжести.

Нам не удалось никакими средствами заставить ареометр двигаться по жидкости строго в вертикальном положении.

Из-за неправильной формы колбы оказалось трудным оценить положение центра плавучести.

Легко вычислить, что восстанавливающий момент, не дающий ареометру наклоняться, присутствует для любого угла наклона.

По возвращении в Англию с этим инструментом я произвел дальнейшие обстоятельные измерения в моей лаборатории для проверки расчетов и обнаружил, что для изменения положения ареометра необходим угол наклона в 6^0 . Из этих данных простым вычислением можно найти, что минимальная сила, необходимая для приведения ареометра в движение по поверхности, превосходит 150 дин. Масса ареометра равна 26 граммам.

Но для того чтобы продюцировать движение без качания или подпрыгивания, центр действия телекинетических сил должен быть, по-видимому, гораздо ниже, внутри самой жидкости.

Поместив свой рот на расстоянии только одного дюйма от ареометра и дуя на него изо всех сил, я смог его сильно качнуть и сдвинуть на 2 сантиметра; но была, однако, заметная тенденция в его движении идти по кругу, параллельному краю сосуда, а не по диаметру”.

В заключение статьи д-р Б. Херберт, в частности, пишет:

”В моих лекциях студентам университета в Швейцарии меня постоянно спрашивали, почему я не измерил телекинетическую силу; сейчас я с радостью могу сообщить, что мы были первыми исследователями на Западе, которым это удалось сделать”.

Наконец, Нинель Кулагина от телекинеза перешла к левитации, она научилась удерживать на весу без опоры небольшие легкие предметы: пустые спичечные и бумажные коробки от канцелярских скрепок, небольшие пластмассовые капсулы от лекарств, шарики от пинг-понга... Эффект левитации удалось удачно сфотографировать в 1968 году фотографу-профессионалу Владимиру Богатыреву. На его фотографии четко виден шарик, зависший между ладонями. Снимок этот впервые увидел свет лишь через двадцать лет в ”Московской правде” в публикации Льва Колодного. Он же 17 марта 1968 года в этой газете обнародовал сообщение о телекинетических способностях Нинель Кулагиной, вслед за тем перепечанное многими средствами массовой информации во всем мире.

Научное сообщение о телекинезе состоялось в статье "Измерение экстремальных значений физических полей человека-оператора", написанной группой научных сотрудников ЛИТМО и МВТУ имени Баумана в сборнике "Технические аспекты рефлексотерапии и системы диагностики", Калинин, 1984 год.

В силу специфики телекинеза, не поддающегося до сих пор объяснению с позиций известных законов науки, организация наших домашних опытов, естественно, не отвечала и не могла отвечать всем условиям, которые требуются и соблюдаются при проведении чисто физического эксперимента. Отсутствие сведений о характере и условиях наблюдения этого эффекта, кроме указанной ранее книги профессора Л. Васильева "Таинственные явления человеческой психики", приводило к необходимости поиска каждый раз новых, более оптимальных условий постановки эксперимента.

Несмотря на то что с 1964 года опытов по телекинезу проведено значительное количество и в самых различных условиях, ни один из них ни разу никем не был воспроизведен с использованием известных технических средств физического взаимодействия.

Все больше физиков убеждаются в реальности телекинеза. Их долг — довести начатое нами дело познания истины до конца. Для этого нужны новые теории.

Глава IV

ЭФФЕКТ ЖЖЕНИЯ

Среди наблюдавшихся нами редких и пока не объясненных биофизических явлений особое место, на наш взгляд, занимает эффект жжения.

Суть его сводится к тому, что Нинель Сергеевна в результате все того же напряжения, воздействуя на других людей, вызывает у них ожог. Обычно это делается ею с помощью ладоней рук — что для нее проще, привычнее. Жжение может осуществляться как контактным способом, так и бесконтактно. Наибольшее расстояние, на котором этот эффект зарегистрирован в наших опытах, измеряется в пределах двух метров.

Большое внимание этому эффекту мы уделяли в связи с тем, что он воспроизводим практически в любых условиях, не требует особых физических усилий, как телекинез. Удалось при этом получить разнообразную информацию об изменениях во внешней среде, наблюдать зримые результаты воздействия на разные объекты, а также исследовать напряжение организма самой Нинель Сергеевны во время жжения.

Эффект этот обнаружен нами случайно. Освоение его, тренировки проводились Н.С. самостоятельно, о "жжении" мы не располагали никакими сведениями в печати, никто ничего нам не говорил о нем.

История эффекта коротко сводится к следующему. В 1963–1965 годах Нинель Сергеевна проходила курс лечения у психотерапевта Г.С. Беляева, который успешно практиковал лечение гипнозом и методом аутотренинга. На сеансах у Н.С. обнаружилась повышенная внушаемость. Как в состоянии гипноза, так и при самовнушении у нее на коже появлялись ожоги различной степени — следы от несуществующих, но внушенных ей колец на пальцах и т. п. В целом, курс лечения оказался успешным, и практически болезнь прошла.

Однако со временем Нинель Сергеевна стала ощущать спонтанные приливы... жжения. Большой частью оно ощущалось в конечностях ног, в руках, а происходило ночью во время сна, как правило, в начальной его стадии. Жжение зачастую было очень сильным и болезненным. Снять это неприятное ощущение не удавалось ни охлаждением, ни какими-либо медикаментами. При этом температура тела, где появлялось тепло и жжение, была нормальной, ничем не отличалась от температуры остальных участков тела. Попытки избавиться от болезненного ощущения самовнушением не удавались. Случаи эти стали учащаться, вызывали тревогу и беспокойство, так как болезненное состояние длилось несколько часов. Со временем Н.С. постепенно начала привыкать к этим неожиданным и беспоко-

ящим болям. Пропал испуг. Жить в общем-то было можно. Когда жжение прекращалось, никаких осложнений не возникало.

Рассуждая о том, как бы избавиться от этой напасти, мы решили, что жена постарается мысленно передать жжение мне. Рассчитывали, что опыт, приобретенный на сеансах самовнушения, позволит ей избавиться от боли. Мысль сама по себе странная и ни на каком предыдущем жизненном опыте не обоснованная. Решили попробовать, хотя, что и как нужно делать, не знали.

Каково же было наше удивление, когда в период очередного приступа жена передала беспокоившее жжение мне на предплечье руки, которую я приложил к ее "горящей" ноге. В первый момент ничего, кроме обычного тепла, мною не ощущалось. Вскоре появилось, однако, легкое покалывание, а затем и слабое жжение, которое постепенно усиливалось, переходя в сильное. У меня на руке покраснела кожа. Жжение продолжалось не менее 10–15 минут и после того, как я отвел руку.

С этого начались наши наблюдения, опыты и поиски физической сути обнаруженного явления.

После того как Нинель Сергеевна научилась передавать жжение другому, неожиданные приливы тепла у нее прекратились. Но если она длительное время, месяца два-три, не упражнялась, не передавала свою энергию кому-либо другому, у нее начинались головные боли, недомогание, неприятные ощущения в области позвоночника.

После многочисленных тренировок, проверок, опытов выработался оптимальный режим нагрузки. Н.С. научилась регулировать интенсивность и направленность своего "теплого" воздействия, передавать энергию либо ладонями рук, что происходило быстро и без особых усилий, либо бесконтактно – на расстоянии, что оказывалось сложнее и требовало большего внутреннего напряжения.

Как правило, Н.С., выполняя процедуру, предварительно смачивала руки одеколоном, спиртом или, если их не было, водой. Это охлаждает руки и облегчает последующие усилия. Смачиваются либо ладони, либо тыльная сторона кистей. Сама она того жжения, что передает другому, как правило, не ощущает. При смачивании ладоней ощущение жжения передается быстрее и при меньших затратах энергии.

Расскажу о странных случаях, виденных нами при этих опытах. Происходили они обычно тогда, когда Н.С. увлекалась, и жжение передавалось другому сравнительно легко и быстро. Во время такого воздействия она вдруг начинала ощущать на теле (как правило, на спине) сильное жжение. Не испытывая никакого жжения в ладонях, Нинель Сергеевна совершенно неожиданно начинала страдать от сильного жара на спине и вынуждена была прекращать опыт. Как правило, в этих случаях в нательном белье из ацетатного шелка образовывались дыры, как раз в тех местах, где ощущалось сильное жжение. Площадь

этих дыр с самыми неопределенными очертаниями иногда достигала более десятка квадратных сантиметров. По кромкам не было видно ни оплавлений или утолщений, ни рваных нитей.

При интенсивной передаче жжения у подопытных людей на поверхности кожи появляется краснота, а порой ожоги с водяными пузырями. Жар бывает иногда настолько болезненным, что люди не в состоянии переносить его. После неоднократных воздействий жжением кожа становится светло-коричневой, как при сильном солнечном загаре, менее эластичной, начинает шелушиться и отслаиваться небольшими частями. Этот процесс и заживление ран происходят безболезненно, без каких-либо воспалений.

Интенсивное воздействие Н.С. вызывает на коже такие изменения, которые происходят при тепловом или ультрафиолетовом облучении. Вместе с тем тщательной и всесторонней проверкой установлено: температура в месте жжения как у пациента, так и у Н.С. изменяется весьма незначительно, всего в пределах одного градуса Цельсия.

Субъективные оценки людьми даются различные. Одни вначале чувствуют легкое покалывание, а затем ощущение тепла, усиливающегося и переходящего в сильное жжение. Другие – легкое охлаждение, а затем нагрев и жжение, как при горчичнике. Для третьих после резкого скользящего прикосновения чем-то эластичным и невидимым наступает нестерпимое жжение. Есть и другие оценки и описания. Однако, несмотря на некоторое отличие в деталях, это ощущение в основном оценивается как жжение, сравнимое с действием сильной горчицы, муравьиного укуса и подобных раздражителей. Однако это ощущение не похоже на действительное ощущение тепла от прикосновения к горячему. Характер обычного ожога кожи горячим предметом, водяным паром или горячей водой, а также заживление совершенно отличны от того, что нами наблюдалось в опытах по передаче кулагинского жжения.

Приведу некоторые примеры того, как объясняется жжение людьми, испытывшими это удивительное ощущение, а также мнения ученых. Начну с того, что написал английский биофизик В. Херберт:

”Мадам Кулагина сняла кольца со своих рук и попросила меня завернуть левый рукав рубашки. Я понял, что она хочет повторить наш прежний эксперимент, состоявшийся в дни нашего пребывания в Ленинграде в июне 1972 года. Тогда она держала мою руку и продуцировала невыносимое ощущение тепла, которое я не мог выдержать больше, чем 2 минуты.

Неожиданно мне пришла идея предложить некоторое изменение эксперимента: я попросил Кулагину на этот раз не отпускать моих рук, какую бы боль я ни испытывал, а продолжать неопределенно долго, так как меня интересовало, что случилось бы, если бы я смог выдержать эту пытку дальше. Мое решение

вызвало некоторое оживление у моих коллег, которые образовали кружок, чтобы быть свидетелями поразительных результатов.

Затем мадам Кулагина удивила меня тем, что попросила немножко водки. Я знал, что она не употребляет алкоголь, и спросил, зачем это; она ответила улыбаясь: "Вымыть руки..."

Я настроился выдержать боль, в то время как она слегка сжала мою руку выше запястья. Приблизительно через минуту я начал ощущать то же, что и раньше, но на этот раз ощущение казалось значительно сильнее. В первом эксперименте я не был вполне уверен, было ли это ощущение электрическим или тепловым. Я надеялся теперь, что, будучи подвержен этому испытанию длительное время, смогу прийти к ясному выводу. Я знал, например, что самовнушение способно произвести такие эффекты (включая красные отметины на коже). Однако существуют обширные экспериментальные доказательства, что в случае мадам Кулагиной этот феномен объективен (например, она оказывает действие на фотопленку), и в моем сообщении 1972 года я дал другие доводы в поддержку его объективности.

Что касается меня, то я чувствовал острую физическую боль. Мне пришлось сжать зубы, бить себя свободной рукой по лбу, чтобы выдержать "пытку". Вскоре мне стало ясно, что это ощущение по природе было чисто тепловым, а не электрическим. Кроме тепла, сконцентрированного под ее рукой, я не чувствовал никаких других симптомов. Я не знаю, сколько продолжался эксперимент, приблизительно 4–5 минут, затем я помимо воли упал на рядом стоящий диван и она выпустила мою руку.

Прошло несколько минут, прежде чем я пришел в себя и смог осмотреть обожженный участок. До него было больно дотронуться. Он выглядел ярко-красным и слегка припухшим, действительно таким, как если бы был подвержен интенсивному тепловому воздействию. Мой коллега Кассирер сфотографировал след ожога, и я снова откинулся на диван, закрыл глаза.

Меня вскоре встревожил стон: я взглянул и увидел, что мадам Кулагина прижала маленькую плоскую фотокамеру к руке господина Кассирера. Ее руки касались только фотокамеры, а не его руки.

Он жаловался, что ему горячо, и просил освободить его от такого испытания. Это мне было интересно, так как Кассирер ничего не чувствовал в нашем эксперименте 1972 года. Позднее он признался мне, что прежде думал, что я неискренен, подыгрываю, чтобы потешить мадам Кулагину, но теперь понял, что я не преувеличивал ощущение.

Здесь следует заметить, что один московский ученый предположил, что, возможно, у Кулагиной было на ладони вещество, которое при действии на него водкой продуцировало ожог. Но это в данном случае не могло быть связано с рукой Кассирера,

которая находилась не в контакте с ее рукой. Между ними находилась фотокамера! Ширина этой камеры между ладонью и рукой была 2,4 сантиметра, другие размеры – 12,8–4,8 сантиметра.

Несколькими минутами раньше этого эксперимента я тщательно осмотрел руки Кулагиной, провел по ним своей рукой. Они были совершенно сухими...

В моем случае ожог исчез лишь через 8 дней, после моего возвращения в Англию...

Это свидетельство взято нами из журнала "Парафизика" (Лондон, 1973. Т. 7. Вып. 3).

Приведу также выдержку из статьи в журнале "Студенческий меридиан" (1980. № 8) о демонстрации опытов, которые состоялись в издательстве "Молодая гвардия":

– А правда, – был задан вопрос, – что вы можете прикосновением руки сделать человеку ожог?

– Желаящие могут испытать.

И вот уже смельчак сидит рядом с ней. Кулагина берет его за запястье. Просит:

– Будет горячо, скажете! – И сосредоточивается.

– Тепло, – говорит испытуемый, – еще теплее, становится горячо. А теперь я словно прикоснулся к горячему чайнику.

Кулагина опускает руку. На коже, где была ее ладонь, появилось заметное красное пятно. К столу подходит еще один человек – результат тот же..."

Третье свидетельство – заключение группы ученых, проводивших опыты с Н. С. Кулагиной 8 февраля 1978 года в Москве:

"Мы убедились, что наложение руки Н. С. Кулагиной на кожу руки испытуемого примерно через минуту вызывало сильное жжение (как от горчичника или раскаленного предмета) с последующей зритемой как при ожоге первой степени.

В опытах Н.С. Кулагина действительно демонстрирует не фокус, а необъяснимое в настоящее время явление природы, исследование которого представляет большой интерес для науки".

Это заключение подписали девять советских ученых, среди них пять академиков, действительных членов АН СССР: И. Кикоин, А. Тихонов, Ю. Кобзарев, В. Трапезников, Ю. Гуляев.

Вот что пишет известный радиофизик академик Ю. Кобзарев:

"Воздействием своего излучения на кожу человека Кулагина может вызвать ожог, сила которого определяется длительностью воздействия. Можно думать, что прекращение кровотечения, заживление ран и язв, осуществляемые целителями, происходит также в основном за счет генерируемых ими физических полей.

Об этих полях и о роли, которую они играют в жизни и, в частности, в экстраординарных психофизических явлениях, мы

до сих пор ничего не знаем. Важность исследования этих полей, изучение механизма их воздействия на организм вряд ли можно переоценить. Эти исследования, безусловно, откроют новые горизонты в ряде областей науки о живом, в первую очередь в медицине”.

Ощущение жжения во время этих опытов возникает не у отдельных личностей с повышенной внушаемостью или особой чувствительностью. Оно испытывается каждым, кто подвергается воздействию Н. С. Известно, что ”ощущение боли появляется при повышении температуры кожи примерно до $43,5^{\circ}\text{C}$ — на 10°C выше нормальной температуры кожи” (Барабой В. А. Солнечный луч. М., 1976). Это обстоятельство лишний раз указывает, что причину жжения следует искать не в повышении температуры.

В подтверждение этого Н. С. неоднократно показывала предельно убедительный опыт с чугуном утюгом. Холодный утюг обычной комнатной температуры помещался на голое предплечье, поскольку здесь кожа более чувствительна. В первый момент человек, естественно, ощущает его холодную поверхность, поскольку температура чугуна близка к комнатной и ниже температуры кожи примерно на $15\text{--}20^{\circ}\text{C}$.

Затем, через 3–5 минут после того, как Н. С. бралась за ручку утюга или прикасалась к нему ладонью, у испытуемого появлялось новое ощущение — легкое покалывание тела... под утюгом. Затем появляется тепло, а далее все то же известное жжение. Покраснение кожи локализуется на участке меньшем, чем площадь контакта тела с утюгом.

Опыты передачи жжения ”через предмет” проводились неоднократно. В качестве таких предметов (правильнее будет сказать экранов) использовались разнообразные изделия.

Нестерпимое жжение ощущалось через металлическую капсулу, заполненную водой. Эта капсула из нержавеющей стали с торцевыми закручивающимися пробками была изготовлена из отрезка трубы. Толщина стенки — 3 миллиметра, наружный диаметр — 38 миллиметров, длина — 200 миллиметров. По просьбе испытуемой опыт был прекращен через 2–3 минуты из-за сильной боли. На плече осталось ярко-розовое пятно по размеру торца капсулы. Жжение продолжалось не менее получаса. При ощупывании появившегося красного пятна не возникало того сильного болезненного ощущения от прикосновения рукой, как это обычно бывает при термических или химических ожогах.

Через несколько часов изменилась пигментация кожи, четко выявилось светло-коричневое пятно. Через несколько дней обожженная кожа начала шелушиться, открывая светло-розовую новую кожу. Все, как обычно, происходило безболезненно, без воспалений.

За время описываемого опыта изменилась также кислотность воды, находившейся в герметически закрытой капсуле. Лакму-

совая бумажка в облученной воде показала уменьшение величины рН с 7 до 3 единиц.

В подобных опытах в качестве преграды, экрана использовались всевозможные изделия, включая 3-миллиметровый лист свинца. Оказалось, что жжение практически не экранируется, но время и усилия, которые приходилось затрачивать на преодоление преграды, возрастали значительно.

Что происходило, когда Н.С. надевала на руки резиновые перчатки? Жжение и в этом случае передавалось как контактно – руками в перчатках, так и бесконтактно – когда ладони отстояли на 15–20 сантиметров от кожи. Наши наблюдения не позволяют утверждать, что резина не способна экранировать эффект. У нас нет убеждения, что во время воздействия не происходит продуцирование гипотетической субстанции, ответственной за эффект жжения, с какого-либо другого открытого участка тела Н.С. К этому мнению нас приводит проведенный опыт, когда Нинель Сергеевне никак не удалось вызвать жжения на спине у человека, одетого в легководолазный резиновый костюм.

Контролируя физические параметры излучения организма Н.С., группа ученых-физиков под руководством академика Ю.В. Гуляева открыла, что при жжении генерируются звуковые импульсы. Интенсивность этого сигнала – в пределах нескольких десятых долей мкВт/см² и длительность – менее 1 миллисекунды. Эти импульсы следуют один за другим с периодом менее одной секунды. Зарегистрировано, что скорость распространения звуковых импульсов по металлическому стержню длиной около трех метров и диаметром 50 миллиметров строго соответствует известной скорости распространения звука в металле. Установлен и другой парадоксальный факт. Когда Н.С. держала в ладонях один конец металлического стержня, экспериментаторы, сменяя друг друга, подставляли предплечья к другому концу стержня и ощущали жжение. Почти у каждого краснела кожа, но не происходило ощутимого изменения температуры.

В другой раз использовалась тонкая труба из красной меди, свернутая в спираль диаметром в полметра. Проверялась скорость прохождения звуковых сигналов по проводнику из меди. Они регистрировались датчиками, расположенными на витках спирали.

Звуковые сигналы и в этом случае регистрировались, а вот эффекта жжения ни один из экспериментаторов, прикладывавших руку к концу этой трубы, не ощутил.

Почему в одном опыте с металлической трубой эффект жжения возникал, а в другом – с медной трубой – нет? Обсуждавшаяся вначале "ультразвуковая гипотеза" отпала, так как физические характеристики зарегистрированных звуковых импульсов были значительно меньше тех величин, которые способны вызывать ощутимые биологические эффекты.

Не нашла единодушной поддержки и попытка объяснить наблюдавшиеся факты психологическими причинами, поскольку они не раскрывали бы физической сути феномена.

Вода как среда, через которую удавалось передавать эффект телекинеза на плавающие и погруженные предметы, как известно читателям, нами уже опробовалась ранее, и с положительными результатами.

На этот раз возникло предложение провести опыты по передаче через воду эффекта жжения. Такой опыт был организован. Несколько экспериментаторов-физиков, ощутили жжение, опуская руки в глубокий таз с водой. Туда же Н.С. погружала свою руку, создавая соответствующее напряжение организма. Жжение при этом воспринималось только на каком-то одном участке руки, куда направлялось воздействие, а не охватывало всю погруженную в воду руку.

Это, казалось бы, не столь существенное наблюдение добавило нам ряд принципиальных загадок, когда мы вплотную занялись опытами с водой.

По намеченной программе несколько лет проводилась серия экспериментов в лабораторных условиях под руководством профессора Г.Н. Дульнева.

К участию в них кроме основной группы исследователей привлекались специалисты различных областей знаний из научных центров Ленинграда и Москвы.

Некоторые результаты этой работы опубликованы в сборнике "Вопросы медицинской электроники" Таганрогского радиотехнического института имени В. Д. Калмыкова (Таганрог, 1984) и в сборнике "Технические аспекты рефлексотерапии и системы диагностики" Калининского политехнического института (Калинин, 1984) в статье "Измерение экстремальных значений физических полей человека-оператора".

Эти публикации являются первыми и пока единственными научными сообщениями, где дается попытка интерпретации проводившихся исследований. При этом делается совершенно определенный вывод о физической реальности феномена.

В связи с анализом загадочного "теплового воздействия" хотелось бы подробнее осветить состоявшиеся опыты по регистрации энергетического потока Н.С. Кулагиной.

Для контроля использовались:

Первое. Датчик теплового потока – тепломер, разработанный в Институте теплофизики АН УССР, высокой чувствительности. Наклеенный на кожу испытуемых, он регистрировал величину теплового потока в результате разности температур – на поверхности кожи и воздуха в помещении. Эта разница весьма значительна, составляла в среднем около 16–18 градусов, что определяло и солидную величину теплового потока, исходящего от тела в пространство лаборатории.

Другой прибор – термомпара – для замера температуры кожи в месте жжения.

Применили также стандартный газовый лазер. Его излучением зондировалось воздушное пространство между ладонями руки Н.С. и тем местом, куда наклеивались термомер и термопара. Луч лазера пересекал под прямым углом зону загодочного "излучения", исходящего от ладоней рук. Расстояние между рукой Н.С. и датчиками составляло около 25–30 сантиметров. Луч лазера проходил посередине этого расстояния.

Минуты через полторы-две после того, как Н.С. начала прогревать то место, куда были наклеены датчики, испытуемый заявил, что чувствует жжение. Вскоре вокруг датчиков кожа покраснела.

Однако сигнал термопары практически не менялся. А это свидетельствовало о том, что температура кожи также не изменялась, несмотря на видимое ее покраснение и жжение, которое испытывал субъект.

В то же время сигнал тепломера несколько раз резко, в течение десятой доли секунды возрастал в три-четыре раза, а затем так же мгновенно падал до прежнего значения. А луч лазера, которым лоцировалась зона между рукой Н. С. и спиной испытуемого, на треть ослабил свою интенсивность.

Полученный результат никак не соотносится с представлениями о работе физических приборов, участвовавших в эксперименте.

Действительно, температура кожи на теле испытуемого, где были наклеены датчики, не изменялась, что показывала термопара. Не изменялась практически в этот короткий промежуток времени и температура в лаборатории. Вместе с тем тепломер фиксировал резкое увеличение – в 3–4 раза – теплового потока, исходявшего от тела в окружающую среду. При этом, как уже говорилось, синхронно ослаблялся или рассеивался лазерный луч.

Как все это связать в единую логическую цепь?

Ведь если не менялись температура кожи испытуемого и температура в помещении, то ясно, что тепловой поток, исходящий от человека, также не менялся. Стало быть, не должны были изменяться и показания прибора. А они изменились. Значит, появились в регистрируемом физическом процессе какие-то дополнительные факторы, какие-то иные физические компоненты, на которые не рассчитывался и не конструировался датчик.

Такая постановка вопроса вполне логична. В научном отчете "Исследования некоторых психофизических явлений", подготовленном группой ученых во главе с профессором Г. Дульневым, говорится:

"Этот странный результат может быть объяснен следующим образом: тепломер представляет собой термостолбик с большим количеством спаев и конструктивно устроен так, что образует замкнутый виток проводников. Поэтому показания тепломера, т. е. регистрация электродвижущей силы, может быть вызвана

не перепадом температуры, а воздействием, например, переменного магнитного поля.

Для проверки этого предположения было проведено воздействие на термопару полем постоянного магнита. При подвижном поле сигнал от датчиков не наблюдается. При резком перемещении магнита видно было скачкообразное изменение сигнала тепломера, аналогичное тем, что описаны выше. Термопара не "реагировала" на перемещение магнита. Отсюда можно сделать предположение, что природа воздействия Н. С. Кулагиной частично магнитная, хотя следует повторять опыты с более совершенной конструкцией тепломеров".

Автор этих строк участвовал в описываемом эксперименте. Нас особенно привлекла возможность зондировать лучом лазера воздушное пространство между руками Нинель Сергеевны и испытуемым. Лучом можно зарегистрировать сугубо материальную структуру того неизвестного энергетического потока, который вызывает эффект жжения.

Мы предполагали, что датчик термопары не выдаст сигнала, свидетельствующего о повышении температуры кожи. Но то, что датчик тепломера зафиксирует импульсное увеличение теплового потока в 3–4 раза, было полной неожиданностью.

Для эксперимента была создана оригинальная установка с двумя лазерами. Их лучи проходили через торцы металлической коробки. На боковых ее стенках проделали расположенные друг против друга отверстия.

Коробка эта не позволяла сблизить руки участников опыта.

Итак, Н. С. подносила ладонь к отверстию коробки. А у отверстия на противоположной стенке держал руку другой участник опыта.

В это же время через торцы коробки устремлялись лазерные лучи. Они как бы служили преградой тому неведомому излучению, что создавала Кулагина. Однако перекрыть дорогу загадочному излучению лазерам не удавалось. На ладони другого участника эксперимента покраснела кожа, он испытал жжение.

Сигналы каждого из лазерных лучей воспроизводились на экране осциллографа и записывались на магнитной ленте.

Стало очевидным, зримым: амплитуда каждого из лучей, проходящих внутри короба, в моменты жжения руки последовательно уменьшалась. Это начиналось с ближнего луча и шло от Н. С. к руке испытуемого. Видимая картина позволила судить о скорости распространения неизвестной физике материальной субстанции, которая оказалась в несколько раз меньше скорости распространения звука в воздухе.

Во время опытов дважды ход лазерных лучей обрывался. Сигналы на приемники не поступали, их не было ни на экранах осциллографов, ни на магнитной пленке. В эти же короткие промежутки вспыхивал ярко-розовый "туман", заполнявший все пространство коробки, что было видно невооруженным глазом. На коже испытуемого, державшего руку, и на ладони

Н. С. четко обозначались ярко-розовые световые пятна. Стол под коробкой, стоявшей на деревянных прокладках, также озарялся ярко-розовым огнем.

Все это свидетельствовало о факте взаимодействия лазерного излучения с веществом, которое "выпрыскивалось" (другое слово здесь трудно подобрать) с поверхности ладони Н. С. и направлялось неведомой силой к подставленной руке. Поскольку дважды полностью, хотя и кратковременно, пропадал сигнал на приемниках, следует считать, что возникшее вещество, оказавшееся на пути лазерных лучей, оказалось непрозрачно для этих лучей.

Известно, что процессы взаимодействия излучения лазера с непрозрачным веществом объясняются с позиций классической теории теплопроводности (Лазерное излучение. М., 1977). При этом предполагается, что вся энергия лазерного излучения поглощается небольшим объемом вещества, вследствие чего температура его повышается. Вещество при этом мгновенно испаряется, что и могло обусловить образование ярко-розового тумана внутри коробки-экрана в описываемом эксперименте.

В других опытах, когда воздушное пространство между ладонями Н. С. и объектом воздействия как бы "ощупывалось" лазерным лучом, неоднократно наблюдались светящиеся следы частиц, пересекающих поток лазера.

В других экспериментах, которые проводила московская группа физиков во главе с профессором Ю. В. Гуляевым (ныне академиком), не раз случалось так, что датчики выходили из строя. Это происходило и при измерении звуковых импульсов, и в опытах, когда наблюдался эффект жжения. У датчиков разрывалась ацетатная шелковая ткань мембран.

На мембране такого разрушенного датчика, вскрытого для осмотра, была обнаружена рваная дыра. По контуру образовавшегося изъяна четко виднелся светло-коричневый налет. Такой же точно тончайший налет мы наблюдали на нателном белье из ацетатного шелка, о чем уже упоминалось. При длительных опытах у Н. С. появлялась желтизна между пальцами, возникали светло-коричневые пятна на тыльной стороне ладоней.

Желтизна на ладонях наблюдалась также во время интересных опытов в августе 1978 года. В то время мы отдыхали на Черном море в Гаграх. Неожиданно к нам дозвонился доктор биологических наук Евгений Васильевич Романенко и пригласил приехать на Утширскую морскую биостанцию Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР имени А. П. Северцева, расположенную вблизи Анапы. На этой морской биостанции занимаются, в частности, изучением дельфинов. Здесь биологи решили выяснить, не будут ли реагировать дельфины на ультразвуковые импульсы Нинель Сергеевны, то есть проверить, возможен ли такого рода контакт между человеком и животным.

Представив себе возможность совершить автобусное путешествие с юга на север по всему Кавказскому побережью Черного моря, мы согласились. И вот мы на биостанции. Разместили нас в половине домика-вагончика. Другая половина предназначена для директора Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР академика Владимира Евгеньевича Соколова.

Здесь нам стало известно, что профессор Юрий Васильевич Гуляев, обнаруживший у Н. С. ультразвуковые и звуковые импульсы, доложил об этом открытии руководству Академии наук, президенту А. П. Александрову. Было решено – повторить опыты и при этом использовать не только датчики, изготовленные силами физиков-экспериментаторов, но и гидрофоны Утришской морской биостанции.

После нашего приезда на биостанцию прибыла московская группа ученых во главе с профессором Ю. В. Гуляевым. Опыты в морских бассейнах проводились практически в течение всего светлого времени суток. Они осложнились, когда на третий день Нинель Сергеевна оступилась, спускаясь по лестнице домика-вагончика, и повредила руку. Врач определил трещину, смещение кости предплечья, наложил на руку фиксирующую повязку. Так с этой повязкой она и ходила от бассейна к бассейну, демонстрируя ученому люду эффект жжения. А штатная аппаратура биостанции – гидрофоны, так же как и специальные датчики института радиотехники и электроники, регистрировала звуковые импульсы Нинель Сергеевны.

Директор института академик В. Е. Соколов жжение испытал на себе лично.

Ученые морской станции относились ко всему происходящему с нескрываемым интересом и с вполне естественной долей скепсиса и сомнений. Нашлись и такие скептики, которые все происходящее рассматривали как фокусы. Они тщательно присматривались к моему поведению во время экспериментов, когда я находился рядом у стенки бассейна или поднимался на эстакаду, которая нависала над зеркалом воды. Наблюдение усиливалось, когда я фотографировал или брался за кинокамеру, подходил к жене, беседовал с ней.

Особенно усердствовал доктор биологических наук Х. Академик В. Е. Соколов в ответ на мое замечание о том, что природу необыкновенных явлений следует искать с помощью биологических датчиков, указал на этого ученого мужа и заметил, что вот ему-то этим и нужно заниматься.

То ли после слов академика, то ли в силу своего характера доктор наук Х. все дни ходил хмурым, сосредоточенным и неразговорчивым. В день нашего отъезда, к вечеру, когда заканчивались эксперименты, он вдруг пригласил Нинель Сергеевну в расположенный рядом с бассейном стеклянный павильон. Увидев, что Х. собирается проводить какие-то собственные эксперименты, приготовив пробирки, склянки и прочее, я поспе-

шил в этот павильон. И не зря. Состоялся давно знакомый нам тяжелый разговор с человеком, который убежден, что здесь на биостанции разыгрывается какой-то фарс.

Хмурый биолог тщательно осматрел ладони рук Нинель Сергеевны, обратил внимание на желтизну, появившуюся между пальцами и на ладони, тщательно ее протер спиртом. Затем предложил воспроизвести эффект жжения, пригласив принять участие в этом эксперименте коллегу – физика из московской группы Ю. В. Гуляева. Ватные тампоны со следами желтизны тщательно упаковал в подготовленные пробирки.

Вряд ли стоит подробно описывать, как проводились эти опыты-дознания: скажу только, что между спиной физика и ладонями Н. С. был направлен воздушный поток вентилятора. Несмотря на это, на спине появилась все та же краснота... Не обошлось и без жжения.

Протерев вновь ладони и пальцы рук Н. С., биолог заложил еще один тампон в пробирку и, записав наш адрес, дал честное слово, что письменно сообщит о результатах анализа...

Мы не дождались обещанного сообщения биолога, а сами не стали разыскивать этого человека. Да и вряд ли что-либо могло получиться хорошего, если бы и вздумали обратиться к нему, услышали какую-нибудь новую версию о фокусах, мистификации...

Другая часть задачи, которую ставили ученые, приглашая нас на биостанцию, – проверить реакцию дельфинов на звуковые импульсы Н. С. – не была решена.

При попытке контакта с тремя дельфинами, находившимися в небольшой лагуне, отделенной песчаной косой от моря, четкой их реакции на импульсы Н. С. зафиксировано не было. Неудачно прошел опыт и с одним дельфином, ему не способствовала погода.

С этой информацией мы вернулись домой из "научной командировки" в Утришскую морскую биостанцию на Черном море.

Нинель Сергеевна воздействовала жжением на различные организмы.

Дважды в Ленинградском университете в 1975 году проводились опыты с дрожжевыми культурами.

Цветы, которые многократно "облучала" Н. С., как нами установлено, долго оставались свежими, своим воздействием она значительно ускоряла раскрытие почек и бутонов.

Не раз наблюдалось, как оживали увядшие цветы, усиливался их запах. Контрольные цветы, которые не подвергались облучению, увядали обычно через два-три дня. Те же, которые подвергались двух-трехминутным воздействиям по 3–4 раза в день, оставались живыми, не увядая свыше двух недель.

Через стекло и воду Н. С. облучала аквариумные растения и рыбок. Пассажи рук она стимулировала жизнедеятельность обитателей аквариума. Через какие-нибудь полчаса после ее

процедуры на стеблях и листьях начиналось бурное образование мелких воздушных пузырьков. Растения покрывались плотным слоем этих пузырьков, сутками оставались в таком блестящем воздушном наряде. Ускорялся рост, ярче и сочнее становилась окраска зелени в сравнении с соседними экземплярами, на которые это воздействие не производилось.

Наблюдения над рыбками выявили также ряд интересных фактов. Одиночные экземпляры, а также небольшие стайки не заходили в ту зону аквариума, которую Н. С. подвергала своему облучению. На границе этой зоны создавалось какое-то невидимое препятствие, которое рыбки не пересекали, отходили от него в сторону.

Отдельные особи, заболевшие, проявлявшие слабые признаки жизни, даже плававшие кверху брюшком, восстанавливали свою жизнедеятельность. Н. С. оказывала влияние через стенки аквариума.

Плотва и окунь, выловленные на рыбалке и помещенные в таз с водой, при неоднократном на них воздействии оставались подвижными и в бодром состоянии двое-трое суток. Контрольные экземпляры подобных рыб, помещенные в аналогичные условия, как правило, засыпали через несколько часов.

Наблюдения шли и над насекомыми, помещенными под плоский экран из прозрачного оргстекла. Мухи, жучки и другие, так же как и аквариумные рыбки, сторонились и не пересекали невидимой границы той зоны, которую Н. С. создавала под экраном.

Домашние животные – кошки, собаки, кролики – реагировали на эффект жжения определенным образом – проявляли беспокойство, пытались освободиться от рук. Заживление ран на лапах у собаки (после хирургического вмешательства) при "прогревании" руками Н. С. прошло быстро, без осложнений, которые ожидалось после такой операции.

В лаборатории физиологических исследований НИИ физкультуры в Ленинграде по инициативе доктора технических наук Г. А. Сергеева был проведен замечательный опыт по бесконтактному воздействию на препарированное сердце лягушки. Оно было подвешено на электродах, отводивших электрические потенциалы работающего сердца. Запись этих потенциалов шла на стандартном самописце.

Находящееся в таком виде сердце лягушки дает устойчивые ритмические сокращения и регистрируемые электрические потенциалы в течение примерно получаса.

Нинель Сергеевне предложили замедлить или остановить работу сердца в возможно короткий срок. Располагаясь на расстоянии около двух метров от препарата, она сумела сначала воздействовать на ритм сердца, а затем и остановила его в течение около двух минут.

Перед остановкой сердца значительно увеличилась амплитуда электрических сигналов.

Осенью 1977 года в Москве в Институте химической физики АН СССР состоялись опыты с мышами. Их результаты оформлены актом, в котором сказано:

”Опыт первый.

14.10.77 г. десяти мышам... привита подкожная гематома... в 13 часов.

В 13 часов 5 минут пять мышей, привитые опухолью, были пересажены в стеклянный колпак, который был облучен биологическим излучением Кулагиной Н. С. от 6 до 12 секунд. Мыши оставались подвижными и не проявляли никакой реакции.

Через 15 минут было дано повторное облучение от 1 до 5 минут биологическим полем Кулагиной. У мышей появилось двигательное возбуждение, судороги, шерсть взъерошилась, мыши стали выпрыгивать из стеклянного сосуда, затем стали совсем вялыми, как при передозировке глубокого наркоза. После прекращения сильного воздействия биологического поля мыши быстро очнулись, покров шерсти стал нормальным, мыши на вид стали бодрыми. Контрольная группа из 5 мышей, привитая в 13 часов гематомой... погибла через 30 минут, в 13 часов 30 минут.

5 мышей, облученные биологическим полем, оставались в бодром, нормальном состоянии до 18 часов 45 минут.

Опыт второй.

5 мышей... облучены в этот же день в дозе 700 рентген, оставались контрольными. Кроме того, 3 аналогичные мыши были также облучены в дозе 700 рентген. Те и другие были облучены в 14 часов 30 минут. На трех мышей, получивших 700 рентген, было дано быстрое воздействие биологического облучения Кулагиной Н.С.

После воздействия биологического облучения мыши оставались живыми в течение четырех часов. Контрольная группа, облученная в дозе 700 рентген, погибла через 15 минут”.

Из текста следует, что мыши, которых облучала Н.С., находились в бодром состоянии до окончания опыта, до 18 часов 45 минут, в то время как контрольная группа, облученная рентгеном, погибла через 15 минут, а привитая опухолью – через 30 минут. На самом деле облученные полем Кулагиной мыши жили значительно дольше срока, указанного в акте. Так, облученные мыши после прогрева руками прожили 10 суток, а с опухолью – 15 суток. Эти данные не нашли отражения в акте, так как он составлен в конце рабочего дня, после отъезда Н.С. в Ленинград. Сведения о наблюдениях за мышами мы получали из Москвы по телефону две недели.

В опытах на людях доказан терапевтический эффект при лечении наружных и внутренних воспалений, невралгических и головных болях, облитерирующем заболевании, радикулитах.

Успешно заживлялись открытые раны и порезы. Получены хорошие результаты при астматических и других заболеваниях.

Отмечено восстановление состава крови и некоторых функций внутренних органов.

Исследования в клинике, проводившиеся группой врачей под руководством профессора, доктора медицинских наук Ф. В. Баллюэка, также испытывавшей эффект жжения, вкратце характеризуют феномен так:

"Все испытываемые через несколько секунд ощущали чувство жара, напоминающее местный ожог с соответствующим объективным эквивалентом (покраснение кожи, отекаемости и т. п.).

Интенсивность реакции легко регулировалась Н. С. Кулагиной, вплоть до образования пузырей и других четких признаков ожога II–III степени. В большинстве случаев такие ожоги по форме напоминали конфигурацию ладони и пальцев ее руки, причем даже тогда кожа не была ни в каком контакте с кожей пациента.

Повторные сеансы вызывали аналогичные изменения. В последующем на месте ожогов образовывались типичные корочки и участки гиперпигментации. Инфицирования этих участков не наблюдалось, хотя в ряде случаев они находились в непосредственной близости от гнойных ран или язв.

Непосредственной термометрией и термографией удалось показать, что отмеченные изменения не связаны с адекватным повышением температуры кожи на участке воздействия: ожоги не могут считаться термическими.

В то же время доказана прямая связь их с изменениями химизма тканей, в частности с быстрым сдвигом в кислую сторону (до значений pH менее 3 в жидкости пузырей).

Существенно возрастал кровоток у страдающих облитерирующими заболеваниями артерий конечностей, у них появлялись признаки восстановления проходимости магистралей (через 10–15 сеансов лечения).

Указанный феномен в определенной мере расшифрован изучением влияния Н. С. Кулагиной на состояние свежего и сформированного тромба как в "пробирке", так и в просвете сосуда (при тромбофлебитах поверхностных вен голени). Во всех случаях получен быстрый, в течение 3–5 минут, лизис тромба.

Клинически во всех случаях происходили безусловно положительные последствия лечения, как при сосудистых, так и при воспалительно-трофических изменениях и заболеваниях (заживление ран, облитерация полостей абсцессов, ликвидация инфильтратов и т. п.). Лечение не осложняло осуществления традиционной терапии, если она продолжалась параллельно".

Этот документ подписан профессором Ф. В. Баллюэком 31 марта 1988 года.

На этом я позволю себе закончить главу об эффекте жжения.

Глава V

"ПСИ-ПРОВОДИМОСТЬ"

Известно, что в биологически активных точках акупунктуры проводимость постоянного тока значительно выше, чем в других точках на теле человека. Нами было замечено, что если "жечь" рукой Н.С. неактивные зоны на поверхности кожи, то есть там, где точки акупунктуры отсутствуют, то электропроводимость кожи этих участков становится такой же, как и в точках акупунктуры.

Почему? Можно было предположить, что в месте воздействия некоторое время после сеанса остается слой какого-то вещества биологического происхождения, выпрыскиваемого рукой Н.С., которое не только вызывает раздражение кожи и ощущение жжения, но и резко увеличивает электропроводимость кожи.

Однако, поскольку эффект жжения, как нам известно, может передаваться не только контактно, но и без прикосновения, через воздушное пространство, то не исключено, что во время сеанса жжения пространство между ладонью Н.С. и кожей пациента также становится электропроводным.

Для проверки того, что воздух из диэлектрика, через который не проходит ток, превращается в этом случае в проводник электричества, был проведен эксперимент, который убедительно подтвердил это последнее предположение. На запястье испытуемого накладывалась тонкая металлическая лента, которая плотно прилегала к коже. Аналогичный "браслет" накладывался и на запястье Нинель Сергеевны. К каждому контактному "браслету" подключались провода, соединенные последовательно с элементом питания постоянного тока в 9 вольт "Крона" и микроамперметром. Таким образом создавалась электрическая цепь: "браслет" – "Крона" – "микроамперметр" – "браслет". Электрический ток в этой цепи мог возникнуть только в случае, если бы замкнулась разорванная цепь между концевыми участками, то есть между двумя "браслетами". Это могло произойти либо при непосредственном их касании, либо при прикосновении руки одного из участников к любому открытому участку кожи другого участника опыта. В этом случае в электрическую цепь дополнительно подключались участки кожи того и другого участника опыта со своим сопротивлением электрическому току.

Когда участники эксперимента не касались друг друга, то воздушное пространство не позволяло электрическому току замкнуть цепь.

Нинель Сергеевна получила задание – поднести ладонь руки, на которой был закреплен ее "браслет", к руке испытуемого и,

не прикасаясь к ней, вызвать жжение. Результат своего воздействия она могла контролировать, наблюдая за положением стрелки микроамперметра.

Через одну-две минуты после начала эксперимента испытуемый ощутил легкое жжение в зоне контактного "браслета" на своей руке. В то же время стрелка микроамперметра отклонилась к отметке 10 мкА. Затем стрелка амперметра стремительно пошла до отметки 100 – 120 мкА, задержалась на какую-то долю секунды, а затем броском отклонилась до упора. Ощущение жжения усилилось.

Расстояние между ладонью Нинель Сергеевны и "браслетом" на руке испытуемого измерялось в пределах пяти – десяти сантиметров. Стоило ей сбросить напряжение, отвести руку в сторону, как сразу же стрелка микроамперметра возвращалась на нулевую отметку.

Такие опыты проводились неоднократно. Каждый раз характер наблюдаемых изменений был идентичен – вначале более или менее плавное возрастание тока до 100 – 120 мкА, потом некоторое стабильное положение стрелки, а затем стремительный ее бросок.

Итак, предположение о том, что Н.С. резко увеличивает электропроводность воздуха, подтвердилось. В чем суть этого феномена?

Снова начались физические опыты. На этот раз Нинель Сергеевна увидела перед собой прозрачный куб с находившимися в нем двумя металлическими пластинами. Этот куб помещался в другой такой же прозрачный куб из оргстекла. Пластины соединялись с батареей и микроамперметром.

Собранная таким образом схема могла, по нашему мнению, быть адекватной той, в которой участвовал испытуемый, подвергавшийся жжению, когда удалось установить эффект "проводимости".

Для проверки работоспособности схемы пространство между пластинами было кратковременно замкнуто металлическим стержнем. Стрелка прибора, естественно, мгновенно отклонилась: по цепи пошел ток.

Вся эта конструкция из двух кубов нужна была, чтобы исключить свободный доступ к пластинам, гарантировать чистоту опыта.

При воздействии на прибор Нинель Сергеевна изменяла электропроводность воздуха между пластинами, хотя они и находились внутри кубов. Стрелка прибора уходила до упора, тем самым обозначая, что в пространстве между пластинами протекает импульсный постоянный ток. При разности потенциалов на пластинах всего в 9 вольт, что соответствовало напряжению батарейки "Крона", ток между пластинами, отстоящими одна от другой на 15 миллиметров, составлял, как минимум, 200 микроампер.

Этот парадоксальный результат объяснить известными в физике и физиологии понятиями нельзя.

Можно было подумать, что когда наружный куб-экран раздвинут и расстояние между ладонью Нинель Сергеевны и пластинкой ничем не экранировалось, то гипотетическая материальная субстанция, которая, как предполагалось, выпрыскивается из ее рук, замыкала электрическую цепь.

Однако точно такой же эффект был получен и тогда, когда кубы сдвинули и пластины оказались запертыми в замкнутом пространстве.

Чтобы достигнуть его, потребовалось больше времени, больше напряжения. Но тем не менее и через кубы из прозрачного оргстекла со стенками толщиной в 6 миллиметров, которые, казалось бы, должны были надежно экранировать пластины, энергия Н.С. проникала вовнутрь замкнутого пространства. И вызывала поразительный эффект.

Один наш знакомый назвал конструкцию этого прибора "ведьмоскопом". Что за "нечистая" сила наблюдалась нами в этих экспериментах?

Решили "ведьмоскоп" применить в опытах, когда одновременно создавались два эффекта: и "пси-проводимость", и телекинез. На это нас подтолкнуло одно обстоятельство, о котором хочется рассказать.

Во время телекинеза несколько раз удавалось наблюдать, как между пальцами Н.С. и движимым предметом на какое-то мгновение появлялись некие блестящие пунктирные образования — какие-то тончайшие нити. Уподобить их искрам электрических разрядов было нельзя, поскольку никогда не было слышно никаких звуковых щелчков, которые возникают, когда проскакивают искры между пластинами заряженного конденсатора. Эти пунктирные образования свечением и размером напоминали порой длинные, тонкие, блестящие стеклянные бусы.

Случай помог нам поближе познакомиться с этими "бусами". При просмотре кинофильма о телекинезе, снятом Ленинградской студией научно-популярных фильмов, на экране между пальцами Нинель Сергеевны появились загадочные блестящие следы. Вначале они были приняты за какие-то тончайшие нити; некоторые зрители сочли, что это и есть те самые "невидимые нити", которыми Н.С. тайно манипулировала и перемещала предметы. Однако при более внимательном анализе пленки выяснилось, что на 22 из 28 кадров, отображающих движение рук и предмета, снятых со скоростью 24 кадра в секунду, четко были видны блестящие пунктирные образования, различные по размерам, контрастности.

На увеличенных фотоснимках эти проблески выглядят поразному. В одном кадре они исходят из пальца одной руки, в следующем кадре появляются у пальца другой. Причем проблески видны только в тех местах, которые не перекрываются

тенью; они имеют различную толщину и яркость. На некоторых кадрах нити-проблески видны сразу у обеих рук.

Поскольку эти проблески видны только в ярко освещенной зоне, следует предположить, что на пленке фиксируется не самосветящееся образование, как, например, искровой разряд, а всего лишь отражение от какой-то поверхности, от быстро движущейся мельчайшей частицы...

При просмотре пленки с нормальной скоростью, 24 кадра в секунду, некоторые пунктирные образования не видны; у зрителя возникает видимость блестящих нитей или же бус между пальцами рук.

Удалось установить, что перемещение предмета не соотносится по времени и по расстоянию с перемещением пальцев Нинель Сергеевны. Появление блестящих нитей позволяло предположить, что это может быть связано с эффектом возникновения электрической проводимости воздушного промежутка, который наблюдался во время напряжения организма Нинель Сергеевны при опытах.

Для проверки этого предположения было проведено несколько опытов: снова на запястье Н.С. наложили металлический "браслет", который проводом был соединен с измерительным прибором, используемым в практике нахождения точек акупунктуры на поверхности тела.

Легкие предметы, которые телекинетическим воздействием перемещались в этих опытах, были из диамагнитных материалов — пластмассы, эбонита, картона, алюминиевых тонких трубок. Они устанавливались на металлическую пластину, к которой присоединялся другой контактный провод этого прибора.

В опытах все было как обычно. Добавлялось единственное — создавалась электропроводящая цепь с элементом питания и измерительным прибором, разорванная воздушным промежутком между металлической пластиной, по которой двигались предметы, и кистями рук Нинель Сергеевны.

Что же происходило в этих опытах? В момент почти предельного напряжения организма Н.С., когда начинался телекинез, в цепи появлялся ток. Стрелка прибора начинала дрожать, смещалась вправо в несколько замедленном темпе, а затем рывком отбрасывалась к отметке 200 мкА. В этот момент предмет стремительно перемещался. А затем происходило совершенно непредвиденное: предмет продолжал еще какое-то время двигаться, а тока в цепи уже не было: стрелка прибора уходила к нулевой отметке.

Пластмассовая трубка в одном из опытов ставилась вертикально на металлическую пластину, накрывалась прозрачным кубом из оргстекла. И в этом случае ее удавалось переместить, а воздушное пространство между ладонью Н.С. и металлической пластиной, по которой перемещался предмет, становилось проводником электрического тока.

Наблюдался эффект "пси-проводимости" и при переключении телевизора с одной программы на другую без прикасания к контактам блока сенсорного выбора программ. Нинель Сергеевна достаточно было поднести руку к панели блока на расстоянии 15 – 20 сантиметров и создать определенное напряжение организма, сосредоточив внимание на том или ином контакте программы, и прибор подчинялся ей, словно она прикасалась пальцами к этим контактам.

Как известно, при касании пальцем того или иного контакта сенсорного блока в схему телевизора подключается емкость, которую представляет собой тело человека. Выходит, что в этих опытах с бесконтактным переключением программ Нинель Сергеевна свойственным ей напряжением создавала, "посылала" и "направляла" к тому или иному контакту свою реальную, но неведомую физике "пси-проводящую" субстанцию, подключая тем самым емкость своего тела к электронной схеме. Генерируемое ею некое "силовое" поле каким-то образом фокусировалось в достаточно узкий луч или струю, что позволяло не перекрывать, то есть не замыкать, промежутки между контактами различных каналов программ, равные всего лишь немногим более двух миллиметров.

Описываемые упражнения в конечном итоге привели к нарушению в работе схемы на нескольких каналах телевизора. Пришлось приглашать специалиста для восстановления работы сенсорного блока выбора программ, однако это ему не удалось выполнить до конца. Прибор навсегда "забарахлил".

К аналогичному проявлению эффекта "пси-проводимости" следует, по нашему мнению, отнести также эпизод, случившийся в марте 1977 года в Москве при съемке японо-советского телефильма о необыкновенных способностях человека. Один из сюжетов фильма был посвящен москвичке В., демонстрировавшей бесконтактное воздействие на цилиндрические предметы, которые перекатывались по горизонтальной плоскости прозрачного куба. В. предварительно протирала поверхность куба. Затем, положив цилиндр, подносила к нему ладонь. По мере ее приближения к цилиндру последний катился в сторону от руки В. Движение прекращалось, когда В. задерживала руку, и вновь продолжалось, но в другом направлении, если она подносила ладонь с противоположной стороны. Так, перемещая руки, она добивалась перемещения цилиндра, как бы отталкивая его от себя.

Следившая за всем Нинель Сергеевна вызвалась остановить движение цилиндра. Получив согласие В. на такое бесконтактное вмешательство, Н. С. подняла руки над предметом, и через несколько секунд катавшийся до этого с легкостью цилиндр неожиданно замер, как будто его прижали к месту. Когда же Н.С. убрала распростертые над кубом руки и отошла от стола, цилиндр вышел из повиновения В., хотя она неоднократно подносила к нему ладони, пытаясь сдвинуть его

с места. Но цилиндр словно подменили. Эксперимент пришлось начинать вновь, то есть тереть поверхность куба, сам цилиндр, ладони.

После этого все пошло как обычно – стоило В. поднести ладонь к предмету, как он начинал катиться.

Этот поразивший всех присутствовавших факт бесконтактного вмешательства Нинель Сергеевны в ход эксперимента заинтересовал и В. Она попросила Н. С. повторить свое воздействие. Результат был тот же. Так продолжалось несколько раз, пока все наблюдавшие это удивительное соревнование не убедились, что бесконтактное воздействие Кулагиной нейтрализует физическое воздействие В.

Здесь следует добавить, что Н. С. тут же показала, что она может переместить замерший цилиндр, не прикасаясь к нему, к кубу...

Если предположение об электростатической природе воздействия В. правильно, то логично объяснить "тормозной эффект", создаваемый Н. С., "пси-проводимостью" воздушного пространства, ее способностью снимать электрический заряд.

Когда мы сообщили специалистам, что воздух между ладонью Н. С. и телом испытуемых становится электропроводным, ощущается жжение, образуется эритема, что при воздействии на воздушную прослойку между разьединенными металлическими пластинами возникает эффект "пси-проводимости" и по электрической цепи протекает в импульсном режиме постоянный ток величиной, как минимум, в 200 мкА при напряжении на пластинах всего в 9 вольт, нам, конечно, не поверили.

Как известно, воздух является отличным диэлектриком, то есть сопротивлением. Чтобы произошла ионизация молекул воздуха между металлическими пластинами и через воздушную прослойку между ними в 15 миллиметров потекло электричество, необходимо к пластинам подвести ток с напряжением, как минимум, 33 000 вольт! А в нашем опыте с самодельным прибором под лихим названием "ведьмоскоп" через воздух пошел ток без какой-либо ионизации мощных разрядов.

Парадокс да и только! Хочу напомнить, что пластины находились в замкнутом пространстве, внутри двух кубов из оргстекла.

Значит, если принять во внимание экран из оргстекла толщиной в 6 миллиметров, электрическая прочность которого при 20°С оценивается в 30 000 вольт на один миллиметр, то уж и совсем становится непонятным феномен "пси-проводимости" воздуха в нашем "ведьмоскопе".

Обо всем, что узнали читатели, автор рассказал группе ученых-физиков, показал им действие сконструированного прибора, поделился всеми наблюдениями и теми сомнениями, догадками и соображениями, которые пришли на ум при попытке оценить увиденное.

Вскоре нам было предложено провести эксперимент в институте радиотехники и электроники – ИРЭ АН СССР – с прибором, аналогичным "ведьмоскопу".

Здесь была на этот раз экранированная камера, в которой находилась Нинель Сергеевна вместе с прибором, все возможные средства и методы контроля и регистрации физического эксперимента. Изменение электропроводности воздушной среды, на которую воздействовала Н.С., регистрировалось на магнитной ленте измерительного прибора, наблюдалось на экране осциллографа.

Результаты опыта подтвердили, что вблизи рук Кулагиной регистрируются мощные импульсы (до величины $10^{-6} \text{ ом}^{-1} \text{ см}^{-1}$) при длительности от 0,01 до 1 секунды.

Как объяснить эту реальность? Физики предположили, что из рук Н.С. выпрыскиваются заряженные электрические капельки какой-то неизвестной среды, которая в зоне измерения образует аэрозоль с относительно высокой проводимостью. То есть физика здесь ни при чем, суть феномена в физиологии Нинель Сергеевны...

Но читатель помнит, что эффект электропроводности воздуха происходил даже внутри куба из оргстекла, куда гипотетические капельки проникнуть не могли. Так что физиология здесь нам не поможет. Единственное, что установили физики, так это то, что эффект реален, подтвержден в лабораторных условиях, и информация о нем вошла в официальный отчет института радиотехники и электроники.

Наш опыт убеждает, что попытка некоторых ученых дать приемлемое объяснение феномена Н.С. с позиций только известных физических законов, как правило, оказывается неудачной, заводит в тупик, входит в явное противоречие с известными в природе формами физических взаимодействий. Нельзя, например, только ионизацией молекул объяснить факт аномального и резкого повышения электропроводности воздуха и ряда других диэлектрических материалов. Нельзя подобрать правдоподобного объяснения с позиций энергетики инфракрасного и ультрафиолетового излучений фактам появления жжения под воздействием Н.С. с последующим появлением эритемы, изменением пигментации, огрубением и отслаиванием обожженных слоев кожи, происходящих без каких-либо воспалений и боли при неизменной температуре на поверхности тела.

Нельзя, обнаружив у Н.С. высокочастотные звуковые импульсы, объяснять ими изменение кислотности воды и других различных растворов, включая жидкости, не содержащие молекулы воды (об этом мы сообщим далее).

Подобных проблем – множество. Вместе с тем если попытаться осмыслить всю полученную информацию по всем продемонстрированным Н.С. аномалиям, то можно было бы найти у них или как-то обозначить единое начало. Уже сам по себе тот факт,

что весь пестрый спектр феноменов имеет одну и ту же биологическую природу, побуждает опираться на единую для всех явлений материалистическую основу. Этого, однако, не удастся пока сделать в терминах действующих сегодня представлений о единстве значений для живой и неживой природы известных в естествознании форм физических взаимодействий.

После того как наш самодельный "ведьмоскоп" продемонстрировал, что материальная среда, ответственная за эффект "пси-проводимости", еще и "свободно" проникает через экран из оргстекла, являющегося отличным диэлектриком, появилась возможность уже более или менее определенно квалифицировать парадоксальные результаты наших опытов. Напомню, что в качестве датчиков, регистрировавших физические поля, возникавшие вокруг Н.С., использовались, как правило, конструкции, основанные на принципах электромагнитного взаимодействия.

Для того чтобы доказать, что электроизоляционные материалы не экранируют ту субстанцию, которая ответственна, по нашему мнению, за "пси-проводимость", а также эффект жжения, нужен был лабораторный эксперимент.

Он был продуман и проведен научными сотрудниками в Ленинграде в Магнитно-ионосферной обсерватории ЛО ИЗМИРАН в январе 1984 года с участием Нинель Сергеевны в качестве оператора-испытуемой.

В "Отчете о проведении экспериментов" от 15 января 1984 года сказано, что была собрана "...электрическая схема из последовательно соединенных миллиамперметра "359", миллиамперметра "М254", гальванического элемента типа "165У" и магазина сопротивлений "Р33" с выставленным сопротивлением. Схема была размещена на столе размером 0,7 x 1,5 метра, кроме прибора "359", который был отнесен на расстояние 4-5 метров. В исходном (включенном) состоянии схемы был установлен ток 10 мА".

Здесь следует сделать небольшое пояснение к тексту, взятому из отчета. Идея эксперимента заключалась в том, чтобы исследовать эффект "прогрева" на изолированные концы электрических, скрученных в жгут проводов в месте присоединения их к гальваническому элементу. При этом имелось в виду, что если гипотетическая материальная среда действительно обладает сверхпроводящими свойствами, то изолированные провода в этом месте будут "закорочены" и ток по цепи не пойдет, а измерительные приборы "359" и "М254" обесточатся.

Один из измерительных приборов, как контрольный, был отнесен на расстояние пяти метров от стола, на котором была размещена вся схема.

В отчете об эксперименте сказано:

"В 13 час. 25 мин. стрелка на приборе "М254" резко отклонилась влево с 10 мА до 1 мА, а потом обратно - до 10 мА.

Наблюдатель у прибора "359" в этот момент был отвлечен и ничего не заметил. Через 20–30 секунд стрелка на приборе "М254" резко отклонилась до 2 мА и возвратилась до 10 мА. На втором приборе наблюдалось резкое отклонение стрелки с 10 мА до 4 мА, также с последующим возвращением.

Через 11 минут воздействия на подводящие провода (в 13 час. 36 мин.) стрелка на приборе "М254" отклонилась до "0", затем "дрожала" около 2 секунд на уровне 1 мА. На втором приборе зарегистрировано при этом резкое отклонение стрелки до "0" с возвратом до 10 мА".

В отчете отмечается, что "все результаты воздействия Н.С. Кулагиной на датчики и приборы фиксируются, как минимум, двумя независимыми наблюдателями". Во время этого испытания рядом с Н. С. находился один из экспериментаторов, специалист по физической химии. В его обязанности входило вести наблюдения за изменениями показаний прибора, а также визуальный контроль за действиями испытуемой техники.

Наблюдения за прибором "359" выполнялись другим экспериментатором, который находился в пяти метрах, вне видимости Нинель Сергеевны.

Результаты опытов подтвердили предположение, что Н.С. способна вносить помехи в показания приборов, включенных последовательно с блоком питания в единую цепь. Она создавала "короткое" замыкание скрученных концов проводов, не прикасаясь к ним.

Итак, наши домашние эксперименты, где удалось установить эффект "пси-проводимости", а также то, что при этом изоляционные материалы не служат препятствием воздействию Н.С., были подтверждены.

Как расценить эти результаты, какие выводы можно сделать? О какой "пси-проводимости" идет речь, не следует ли расценить упоминание этого модного сейчас в физике термина как наше желание приобщиться к великим открытиям в естественных науках?

Основываясь на данных научной литературы, которая использовалась в попытках разобраться в физической природе феномена, можно констатировать, что зафиксированные факты не находят объяснения в терминах естественных наук, противоречат "здравому смыслу".

Что такое электрический ток – известно со школьной скамьи каждому. Нет никаких оснований считать, что законы классической физики и современные трактовки процессов, происходящих в микро- и макром мире, космосе, неверны, требуется их пересмотр.

Механизмы электропроводности многообразны, общим между ними является лишь неразрывная связь с движением электрических зарядов. Закономерности, описывающие электропроводность, зависят от свойств вещества и усло-

вий электропроводимости. Опытами доказано, что атомы и молекулы металлов не принимают участия в переносе тока и что в металле он обуславливается движением электронов.

В соответствии с общепринятой теорией, вещество является хорошим проводником тока, если в зоне проводимости много электронов и свободных квантовых состояний. Только электроны являются носителями зарядов, порождающими ток. Большая удельная проводимость металлов обусловлена главным образом концентрацией зарядов, т. е. электронов. У диэлектриков же большинство электронов жестко привязано к атомам и очень мало свободных носителей заряда, поэтому удельная проводимость их очень мала. Воздух, как и любой другой газ, в котором отсутствуют заряженные частицы, не является проводником тока. Для того чтобы он стал проводником, необходимо наличие либо постороннего фактора ионизации (высокая температура воздуха, ультрафиолетовое, рентгеновское или гамма-излучение и т. д.), либо электрического поля большой напряженности, что ведет к ионизации молекул воздуха и возникновению самостоятельного электрического тока.

Чистые жидкости также являются плохими проводниками электричества. Однако растворы солей, кислот и щелочей в воде хорошо проводят ток в связи с тем, что молекулы растворенного вещества диссоциируют, т. е. распадаются на положительные и отрицательные ионы, упорядоченное движение которых в растворах и обеспечивает перенос электрических зарядов.

Напомним это, попробуем рассмотреть и оценить результаты, полученные нами. В опыте, о котором рассказывалось выше, провод, соединявший все элементы схемы, был подключен к питающим концам батареи, которые были защищены и скручены. Эти узлы обернули несколькими слоями изоляционной ленты, образовавшей нечто вроде кокона. Диаметр его был равен 15 миллиметрам. Внутри кокона расстояние между жилами проводов было заполнено также слоями изоляционной ленты.

Величина силы тока в цепи была постоянной. В результате воздействия Н.С. на этот кокон приборы, измеряющие силу тока, регистрировали резкое его уменьшение до нуля, а затем величина тока восстанавливалась до номинальной.

Воздействие Н.С. вызывало появление между металлическими жилами, разделенными слоями изоляции, "зоны пси-проводимости" с сопротивлением значительно меньшим, чем у всей цепи. В эту "зону пси-проводимости" и устремлялся электрический ток, минуя внешнюю цепь с приборами.

Как только Н.С. уменьшала свое напряжение или зона ее воздействия смещалась в сторону от кокона, ток во внешней цепи устанавливался в прежних значениях.

Вот таковым представляется физический механизм уменьшения тока в цепи. Что же касается расшифровки понятия

"зоны пси-проводимости", то найти приемлемое объяснение этому феномену в терминах известных физических понятий пока невозможно.

В курсе общей физики для университетов и вузов (Матвеев А. Н. Электричество и магнетизм. М., 1983) дается такое объяснение сверхпроводимости:

"По своей физической природе сверхпроводимость является сверхтекучестью жидкости, состоящей из электронов. Сверхтекучесть возникает из-за прекращения обмена энергией между сверхтекучей компонентной жидкости и ее другими частями, в результате чего исчезает трение". И далее. "Пары электронов могут конденсироваться и образовывать ток сверхтекучей жидкости – электронных пар, который и образует сверхпроводящий электрический ток... Возможность образования электронных пар и их сверхтекучести объясняется квантовой теорией".

Ясно, что такое определение сверхпроводимости неприменимо для хотя бы приблизительного объяснения исчезновения сопротивления электрическому току, которое имело место в наших опытах.

Этим понятием сверхпроводимости нельзя объяснить и те результаты в опытах с "ведьмоскопом", когда воздушное пространство между металлическими пластинами становилось электропроводным.

Ближе всего для объяснения наблюдаемых фактов подходит концепция "биологической плазмы". Теоретические обоснования ее изложены в брошюре "О биологической сущности эффекта Кирлиан", изданной Казахским университетом. Это методическое пособие под редакцией академика АН КазССР, профессора Б. А. Домбровского и кандидата физико-математических наук А. Г. Абдулина вышло в 1968 году.

Авторы концепции биологической плазмы – ученые Казахского университета во главе с В. М. Инюшиным, профессором и доктором биологических наук, – рассматривая с точки зрения физики плазму как четвертое состояние вещества, приходят к выводу, что "... физика не ставит определенных ограничений на пути обоснования концепции биологической плазмы".

Авторы концепции задают вопрос: "Не является ли... определенным образом организованная система заряженных частиц в условиях организма четвертым состоянием живого вещества, или биологической плазмой – материальной основой биологического поля? Может быть, это и есть то целое измерение или аспект в биологии, о котором мы еще очень мало знаем?"

В конце своей работы авторы пишут:

"Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что живой организм состоит не только из вещества, организованного в атомно-молекулярные системы, но из вещества в чет-

вертом состоянии – плазмы, которая в условиях живого организма приобретает ряд своеобразных свойств”.

Концепции биологической плазмы, а также биологического поля, которые впоследствии развивались этими и рядом других ученых, на наш взгляд, подтверждались физическими измерениями воздействия Н.С., которые проводились в лабораторных условиях. Электрическая проводимость в точках акупунктуры под воздействием Н.С. Кулагиной значительно возрастала, и зона проводимости вокруг этих точек расширялась в сравнении с обычным состоянием, резко уменьшалось сопротивление постоянному току на участках кожного покрова испытуемого, который “жгла” Н.С.

Но как объяснить сверхпроводимостью биоплазмы резкое увеличение проводимости воздуха, непроводников, таких, как оргстекло или изоляционная лента? Рассказывая возможно подробнее о наблюдавшихся экспериментах, у нас нет другой возможности объяснить увиденное, кроме как используя имеющиеся знания и жизненный опыт, не прибегая к понятиям, противоречащим материалистическому мировоззрению. Однако всего этого недостаточно...

Кто может объяснить феномены Н.С.?

Глава VI

ЗАГАДКИ "ПСИ-ФОТОГРАФИИ"

В этой главе речь пойдет о своеобразном, редко встречающемся, наглядном, но сложнейшем для объяснения явлении — "пси-фотографии".

В начале 1968 года в Ленинграде состоялась наша первая встреча с чехословацким ученым, ныне директором международной ассоциации психотроники доктором Зденеком Рейдаком. Для нас встреча имела в то время важное значение. Помимо неподдельного внимания и теплоты, которые проявил доктор Рейдак к нам, эта встреча памятна тем, что вселила в нас уверенность, что мы на верном пути и нужно еще больше работать, чтобы раскрыть сущность тех явлений, которые были к тому времени нам известны.

Доктор Рейдак рассказал о своих наблюдениях, о тех феноменах, которые изучил лично. А такие в Чехословакии есть, и очень интересные.

Он дал несколько ценных советов. Одна из его рекомендаций касалась так называемой "пси-фотографии" — засветки фотоматериалов, упакованных в светонепроницаемые конверты. Рассказ его поразил. В противоречие с фактом вступали и опыт, и знания.

Довольно быстро мы по методике Рейдака воспроизвели эффект "пси-фотографии". Доктор посоветовал также применить энергию, излучаемую Нинель Сергеевной, для лечения больных. Этой рекомендацией мы также воспользовались, и небезуспешно, хотя техника воздействия Н.С. оказалась иной, чем рекомендованная Зденеком Рейдаком.

Итак, о "пси-фотографии". Что это такое? Приступая к опытам, мы знали только одно: в светочувствительном слое фотоэмульсии требовалось вызвать "скрытое изображение", которое после проявления должно было дать почернение этого слоя. Чем вызвать? Конечно же все той же рукой...

Первые попытки результата не дали. Сначала мы брали фотобумагу различной контрастности, не задумываясь ни о ее чувствительности, ни о структуре фотослоя. Лист помещался в черный плотный конверт, который тщательно закрывался, чтобы исключить непреднамеренную засветку. Нинель Сергеевна располагала ладони рук над конвертом и, пытаясь решить поставленную задачу, не только создавала присущее ей напряжение, сопровождавшееся усиленным сердцебиением, болью в спине, дрожью в пальцах, но и, сосредоточив внимание на конверте, пыталась засветить бумагу. Сеанс такого облучения длился две, три и более минут. Затем напряжение "сбрасывалось". Для нее наступал отдых, а я в это время проявлял фотобумагу

Так продолжалось несколько дней, пока наконец на бумаге мы не увидели черные пятна. Они были достаточно контрастными. Я не сомневался, что это не дефект фотоэмульсии, а результат воздействия рук Н.С.

Первый успех прибавил силы. Как всегда, в подобном испытании Н.С. следовало запомнить именно то состояние, при котором произошел эффект. Пришлось потратить немало сил и энергии, потренироваться, пока наконец удалось добиться устойчивых результатов. Со временем, войдя в форму, удалось снять напряжение и усталость.

Сеансы проводились в домашних условиях, использовались различные любительские фотоматериалы, исключая обратимые и цветные. Обработка производилась стандартными реактивами по рекомендациям рецептурных справочников, известных любителям фотографии.

По мере того как Н.С. совершенствовалась свои способности, задания усложнялись. Однако стоило на месяц-два прекратить наши занятия, как результативность ухудшалась. Чтобы восстановить утраченную форму, требовалось сильное физическое напряжение.

Нам захотелось получить на снимках не случайной формы пятна, а очертания простых геометрических фигур или символов, которые задавались бы испытуемой. Только тогда можно было бы показать эффект специалистам.

Эта задача была в основном решена, что и позволило Нинель Сергеевне участвовать в официальном эксперименте в лаборатории Ленинградского института нейрохирургии имени А.Л. Поленова.

Инициатива исходила от энтузиаста, ленинградского ученого, доктора технических наук Геннадия Александровича Сергеева, который стал активным участником всех наших опытов на протяжении пяти лет, с начала 1968 года. Он привлек к сотрудничеству с нами многие научные организации. Вместе с ним мы экспериментировали и в домашних условиях.

Ему принадлежит мысль, что засветка фотоматериалов происходит неким "биоплазменным излучением" Н.С.

Для экспериментов мы использовали светочувствительную киноплёнку шириной 24 миллиметра.

На двенадцати отрезках пленки после "пси-фотографии" мы увидели поперечные и продольные полосы различной плотности, ширины и длины, штриховые линии, точки и пятна... У них оказались как четко выраженные, так и расплывчатые контуры.

На двух отрезках пленки Нинель Сергеевна запечатлела свой мысленный образ различных фигур: креста, круга, полосы.

Сидя в темном помещении, она держала отрезки пленок эмульсией вверх в руках. Сосредоточение на каждой отрезке пленки длилось по 25–30 минут.

На третьей пленке Н.С. воспроизвела несколько раз буквы "Н" и "Т". Время, затраченное на этот эксперимент, составило 20 минут.

На пленках четко видны контрастные линии шириной от полутора до четырех миллиметров и длиной до двадцати пяти миллиметров, из которых сформировались те символы, которые Н.С. мысленно рисовала. В виде сплошного черного пятна исполнено задание сформировать круг. Эти опыты состоялись в феврале 1970 года.

В другой раз вокруг головы Н.С. была закреплена пленка эмульсией внутрь. Она обрамляла лоб на уровне височных долей и закреплялась лентой лейкопластыря. Пленка не снималась до окончания эксперимента, который длился 40 минут. В течение этого времени воздействию подвергались восемь отрезков пленки, не считая той, что закрепили на голове.

На пяти отрезках проявились образы фигур – креста, звезды, линии различных букв, возникшие по уже освоенной методике. Концентрация напряжения составила в среднем по 2–3 минуты на каждый образ.

Три отрезка пленки накладывались один на другой. В этом эксперименте определялась проникающая способность излучения. Наиболее плотная засветка получена на верхнем отрезке пленки. На нижнем просматривалось незначительное потемнение в центре.

На пленке, снятой с головы, видны различной плотности точки, пятна, прямые, кривые и ломаные линии. Максимальная концентрация изображений, хаотически расположенных на площади в десять квадратных сантиметров, оказалась на месте, которое прикладывалось к затылку.

В районе висков появились такого же характера пятна, но меньшей площади, всего около пяти квадратных сантиметров. От висков к затылку тянутся кривые полосы, штрихи, сплошная ломаная зубчатая линия с относительно равными углами и участками прямых с более яркими точками засветки в углах...

Затем был проведен опыт, в котором "пси-фотография" соотносилась с телекинезом.

На конверт с помещенными в него тремя фотопленками установили полый цилиндр из керамики (титаната бария). Диаметр его 20 миллиметров, высота 15 миллиметров. Вес 20 граммов. Конверт с цилиндром Нинель Сергеевна держала на левой ладони.

Делая пассы правой рукой, она переместила цилиндр вдоль кромки конверта к себе.

Таким образом предмет трижды проехал над каждой из трех заключенных в пакете пленок.

На всех трех пленках появилась контрастная, неравномерная засветка. Ее характер отражал... неравномерность движения предмета, периодические кратковременные остановки, харак-

терные для телекинеза. Максимальная плотность, контрастность и площадь засветки соответствовали исходным положениям, с которых цилиндр трижды начинал свой путь.

Особый интерес представляет опыт, проведенный по инициативе фотомастера Владимира Богатырева, до своей кончины в 1981 году работавшего в агентстве печати Новости.

В коллекции В. Богатырева находились уникальные кадры, связанные с проявлениями "пси-фотографии". Он откликнулся на приглашение Г. А. Сергеева участвовать в качестве фотографа в нашем опыте.

Нинель Сергеевна должна была, сев за стол, переместить по скатерти легкий предмет – на этот раз крышку от бритвенного прибора, – естественно, не прикасаясь к нему руками. Подобное задание для Н.С. тогда не представляло особой сложности, было, что называется, "рядовым". Новое состояло в том, что под скатертью находился пакет с фотобумагой "Унибром-59", глянцевой, тонкой, нормальной, размером 18 x 24.

В протоколе от 10 декабря 1968 года, подписанном В. Н. Богатыревым, доктором технических наук Г.А. Сергеевым и автором этих строк, сказано:

"Перед экспериментом были подготовлены два листа фотобумаги, один из которых был слегка засвечен. Затем засвеченный и незасвеченный листы были вложены в двойной пакет из черной плотной бумаги, с тем чтобы исключалась возможность попадания естественного освещения.

Пакет находился под хлопчатобумажной скатертью.

На скатерть установлена в вертикальном положении крышка от бритвенного прибора. В результате эмоционального напряжения Кулагиной было осуществлено энергетическое воздействие на предмет, в результате чего последний совершил серию поступательных перемещений вдоль плоскости пакета с фотобумагой.

После проявления было установлено на засвеченном листе шесть пятен вдоль траектории движения предмета. На незасвеченном листе отмечена полоса с нерезкими краями. Затемненные пятна совпадали с фиксированным положением крышки в соответствии с длительным визуальным наблюдаемым законом неравномерного перемещения во времени".

Кратковременная засветка фотобумаги, исполненная В. Богатыревым, – технический прием, эффект которого состоял в предварительном воздействии на фотоматериал до его основного экспонирования, чтобы усилить процесс возникновения "скрытого изображения". В любительской практике этот прием обычно не используется. Предварительная засветка имеет смысл только для последующих съемок на этом же материале с большей выдержкой, скажем, с раскрытием затвора фотоаппарата от руки на несколько секунд. Эти приемы эффективны при некоторых видах научно-технических съемок, например в астрономии.

Таким образом, В. Богатырев повысил возможности фотобумаги. После проявления на общем темном фоне предварительно экспонированного светочувствительного слоя четко обозначились шесть округлых более темных и контрастных пятен без резких очертаний по контуру.

В другом подобном опыте — "пси-фотография" плюс телекинез — перемещался пластмассовый шарик от настольного тенниса. Причем телекинетическим эффектом Нинель Сергеевна подняла его вверх. Шарик перед подъемом покоился в центре пакета с фотобумагой. Шарик удалось продержать между расставленными ладонями над пачкой фотобумаги несколько секунд. На верхних листах проявленной фотобумаги виднелись явные следы засветки в форме полос. Самый верхний лист имел четкую контрастную полосу шириной около 40 миллиметров, проходившую вдоль всего листа. На нижних трех листах контрастность засветки и размеры полос уменьшались, сужаясь на концах. На самом нижнем, пятом листе никаких следов засветки не было.

Во время этих опытов у Н.С. на коже с тыльной стороны кистей рук в темноте появилось слабое голубовато-зеленое свечение. Пятно света овальной формы, площадью около двух квадратных сантиметров наблюдалось, как правило, в темном помещении после адаптации к мраку. При касании пальцем это световое пятно исчезало не мгновенно, а как бы затухало в течение двух-трех секунд. Стоило отвести руку в сторону, и свечение восстанавливалось. При этом состояние Нинель Сергеевны оставалось в обычном "рабочем" режиме.

Размеры и форма "светлячка" не соответствовали форме и площади засветок на фотопленке. Эти видимые излучения не объясняют "пси-фотографии". Даже когда фотоматериалы находились в светонепроницаемых упаковках, которые излучение видимого спектра неспособно преодолеть, пленки и бумага засвечивались.

Такой "светлячок" на руке однажды, в 1978 году, Нинель Сергеевна, будучи в Москве, показала известному ученому — вице-президенту Академии наук, академику В.Н. Котельникову.

Увидев поразительное свечение, этот физик не высказал явного недоверия к опытам, которые проходили на его глазах. Мы, конечно, в душе надеялись, что столь влиятельное лицо, второй человек в Академии наук СССР, исполнявший обязанности президента, он же директор института радиотехники и электроники, продвинет вперед изучение феномена Кулагиной, организует специальную лабораторию, привлечет к делу специалистов разных наук. Но, увы, наши надежды и на этот раз не оправдались, хотя, как казалось, счастье было так близко...

Но вернемся к первому показу "пси-фотографии" в институте нейрохирургии имени А.Л. Поленова.

На этот раз благодаря усилиям доктора технических наук Г.А. Сергеева собралась ученая комиссия из 15 человек; в ее состав вошли специалисты разных городов, научных учреждений: Московского физико-технического института, Московского энергетического института, Ленинградского института нейрохирургии имени А.Л. Поленова, Казахского университета, Института физиологии имени И.П. Павлова, ВНИИ оптико-физических измерений...

После нелегкого испытания "Протокол эксперимента по проверке способности гражданки Н.С. Кулагиной произвести экспонирование стандартных фотоматериалов без использования каких-либо вспомогательных технических средств" 11 февраля 1970 года подписали доктор медицинских наук, два доктора биологических наук, доктор технических наук, три кандидата технических наук, врачи, инженеры, кинодокументалисты. Честно говоря, мы придавали особое значение титулам и званиям, фирме институтов, полагая, что благодаря им сможем ускорить познание феномена, снимем с себя ярлык фокусников.

Все участники согласовали и подписали также протокол методики "засветки фотоматериалов излучением биологического характера". Члены комиссии приняли все возможное, чтобы достичь корректности эксперимента, исключить иносказательную интерпретацию полученных результатов. Приняли все меры, чтобы создать нормальный температурный режим в лаборатории, необходимый комфорт, исключающий дополнительные напряжения испытуемой.

Особой проверке подверглась светонепроницаемость помещения, где находилась Н.С. Чтобы исключить любые химические или механические воздействия, образцы пленки поместили в полиэтиленовые пакеты, стеклянные кассеты.

Члены комиссии могли до начала испытаний предъявить любые требования, касающиеся их корректности, вести контроль своими техническими средствами. Они могли также по своему усмотрению использовать свои фотоматериалы и химикаты.

Впервые во время опытов предусмотрели врачебный контроль за жизненными показателями Нинель Сергеевны. Повторные контрольные эксперименты предусматривались лишь с учетом ее состояния.

Одним словом, у нас много времени ушло на подготовку и согласование предварительного протокола, необходимых методик. Опыта таких испытаний у всех участников не было. Дальнейший ход событий подтвердил правильность такого подхода к делу, что в значительной степени определило наш успех.

Эксперимент проходил в электрофизиологической лаборатории института нейрохирургии. Перед началом камеру, где предстояло находиться испытуемой, обследовали карманным ра-

диометром-дозиметром, чтобы удостовериться: каких-либо источников радиоактивного излучения нет. Радиоактивность замерыли и после того, как Н.С. вошла в камеру и разместилась в подготовленном для нее кресле. Замер произвели в непосредственной близости от ее тела. В обоих случаях радиоактивность соответствовала нормальному фону у поверхности Земли. После эксперимента снова повторили измерения. И опять радиометр зарегистрировал нормальный фон.

И на сей раз случилось чрезвычайное происшествие. Один из наблюдателей-гостей, доктор биологических наук, заподозрил Нинель Сергеевну в том, что под одеждой она прячет источник излучения.

Вот тогда Н.С. сама предложила снять с себя все домашнее и облачиться в больничную одежду, что и было сделано под контролем уполномоченной из членов комиссии. Естественно, что начало эксперимента в связи с этой унижительной процедурой затянулось, настроение у жены, подавленной неожиданной выходкой гостя, причем сделанной в довольно грубой форме, было испорчено. Однако она взяла себя в руки, и эксперимент состоялся. Вот этим и объясняется запись в протоколе комиссии: "... никаких личных предметов у испытуемой в процессе эксперимента комиссией обнаружено не было".

Пока шел эксперимент, у Н.С. непрерывно регистрировалась электрокардиограмма, по трем каналам записывались электростатические потенциалы с помощью датчиков, предложенных их автором — доктором технических наук Г.А. Сергеевым.

В светонепроницаемой камере рядом с испытуемой находились два члена комиссии. Они передавали ей фотоматериалы, маркировали их, сообщали задания — засветить пленку тем или иным символом, знаком. Они же наблюдали за поведением испытуемой, ее самочувствием. Другие члены комиссии и гости в эту камеру не допускались.

По свидетельству контролеров, находившихся в камере, они не заметили какой-либо люминесценции, свечения или точечных источников света у испытуемой.

Этот эксперимент отнял много сил и здоровья у жены. Под конец она впала в полуобморочное состояние, ей внутримышечно ввели кардиамин. Артериальное давление достигло 190/160 при пульсе 150 ударов в минуту...

В этой камере института нейрохирургии Нинель Сергеевна работала более часа. Ей дали 8 заданий, которые она выполняла, отдыхая после каждого по пять минут. Естественно, что все приборы, реквизит, реактивы были из института, его же сотрудники проявили фотопленку, как контрольную, так и побывавшую в руках Кулагиной.

Итак, эксперимент был закончен. В протоколе, подписанном всеми членами комиссии без каких-либо замечаний, отмечается, в частности:

”Осмотр фотоматериалов, произведенный членами комиссии сразу же после химической обработки, выявил наличие локальных потемнений на эмульсии пленок, подвергавшихся экспонированию методом Н. Кулагиной, и отсутствие каких-либо видимых специфических изменений эмульсий контрольных пленок, не подвергавшихся экспонированию.

Образованные локальными потемнениями фигуры на эмульсии пленки с определенной степенью достоверности напоминают фигуры, задававшиеся комиссией; указанная степень сходства достаточна для исключения предположения о случайном характере выявленных потемнений эмульсии.

Тот факт, что на контрольных фотоматериалах специфических видимых изменений слоя фотоэмульсии комиссией не обнаружено, исключает предположение о возможной предварительной подготовке фотоматериалов и возможных характерных дефектах фотоэмульсии, возникших в процессе ее производства либо расфасовки, а также свидетельствует о достаточной степени затемнения внутренней рабочей камеры, не допускающей интенсивной засветки фотоматериалов внешними источниками света.

Так как никаких технических средств или приспособлений для засветки пленки у Н.С. Кулагиной обнаружено не было, материалы данного эксперимента свидетельствуют о наличии у Н.С. Кулагиной способности к произвольной засветке фотоматериалов в соответствии с заданием комиссии и способом, комиссией неизвестным”.

Все полученные таким странным способом образцы фотоматериалов были переданы представителям Московского физико-технического института, которые взяли на себя обязательство провести их дальнейшее исследование. Они должны были рассчитать величину энергии, необходимой для образования подобных изменений фотоэмульсии, и так далее. Предполагалось, что результаты этих исследований затем обсудят члены комиссии, после чего они решат вопрос о возможной публикации.

С тех пор минуло двадцать лет. Мы так и не дождались вестей из МФТИ, гражданского мужества физикам не хватило, так же как метрологам. Вот почему беру на себя смелость рассказать о том давнем эксперименте, когда было установлено в СССР реальное физическое явление ”пси-фотография”, представляющее большой интерес для науки.

Мне хотелось хотя бы для себя объяснить, что же происходит, почему так тщательно изолированные фотоматериалы оказываются засвеченными?

Ни о каких видимых фотонах электромагнитного излучения речи быть не могло. Преодолеть барьер черного конверта или других защитных экранов им не под силу. То же самое относится и к более мощному ультрафиолетовому излучению.

Нельзя ли объяснить засветку рентгеновским излучением и ему подобными. Известно, что у человека происходят незначительные энергетические изменения. Жизнь, потребляя в основном лишь химическую форму энергии, "боится" других форм — световых и радиоактивных лучей. Молекулы белка, из которых построена в основном живая клетка, чрезвычайно чувствительны и хрупки. Совершенно недопустимо предположить, что живой организм генерирует фотоны с энергией столь значительной, что они засвечивают пленку.

Чтобы определить проникающую способность гипотетической "биоплазменной" субстанции, излучаемой Н.С. и ответственной, по нашему мнению, за экспонирование пленки, мы провели множество опытов. В пакеты закладывались листы рентгеновских пленок, сложенных вдвое, обернутых черной светонепроницаемой бумагой. Между листами рентгеновской пленки помещался сложенный вдвое лист черной бумаги.

Рентгеновская пленка имела два светочувствительных эмульсионных слоя. Таким образом мы получали пакет из четырех светочувствительных слоев, разделенных двойными слоями бумаги.

Опытов с "многослойными пакетами" проделано несколько десятков. Они в некоторых опытах оборачивались дополнительно еще и 3-миллиметровым листом свинца или алюминиевой фольгой. Полной герметичной экранировки свинцом не делали: торцы пакетов оставались открытыми.

Работая с ними, Н.С. придерживалась привычной настройки организма. Эти опыты всегда оказывались для нее трудными, отнимали массу сил, здоровья, поскольку не было обратной связи и она не видела результата, как при телекинезе. В двух случаях из десяти ее попытки оказывались неудачными: после проявления пленка не имела каких-либо почернений.

В опытах с пакетами мы получили явно противоестественный, парадоксальный результат!

Каждый из четырех слоев рентгеновской пленки имел свою, отличную от остальных, площадь, форму и контрастность засветки. Это физически не могло быть при проникающем через слои активном излучении, какова бы ни была его природа.

Подобный неравномерный характер засветки происходил и когда пакет оборачивался свинцом.

Напрашивается предположение: излучение Кулагиной проникало в пакеты с торца и воздействовало на пленки неравномерно и вдоль светочувствительного слоя!

Такое совершенно необычное и противоестественное экспонирование подтверждается различными по площади и по контрастности засветками каждой пленки и в то же время — равномерным почернением всех четырех слоев в местах сгиба.

Наблюдение это нельзя объяснить с позиций существующих теорий фотографического процесса.

Что же происходит под воздействием гипотетической "биоплазменной" субстанции, которая, по всей вероятности, продуцируется организмом Кулагиной?

Известно, что представляет из себя тонкий светочувствительный слой фотографической эмульсии.

Почему на нем возникает изображение? Это следствие фотолитиза солей серебра, который происходит при сравнительно низких значениях энергетических затрат.

"Чем сильнее экспонирован данный участок фотоматериала, чем больше число микрокристаллов, в которых возникли малые частицы серебра, тем интенсивнее идет проявление и тем больше образуется на данном участке проявленного металлического серебра. Количество образовавшегося серебра в свою очередь определяет степень видимого почернения участка, и в первом приближении эти две характеристики почти пропорциональны. Поэтому между подействовавшим количеством освещения и почернением, возникшим в результате его действия во время проявления, существует однозначная зависимость, одна из самых важных в фотографии" (*Картужанский А.Л., Красный-Адамони Л.В. Химия и физика фотографических процессов*//Химия. Л., 1986).

Известно, что бромистое серебро, основной компонент светочувствительного материала в фотографии, получается путем реакции азотнокислого серебра с бромистым калием. С другой стороны, в контакте с органическими соединениями это азотнокислое серебро дает металл – серебро.

Этот общеизвестный факт заслуживает особого внимания в наших рассуждениях. На этом эффекте основан в медицинской практике принцип определения в тканях пигментных образований, определяющих окраску животных организмов. А раз так, то, естественно, возникает предположение – а не может ли объяснить "пси-фотографию" реакция взаимодействия фотоэмульсии с излучаемой Н.С. биоплазменной субстанцией, в состав которой могут входить и органические пигменты.

При "эффекте жжения" нами неоднократно наблюдалось появление желтизны вокруг разрывов на ацетатном материале мембран датчиков, когда из-за разрывов они выходили из строя. Как уже рассказывалось, появлялась желтизна на белках глаз, на коже между пальцев, увеличивалось число темно-коричневых пигментных пятен на ладонях...

При опытах с фотоэлектронными умножителями на поверхности их фильтров появлялся тончайший налет частиц какого-то вещества.

Все эти и другие факты позволяют высказать предположение: у Кулагиной происходит выброс органических частиц мельчайшей дисперсности, в том числе пигментных частиц – меланина и липофусцина. Поскольку известно, что они,

взаимодействуя с азотнокислым серебром, восстанавливают его в серебро, то вправе сделать предположение, что эти выпрыскиваемые мельчайшие частицы, попадая на фотослой, в конечном счете способствуют образованию микроцентров из мельчайших частиц атомарного серебра. И при проявлении происходит видимое почернение.

Информация о "пси-фотографии" будет неполной, если не рассказать еще о нескольких поучительных эпизодах.

В январе 1981 года, будучи у друзей в Москве, мы фотографировались камерой типа "Поляроид" на специальную цветную фотобумагу. Как известно, эти аппараты дают цветную готовую фотографию через 2–3 минуты. За это время на свету происходит сухой фотохимический процесс, а на бумаге проявляется и стойко закрепляется цветное позитивное изображение.

Сделав снимок, выполненный с прекрасной цветопередачей и четкостью, мы решили съемки повторить и во время сухого процесса попросили Нинель Сергеевну воздействовать на этот процесс. Среди друзей было несколько фотолюбителей, и сообщение о "пси-фотографии", конечно, их заинтересовало.

Экспонированный лист бумаги извлекли из кассеты и положили на стол эмульсионной стороной к свету; рука Нинель Сергеевны оказалась над снимком... Я было предположил, что таким образом она исказит снимок. Мои надежды не оправдались: на этот раз фотография соответствовала первоначальному – контрольному – снимку.

Однако гляцевая поверхность была нарушена, на трети снимка, ближе к центру, появился тонкий, прозрачный белесоватый налет. Он особенно хорошо был виден в отраженном свете. На глянце были четко видны мелкие темно-коричневые точки, проникавшие в глубь эмульсионного слоя. Диаметр этих точек не превышал миллиметра, а число – двух десятков. Располагались точки беспорядочно по всему снимку, выходя за пределы белесоватого пятна.

Другой лист бумаги, извлеченный из камеры на этот раз без экспонирования после воздействия Н.С. и проявления на свету, предстал с таким же плотным белесым налетом и таким же количеством точечных "изъявлений".

Итак, опыт не подтвердил нашего предположения о возможности вмешаться в ход фотохимического процесса. И дело здесь, очевидно, в принципиальном отличии фотографии "Поляроид" от образования обычного фотографического процесса. Н.С. вмешалась в происходящий фотохимический процесс уже на той стадии, когда восстановление ионов серебра в негативном слое было закончено.

Но она произвела "выброс" микроскопически мелких частиц (каких?), которые на гляцевой поверхности бумаги дали тончайшей дисперсности налет, четко просматривавшийся в отраженном свете. Другие значительно более крупные частицы, разрушив глянец, образовали на нем видимые пятна.

Подобных опытов нам больше не довелось проводить – слишком дефицитна и дорога фотокамера "Поляроид". С ее помощью в США сделаны уникальные снимки фантомов человека. С автором этих снимков, американским ученым доктором Р. Прэттом, знакомство у нас состоялось.

В то, что рассказал нам Р. Прэтт о фотографировании призрачных образов, создаваемых возбужденным мозгом человека, поверить было невозможно. Его информация казалась фантазией.

О том, что некоторые люди якобы в состоянии видеть так называемую ауру – свечение человека, видеть и осязать некое биополе, особенное для каждого индивидуума, нам приходилось слышать неоднократно. Публикация на эту тему члена-корреспондента АН СССР А. Спиркина "Познавая психобиофизическую реальность" помещена в "Технике – молодежи" (1980. № 3).

Однажды лет пятнадцать назад у нас дома появились московские ученые – физик Б. и биофизик Т. Они пригласили Нинель Сергеевну участвовать в исследованиях в области биоэнергетики. Выяснилось, что тот и другой видят биополе. От них мы услышали характеристику ауры Н. С. Предложенными тестами они убедились, что она умеет управлять своим биополем.

Увиденное и услышанное мы тогда восприняли как какую-то театральную сцену, наотрез отказались участвовать в предложенных исследованиях.

И другая известная нам информация об ауре не казалась нам убедительной. Невозможно было представить излучение в виде священного ореола вокруг человека.

Весной 1983 года к нам обратился главный режиссер Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов В. Чигинский. Знакомство с ним у нас произошло годом раньше. Он загорелся тогда идеей снять картину о телекинезе. (Этот талантливый художник прославился кинолентами о живой материи, за что ему посмертно в 1987 году присуждена Государственная премия СССР.)

Идея кинорежиссера создать фильм о телекинезе не реализовалась – ей не дали ходу на верхних чиновничьих эшелонах кинематографии и академической науки. Сценарий фильма отвергли. Однако В. Чигинский не прекращал контактов, продолжал лелеять мечту о фильме.

И вот еще один телефонный звонок, приглашение на студию снять... ауру. Как выяснилось, сам режиссер, по его утверждению, иногда видел свечение вокруг человека. В его реальности Чигинский не сомневался. Другое дело – как это доказать? Чигинский рассуждал так: раз он свечение видит, значит, оно реальность, а не мистика. А то, что большинство людей не видят ауру, так это еще не значит, что явления нет. Все может зависеть и от особенностей зрения, чувствительности и особенностей нервной системы каждого...

Валерию Чигинскому пришло письмо от физика Золотова, который утверждал, что сумел сфотографировать ауру, и давал советы, как это возможно сделать на киностудии.

О каком невидимом и фиксируемом камерой излучении может идти речь, думал я. Ведь тепловое – инфракрасное – излучение человека обычные фотоматериалы не регистрируют. В видимом же диапазоне электромагнитного излучения аппарат воспринимает только отраженное излучение от реального объекта, который видит наш глаз. А раз человек не видит объект, то, значит, и свету отражаться не от чего...

В ультрафиолетовом диапазоне энергия квантов больше, чем в диапазоне видимого спектра, поэтому фотографическая эмульсия более чувствительна к нему. Однако "ультрафиолет" вреден для живых тканей, и поэтому допустить, чтобы клетки излучали его и разрушали бы сами себя, было бы нелепо.

Я заверял Чигинского, что в предложениях Золотова кроется явная ошибка, а его методика сомнительна. И тем не менее кинорежиссер уговорил нас приехать на студию.

В небольшой проходной комнате установили киносъемочную и осветительную аппаратуру. В дверном проеме смежной комнаты оборудовали тамбур. Его стенки задрапировали черной ворсистой тканью, не дававшей никаких отблесков. Черные занавески над дверью и боковые, такие же черные шторы полностью исключали проникновение прямых лучей от светильников. Они создавали верхнебоковые подсветы. Таким образом, исключались резкие и глубокие тени.

Первое проявление пленки сразу же после окончания съемки не дало даже намеков на какое-то свечение вокруг головы или рук. Ничего не вышло и у меня при фотографировании аппаратом "Киев".

Попытка сфотографировать ауру оказалась неудачной. Эти результаты, как нам казалось, только подтвердили мое негативное мнение на сей счет...

Каково же было наше удивление, когда месяца через полтора, в выходной день, субботу, раздался телефонный звонок и В. Чигинский сообщил, что он и его группа вот уже второй день в специально подготовленном павильоне в присутствии физика Золотова успешно снимает ауру на черно-белую и цветную пленку. И есть полная уверенность, добавил он, что на этот раз все будет по-другому, ауру у Нинель Сергеевны мы сфотографируем!

Отказать в просьбе Чигинскому "незамедлительно приехать на студию", бросив все дела, мы не могли. Уж больно непосредственным и по-настоящему увлеченным идеей был этот талантливый и порядочный человек.

Когда нас провели в павильон студии, мы встретили там много людей: не только киностудию, но и ученых, и неких женщин, якобы видящих ауру и биополе, а также самого автора методики съемки физика Золотова.

После короткого инструктажа, который провели Чигинский и Золотов, съемка началась. Нинель Сергеевна облачилась в белый халат и стала против проема в задрапированной стене павильона, готовая к очередному испытанию.

Инструктаж был примерно такой. Во время съемки ауры нужно быть в белом халате или в одежде белого цвета. На вопрос: "Почему?" — нам дали не совсем ясный ответ: мол, белая одежда дает дополнительную подсветку...

Никакого напряжения Нинель Сергеевне создавать в этот раз не требовалось. Нельзя делать резких движений или шевелиться. Нужно только в той или иной заданной позе зафиксировать внимание на том, чтобы эта поза удерживалась несколько секунд. И все. Даже при этих в общем обычных позах без всякого усилия почти у каждого, как уверял автор методики, возникает аура.

Снять ее — дело техники. Такой инструктаж не развеял сомнений. Я взял на студию два фотоаппарата, заряженные пленкой с одинаковой чувствительностью в 130 единиц. Одна фотокамера, "Киев", имела "портретный" объектив. Другая, "Зенит-Е", длиннофокусный объектив. Установил на аппаратах единую диафрагму и почти одинаковую выдержку при одной, как уже говорилось, светочувствительности пленки.

Съемка выглядела так. Объект освещался сразу двумя "юпитерами" верхнебоковым светом с противоположных сторон. Никаких других светильников не включалось. Пространство, задрапированное черным, имело ровный фон без каких-либо видимых отблесков.

Первым стал под "юпитеры" автор идеи — физик Золотов. По его сигналу защелкали затворы аппаратов, застрекотала кинокамера. Менялась поза — снова звучал сигнал... Работа продолжалась...

Затем наступил черед Кулагиной. Ей, конечно, не составляло никакого труда повторить то, что на ее глазах выполнял физик. Никогда еще ни один опыт не требовал так мало сил...

В студии тогда мы встретились с кандидатом физико-математических наук А. Бойцовым. С большим недоверием слушал он восторженные комментарии "ясновидящих", приглашенных на съемку в качестве консультантов. Одна якобы видела ауру вокруг Кулагиной в золотистых тонах вокруг головы и плеч. Другой всполохи вокруг нее казались голубыми.

Физик Бойцов, скептически настроенный ко всей этой "затее", как он выразился, предложил, однако, жене усложнить задание, и когда Нинель Сергеевну начали снимать одновременно с Золотовым, она по просьбе физика "послала" свою ауру в сторону напарника.

То есть как бы произвела выброс энергии...

Дома, отложив все дела в сторону, я сразу же приступил к обработке пленок. Несмотря на то что обе они проявлялись в обычных, годами опробованных составах, в известных режимах,

были не только одной чувствительности, но и серии изготовления, результаты оказались более чем странными.

Естественно, что на пленке, снятой аппаратом "Киев", Нинель Сергеевна выглядела несколько меньше, чем на той, что находилась в "Зените". При разных фокусных расстояниях масштаб оказался разным.

Позиции и позы на обоих пленках почти повторяют друг друга. Однако на 19 кадрах, снятых "Киевом", на прозрачном и чистом фоне не оказалось никаких почернений, пятен или вуали...

На пленке же, отснятой "Зенитом", на 13 кадрах из 21 на таком же фоне четко видна вуаль – почернение, которое значительно уступает плотности и контрастности одежды и лица. Это почернение может оцениваться как легкая дымка, прозрачный, еле заметный туман.

Так, после трех кадров, где Нинель Сергеевна стоит с поднятыми, разведенными в сторону руками, вуаль просматривается вдоль туловища. Затем идут четыре кадра без вуали: в этой позе без всякого напряжения руки опущены.

Далее кадр с поднятыми руками, видно напряжение на лице – и снова возникает темная вуаль. На двух следующих кадрах руки опущены, никакого напряжения – и опять нет вуали.

Та же картина на кадрах, где я сфотографировал Золотова, и у него есть, оказывается, вуаль, то есть аура.

Однако и у него эта вуаль зафиксирована мною только "Зенитом".

Вот тот кадр, когда Нинель Сергеевна произвела "посылку ауры" в сторону Золотова. Почти всю площадь снимка занимает фигура его в анфас. В кадре запечатлена также правая рука Н.С., стоящей с ним рядом. Хорошо видно, как от нее в сторону Золотова тянется широкий плотный черный след, а выше виден черный силуэт, напоминающий по просветленным местам глазниц... лицо Кулагиной. Достаточно было сравнить этот силуэт с контуром ее лица на негативе соседнего кадра, как не оставалось и тени сомнения, что это тот самый фантом, который воспроизвела Нинель Сергеевна, выполняя задание Бойцова. Вот она – аура! Мистика да и только!

Если удалось аппаратом "Зенит" сфотографировать ауру, то почему она не зафиксирована "Киевом" – ведь возможности у него почти такие же...

Причина этому обнаружилась совершенно неожиданно. Оказалось, что на объективе моего фотоаппарата "Киев" был наведен светофильтр... Этот нейтральный для нормальных условий освещенности фильтр защищал поверхность линз от царапин и загрязнений. Я его никогда не снимал, фотографируя на черно-белую пленку. Однако на студии мой светофильтр "УФ-1", предназначенный для съемок в горах, на море, где много "ультрафиолета", сработал, "вырезал" из спектра фиолетовую его составляющую. Недаром же он не рекомендован при съемке

на цветную фотопленку, поскольку обедняет фиолетовые и синие цвета.

Что могло это означать?

Выходит, что световой поток, проходивший через объектив "Зенита", не искажился. А раз так, то правомерно утверждать, что чернота, вуаль на кадрах – не что иное, как следы части светового потока "Юпитеров", рассеянного и отраженного на выброшенных Н.С. мельчайших частицах, невидимых глазом. Размеры частиц этого вещества должны быть менее 10–20 МКМ. "Низший уровень размеров частиц, различаемых глазом человека, зависит от индивидуальных особенностей и может составлять 10–20 МКМ. Ниже этого предела человек не в состоянии ощутить присутствие частиц дисперсной фазы" (Цит. по: Мир частиц. М., 1988).

В соответствии с законом рассеивания света Рэлея известно: если размеры частиц не больше одного или двух десятых длины волны, на них более интенсивно рассеиваются синие и особенно фиолетовые лучи.

Значит, если допустить, что аура – это не что иное, как мельчайшие частицы, выбрасываемые организмом, размер которых, исходя из зависимости, определяемой законом Рэлея, более чем в тысячу раз меньше, чем низший уровень размеров частиц, различаемых глазом человека, то в нашем опыте на этих частицах рассеивались фиолетовые и синие лучи. Они не видны глазом, особенно на черном фоне. Известно, чувствительность фотоматериалов к фиолетовой части спектра максимальна, поскольку энергия кванта фиолетового света выше энергии остальных частей видимого спектра, например в два раза больше, чем кванта красного света. Поэтому фотопленка отреагировала почернением на очень слабый и невидимый для глаза отраженный фиолетовый свет, тогда как наблюдатели в павильоне не заметили свечения.

Каким образом аура оставила свой след на фотопленке, кажется ясно...

Уяснив для себя сущность физического процесса – взаимодействия светового потока "Юпитеров" с микрочастицами вещества, выпрыскиваемого человеком, мы, однако, тем не менее вновь попадаем в сложный лабиринт проблем и выхода из него, даже учитывая другие наблюдавшиеся факты и привлекая к их осмыслению весь имеющийся современный запас знаний, не видно.

Допустим, что предположения, которые могут быть высказаны в понятных и принятых терминах в пределах известных физических законов относительно ауры, рассеивания фиолетового света и т. д., могут быть подтверждены в модельном эксперименте. Но как объяснить, почему на фотопленке образовался фантом, схожий с обликом Кулагиной? Ведь это же реальный факт! Этих "почему?" становится все больше и больше по мере нашего знакомства с другими проявлениями удивительного феномена "К".

Глава VII

"ЖИВАЯ ВОДА"

Осенью 1977 года пришлось дважды побывать в Москве. И на этот раз не обошлось без науки. Нинель Сергеевна не смогла отказаться от приглашения Института химической физики АН СССР. Предстояли опыты с биологическими объектами с воздействием на химические реакции. А это было очень интересно. С такой программой нам раньше встречаться не приходилось. Значит, не обойдется без открытий.

К этому времени контактов на разных уровнях иерархической лестницы науки было уже более чем достаточно. Нас не смущало, что приглашение исходило от младшего научного сотрудника, а не от руководства института. Несмотря на враждебное отношение к "таинственным явлениям человеческой психики", которые демонстрировала тогда официальная академическая среда, мы были убеждены: рано или поздно отношение к их исследованию изменится.

Об опытах с мышами, одни из которых были облучены смертельной дозой рентгена, а другим была привита опухоль, рассказано ранее. В этой главе коснемся воздействия Кулагиной на химические реакции. Опыты проводились старшими научными сотрудниками Института химической физики, кандидатом химических наук Б.Д. Свиридовым и кандидатом физико-математических наук С.В. Рыковым.

Ученые подготовили три раствора сложного состава, предварительно записав их ультрафиолетовые спектры. Затем растворы разделили на две половины. Одну оставили для контроля, а другую запаляли в ампулы из молибденового и кварцевого стекла. До начала опыта они два дня хранились в холодильнике.

Не буду описывать, как проходили испытания, приведу только выдержки из протоколов, составленных 15 и 16 октября 1977 года. В одном из них констатируется, что Кулагина "облучила растворы максимально возможной энергией в течение четырех минут. Облучение проводилось с контактом".

В разделе "Результаты экспериментов" сказано:

"1. Ультрафиолетовые спектры облученных растворов по сравнению с контрольными образцами показали уменьшение плотности исходных соединений, т. к. наблюдается расход вещества..."

Можно было бы цитировать и дальше, но без специального образования вряд ли будут понятны выдержки из этих документов. Одно ясно: химики, как и ранее физики, нашли для себя новую область познания, где следует разбираться им, а не фокусникам и психиатрам...

Кроме воздействия на вещества, запаянные в ампулах, облучалась фотобумага в черном светонепроницаемом пакете, пластинка с люминесцентным слоем, на которую нанесли бесцветный раствор, окрашивающийся при облучении светом. Показала Нинель Сергеевна химикам также "эффект жжения", погрела им руки.

В заключении об этих опытах сказано:

"Три листа незасвеченной фотобумаги поместили в черный пакет, который Н.С. Кулагина облучила в течение пяти минут с контактом. При проявлении была обнаружена частичная засветка фотобумаги с уменьшающейся интенсивностью засветки от верхнего листа к последнему.

При облучении пластинки с люминесцентным слоем окрашивание вещества не наблюдалось.

В результате облучения рук экспериментаторов на них появился ожог, аналогичный термическому (ок. 60°C) и световому (загар), однако термометр показывал комнатную температуру".

Ученые, осмелившиеся в то сложное время взяться за исследование феномена Н.С. Кулагиной в стенах академического института, смогли убедиться и в других ее способностях с завязанными глазами. Она читала крупный печатный текст пальцами, "угадывала" спрятанные в конверты карты Зенера и так далее.

Мы не считаем имеющееся у нас заключение об опытах, проведенных в 1977 году в Институте физической химии АН СССР, официальным документом. Длительность их сравнительно недолга, несколько недель. О результатах доложено в ученом мире. Вспомнил я о них, чтобы показать: рано или поздно истина находит себе путь.

Длительные химические опыты начались через десять лет, в 1987 году. На этот раз инициатива исходила от доктора технических наук, профессора Л.А. Вольфа, возглавляющего кафедру химических волокон Ленинградского института текстильной и легкой промышленности имени С.М. Кирова. Вот как пишет о них сам профессор Л.А. Вольф, рассказывая предысторию наших контактов:

"Хотя уникальные психофизиологические способности Нинель Сергеевны Кулагиной исследуются специалистами довольно давно, в отношении их достоверности и эффективности до сих пор существует разноречивое мнение.

В опытах авторитетных физиков-экспериментаторов она убедительно демонстрировала явления биоинтроскопии, телекинеза; протокольно зарегистрирована ее способность отклонять движением руки магнитную стрелку компаса.

Учеными-медиками во многих случаях установлен исцеляющий эффект, исходящий от руки Кулагиной.

С другой стороны, ряд специалистов, особенно медиков, придерживается неприятия феномена Кулагиной, удачное врачевание больных ортодоксальные медики относят к недора-

зумениям. Основное возражение оппонентов базируется на том, что для данного случая отсутствует практическая возможность представить контрольную группу аналогичных больных, с которыми можно было бы провести сравнение. Отсюда делается вывод, что больные могли вылечиться не от воздействия рук Кулагиной, а под влиянием средств традиционной медицины, которыми они продолжали пользоваться (или пользовались ранее).

Нечто подобное произошло со мной: обширное двустороннее воспаление легких продолжалось у меня даже после десятидневного массированного курса антибиотиков, что было зафиксировано рентгенографически. А Кулагина в течение трех сеансов (дней) полностью сняла воспаление: просветление на рентгенограмме было столь же очевидным, сколь невероятным. (Врач-рентгенолог от неожиданности принял сначала эту картину за распад легкого.) Я имел счастливую возможность не только лично на себе убедиться в действенности эффекта Кулагиной, но и демонстрировать – в прямом смысле, на собственной коже – оставленную от ее рук коричневую пигментацию, исчезающую со временем.

После необычного выздоровления я предпринял попытку удостовериться в наличии "феномена Кулагиной" объективными количественными методами, известными из химии. По согласованию с Нинель Сергеевной и руководством опыты проводились на кафедре технологии химических волокон Института текстильной и легкой промышленности имени С.М. Кирова. Помимо персонала кафедры в них участвовал глава сотрудничающей с кафедрой медицинской школы доктор медицинских наук, профессор Ф.В. Баллюзек.

Методика экспериментов состояла в следующем. Н.С. Кулагиной предлагались объекты, подлежащие ее воздействию, но не разъяснялось, какие результаты ожидаются. Далее объект воздействия разделялся на три части. Одна оставалась нетронутой (контроль № 1), другая вручалась Н.С. Кулагиной (опыт), а третья (контроль № 2) – сотруднице кафедры, которая скрупулезно дублировала действия Кулагиной.

Все три пробы анализировались в адекватных условиях. Намеченная программа была обширна. Частично она осталась невыполненной, некоторые эксперименты требуют повторения, обнаружилась группа объектов, на которые "феномен Кулагиной" не действовал. Последнее, кстати, тоже ожидалось, так как совершенно очевидно, что если бы этот феномен распространялся на все, то после его действия не должно было бы оставаться ничего.

Проведено шесть испытаний: исследовалось влияние феномена "К":

- 1) на концентрацию водородных ионов (рН) в воде;
- 2) на концентрацию водородных ионов в этиловом спирте;

3) на поведение красителя – метилового оранжевого в водном растворе;

4) на вязкость водного раствора казеината натрия;

5) на разрыв ацетатной текстильной нити;

6) на поверхность пластмасс (полистирола).

Во всех шести исследованиях зафиксировано воздействие "К", тогда как в контрольных опытах (контроль № 1 и № 2) изменений в испытуемых средах и образцах не обнаружено.

Коротко о результатах.

Опыт первый.

Пробирка с дистиллированной водой находилась в руках Кулагиной в течение двадцати минут. Через каждые 0,5–1 минуту делались замеры pH на pH-метре. За это время pH воды снизился с 6,75 до 3,0 (температура воды повысилась от комнатной до 30° C). За то же время pH в контроле № 1 не изменился, а в контроле № 2 изменился примерно на 0,1 (от 6,60 до 6,68), что не превышает ошибки опыта (температура повышалась при этом от 18 до 25° C).

Опыт второй.

Пробирка с этиловым спиртом находилась в руках Кулагиной в течение семи минут, после чего по индикатору и лакмусовой бумаге установлено образование кислоты.

В контрольных опытах № 1 и № 2 кислотность среды не изменилась.

Опыт третий.

Раствор красителя – натриевая соль (метилоранж) – в стеклянке находился в руках Кулагиной в течение пяти минут, после чего краситель выпал в осадок. В контрольных опытах осадок не образовывался. Поскольку известно, что метилоранж в кислой форме нерастворим в воде, становится ясным, что Кулагина перевела а-форму красителя в Н-форму.

Опыт четвертый.

Трехпроцентный раствор казеината натрия в пробирке Кулагина держала в течение десяти минут. После этого замерили вязкость по времени падения металлических шариков в этом растворе, перелитом в стандартный цилиндр с мерными делениями. Скорость падения шариков по сравнению с контролем (№ 1 и № 2) увеличилась на пятнадцать–двадцать процентов, то есть под влиянием феномена "К" вязкость растворов казеината натрия падала. Из этого следует, что определенные белковые субстраты могут проявлять чувствительность к действию этого феномена.

Опыт пятый.

При контакте с рукой Кулагиной ацетатная нить обрывалась, тогда как в контрольных опытах (№ 2) обрыва нити не происходило.

Опыт шестой.

После прикосновения пальцев Кулагиной к полированной поверхности пластмассы из полистирола на ней четко проступи-

пал рельеф кожи пальцев (в виде дактилоскопических отпечатков). В контроле (№ 2) ничего подобного не наблюдалось.

Таким образом, проведенная серия химических экспериментов позволяет с достаточной убедительностью подтвердить существование феномена "К".

Несомненна и материалистическая сущность эффекта Кулагиной. Что же касается выяснения механизма этого уникального явления природы, а скорее всего – механизмов, то, думается, на сегодня нет еще достаточных данных, чтобы вынести определенные суждения. Пока более важной задачей, можно полагать, остается накопление опыта. Но для этого работы с Н.С. Кулагиной, к сожалению, плохо организованы.

Л. Вольф

31 марта 1988 г.

Профессору Вольфу, несмотря на поддержку коллектива кафедры, руководства института, его коллег, представителей других специальностей, не удалось завершить намеченную программу.

Дело в том, что в 1987 году с очередной грубой клеветнической публикацией на страницах журнала "Человек и закон" выступил некто В. Стрелков, поместивший статью, где в худших тонах прошлых лет относил наши исследования к разряду антинаучных, а Нинель Сергеевну – к числу мистификаторов и шарлатанов. Пришлось прервать работу и искать защиту чести и достоинства в суде.

Народный суд Дзержинского района города Москвы в январе 1988 года признал наш иск к редакции обоснованным и принял решение, обязавшее редакцию поместить опровержение. Московский городской суд оставил в силе решение районного народного суда.

Таким образом, истина восторжествовала, но дорогой ценой – программа исследований сорвалась, а Нинель Сергеевна, перенесла инфаркт сердца, надолго вышла из строя.

Вернемся к химическим исследованиям.

И тут пришла пора сказать, что мы шли на кафедру профессора Вольфа с полной уверенностью в успехе, поскольку за плечами имели многолетний опыт воздействия на воду, пластмассы, полимерные и синтетические материалы.

Обнаруженный первым "эффект жжения", воздействие на растения, насекомых, животных, наконец, на человека не могли не вызвать естественного вопроса: что же является тем стимулятором, который ускоряет раскрытие бутонов цветов, рост растений, заживляет раны и прекращает воспалительные процессы... Поскольку эти метаморфозы происходили не мгновенно, а спустя некоторое время после усилий Н.С., то логичным было предположить, что в том или ином живом веществе происходит накопление каких-то веществ, резко ускоряющих

обмен, либо какого-то вида энергии, меняющей поведение организма. Где, в каких структурах можно было бы заметить "следы" воздействия этого эффекта?

По нашему предположению, вероятнее всего – в воде, которая, как известно, является частью любых структур живого вещества; взрослый человек в среднем на 65% состоит из воды...

Начали мы с чернил. Ставили сначала два стакана водопроводной воды, давали ей отстояться. Затем к одному из стаканов, находившемуся на расстоянии полуметра от другого, Н.С. подносила ладони руки и несколько минут как бы "жгла", облучала воду. Другой стакан ее воздействию не подвергался. Затем из обычной пипетки с одинаковой высоты в каждый стакан капали по капле черных чернил. Как они себя поведут дальше?

В облученной воде черная капля опускалась на дно, оставляя в толще жидкости ровный след. А в другом стакане капля расплывалась сразу широким чернильным столбом, а вскоре вся вода равномерно окрашивалась, что свидетельствовало об активной диффузии.

В облученной воде диффузия происходила не сверху, а со дна, и на 5–6 часов дольше, чем обычно. Облученная вода выглядела чернее.

Долго не удавалось найти правдоподобные объяснения этому курьезному на первый взгляд опыту.

Когда выяснилось, что облученная вода приобретает кислый вкус, картина, как нам кажется, начала проясняться. Скорость диффузии чернил связана прежде всего с резким уменьшением поверхностного натяжения облученной воды. Для уяснения причины этого явления следует иметь в виду, что "поверхностное натяжение воды больше, чем у любой другой жидкости, за исключением ртути, но внесение даже минимального количества разных добавок к воде резко уменьшает ее поверхностное натяжение" (Лосев К.С. Вода. Л., 1989).

Другая способность воды – растворять разные вещества – связана с сильным "разносом" центров положительных и отрицательных зарядов в ее молекулах. Ориентируясь в электрическом поле, они стремятся нейтрализовать его. В результате любые заряды в воде притягиваются или отталкиваются с силой в 80 раз большей, чем в вакууме. "Это обеспечивает высокую растворимость вещества в воде, так как молекулы воды "растаскивают" частицы или ионы вещества, сила притяжения между которыми ослаблена" (Лосев К.С. Вода).

Поскольку в наших опытах без добавки каких-либо веществ чернила растворялись медленнее, можно предположить, что в облученной воде изменялись ее электрические свойства.

Вначале Нинель Сергеевна окисляла воду, держа руку над открытым стаканом. Через пять – десять минут вода становилась не только кислой на вкус, но и вызывала ощущение легкого жжения. Природа этого окисления могла быть только органического происхождения, поскольку в этих опытах были

лишь две стороны процесса — вода и человек. Поскольку какие-то мельчайшие частицы, которые, по-видимому, выделялись с руки, попадали в воду, постольку они могли быть только органического происхождения.

Выяснилось, что показатель кислотности зависел от продолжительности облучения, напряжения Нинель Сергеевны, а также от объема воды в сосуде. Бралась, как правило, пресная водопроводная вода, величина рН которой, по индикаторной лакмусовой бумажке, была в пределах 6–7 единиц.

На вкус кислота ощущалась при значении рН, равном 5 единицам. Дальнейшее воздействие приводило к тому, что кислотность увеличивалась, а величина рН порой доходила до 3–2 единиц, лакмусовая бумажка становилась вишневого цвета. При этих величинах вода становилась горькой, оставляя неприятное ощущение во рту.

Так же успешно проходили опыты с "окислением" вин, коньяка, разных напитков, которые практически становились непригодными к употреблению. На основании собственного опыта могу сказать, что никаких неприятностей при питье "кислой" воды или другой таким же образом испорченной жидкости не происходило.

Каждый новый опыт вызывал новые вопросы.

Так, растворив в стакане воды чайную ложку соды, мы получили неожиданный результат. Величина рН воды достигла 9 единиц. Лакмусовая бумажка приобрела серовато-зеленоватый цвет. Появилась щелочная среда. Что произойдет, если эту воду начнет "жечь" Нинель Сергеевна, выпрыскивая с ладони частицы кислоты? Известно, что при соединении кислоты со щелочью (содой) в воде должны возникнуть в толще воды пузырьки углекислого газа.

Наши ожидания подтвердились. Как только Н.С. поднесла руку к стакану, под ладонью на гладкой водной поверхности появились мельчайшие всплески, вслед за ними со дна начали бурно подниматься мельчайшие газовые пузырьки. Чем сильнее Нинель Сергеевна создавала напряжение, тем чаще появлялись микровсплески на поверхности, тем энергичнее "вскипала" вода со дна стакана. Стоило ей отвести руку, как вскоре это "вскипание" прекращалось. Снова ладонь руки над стаканом — и опять буря.

Наблюдая за этим удивительным явлением, я подумал, а что будет, если в гущу пузырьков быстро опустить лакмусовую бумажку? Результат превзошел все наши ожидания.

Часть пузырьков успевала осесть на полоске бумаги, в этом месте цвет ее не менялся, оставался желтым, а вот остальная поверхность бумажки приобретала цвет, соответствующий щелочной среде. И чем интенсивнее шло "вскипание", чем больше оседало пузырьков на бумаге, тем больше на ней оставалось желтых точек диаметром до миллиметра, располагавшихся неравномерно по площади индикатора.

Таких опытов было проделано не менее двух десятков. Несколько раз при этом наряду с множеством желтых точек появлялось по 3–4 точки ярко-вишневого цвета.

Газовые пузырьки, поднимающиеся со дна стакана, – явный признак реакции в щелочной среде какого-то вещества кислотной природы. В виде мелких капелек выпрыскивается оно с ладоней и с большой скоростью достигает дна. Появление вишневых точек на лакмусовой бумажке можно, очевидно, объяснить тем, что при интенсивном облучении и бурном "вскипании" отдельные капли с высокой концентрацией кислоты не успевали достичь дна стакана и прореагировать с содой. Будучи подхваченными бурно поднимавшимися пузырьками газа и оседая на лакмусовой бумаге, они отмечали таким образом свое присутствие. Их цвет соответствовал величине рН, равной 2–1 единице.

Нечто подобное видели мы на глянцевой поверхности снимка, сделанного "Поляроидом", о чем упоминалось ранее.

Точно так же облучала Н.С. свежее молоко, сырые яйца. Молоко быстро скисало, а желток через какие-нибудь 10–15 минут терял форму, превращался в серовато-желтую массу, растекавшуюся по блюду.

Пока на первых порах опыты шли с открытыми сосудами, вполне приемлемым было предположение, что мельчайшие капли некой кислоты выбрасываются организмом Кулагиной. Исходя из данных по биологии и физиологии, можно было бы думать, что эффект окисления воды может найти подтверждение на основании известных науке явлений. К этому же выводу приходили и некоторые ученые, наблюдавшие упражнения Нинель Сергеевны и проводившие при этом некоторые измерения.

Однако в действительности все оказалось значительно сложнее. Нам удалось установить: вода становится кислой не только в открытом стакане, но и в герметически закрытых сосудах, будь то стеклянные бутылки и колбы с простыми и притертыми пробками, запаянные стеклянные ампулы и металлические капсулы из нержавеющей стали с винтовыми пробками на резиновых прокладках.

Нинель Сергеевна обычно держала такой закрытый сосуд в руках и воспроизводила то же напряжение, что и при опытах со стаканом воды. Однако продолжительность воздействия и напряжение организма, необходимые для получения результата, значительно возрастали.

Мы брали разную воду – и ту, что текла из водопровода, и ту, что набирали из природных источников. Использовалась дистиллированная вода, как технического назначения, так и в ампулах для медицинских целей. Вода из колодца или реки фильтровалась через вату или бумагу.

Однажды химик-лаборант, исследуя пробы нашей воды, обратил внимание на плавающие в ней какие-то мельчайшие ни-

ти, которые, как он предположил, могли остаться после фильтрации воды через вату.

Эта вода действительно была профильтрована до облучения Н.С. через вату, поскольку брали ее из колодца. Никаких взвешенных частиц, выпадавших в осадок или находившихся в толще воды после фильтрации, в прозрачной бутылке я не заметил.

Обстоятельства сложились так, что облученная в бутылке вода хранилась до анализа несколько недель. И когда из бутылки мы отливали во флакон часть воды, то не обратили внимания на какие-либо посторонние взвешенные частицы. Только замечание химика о прозрачных нитях заставило нас уделить особое внимание неожиданному открытию.

Внимательно рассмотрев воду, я увидел при боковом освещении на черном фоне бесчисленное множество мельчайших нитевидных частиц. Они находились в постоянном движении, словно заведенные. У нас дома хранилось несколько бутылок с облученной в разное время водой, профильтрованной – колодезной, водопроводной, а также неочищенной.

Во всех образцах виднелись нитевидные взвешенные частицы. Нам стало ясно, что дело здесь не в фильтрации, не в вате, а в чем-то другом, связанном с фактором облучения воды.

Так мы совершенно неожиданно встретились с еще одной разновидностью феномена "К", которая, как нам представляется, имеет особое значение.

Прежде чем приступить к рассказу о дальнейших наблюдениях за этими живыми "нитеями", способными делиться и развиваться, хочу сказать, что нам не удалось найти ответа на вопрос, почему вода приобретает кислый вкус и величина pH ее резко снижается даже тогда, когда она облучается в надежно закрытых сосудах.

Общепризнано, что увеличение кислотности воды – не что иное, как увеличение в ней концентрации положительных ионов. Спрашивается, почему в облученной воде концентрация этих ионов возрастает? Не могут же положительные ионы, генерируемые Кулагиной по каким-то совершенно непонятным законам, через стеклянные или металлические стенки сосуда воздействовать на воду. Такое предположение абсурдно и не выдерживает никакой критики с позиций ионной теории кислот и оснований, практики химии.

С другой стороны, нам известно, что в опытах по изучению природы "эффекта жжения" и других у Кулагиной зарегистрированы кратковременные звуковые и ультразвуковые импульсы. В научном отчете Института радиотехники и электроники сказано:

"Вблизи рук "К." в рабочем режиме зарегистрировано возникновение последовательности акустических импульсов, следующих с периодом около 1 сек."

Эти импульсы всесторонне измерены как московскими, так и ленинградскими физиками.

Эти открытые ультразвуковые импульсы позволили мне высказать мысль, что ультразвуковые колебания могут приводить к таким процессам, которые сопровождаются распадением молекул воды, а следовательно, и возможным ее окислением. Это предположение на первый взгляд казалось вполне логичным, тем более что по этому поводу есть прямые указания в специальном академическом издании "Ультразвук". (Советская энциклопедия. М., 1979.)

Но это только казалось...

Вода хранит множество загадок. Вопросов она порождает больше, чем наука на сегодня сумела дать ответов.

Когда мы убедились, что появление тончайших образований в облученной воде не является явлением случайным и не зависит от солености или жесткости воды и характера источника, мы с особым интересом стали наблюдать за развитием этих "нитей". Повторными опытами удалось установить, что после облучения вода теряет прозрачность и бесцветность, которая была до опыта. И это никак не связано с каким-то загрязнением стекла сосудов, которые держала в руках Нинель Сергеевна.

Вода на темном фоне и при боковом освещении имела фиолетовый оттенок, напоминающий спирт-денатурат.

Фиолетовый туман как бы клубился в толще воды, создавая различную плотность окраски. Если не трогать бутылку с такой водой и не стараться искусственно ускорить перемешивание этого бледно-фиолетового "тумана", то можно несколько часов наблюдать за тем, как восходящие и нисходящие потоки в толще воды создают игру случайных форм. Это говорит о происходящих в ней каких-то временных структурных изменениях. Постепенно происходит "выравнивание" фиолетового оттенка по всему объекту, а через несколько часов он бесследно исчезает.

Величина рН и в этих опытах резко менялась. Питьевая вода становилась горькой. Хотя пить ее было можно, не рискуя отравиться.

Как объяснить то, что мы наблюдали? Почему у воды появлялся бледно-фиолетовый цвет?

Как мы помним, фиолетовый цвет наблюдался и при фотографировании ауры в съемочном павильоне Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов, о чем говорилось ранее.

Очевидно, в бутылке мы видели рассеяние фиолетовой части видимого спектра на мельчайших частицах в толще воды. Размеры их должны быть, в соответствии с законом рассеяния света Рэлея, менее десятой доли фиолетовой части спектра.

Если это так, то что же это за вновь появившиеся частицы, которые выборочно занимают и удерживают место и не спешат подчиняться случайному тепловому броуновскому движению молекул?

Нельзя ли попытаться объяснить феномен ультразвуковыми импульсами Нинель Сергеевны?

В качестве сосуда, в котором облучалась вода, мы использовали термос. Его стеклянный баллон, как известно, имеет двойные стенки. Из внутренней полости откачана часть воздуха. Таким образом, используя этот сосуд, мы тем самым полностью исключили возможность передачи звукового импульса снаружи во внутреннюю полость сосуда. Однако и в термосе "нити" появились.

Чуть было не забыл сказать, что воздействию Н.С. подвергалась также соленая морская вода, привезенная нами с Черного моря. И она вела себя так же, как все другие жидкости в наших опытах. Таким образом, мы вновь оказываемся в очередном тупике при объяснении феномена "К".

Хотя сам по себе факт изменения кислотности каким-то неизвестным видом энергии имеет принципиальное значение и заслуживает особого внимания. Однако в экспериментах с водой мы столкнулись с поразительным явлением, выходящим за пределы физических или биохимических исследований.

Дело в том, что в облученной воде, повторяю: дистиллированной, пресной, соленой, морской, стерильной жидкости для внутривенного вливания, через три-четыре недели начинают появляться и развиваться мельчайшие микроорганизмы! Постепенно они группируются и по прошествии нескольких лет формируют грибовидный осадок наподобие медузообразной структуры. Иногда они закрепляются на стенках стеклянного сосуда и прорастают "нитеями" в толще воды в разных ее уровнях, создавая своеобразные многоэтажные образования. При длительном хранении кислотность среды повышается, что, вероятнее всего, является следствием жизнедеятельности этих микроорганизмов.

В некоторых образцах облученной воды в течение трех лет величина рН уменьшилась на 2–3 единицы. Кислотность увеличивалась и в воде, находившейся на свету в прозрачных стеклянных емкостях, и в воде, лишенной света в непрозрачных металлических сосудах.

Капля такой воды, высыхая на стекле, оставляет тончайшую пленку с различными рисунками, напоминающими морозные узоры. Эта же вода, налитая до краев в вогнутое стекло, после испарения оставила плотный осадок, который затвердел, принял серо-желтый цвет, весьма плотную структуру.

Несколько раз за последние годы мы передавали образцы воды с загадочной структурой в научные учреждения для исследования. Но ни разу нам не удавалось получить от ученых какого-то определенного заключения. Возможно, не находилось аналогов тому, что видели из-за внезапно возникающей трудности исследования неизвестной материи, и опасения оказаться причастными к паранаучным экспериментам. Но не выплес-

квивают ли они из полученных сосудов вместе с облученной водой ребенка, неизвестного науке?

Некоторые, столкнувшись с феноменом "К", считают, что и без облученной воды проблем хватает на много лет вперед. И загадочные самообразующиеся структуры переполняют объем информации, перепутают все основы, на которые еще можно пока опираться, исследуя Кулагину.

И все же в одной из лабораторий нашлись смельчаки, которые попытались выяснить природу образовавшейся в облученной воде структуры. Нам устно сообщили, что среди известных по каталогам бактерий, водорослей, грибов и простейших аналогов тому, что оказалось в предложенных образцах, нет.

Столь осторожное отношение к возникшей проблеме легко понять: обнаруженная "живность" может вызвать у ученых серьезные опасения – у всех в памяти насаждавшиеся в 50-е годы идеи печальной памяти О.Б. Лепешинской о порождении клеток бесструктурным живым веществом. Уже этого одного достаточно, чтобы избегать наших пробирок, как чумной заразы.

Но факты есть факты. Отказаться от них нельзя, несмотря ни на какие сомнения.

И в заключение расскажу о наших последних попытках установить истину, исследуя "живую воду".

...В начале 1988 года в Ленинград приехал из Афганистана офицер М., перенесший болезнь печени. Лечение в разных госпиталях ему не помогло. В тяжелом состоянии М. по просьбе врачей попал в руки "К." Прогревание руками сделало свое дело. Офицер неожиданно для лечащих врачей полностью выздоровел. Вопрос об увольнении из армии был снят.

Вслед за М. пришлось Нинель Сергеевне "греть" печень и руководителю медслужбы, где безуспешно лечили офицера. В благодарность за выздоровление руководитель медслужбы решил помочь как-то разобраться в природе "живой воды", после того как увидел наши "запасы", хранимые годами.

Мы стремились сделать объективный и возможно технически полный анализ в лаборатории судебно-медицинской экспертизы. Причем провести анонимное исследование. Авторитетное заключение экспертизы облученной жидкости для внутривенного вливания "Полидез", находившейся в фирменной упаковке, снимало бы подозрения в чистоте опытов. Ни о каком проникновении через стекло флакона и герметическую фирменную упаковку каких-либо известных биологических структур не могло бы быть и речи. Заключение судебно-медицинской экспертизы военной организации, ни в каком плане с нами не связанной, для нас являлось моральной поддержкой.

Военный врач получил от нас четыре флакона с образцами для исследования, заверив нас в том, что доведет дело до конца по всем правилам.

Во флаконе № 1 была морская соленая вода, привезенная с Черного моря в 1983 году. Эту воду Н.С. не облучала, она служила эталоном для сравнения.

Во флаконе № 2 – та же морская вода, но облученная в сентябре 1983 года. Величина рН была определена тогда равной 4,5 единицы; сразу же после облучения образовалась достаточно кислая среда. Добиться этого в соленой воде значительно труднее, чем в пресной.

Во флаконе № 3 находилась пресная вода, а во флаконе № 4 – стерильная жидкость.

Спустя три месяца мы получили в конверте со штампом узла фельдшерской связи долгожданный "Акт комплексного исследования", подписанный главным судебно-медицинским экспертом, судебным химиком, заместителем по науке одного из военных институтов, заведующим экспериментальной лабораторией, начальником бактериологического отдела, скрепленный круглой гербовой печатью медслужбы. Из него мы узнали, что во флаконе № 2 величина рН еще более уменьшилась, стала равной 3 единицам. За 5 лет, пока происходило разрастание микрофлоры, кислотность среды увеличилась.

Морская облученная вода стала обладать антибактериальными свойствами. Бактерицидный индекс ее, согласно акту исследования, равнялся 4, в то время как эталонная морская вода во флаконе № 1 имела индекс меньше 1/2 и, как следует из заключения, она стимулирует рост бактерий.

Во флаконе № 3 за 5 лет образовалась мутная желтоватая жидкость с хлопьевидным коричневато-серым осадком, как ни странно, также обладающая антибактериальными свойствами с бактерицидным индексом более 40.

Наконец, в фирменном флаконе № 4 находилась жидкость – кровезаменитель "Полидез" – стерильный раствор для внутривенного капельного вливания. Как сказано в Большой медицинской энциклопедии: "Препарат применяют при лечении интоксикаций различного происхождения у хирургических и инфекционных больных, при септических состояниях в акушерско-гинекологической практике".

Два флакона этого препарата, изготовленные в Ленинградском научно-исследовательском институте гематологии и переливания крови, нам передал профессор, доктор медицинских наук Ф.В. Баллюзек в январе 1985 года. Он был знаком с опытами по облучению воды.

Тогда же один из "Полидезов" Нинель Сергеевна не менее десяти раз активно облучала по несколько минут, держа флакон в руках. При этом каждый раз жидкость бурно вспенивалась. То же происходило и когда она облучала флакон, не прикасаясь к нему, с расстояния в 10–15 сантиметров. Мелкие пузырьки пены заполняли все свободное пространство и держались не менее получаса.

Со временем во флаконах появились мельчайшие нитевидные образования, которые разрастались, группировались и превратились в "мелкий хлопьевидный белый осадок".

Анализ показал, что "Полидез" из стерильного стал нестерильным. Однако бактерицидный индекс его превышал величину 400. Не менее странно и то, что произошло окисление препарата. Водородный показатель резко снизился до величины рН, равной 3. А это, как известно, для кровезаменяющей жидкости вообще недопустимо.

Второй флакон с "Полидезом" мы оставили как контрольный. Он хранится у нас. В нем не заметно каких-либо "нитей". Не изменился цвет, прозрачность состава.

Из акта следует, что анализ проведен всесторонне, с использованием современных методик и технических средств, с высокой точностью.

Анализ химического состава проводился по 12 показателям.

Химики столкнулись с неожиданными для них трудностями. Так, например, облученный "Полидез" удалось исследовать только по шести показателям.

В акте по этому поводу говорится:

"Концентрация ионов во флаконе № 4 определена с ошибкой около 30–40% ввиду специфичности состава, остальные параметры определить не представилось возможным по той же причине".

И это в то время, когда состав "Полидеза" хорошо известен: это трехпроцентный раствор низкомолекулярного полихлорвинилового спирта с 0,9% хлорида натрия.

Почему этот состав оказался настолько сложным для анализа, что только половина от возможных показателей определены, и то с ошибкой в 30–40%, "ввиду специфичности состава", а остальные параметры даже "не представилось возможным определить по той же причине"?

По-видимому, здесь имеет место то же явление, которое было обнаружено еще в 1977 году в Институте физической химии АН СССР. Тогда Нинель Сергеевна облучала химические растворы, запаянные в ампулы из молибденового и кварцевого стекла. В протоколе опыта читаем:

"Ядерно-магнитный резонанс – спектр облученного раствора – показал наличие продукта (около 20%), отличного от продукта реакции, который образуется при нагревании или облучении раствора ультрафиолетовым или видимым светом".

В запаянных ампулах, обернутых светонепроницаемой бумагой, после облучения реакция пошла с отклонением от обычных норм. Поэтому образовалось 20% продукта, отличного от ожидаемого.

Выходит, что в том и другом случаях известные методы анализа не позволяют расшифровать состояние вещества,

подвергшегося воздействию биологического излучения феномена "К".

Мы проводили и другие химические опыты, но о них хотелось бы сообщить в журналах для специалистов.

* * *

О некоторых наших опытах с водой мы рассказали известному режиссеру Киевской киностудии научно-популярных фильмов В.П. Олендеру в начале 1989 года. Он, вполне естественно, сразу же высказал замечания относительно корректности эксперимента и предложил повторять его с запаянными стеклянными сосудами с водой, которые он намеревался привезти из Киева. Мы согласились.

В следующий раз киногруппа доставила две запаянные стеклянные колбы, заполненные водой.

Одну из этих колб несколько дней подряд Нинель Сергеевна облучала, держа в ладонях. Через три-четыре недели в ней появились известные нам мельчайшие образования, число которых с каждым днем росло...

Колбу эту режиссер, как и обещал, сохранил и переслал нам в Ленинград. Сейчас она находится в нашей коллекции.

В остальных колбах с киевской водой, а их по заказу В. Олендера сделали несколько, в том числе и для нас, никаких изменений в воде не замечено. В них чистая, прозрачная вода...

* * *

Таковы далеко не все грани феномена "К" – Нинель Сергеевны Кулагиной, который, по всей видимости, предстоит разгадать в будущем веке.

Наш уходящий XX век загадку телекинеза, жжения, "психофотографии", "кожного зрения", "живой воды" почти никак не разрешил, хотя означенная "К." четверть века демонстрировала свой дар каждому ученому, который хотел его видеть. Но этого оказалось мало.

Когда рукопись книги была уже в издательстве, до нас дошло известие, что после тяжелой болезни Нинель Сергеевны Кулагиной не стало. – *Ред.*

ФЕНОМЕН "Д"

История одного открытия

Без умолку безумная девица
Кричала: "Ясно вижу Трою павшей в прах!"
Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев,
Всегда сжигали на кострах.

В. В. Соцкий

Глава I

Глава первая, где рассказывается, как и почему появилась в Москве Джунa; о первых публикациях о ней в прессе, реакции академий наук и Минздрава; о теории "биополя" и ее резкой критике; первых опытах в поликлиниках, отзывах врачей, а также о случаях исцеления, нигде не изучавшихся; вспоминается о поразительном телекинезе Нинель Кулагиной, "кожном зрении" Розы Кулешовой и о том, как они "разоблачались"; сообщается о поддержке академика Ю.Б. Кобзарева и артиста Аркадия Райкина, разговоре знаменитого артиста с Л.И. Брежневым и многих других эпизодах и событиях, закончившихся тем, что в Москве двумя постоянными жителями стало больше, хотя многие тому препятствовали...

* * *

С Джуной я познакомился, уже когда о ней сочиняли стихи. По ее словам, начало этому положил поэт Александр Межиров еще в ее бытность в Тбилиси, затем в Москве о ней написали самые известные наши поэты: Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко... Я услышал, какими словами говорила о ней публично Белла Ахмадулина. Ее портрет выставил в Манеже Илья Глазунов...

За что такая честь? Вот об этом я и хочу рассказать прозой, процитировав строки лишь некоторых стихотворений.

Нет, я не трепетная лань,
Меня догнать не так-то просто!
Довольно протянуть мне длань –
И я уже за тем за мостом...

Могу взойти на Млечный путь,
На тот, что людям неподвластен,
И в тайны мира заглянуть,
И рассказать, как он прекрасен.

Могу спуститься в ад
И сердце твердым быть заставить,
Из хаоса исторгнуть лад,
И силу рук людских прославить.

Могу заколдовать весь мир,
Чтобы вместо грома грянул – пир!
Угнаться вам за мной непросто:
Нет, я не ведьма, не колдун!
Я Джунa, а не Калиостро!

Надеюсь, читатель после такого заявления не подумает, что моя героиня умеет вытворять разные чудеса, здесь декларированные. Все это поэтические вольности, но вот что она "силу рук людских прославила" – факт доказанный.

Человечеству давно известна труднообъяснимая способность некоторых людей узнавать без помощи радио, телеграфа, любых известных технических средств связи, что происходит с родными и близкими, находящимися за сотни километров, чувствовать и находить в толще недр воды и полезные ископаемые, передвигать, не касаясь руками, легкие предметы, более того – даже поднимать их в воздух... подобные загадки постепенно объясняются математикой, физикой (Коган И. Прикладная теория информации. М., 1981). Наконец, встречаются люди, не имеющие никакого медицинского образования, а нередко вообще необразованные, диагностирующие и исцеляющие некоторые болезни, воздействуя на недуг руками, которые как бы играют роль локаторов и источников исцеляющей энергии.

Здесь речь пойдет в основном о феномене целительства и о Джуне, поскольку с ее именем и бурной деятельностью, происходившей на моих глазах, связан один из кульминационных эпизодов многолетней борьбы, приведшей в конце концов к официальному признанию ряда феноменов, прежде считавшихся "чудесами парапсихологии", один из которых назван ее именем – феномен "Д".

О Джуне написано немало, у нее брали интервью крупнейшие радио- и телекомпании мира. Особенно много публикаций появилось в газетах и журналах ФРГ, Югославии, США. Многое из того, что писали, далеко от истины. Мне хотелось рассказать то, что было на самом деле.

Описываемые в "Феномене "Д" события охватывают в основном период с июня 1980 года по декабрь 1982 года, когда в СССР появилась первая лаборатория в академическом институте, приступившая к исследованию феноменов, или как это формулируется научно – "физических полей биологических объектов". Эта лаборатория сделала, на мой взгляд, главное открытие: эти феномены достойны внимания науки.

* * *

Под именем Джуна живет в Москве Евгения Ювашевна Давиташвили, числившаяся с сентября 1982 года по март 1985 года старшим научным сотрудником Института радиотехники и электроники АН СССР, где изучались ее "психоэнергетические способности". Джуна – и это мало кто отрицает – способна исцелять больных, что признали даже ярые ее оппоненты.

"Пусть целители путем внушения вылечивают расстройства, не требующие хирургического вмешательства, – с трибуны объединенной сессии Академии наук СССР и Академии

медицинских наук СССР осенью 1980 года говорил академик Я. Б. Зельдович, имея в виду Джуно, – но пусть ученые, особенно члены Академии наук, не поддаются гипнозу даже со стороны целителей...” (Цит. по: Вестник АН СССР. 1981. № 4).

Известный физик подверг резкой критике члена-корреспондента АН СССР, философа А.Г. Спиркина, который в то время руководил общественной научной лабораторией, где исследовались разные феномены, в том числе феномен целительства. Он же активно выступал с лекциями и статьями.

То был первый случай, когда член “большой академии”, представитель официальной науки признал публично реальность феноменов, или, как их стали называть, “экстрасенсов”, которые относились до того к разряду фокусников, мистиков, шарлатанов, к области идеализма, сфере лженаук, а стало быть, выводились за черту закона.

Такая позиция вызвала резкое осуждение А. Г. Спиркина многими философами, физиками. От их имени академик Я. Б. Зельдович требовал:

”Думается, что некорректно члену академии представлять широкой аудитории непроверенные данные, ставить вопрос о философских аспектах явлений, существование и смысл которых не установлены достаточно точно экспериментами”.

Еще напомнил оратор высокому научному собранию о давней скандальной истории:

”В царской России были спириты, был Распутин, который заговаривал кровь царевича, но в заседаниях Российской академии они не участвовали...”

Точку над *i* поставил тогда президент АН СССР А.П. Александров: ”Членам Академии наук непозволительно поддерживать лженаучные направления. Нужно дорожить званием члена академии и научным доверием, которое ему оказывается”.

Итак, лженаука...

Незадолго до объединенной сессии двух академий состоялась сессия отделения философии и права. На это заседание философ, пораженный способностями Джуно, попытался пригласить и ее, желая показать коллегам, как она ”работает”. Но это ему сделать не разрешили.

Более того, руководство отделением публично указало члену-корреспонденту на ”недопустимость подменять серьезное рассмотрение научных вопросов дешевыми сенсациями”.

Спустя время появились публикации в самых авторитетных теоретических журналах, автором которых выступил член-корреспондент АН СССР Ю. А. Жданов, живущий в Ростове. Из его статьи ”Мощь и действенность разума” приведу два абзаца, характеризующие стиль и метод опровержения попыток истолкования феноменов:

”Весьма любопытна попытка современного антиразума рядиться в тогу разумности и научности. Живы, ох как живы еще персонажи, представленные нам Толстым в ”Плодах просвещения”. Правда, решительно выросла мера их наукообразия. Несчастный Гросман у Толстого просто вибрировал, и далеко ему было до современного интуитивного диагностирования, психотроники, психозондирования планет сенситивами. К чудесам телепатии, парапсихологии, телекинеза прибавилось видение с помощью кожи. Экстрасенсы и гиперсенсы составляют пси-резюме о состоянии уловленных ими душ.

Конечно, если довести себя до чертиков, то увидишь и ауру. В общем, ”да здравствует” полусонный, затемненный, гипнотизированный, наркотизированный мозг – только ему доступна истина, только ему открывается сокровенное, подвластно неизвестное! Так развилось и усовершенствовалось в космическое время высмеянное еще Энгельсом ”естествознание в мире духов”. Подлинная наука отвергает все эти благоглупости, но нельзя не считаться с поддержкой, которую оказывают оккультным наукам, лженаучным сенсациям идеологи буржуазного мира. Разум – враг слепой веры, суеверия, фанатизма”.

Как видим, стоило известному философу, автору учебника по диалектическому и историческому материализму взяться за исследование телекинеза, ”кожного зрения”, целительства, как его тут же предали анафеме, в конечном итоге наклеили политические ярлыки, обвинив в потворстве мракобесию, мистицизму и так далее. При этом непременно ссылки на классиков литературы и марксизма-ленинизма, на известную статью Фридриха Энгельса, где речи нет ни о телекинезе, ни о ”кожном зрении”, ни о целительстве...

Подобные выступления создавали в науке атмосферу, где ученому жить становилось трудно: он лишался общественной поддержки, подвергался остракизму. Вскоре после упомянутых сессий А. Г. Спиркин отошел от деятельности в общественной лаборатории, где много лет проводились интересные опыты. Часть из них осмыслил профессор И. Коган, руководивший долгие годы этой лабораторией.

Статьи, подобно той, что процитирована, вызывали в душах ученых страх, ведь каждого, кто брался за исследование, скажем, Джуну, любой журналист, любой лектор общества ”Знание” мог назвать идеалистом, обвинить в мистических настроениях, пропаганде шарлатанства, причислить в конечном итоге к лжеученым.

Таким образом, исследователь рисковал научной и гражданской репутацией, что и происходило на практике.

Чтобы противостоять такому общественному мнению, сформированному средствами массовой информации, требовалось не только умение измерять, исследовать тонкие процессы, происходящие в организме человека, обладающего той или иной феноменальной способностью, но и гражданское мужество.

Вернемся к событиям лета 1980 года. Объясняя причину резко отрицательного отношения физиков к занятиям, которым позволил себе отдался философ, обвиненный в пропаганде лженауки, Я.Б. Зельдович утверждал:

"Физике известны все дальнodelействующие поля, которые взаимодействуют с материей: электромагнитное, акустическое, гравитационное. Поэтому представление о каком-то поле, которое бы не обнаруживалось приборами, не выдерживает критики". Дело в том, что вместе с первыми сообщениями очевидцев о феномене Джуны появилось объяснение некоторых ученых, которые пустили в оборот в массовой печати понятие о "биополе" – некоей неведомой энергии, излучаемой от рук людей со сверхвысокой чувствительностью, то есть экстрасенсов. Этим биополем объяснялась способность к диагностике и лечению руками.

Но открытие нового физического поля – это переворот в науке. Каждый знает, к чему привело открытие электромагнитного поля. Однако ни в одной физической лаборатории мира реальность биополя никем не установлена. В то же время член-корреспондент АН СССР А.Г. Спиркин прямо утверждал, что биополе – явная, доказанная реальность. "Такой прибор, как фотоэлектронный умножитель, фиксирует энергию биополя экстрасенса" (Труд. 1980. 22 марта).

Вот это заявление и было официально опровергнуто. Однако многие, отвергая уязвимое объяснение факта, зачеркивали сам факт.

Каким полем объясняется феномен Джуны, я не знаю. Физики в этом разберутся сами, если будут работать. В этом я не сомневался. Главная проблема состояла в том, чтобы эту работу начать.

Но кто мог на это отважиться после столь категорического заявления президента академии!

Однако далеко не все действительные члены академий с порога отвергали понятие "биополя". Вот что сказал по этому поводу академик Борис Раушенбах:

"Например, утверждают, что биополя нет. Как нет? Температура моего тела – 36,6, а в комнате – 20 градусов. Значит, вокруг меня образуется тепловое поле биологического происхождения. Другое дело, что, на мой взгляд, биополе – это обычное физическое поле. **Но мы пока не знаем его свойств, поскольку скорее всего это комбинация полей – теплового, электрического** (подчеркнуто мною. – Л.К.) и так далее. Причем, возможно, модулированных, то есть способных нести достаточно подробную биологическую информацию. Отрицать такое биополе – все равно что отрицать существование латуни потому только, что она – сплав и ее нет в таблице Менделеева..."

О биополе в кавычках и без кавычек много сказано и много написано с разных точек зрения, разными специалистами, споры идут не один год, а в споре, как известно, рождается истина. В те дни, когда в Москве появилась Джуна, когда вспыхнул спор о биополе, Андрей Вознесенский сочинил стихи:

Вы читали! – задавили Челентано!
Вы читали – на эстраде шарлатаны!
Вы читали – наводнение в Италии!
Не иначе, это Джуна, я считаю.
Начиталась, наглоталась эпохально...
Вы читали! – биополе распахали...

Мне на эту же тему пришли на ум такие строки:

Но и один ведь в поле воин,
Когда выходишь в биополе.
И чем оно не поле брани?
Где могут и побить и ранить...
Но боя жар пьянит и манит.

* * *

Даже критики признавали: Джуна лечит, но лечит всем известным внушением, поскольку все физические поля науке известны...

Теперь уже доказано, что лечит она без всякого внушения. Отсылаю специалистов к первой публикации в "Докладах Академии наук"; она называется "О чувствительности кожи человека к слабым информационным тепловым потокам" (М., 1986. № 3).

Я ставлю перед собой доступную для литератора задачу – понять истину, не прибегая к помощи аппаратуры, измерений, путем наблюдения.

Джуна не угадывает мыслей, не перемещает без прикосновения рук легкие предметы, не движет стрелку компаса, как иные, хотя кое-что из труднообъяснимого она может тоже. Так, например, способна засветить фотопленку в плотном конверте. А вот чем занимается ежедневно (исключая дни, когда болеет) – так это исцелением.

Подносит руки к больному, водит ими вокруг головы, рук, тела, ног и устанавливает: где что болит, были ли прежде операции или ранения, остался ли в теле осколок или пуля, то есть, если можно так сказать, диагностирует. Теми же руками, как бы поглаживая, но не касаясь тела, она... массирует, лечит. В эти минуты люди обычно (но не всегда и не все) ощущают легкое покалывание как бы слабым "током", ощущают тепло или, наоборот, холодок, дуновение ветерка. Причем "покалывание" носит волновой характер: можно даже ощутить направление движения волны. Если Джуна водит руками в горизонтальной плоскости, то и волна распространяется горизонтально, скажем, справа налево. А если водит руками

в вертикальной плоскости, то и волна идет сверху вниз или снизу вверх. Я впервые ощутил эту волну на расстоянии трех-четырех метров. Волна, например, хорошо чувствуется, если люди берутся за руки, образуя нечто вроде хоровода, замкнутой цепи.

Первый мой очерк о Джуне я писал, испытывая двойное чувство: с одной стороны, хотелось рассказать о ней, ее даре, большой работе – и в то же время боялся протянуть утопающим в море недугам "соломинку", за которую они бы стали хвататься. Поэтому я не назвал ни одной болезни, которые Джуна лечила. Казалось бы, все предусмотрел, но вызвал бурный поток писем от тех, кому никто помочь не может. В одном месте обмолвился, что у меня сутра болела голова, а вот Джуна поднесла к ней руки, и боль моя вроде бы прошла. И тысячи страждущих, у которых голова, оказывается, болит по многу лет и никакие лекарства не могут снять эту боль, взялись за перо. Откликнулись и те, у кого болели руки и ноги, глаза и уши...

Надежда людей, не дождавшихся помощи, угасла, вызвав, очевидно, вместо вспыхнувшей вначале благодарности вражду ко всем пишущим, готовым "ради гонорара сочинять любые небылицы", как выразился автор одного из писем.

Однако не писать о Джуне тоже было нельзя. Это тот случай, когда истина сосуществует с острой, как боль, проблемой. Если бы дело касалось только одного человека, то можно было и не писать. Но проблема целительства имеет существенное значение, замалчивать ее, – значит, наносить ущерб науке и в конечном счете медицине.

Есть еще один острый момент. Прикрываясь, как щитом, информацией газет, поместивших несколько статей о целителях, появились проходимцы, мошенники, имитирующие их методы.

Но так в жизни бывает всегда: вырастает в саду новый плод и вместе с ним появляется вредитель... Выход один – лелеять плод и уничтожать вредителей.

Джуна не дипломированный врач, однако практика ставит ее в ряд с самыми известными врачами не только потому, что она нередко исцеляет тех, кому никто не помогает. Подобно истинным новаторам, Джуна совершенствует свои методы, ищет и находит новые.

А главное – эти методы готова передать врачам, всем. Некоторым уже передала.

* * *

Еще несколько необходимых отступлений об истории целительства. Этот метод в принципе известен человечеству с незапамятных времен, описан во множестве разных источников. Описан и в сообщениях, например, известного австрийского врача А. Месмера, лечившего руками, пользовавшегося широкой популярностью в XVIII веке в Вене, Париже (его дея-

тельность в 1784 году осуждена Парижской академией наук, признавшей практику А. Месмера шарлатанством, обманом, а случаи исцеления – результатом “воображения и подражания”), и в далеких от медицины источниках, таких, как евангелия, где приводится много разных примеров исцеления методом наложения рук. Цитирую по Евангелию от Матфея: “Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им” (8 : 14–15).

Целители, действующие методом “наложения рук”, известны давно. Но Джуна, по-видимому, первой в СССР стала объектом всестороннего изучения физиками, физиологами, медиками после того, как была зачислена в штат академического института.

Отвечу на вопрос, который конечно же мне могут задать читатели, хорошо осведомленные о том, что право на лечение больных в нашей стране, как и во многих других развитых государствах, имеют только дипломированные врачи. У Джуны диплома врача, повторяю, нет.

Как же она лечит? На каком основании? А она не лечит как врач. Она профессиональная массажистка. Пальцы у нее необыкновенные – длинные, гибкие, сильные, исключительно пластичные, поразительно красивые, ее пальцы – чудесное произведение природы.

Она занимается массажем, но – бесконтактным. Впрочем, иногда массирует традиционным способом. Вот так, занимаясь массажем, диагностирует и порой излечивает, не давая никаких назначений, лекарств, таблеток, трав и так далее, не отменяя никаких предписаний. Однако юридически – она не лечит...

По этому поводу хочу процитировать справку, данную известному грузинскому целителю Г. Кенчадзе советником юстиции II класса Г. Миллером в одной из юридических консультаций Московской областной коллегии адвокатов:

”Вопрос. Могут ли считаться врачеванием действия, если их техника не предполагает применения знаний и предметов, изучаемых в каком-либо медицинском заведении?”

Ответ. Если программы учебных заведений не предусматривают приобретения знаний и умений, которыми обладает лицо, снимающее болевые ощущения или излечивающее, то его действия не могут классифицироваться как врачевание”. Впрочем, это не помешало обладателю данной юридической справки многократно привлекаться к судебной ответственности за незаконное врачевание... В то же время ни разу за долгие годы практики Г. Кенчадзе ни один научный институт города, где он живет, а их в Тбилиси десятки, ни разу не решился проверить научными способами, на чем основано лечебное воздействие, которое, как удостоверяют десятки письменных свидетельств больных, было благотворным.

Волны, исходящие от Джуны, есть, очевидно, у каждого. Простой опыт доказывает это. Если вытянуть перед собой руки, разжать пальцы и поднести их друг к другу так, чтобы напротив большого пальца оказался большой, напротив указательного – указательный и так далее, но не касаться ими друг друга, то можно почувствовать, как между пальцами проходит слабый разряд, как от слабого тока в телефонной сети. Если кто-нибудь поместит между таким образом расположенными руками свою руку, то, возможно, через несколько секунд ощутит этот слабый разряд в виде покалывания или в виде тепла.

Повторяю: Джуна исцеляет не словом, не внушением, как это делают психотерапевты, гипнотизеры, будь то во сне или наяву.

Однако многие специалисты считали: как лечит Джуна – медицине известно давно: лечит она только функциональных больных и только внушением.

Что такое функциональная болезнь и чем она отличается от нефункциональной – каждый может прочесть в энциклопедии. Скажу только, что очень пренеприятная вещь – функциональная болезнь. У человека ничего не поражено, все вроде бы на месте, а он не видит или не слышит, не может ходить или испытывает бессилие и тому подобные неприятности. Бывает, больной так и умирает, не увидев свет, не услышав звук, хотя и считался всего лишь функционально больным, слепым или глухим.

Во время киносъемок фильма "Юность гения", где Джуна играла роль целительницы, режиссер пригласил на роли статистов инвалидов, проживавших в доме для престарелых в Самарканде. Джуна до начала съемок знакомилась с ними, "прослушивая" своими руками.

"Этот старик глухой", – сказала она, обращаясь к режиссеру. Поводила, как обычно, руками и вдруг заявила: "Подождите, он сейчас услышит!"

Режиссер прервал съемки. Наступила тягостная тишина. Джуна забыла о кино, о том, что пришла на съемочную площадку в нарядном платье времен Авиценны, и начала делать то, что всегда: пассы, массаж. Так прошло полчаса. Присутствующие устали от нервного напряжения. Режиссер первым не выдержал и вышел со съемочной площадки покурить. Вернулся и застал такую картину. Все застыли на местах, и в царившей тишине было слышно, как Джуна и старик разговаривают. Режиссер пожалел, что не снял эту сцену. Старик упал на колени, начал молиться, а потом благодарить Джуну. Этот случай – яркий пример того, как был излечен больной, страдавший, по-видимому, функциональной глухотой.

Не одного только глухого старика исцелила Джуна на моих глазах. Под наблюдением врачей возвращала слух глухим с диагнозом "неврит слухового нерва", пострадавшим от применения антибиотиков в детстве. Это не функциональные

недуги... Все происходило в Москве не так, как на съемочной площадке. Требовались не минуты, как в Самарканде.

Проходили дни. После каждого сеанса делались аудиограммы. Вначале глухие ничего не слышали. Однако аудиограмма после первого же сеанса показывала: начался процесс выздоровления. Сначала он был замечен только приборам, фиксировался на графике: кривые начинали подниматься вверх на разлинованном листке, двигаясь из зоны практической глухоты в зону слышимости.

Наконец после семи-десяти сеансов глухой вздрагивал, когда возле уха раздавался звонок. Исцеленный смотрел на всех широко раскрытыми глазами, не веря ушам своим. Но Джуна наперед знала, что это случится, потому что беретса она лечить только тех, у кого, как говорит, "цел нерв".

Несколько таких случаев, очевидцем которых я был весной 1983 года, будут описаны в этой книге.

Феномен этот должен быть разгадан и, если даже не будет понят до конца, должен служить людям. Служил же тысячи лет магнит до открытия электромагнетизма.

* * *

Как я уже говорил, задолго до того, как журналисты рассказывали о Джуно, поэты описали ее в стихах.

Вот что 16 мая 1980 года написала московская поэтесса И. Панова:

Даже если оно без порока,
если истиной было всегда,
там, где знание входило до срока,
с ним была неразлучна беда.
Сколько раз ему крылья ломали,
Не пускали в привычную быль,
и надолго о нем забывали,
отправляя в архивную пыль...
Так не признанным и оставалось
это знание до лучшей поры,
где открытое вновь открывалось,
как далеких созвездий миры.
Сколько лет приносило бы радость,
сколько даром растрченных сил!
Не понять – это попросту слабость,
пострашней, если кто-то гасил
тот взволнованный свет, что не понят
и не принят в привычные дни.
Открыватели сказками кормят?
Так откуда ж земные огни?

За всем блеском и шумом, окружавшими Джуно в первые дни ее появления в Москве, поэтесса увидела, что прибыла она в столицу раньше, чем следовало бы, ей придется трудно. И, глядя на порхающие руки, с грустью думала, как бы не обломали и на этот раз такие дивные крылья...

Я входил в дверь, за которой находилась Джуна, в отличие от поэта без тени сомнения, мне казалось, что ее час пробил, коль скоро даже члены Академии наук СССР публично со страниц газет и журналов пишут об "экстрасенсах" (людях, обладающих экстрасенсорным, то есть сверхчувственным, восприятием).

В конференц-зале "Московской правды" А. Г. Спиркин говорил:

"Вот если бы здесь на сцене был такой сильный экстрасенс, как Джуна Давиташвили, то она бы дала вам энергию всем, и вы бы, подняв руки, почувствовали (подавляющее большинство, примерно девяносто пять процентов сидящих в зале) ее сильное биополе..."

* * *

Это было 2 июня 1980 года, напоминая чему служит автограф Джуны с датой, оставленный ею на странице апрельского номера журнала "Литературная Грузия" за тот год, где опубликован очерк писателя Реваза Джапаридзе о ней под названием "Мистика или реальность?". Содержание очерка подводило читателя к однозначному ответу: феномен Джуны – реальность. В очерке описывались случаи излечения таких серьезных болезней, как простатит (воспаление предстательной железы), язва желудка, а также тремора рук и ног, то есть болезни Паркинсона, гипертония, бронхиальная астма, облитерирующий эндартерит и паралич нижних конечностей. Случаи описывались фантастические. Некий житель Тбилиси после паралича ног четыре месяца принимал общий массаж, физиотерапию, лекарства... Ничего не помогло. Попробовал иглотеорию – тот же результат. Получил инвалидность первой группы. "Безвыходность положения привела меня к Джуне Давиташвили, – писал пациент В.Г. Сучков. – После 30 сеансов впервые поднялся на собственные ноги и начал передвигаться с помощью костылей. Полностью утерянная чувствительность восстановилась до пяток. Каждый день приносит мне улучшение".

"Живое внимание, – заключал очерк писатель, – которым окружена Джуна Давиташвили со стороны медицинской общности Тбилиси, заинтересованность, которую выказывает Министерство здравоохранения республики к ее экспериментам, – все это служит гарантией того, что очень скоро с одобрения вышестоящих инстанций в столице откроется лаборатория по исследованию проблем биоэлектроники".

Однако автор проявил, и теперь это очевидно, излишний оптимизм, выдав желаемое за действительное: никто не спешил создавать лабораторию по изучению феномена на деле. Минздрав республики сформировал комиссию, и эта комиссия дала заключение, что никакой Джуна не феномен, а наблюдаемые случаи исцеления объясняются внушением. В конечном итоге

она, взяв на руки сына, все бросила дома и приехала искать счастья в Москву.

Первым делом направилась в лабораторию, которой руководил А.Г. Спиркин. Начались встречи в редакциях журналов. Одна из них завершилась тем, что в мартовском номере популярного журнала "Техника – молодежи" за 1980 год появилась статья А.Г. Спиркина "Познавая психобиофизическую реальность". Именно в ней подробно говорил он о наличии некоего биополя, понятие о котором было впервые введено в науку известным советским биологом А.Г. Гурвичем, опубликовавшим в 1944 году монографию "Теория биологического поля". Этим биополем и объяснялось воздействие феноменов, в частности, на больных. Им же, биополем, объяснялся феномен Джуны.

Она говорила журналистам:

– Когда я провожу рукой вдоль человеческого тела, мои пальцы начинают испытывать самые разные ощущения. То вдруг начинается покалывание, то чувство тепла, то холод... Так, например, раковая опухоль вызывает резкое ощущение холода в руке.

На глазах корреспондента Джуна залечила незаживающую язву.

"Сняты бинты. Черный круг на коже, в центре которого углубление, слегка увлажненное", – писал очевидец. "Сейчас я сделаю несколько движений, рана подсохнет, потом сквозь подсохшую корочку начнет сочиться кровь, а потом все затянется", – заявляет Джуна. Она начинает водить по коже вдоль черного пятна пальцами левой руки. Все происходит так, как она говорила. Подсыхает рана. Засохшая корочка. Вот она покраснела. Проступили мельчайшие капельки крови. "Все! Я думаю, – говорит Джуна, – нужен еще один сеанс, после чего можно будет сказать, что излечение произошло".

В печати также упомянули эпизоды, где Джуна излечила язву, причем всего за 15 минут.

* * *

Итак, проинформированный о "чудесах" Джуны, я вошел в дверь квартиры, предоставленной в ее распоряжение. Квартира находилась на верхнем этаже многоэтажного дома. По его лестнице, начиная от подъезда, вдоль стен на ступеньках и площадках стояли люди. Сюда привел меня энтузиаст парапсихологии Эдуард Наумов.

Зашел я в обычную московскую квартиру. Большая смежная комната, заставленная по стенам мебелью, увешанная сувенирами, привезенными из зарубежных поездок (сомбреро, африканские маски и тому подобное), являлась приемной Джуны. Здесь я ее впервые увидел. Стройная, выше среднего роста, похожая, как мне показалось, на цыганку молодая женщина, необычно подвижная и темпераментная, была вся заряжена

жизненной силой. В одно и то же время Джуна разглядывала всех, кто входил порой без особого приглашения, переговаривалась с домашними – родственниками и знакомыми, помогавшими ей по хозяйству и в уходе за маленьким сыном, поднимала трубку часто звонившего телефона, вела бурные переговоры на русском, грузинском и ассирийском языках и в то же время помахивала руками над головой, плечами, грудью, животом, ногами тех, кто стоял перед ней. Иногда она сажала страждущего в кресло, если это ей почему-то требовалось. Процедура продолжалась недолго, всего несколько минут: кому доставалось полторы, кому две и три минуты, кому больше. Но все вершилось довольно быстро – люди входили и уходили, не особенно задерживаясь.

В числе тех, кто заполнял квартиру, я начал различать знакомые лица, виденные до этого на экране телевизора. Прошел в дверь, ни на кого не глядя, известный писатель, начавший творческий путь с благословения Максима Горького. Появился молчаливый композитор, чьи песни пела вся страна. Вошел широкоплечий экстраданный певец, увидел я и других столь же популярных людей.

Джуна всем уделяла одинаковое внимание, а порой, как это случилось с эстрадным певцом, вообще никакого внимания не уделяла. Видимое исключение составляли, пожалуй, только двое – артист Аркадий Райкин и поэт Роберт Рождественский. С ними она удалялась в маленькую изолированную комнату и проводила сеанс более длительный.

Вот в эту маленькую комнату пригласила она и меня после долгого ожидания. Впрочем, я не спешил, осваивался с необычайной обстановкой.

В тот день со мной пришла к Джуне знакомая мне журналистка К., женщина средних лет. Но с иной целью, чем я. Не писать. К. упростила Джуноу поддиагностировать. Джуна встала перед К. и, глядя на больную, не поднимая рук, словно начала читать:

– Хронический холецистит. Беспокоит давно. Часто тошнит. Шейный позвонок забит солями. Гинекология в порядке. Нарушение нервной вегетативной системы. В целом здорова. Предрасположения к раковым опухолям нет.

Моя знакомая стояла онемев.

Довольная произведенным эффектом, Джуна пояснила:

– Это я диагностировала общее состояние. Но могу каждый орган в отдельности проверить. И глаза, и уши...

Тишина длилась недолго.

– Дайте мне кафедру и институт. Я хочу раскрыть медикам глаза, – заговорила она вдруг с яростью, обращаясь к нам, журналистам. Так я впервые услышал и увидел Джуноу в роли проповедника, хотя честно говоря не придавал тогда особого значения ее словам. Лечить и диагностировать – это я считал возможным. Но дать кафедру и институт?!

Спустя семь дней после первого стихотворения, посвященного Джуне, поэт И. Панова написала новые стихи, поддавшись страстному желанию своей героини передать людям свой дар.

Один человек научился летать,
и было ему удивительно просто,
ну, скажем, рукою до тучи достать,
хоть был он не очень высокого роста.
Он сам не гадал, отчего, почему,
летал – вот и все. Но гадали другие,
за что от рожденья достались ему
высокого неба поля голубые.
А он улыбался: "Я вас научу.
Хотите летать? Я открою секреты.
Вы только поймите, что я не шучу,
поверьте в себя – и сумеете это".
Но люди смотрели, как быстро с земли
он вверх поднимался свободно и смело,
да только поверить в себя не могли.
Выходит, и это – нелегкое дело!..

У меня Джунa вызывала иные чувства. Мне в глаза тогда бросилось иное: отсутствие порядка, шум и неразбериха, бесконечные телефонные звонки, хлопанье дверей – все то, что так не подходит к таинству исцеления.

Было поэтому так неожиданным вдруг оказаться в комнате вдвоем, где никто не шумел, не смотрел на Джуну умоляющими глазами в ожидании, пока не начнет священнодействовать руками-крыльями.

Часа два мы смогли поговорить без помех. Меня интересовали подробности ее жизни, волновал вопрос, видит ли она действительно так называемую ауру – свечение над головами людей, о котором писал А.Г. Спиркин? Главное – хотелось на себе испытать способности Джуны, хотелось, чтобы она продиагностировала, дала почувствовать свой дар.

Всему, что она говорила, я мог верить и не верить, доказательств никаких не было – все могло показаться. Но когда Джунa, посмотрев мне в глаза, сказала, что один мой глаз, правый, "сигналил" ей слабее левого, я потерял покой. Увидеть это невозможно, мои родственники и знакомые не замечают никогда моего недостатка зрения. Диагноз – врожденный астигматизм, зрение на правый глаз – 0,1, хотя повторяю, увидеть, что глаз плох – невозможно. Окулисты устанавливают болезнь, только заглянув в глаз через увеличительное стекло.

От Джуны я, не теряя времени, пришел домой и на одном дыхании написал репортаж, воспользовавшись тем, что домашние находились в это время в Карпатах, в санатории, где моя одиннадцатилетняя тогда дочь принимала курс лечения после перенесенной тяжелой желтухи. У нее увеличилась, как это обычно бывает после этой болезни, печень.

Репортаж я спрятал в письменный стол, а на следующий день, встретив жену и ребенка, не дав им передохнуть с дороги, повез к Джуне, не предупреждая ее о моем визите. Впрочем, она

не удивилась. Ничего не спрашивая, усадила перед собой на диван жену и дочь и сначала поведала о медицинских проблемах жены, а потом, протянув руку к дочери, сразу сказала о главном:

– У нее увеличена печень, она недавно перенесла желтуху, ей внесли инфекцию.

Это действительно было именно так – внесли инфекцию во время прививки в школе, где желтухой заболело сразу несколько одноклассников. Кроме того, Джуна заметила, что у дочки болит горло, она простужена: тоже оказалось сущей правдой – тонзиллит не давал нам покоя.

Джуна протянула руку к печени. Ребенок мой, не дожидаясь вопроса, сказал, что почувствовал тепло. От Джуны жена поехала в поликлинику, где терапевт подтвердил: да, печень увеличена, несмотря на то что почти месяц проводился курс лечения в специализированном санатории.

Таким образом, вместе с ребенком я начал каждый день носить визиты Джуне. Где-то на шестой или седьмой день она, как это обычно делает, когда довольна результатом, глубоко вздохнула и коротко сказала: "Все, теперь у нее норма. Через месяц повторим курс для профилактики". Опять мы поехали в детскую поликлинику, к терапевту, и тот подтвердил: печень вошла в норму, сказался, по-видимому, результат лечения в Карпатах.

Вот тогда я впервые понял, что врачам доказать воздействие Джуны будет очень трудно. Действительно, эффект лечения на курорте мог сказаться не сразу, наконец, случается, печень и сама под влиянием защитных сил организма справляется с недугом.

Жена во время посещений Джуны лечила отложение солей, доставлявшее ей месяцами неприятные ощущения. На седьмой день боль в затылке исчезла, она даже не заметила, как это произошло, забыла, что собиралась днем ехать к Джуне. И не поехала. А я зачастил.

Джуна начинала работу довольно поздно, после полудня. К тому времени квартира набивалась людьми. Приняв всех, наскоро перекусив, уносилась в очередную поликлинику. Я беседовал с людьми и узнавал разные удивительные истории. Большинство их никому не известны, потому что Джуна никаких записей не ведет. Некоторые благодарные люди оставляли ей свои, как она говорила, отзывы. Их накопилось к моему приходу несколько десятков. Она со всех сняла копии и сброшюровала отзывы в книгу, которая хранится теперь у меня. Эта книга могла бы быть издана как интереснейший документ в истории целительства методом наложения рук. Кроме отзывов есть на страницах книги рентгено снимки, кардиограммы, результаты онкологических наблюдений, фотографии, сделанные с экрана термовизора, одним словом – объективные показания.

Эффект Джуны лучше всего проявлялся на детях, страдавших косоглазием. К ней приносили на руках младенцев с этим

врожденным недугом. Как рассказывали родители, эту болезнь обычно начинают лечить, когда дети подрастают, процесс лечения при этом длительный. На моих глазах к Джуне поднесли младенца, и она, не прикасаясь руками к его глазкам, как бы поглаживала розовое личико. Не минуты, а секунды длилось воздействие. Я застал молодую пару, которая принесла Джуне младенца последний, седьмой по счету, раз. Счастливая мать дала мне полюбоваться глазами младенца, ставшими как у всех здоровых детей. Таких случаев я наблюдал несколько. Именно они рассеяли тогда мои последние сомнения. Эффект от лечения руками Джуны был налицо. Дети, как известно, в младенческом возрасте не поддаются гипнозу и внушению. И подобное воздействие на глаза вообще исключается. Само собой косоглазие, увы, не лечится. В возрасте нескольких месяцев его даже не лечат. Вот и выходит, что ничем другим, кроме как воздействием Джуны, объяснить исцеление нельзя.

* * *

Раскроем Книгу отзывов.

Кто из врачей отважился первым впустить Джуну в "святая святых" – поликлинику, кто позволил ей надеть белый халат?

Пионером оказалась районная поликлиника №112 Краснопресненского района. В короткой справке, подписанной кандидатом медицинских наук К.П. Левченко, заместителем главного врача по лечебной части, сказано, что с 5 по 12 мая 1980 года Джуна лечила 11 больных, страдавших неврологическим остеохондрозом позвоночника, острыми плекситами и радикули-тами. Цитирую:

"Отмечен выраженный эффект применяемого метода: снятие болевого синдрома наступает после первого сеанса (во всех 11 случаях), у ряда больных (7 человек) излечение наступило через стадию обострения на 2–3-й день".

И вывод:

"Применяемый Е.Ю. Давиташвили метод представляет большой теоретический и практический интерес и заслуживает широкого внедрения в медицинскую практику".

В Москве, как и в Тбилиси, Джуна нашла лечебницы, где смогла получить поддержку практических врачей, – для них в первую очередь важен факт исцеления.

Но врачи-ученые, которые должны были все, о чем здесь идет речь, объяснить, создать условия для исследований, не спешили... Более того, с каждым днем начало нарастать их противодействие.

Но Джуна к этому времени была закаленным бойцом, и хотя тяжело переживала каждый недружелюбный взгляд, слово, с каждым днем работала все больше.

Вслед за районной поликлиникой она появилась в поликлинике Госплана СССР. Первый раз работала неделю, начиная с 20 мая. Второй раз провела в этих стенах почти месяц –

с 16 июня по 14 июля, как раз в тот период, когда состоялось наше знакомство.

Джуна жила надеждой, что вот-вот выйдет отчет о встрече с ней в редакции "Огонька", где выступала среди других главный врач поликлиники Госплана Ирина Чекмачева, подписавшая два отзыва. В этой поликлинике попутно с лечением проводили "региональную реографию на аппарате Галимо с реографическими индикаторными блоками до сеанса лечения и после". То есть занялись наукой. Прибор показал, что увеличивается кровенаполнение периферических тканей, уменьшается емкость венозных сосудов и повышается тонус магистральных сосудов. Во время лечения остеохондрозов, радикулитов проходили и сопутствующие заболевания. У кого исчезала хроническая головная боль, у кого застарелая изжога или бессонница, приступы удушья...

Вывод, сделанный главным врачом поликлиники И.П. Чекмачевой, был такой же, как и в поликлинике № 112, – метод Джуны требует изучения и внедрения. Научные исследования в поликлинике проводила сотрудница лаборатории функциональной диагностики ЦИТО – Центрального научно-исследовательского института травматологии и ортопедии – Т.А. Николаева, сделавшая тогда 43 записи с помощью аппаратуры. Пространный отчет, подписанный Т.А. Николаевой 22 июля 1980 года, наполнен информацией, содержащей множество терминов и цифр, и малопонятен неспециалисту, но он полностью подтверждает вывод, сделанный врачами двух поликлиник.

Всю эту информацию я внимательно изучил, но включить в репортаж не стал, решил приберечь как аргументы в той борьбе, которая, предчувствовал, начнется. Принес написанное в "Комсомольскую правду", газету с многомиллионным тиражом, уже не раз выступавшую в защиту новых методов медицины.

В редакции, конечно, слышали о Джуне; она успела побывать в гостях во многих газетах и журналах, в клубах. Здесь она еще не показывалась. Репортаж "Феномен по имени Джуна" был быстро набран.

Единственное, о чем меня попросили, – сопроводить описание комментарием крупного ученого, который подтвердил бы реальность описываемых фактов и как-то их объяснил. Сразу на ум пришло имя А.Г. Спиркина. Но к тому времени он уже успел выступить во многих редакциях, и мои знакомые из мира науки стали поговаривать, мол, занялся философ не своим делом. Но не это меня остановило. А.Г. Спиркин – известный философ. Мне же хотелось получить поддержку физика.

К тому времени академика Р.В. Хохлова, к сожалению, не было в живых. Не стало и профессора В.Н. Пушкина, успевшего дать Джуне чуть ли не первым письменный отзыв. 23 февраля 1978 года Вениамин Пушкин подписал письмо, озаглавленное

"Представителям общественных, медицинских и научных организаций г. Тбилиси", подтвердив, что "исследования показали наличие у Е.Ю. Давиташвили способностей, которые могут быть охарактеризованы как психоэнергетические". Эти способности, как писал В.Н. Пушкин, проявлялись в диагностировании состояния внутренних органов и систем, а также в восстановлении регуляции нарушенных функций. Джуна была им исследована в лаборатории эвристики НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. "И в этой связи, — заключил профессор, — убедительная просьба оказывать всяческое содействие целительской деятельности Е.Ю. Давиташвили, поскольку материалы, полученные в ходе этой деятельности, имеют большое научное значение". И подпись: "Доктор психологических наук, профессор В.Н. Пушкин".

* * *

Итак, кто бы мог взять на себя смелость поддержать публикацию?

И тут я вспомнил: академик Ю.Б. Кобзарев выступал однажды на страницах "Техники — молодежи" и рассказал о Розе Кулешовой, обладавшей эффектом так называемого "кожного зрения". Меня поразили слова академика, где он прямо говорил, что ученый, который не может отличить факт от вымысла, не может считать себя ученым в том случае, когда ему предоставляется полная возможность для проверки факта.

Вот поэтому я и обратился к Юрию Борисовичу Кобзареву с просьбой прочесть подготовленную публикацию. Академик благожелательно выслушал меня. Я отрекомендовался, сказав, что однажды писал о Кулагиной, и этим, сам того не подразумевая, все ему прояснил. Дело в том, что академик за два года до моего звонка видел телекинез в ее исполнении. Ученый не стал откладывать дело в долгий ящик, а пригласил к себе во всем известный в Москве "дом на набережной", у Большого Каменного моста.

Просторная квартира была во всех углах заставлена какими-то радиоприборами, похожими на те, что видел я когда-то в школьном физическом кабинете. Показал Юрий Борисович мне хитроумный приборчик, им самим сделанный, на котором он собирался еще раз проверить способности Н.С. Кулагиной. Их он, не колеблясь, считал феноменальными. Ее принимал не раз в этой квартире, где она ему демонстрировала передвижение тех же самых предметов, которые передвигала и на моих глазах. Джуна академик Ю.Б. Кобзарев не видел, но целительство ему давно было знакомо, поэтому он согласился помочь. Так редакция газеты получила за подписью Ю.Б. Кобзарева, по сути, статью где не только шла речь о "наложении рук", но и рассказывалось о телекинезе, причем впервые сообщалось: обнаружено оптическое свечение и ультразвуковые волны, исходящие от рук.

Привез я в редакцию долгожданную статью академика, однако надежда на мою публикацию стала слабеть. Хотя Джуна и ездила каждый день в поликлинику, визиты эти свершались неофициально, точнее, тайно от Минздрава СССР. Официальное отношение к ней публично никто не высказывал. Я решил заручиться поддержкой одного из руководителей здравоохранения – действительного члена двух академий – АН СССР и АМН СССР.

С академиком двух академий я до этого встречался, проводил у него в кабинете встречу с журналистами, поэтому надеялся, что он внимательно отнесется к моим словам. А просьба была одна – провести официальные испытания способностей Джуны. Еще, мечтал я, хорошо бы провести эксперимент по заживлению язвы, описанный в печати.

Едва начал говорить, как академик остановил меня:

– Все это абсурд – распутищина. Джуна – это Распутин в юбке. У нее нет диплома, все, что окончила, – курсы массажистов. Комиссия Минздрава Грузии разобралась во всем.

– Но она, едва взглянув на мою дочь, установила, что у нее увеличена печень!

– И я могу по лицу установить диагноз...

– Я свидетель, как на моих глазах...

– А мы вас привлечем к ответственности за лжесвидетельство, – не дав закончить, обрезал дважды академик. – И Джуну нужно судить за шарлатанство.

– Прежде чем судить, может быть, следует изучить?

– Вы нас тянете в прошлое, в мракобесие. Могу ли я встретиться с ней – ведь она тотчас же будет говорить, что и меня вылечила.

– При чем тут разговоры. Ведь есть отчеты врачей.

Меня уже никто не слушал. Трубка была брошена.

* * *

Да, предстояла борьба. И помочь делу, в этом я больше не сомневался, должно было выступление "Комсомольской правды", известной публикациями в защиту доктора А. Илизарова, доктора С. Федорова. Долгие годы им не удавалось доказать свою правоту руководителям – Министерству здравоохранения СССР и Академии медицинских наук, которые теперь не хотели заниматься изучением феномена целительства.

Время, я понимал, работало на Джуну. С каждым днем у нее появлялось все больше сторонников, убедившихся на себе в силе ее дара. Росло и число ее недругов.

Стряло жаркое лето Московской Олимпиады. Я ездил к Джуне по свободной от машин олимпийской трассе – Ленинградскому проспекту. В эти дни побывал у нее знаменитый певец и поэт Владимир Высоцкий.

Выглядел артист плохо – разбитым и тяжело больным.

Песни о Джуне он не успел сочинить. Вскоре его не стало. Будучи у Джуны, Владимир Высоцкий, возможно, вспомнил свою знаменитую песню о Кассандре, где есть такие прекрасные слова:

Без умолку безумная девица
Кричала: "Ясно вижу Трою павшей в прах!"
Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев,
Во все века сжигали люди на кострах.

Да, Джуна чем-то походила на Кассандру, которой никто не верил. Всех, кто только приходил к ней домой, как завороженная, она заклинала:

— Пусть дадут мне врачей, я им все покажу. Это каждый сможет! Это же добавление к медицине, профилактика организма. Красный крест в доме! Мать будет исцелять дитя. Жена мужа...

В эти минуты Джуна выглядела одухотворенной. Натура она артистическая. Крупные глаза светятся. Лицо способно принимать множество выражений. На фотографиях — всегда разная. Глядя на них, может показаться, что это не одна и та же женщина. Не случайно Джуна снималась в кино...

Со многими артистами она познакомилась. Но особые отношения сложились с Аркадием Райкиным. К моменту знакомства с Джуной он стал инвалидом. Ходил на костылях. В квартиру на улице Усиевича поднялся с большим трудом, без посторонней помощи передвигаться не мог.

На моих глазах с ним произошла метаморфоза.

"После первого сеанса, — пишет А.И. Райкин, — почувствовал себя значительно легче. После первого же сеанса! А сеанс продолжался не более 15–20 минут. Я просто не узнавал себя, своего тела. У меня появилось отличное самочувствие. Раньше боль в сердце не покидала меня, а тут исчезла. Я перестал чувствовать сердце... И с каждым сеансом я чувствовал себя лучше и лучше. Джуна провела 13 сеансов. И меня, человека, который выходил из санатория на костылях, не узнать. К сожалению, врачи не смогли мне так помочь... Я благословляю ее. Это прекрасный целитель. То, что она делает, это удивительно".

Это выдержки из отзыва, который подписал Аркадий Райкин. До встречи с Джуной он полагал, что работать больше на сцене не сможет. Как многие знают, вскоре А.И. Райкин опять появился на эстраде. Более того, занялся созданием театра в Москве. И мнения своего о ней он не изменил до кончины. Много красивых слов о Джуне написал Расул Гамзатов: "Когда пришел к вам, я был похож на подстрочник стиха, где не хватало рифмы, ритма, где была разрушена гармония, красота и мелодия песенных слов. От вас я ушел, как оригинальный перевод. Вы вернули мне живую душу поэзии и избавили от скованности..."

Скептик, читая строки А. Райкина и Р. Гамзатова, скажет, что такие впечатлительные люди, как артисты и писатели, легко поддаются внушению. Сам Аркадий Райкин, как бы предвидя

такую реакцию, утверждает: "Она не занимается гипнозом, а воздействует на биополе больного своим биополем".

Хотя жила Джуна на чужой квартире, страшно уставала – хмурой и подавленной я ее не видел. Лучше всех, по-моему, нарисовал портрет Джуны Роберт Рождественский:

У Джуны целебные руки, –
Ей свойство такое дано,
Хотя, по законам науки,
Подобного быть не должно...
Как черный взлетающий лебедь,
Невидимой силы полна,
Протяжными пальцами лепит
Чужое здоровье она.
Себя величаво швыряет
И руки вздымает светло.
Как будто стекло протирает,
Покрытое болью стекло...
Не верю! Застыли мгновенья.
Не верю! Распахнута дверь.
Но боль пропадает... Не верю!
Ну что ж, если можешь, не верь!

Наохлены Джунины плечи,
Топорщится звездная нить
Не верить – и проще и легче,
Чем вдуматься и объяснить...
А что, если эта способность,
А что, если эта рука
Природой как сущность и совесть
Протянута нам сквозь века?..
Врачует усталая Джуна,
Ладонью в пространстве скользит...
В квартире и тесно и шумно.
За окнами день голосит.
Деревья листву обретают,
Костры на бульварах горят...
А Джунины руки витают
И ведают то, что творят.

Эти стихи ни одна редакция журнала не печатала. Публикация моя также не появлялась. Спустя месяц мне сообщили долгожданную весть, что скоро, возможно, все "пройдет". Джуна жила за городом у знакомых. Квартиру у метро "Аэропорт" ей пришлось освободить, другой пока не было.

На следующий день я проснулся от раннего телефонного звонка: в трубке раздавался ликующий голос Эдуарда Наумова. Значит, состоялось то, во что я уже перестал верить.

16 августа 1980 года Джуна стала знаменитой.

* * *

Поскольку это выступление газеты сыграло большую роль в последующих событиях, хочу привести его основные фрагменты с некоторыми комментариями.

НА ПРОГУЛКУ В БИОПОЛЕ?

"В отличие от знахарей она не находится в конфликте с официальной медициной, а, наоборот, живет в полной гармонии с нею: закончила медицинское училище. (Здесь допущено со слов Джуны явное преувеличение; она, как потом я установил, окончила курсы массажистов и "народный университет здоровья".) Поэтому не выдумывает доморощенных терминов, говорит на том же языке, что и любой медик. И сама лечится, как все, – редко, но обращается к врачам, скажем, когда болят зубы.

Естественно, что маленькая девочка, родившаяся на Кубани (она из семьи ассирийцев, переселившихся в эти края), как все ее сверстники, ходила в русскую школу, играла с мальчишками

и девочками, любила математику и физику, читала научную фантастику. Но родители стали замечать за ней некоторые странности: она видела над всеми цветами, над всеми деревьями радужное свечение, ореол. Ей слышался не только шум листьев на ветру, но и другие звуки, точно каждое дерево было оркестром, а цветок – певцом. И над людьми она видела сияние. Когда в зале собирается много народу, ей кажется, что над толпой висит радуга. Если взглянуть на снимок Джуны, сделанный обычным фотоаппаратом на черно-белой пленке, то видишь, как руки излучают свет, а над головой тоже свечение. (Снимок этот сделал фотокорреспондент журнала "Огонек" Эдуард Этингер. Фото не публиковалось. Проявив в лаборатории пленку и отпечатав снимок, он неожиданно увидел на нем интенсивное свечение над головой и над пальцами рук Джуны. Она подняла их и энергичным жестом как бы отгоняла от себя фотографа, сделавшего в тот день много ее снимков. Но только на одном из них в последний момент зафиксировано свечение. Как мне рассказывал Эдуард Этингер, увидев столь необычное, он поспешил к Джуне, зарядив аппарат цветной пленкой, в надежде, что удастся еще раз получить уникальный снимок: ему хотелось зафиксировать ауру в цвете. Но такой снимок ему сделать не удалось. По-видимому, выброс энергии происходит не постоянно, а только в минуты сильного нервного напряжения. У Джуны есть несколько черно-белых фотографий, где также удалось случайно заснять свечение над головой и от ладоней.)

У меня нет в руках фотоаппарата, чтобы сделать еще один такой снимок, только ручка и блокнот. Но есть в комнате, где мы беседуем, много цветов, самых красивых и прекрасных, которые приносят ей в знак благодарности. Встав с дивана, где, как ребенок, удобно устроилась, подходит к букету роз и говорит:

– Вы чувствуете: они сейчас не пахнут.

Действительно, запаха нет, хотя букет огромный.

– А вот теперь смотрите...

Джуна, склонившись над розами, стала делать руками движения, похожие на те, что производят гипнотизеры, – пассы, как будто глядя цветы.

Хотите верьте, хотите нет. Сначала начал струиться запах роз, точно Джуна открыла флакон духов. Потом то на одном цветке, то на другом чуть-чуть, но заметно стали расходиться лепестки, словно они раскрывали тесно сжатые уста...

(Эпизод с цветами, поскольку речь в нем шла не о лечении болезней, казался мне наиболее безвредным, поэтому я уделил ему такое внимание, хотя мог уже тогда рассказать о случаях излечения многих болезней, удостоверяемых справками врачей. В дальнейшем Джуна не демонстрировала при мне свою власть над цветами, хотя ими уставлены комнаты ее квартиры. Их приносят ей, как и прежде, каждый день.)

Довольная произведенным эффектом, Джуна заняла опять привычную позу в углу дивана и поставила перед собой пустую картонную коробку из-под сигарет. Положила на нее длинные пальцы и... приподняла коробку.

– Попробуйте, должно получиться, я вижу у вас сильное биологическое поле, – предлагает она мне. Попробовал, но, конечно, не вышло. От волнения пальцы вспотели, пачка на мгновение прилипла. Но у Джуны пальцы сухие-сухие. И коробок поднимался высоко – на метр...

Как человек, много лет занимающийся своим делом, Джуна имеет свой взгляд на "биологическое поле", которое есть у всех, но у нее оно сильнее. И это поле, вступая в контакт с полем больного, усиливает его, приносит исцеление от некоторых недугов.

Джуна одно время работала в больнице массажисткой, но не массировала, как обычно, а только касалась руками больного.

Она много читала и художественных произведений, и философских. Особенно ей нравятся сочинения о бесконечности природы и материи, ей хочется написать на эту тему. Но где взять время? В Москве даже в Большой не успевает сходить. Живопись и музыку Джуна воспринимает страстно. Любит Шопена и Баха, подолгу может стоять у полотен больших мастеров, при этом так вживается в картину, что ей кажется, будто она находится среди изображенных лиц, подмечает мельчайшие детали их одежды, характера. Кажется ей, что она знает их давно и может рассказать о них многое. Да, любит стихи Пушкина и Есенина. "Витязя в тигровой шкуре" перечитывает ежегодно по несколько раз.

И наконец, если говорить по-государственному – а только так и можно говорить, когда речь заходит о таких уникальных явлениях, как Джуна, – нужно создать современный специализированный научный центр, где бы всесторонне занимались изучением биополя, которое генерируют пока только немногие. Ведь поскольку это поле есть в природе, его, наверное, можно смоделировать искусственным путем... А тогда мы получим долготравное "лекарство" для всех".

Статья заканчивалась комментарием академика АН СССР Ю. Кобзарева:

"Меня спрашивают: "Может ли быть в жизни такое, о чем рассказывает Лев Колодный, не показалось ли ему все это?"

Отвечу сразу и однозначно: "Да, подобные явления – факт, реальность, не мистика".

Во все времена существовали люди, занимавшиеся целительством с помощью наложения или приближения рук. Есть такие люди и в наши дни. Е.Ю. Давиташвили (Джуна) – одна из них. Явления, имеющие место при воздействии "целителя" на больной организм, почти совершенно не изучены, но обычно думают, что при этом все сводится к воздействию на психику

больного. Действительно, внушением, гипнозом можно достичь многого.

Говоря "внушение", "гипноз", мы, в сущности, еще ничего не объясняем, а прячемся за слова. Объяснением могла бы служить лишь развернутая картина процессов в организме человека, подвергаемого внушению. Такое объяснение – дело нейрофизиологов, медиков. Я далек от этих областей науки и сказать что-либо об успехах, достигнутых на путях такого объяснения целительства, не могу.

Меня интересует другое. Ленинградка Н.С. Кулагина знаменита главным образом своей способностью вызывать движение легких предметов приближением к ним своих рук (телекинез). Удалось установить, что и при целительстве, и при телекинезе руки Н.С. Кулагиной генерируют акустические импульсы. Эти импульсы могут восприниматься на слух и регистрироваться звукозаписывающей аппаратурой. Известны еще два целителя, излучающие подобные импульсы. Некоторые из них, в том числе и Кулагина, излучают и электромагнитные волны оптического диапазона. Их можно увидеть глазами и зарегистрировать фотоэлектронной аппаратурой или на фотопленке. Эти факты заставляют предполагать, что лечение обеспечивается не только или даже не столько воздействием на организм через психику, сколько прямым физическим воздействием. Воздействием своего излучения на кожу человека Кулагина может вызвать ожог, сила которого определяется длительностью воздействия. Можно думать, что прекращение кровотечения, заживление ран и язв, осуществляемые целителями, происходят также в основном за счет генерируемых ими физических полей.

Об этих полях и о роли, которую они играют в жизни, и в частности в экстраординарных психофизических явлениях, мы до сих пор почти ничего не знаем. Важность исследования этих людей, излучения механизма их генерации и механизма воздействия на организм вряд ли можно переоценить. Эти исследования, безусловно, откроют новые горизонты в ряде областей науки о живом, в первую очередь в медицине".

* * *

Через несколько дней после этой публикации в Голубом зале газеты "Комсомольская правда", где по традиции проходят встречи с почетными гостями, состоялась встреча Джуну с редакцией. То был ее триумф, счастливый день в ее жизни, за который ей вскоре пришлось расплачиваться.

Говорила она в напряженной тишине. Я впервые слышал, как она выступает перед большой аудиторией. Хотя по-русски изъясняется с акцентом, ведь жила в детстве в селе, где говорят на ассирийском языке, шероховатости речи придают ее словам особую прелесть.

Самым интересным показался мне рассказ о том, как пришлось доказывать свою силу в операционной. Ей предложили

приостановить кровотечение, зарубцевать шов. От исхода этого воздействия зависела тогда судьба Джуны. Она очень волновалась, когда рассказывала об этом случае. Есть, кстати, документ, удостоверяющий реальность этого эпизода. Подписал его заслуженный врач Грузинской ССР, кандидат медицинских наук, акушер и гинеколог Тбилисской клинической железнодорожной больницы имени академика Пипия С.М. Шамликашвили. Цитирую:

"... Джуну пригласили присутствовать при операции по поводу удаления фибромиомы матки в гинекологическом отделении нашей больницы. После ушивания брюшины и апоневроза к больной подошла Джуна и пассами, не прикасаясь к ране, приступила к затягиванию разреза оперированной. Эпителизация раны наступила через пятнадцать минут, образовался ровный косметический рубец. Послеоперационный период прошел без осложнений.

Больная выписалась на десятый день в хорошем состоянии.

К очень большому сожалению, данный случай не был зафиксирован кинокамерой".

Могу успокоить уважаемого врача. Этот документальный фильм все равно бы не переубедил его коллег, да и вряд ли бы его стали демонстрировать.

В этом же отчете рассказывается, что по методике Джуны в больнице был проведен большой объем экспериментов с группами больных с различными заболеваниями, подвергавшихся воздействию Джуны, и с контрольными группами больных с теми же диагнозами, но принимающими лечение без вмешательства Джуны.

"Результаты оказались ошеломляюще впечатлительны (сохраняю выражение документа. — Л.К.). Но сила инерции, скептицизм и психологический барьер были настолько сильны среди медиков в то время, что они отказались воспринимать очевидные результаты вмешательства в ход болезни".

Вот о таких фактах Джуна могла поведать в Голубом зале, щедро одаривая всех автографами и фотографиями, как заправская кинозвезда.

А через несколько дней счастливую Джуну, которой казалось, что вот-вот сбудется ее мечта и она сможет открыто работать с врачами, ожидало очередное испытание.

* * *

27 августа в "Литературной газете" был опубликован материал из Тбилиси о Джуне. Публикация была с размахом — почти на полосу. Тысяча газетных строк. В свое время подобное сообщалось о Розе Кулешовой, Нинели Кулагиной. Они объявлялись лжефеноменами. Дошла очередь и до Джуны. И эта тысяча строк доказывала: никакого феномена нет. Есть "около-медицинский миф".

Как же так? Ведь Джуна работала в тбилисской больнице под наблюдением врачей, как же заключение доктора-акушера?

”Живет в Тбилиси Евгения Давиташвили, или, как ее называют, Джуна, которая, как утверждают, способна, даже не вступая в прямой контакт с человеком, одними только движениями рук определить, здоров он или болен и чем именно. Более того, некоторые уверяют, что она не только диагностирует болезнь, но и излечивает ее; называются имена людей, исцеленных ею от радикулита и гипертонии, паркинсонизма и простатита, головных болей и язвы...”

В таком тоне начинался сенсационный материал о Джуне в ”Литературной газете” под названием ”Вокруг таинственного феномена”.

Никому из тех, кто готовил эту ”сенсацию”, не захотелось даже взглянуть на Джуну, посмотреть, что и как она делает. Любопытно, что факты исцеления ею больных не опровергались, не оспаривались, но выдавались за обычный эффект внушения.

Профессор Л. Чарквиани, онколог, провел эксперимент в республиканском онкологическом центре в Тбилиси. В нем участвовало семь больных женщин, страдающих эрозией. С каждой из них Джуна провела пятнадцать-двадцать сеансов. И как доложил в газете профессор: ”Все мы пришли к выводу, что объективных показаний улучшения состояния больных не зафиксировано, хотя у некоторых из них и наблюдалась тенденция к зарубцеванию пораженных тканей. Но это результат не воздействия Джуны, а хорошего ухода и личной гигиены”. На естественный, само собой напрашивающийся вопрос: ”Был ли поставлен контрольный опыт?” — последовал ответ: ”Необходимости в этом комиссия не нашла!”

Вот так комиссия, вот так ученые, которые сочли возможным обойтись без контрольного эксперимента! Представители академической медицины нарушили элементарные условия любого опыта. В отличие от них это сделали в обычной больнице Тбилиси, где работала Джуна. Там, как мы помним, подбирали группы контрольных больных. Но результат лечения в этой больнице не был принят во внимание комиссией Минздрава республики, проводившей ”опыт” в онкологическом центре.

И вот на основе такого ”опыта” делался столь категорический вывод — ”околомедицинский миф”.

Опровергали и заживление за 15 минут трофической язвы. Оказывается, ”этот факт основан на способности атмосферного воздуха стимулировать испарение экзудата с поверхностей, в том числе с поверхностей язвы”. А происходит это при определенных условиях — влажности и температуре окружающей среды, причем хирурги, как сообщалось, постоянно наблюдают подобные самозаживления язв.

Так перечеркивалась работа Джуны. Но не такой она человек, чтобы остановиться на полдороге, пасть духом, отчаяться. Это – могу сказать без преувеличения – боец. Я понял, что на арену схватки вышел феноменальный человек. У нее не опускались руки, как у некоторых экстрасенсов, которые теряли силу, попадая во враждебную обстановку, давая своим противникам возможность говорить: "Вот видите, в строгих условиях настоящего эксперимента ничего они показать не могут". Подразумевая под строгими условиями гробовую тишину в лаборатории и откровенную враждебность в отношениях, исключаящих элементарную вежливость: мол, чего мы будем здороваться с шарлатанами и фокусниками, выдающими себя за феноменов! Джуна готова была бросить все: дом, сына – и мчаться на край Москвы, чтобы ставить новые опыты.

Именно тогда ей удалось провести эксперимент в лаборатории института рефлексотерапии. Это был неофициальный опыт, проводимый без разрешения и указания Министерства здравоохранения СССР, Академии медицинских наук, без письменного разрешения директора. Но разве чистота опытов умаляется этим обстоятельством, разве факт от этого перестает существовать?

Впервые Джуна получила возможность работать под контролем термовизора и видеть на его экране, как нагревается под ее воздействием больная рука, а потом нога. В результате посещения этого института на Рождественском бульваре Москвы появился "Краткий отчет о клинических проявлениях феномена Д. Давиташвили".

Не прошло недели, как было заявлено, что "никаких достоверных данных" о ее целительстве нет, а она уже добывала новые достоверные данные, в дополнение к старым.

"2 сентября 1980 года около 19 часов вечера в помещении, где кроме пациента и индуктора (то есть Джуны. – Л.К.) находилось еще 8–10 человек, была произведена термография и регистрация с экрана дисплея на обратимую фотопленку правой руки испытуемого 3-го, 60 лет, страдающего хроническим плечелопаточным синдромом..." Цитирую протокол "Краткого отчета". Время начала опыта показывает: его начали, когда институт опустел, прием больных и работа сотрудников окончились. Все, кто собрался в тот вечер в лаборатории, с нетерпением ждали результата, который был получен быстро, не прошло и пятнадцати минут...

Джуну подвели к японскому термовизору. Как сказано в отчете, он имел "чувствительность в инфракрасном диапазоне 1–15 микрон с максимумом около 9 микрон". Термовизор работал в паре с видеомагнитофоном, поэтому полученную информацию можно было обрабатывать на электронно-вычислительной машине. Цель поставили простую – зарегистрировать тепловые инфракрасные поля, тепловое излучение Джуны, если

оно действительно существует, и его воздействие на тепловое поле пациента.

Больной, обозначенный как "З-ов, 60 лет", поднес правую руку к термовизору, после чего была сделана термограмма, условная фотография руки в инфракрасных лучах. На первом снимке правая кисть не видна, потому что у нее температура была такая же, как у окружающей среды, а не 36,6 градуса, как у здоровых людей. Дело в том, что "З-ов, 60 лет" перенес ранение, и кисть ему не повиновалась, будучи пораженной. Поэтому и температура ее такая же, как "о окружающей среды", намного ниже нормы.

Ну а после того, как этот снимок был сделан, в бой вступила Джуна. Своей правой рукой она, по выражению наблюдателей, "проводила пассы вокруг руки пациента". Он через несколько минут стал ощущать нечто необыкновенное: сначала появилась тяжесть кисти, потом эта тяжесть перешла на всю руку, отчего стало даже больно.

"Пальцы кисти испытуемого не могли сжаться в кулак из-за появления ощущений отталкивания, как у однополюсных магнитов". Не прошло и десяти минут, как эти неприятные ощущения исчезли, но осталась теплота, которая нарастала. После окончания сеанса эта теплота прошла. Во время опыта с интервалом в 15 минут сделали несколько снимков-термограмм. На них заметно, как под влиянием Джуны нарастает температура и становится видна сама до этого невидимая кисть. Сначала наполняются кровью мелкие сосуды, а потом и крупные. Несмотря на рубцы, площадь невидимой холодной зоны уменьшалась. К руке возвращалась кровь, возвращалась жизнь. Кисть нагрелась за 45 минут на 3 градуса! В то же время рука Джуны остыла! Хотя, казалось бы, должно было бы случиться обратное – от работы, интенсивных движений, как от зарядки, эта рука должна была бы нагреться...

Затем Джуны дали другого больного, 54 лет, с пораженными ногами. Диагноз – эндартерит. И с ним произошло нечто подобное, что и с "З-овым, 60 лет".

Сухой отчет не может, конечно, передать ту атмосферу, которая царила в лаборатории. Собрались у экрана не только энтузиасты, были и те, кто жаждал разоблачения, кто пришел посмотреть, как развенчают Джуны. А вместо этого – такой неожиданный поворот. Кто-то даже воскликнул "Эврика!", когда на экране термовизора стали меняться цвета – самый холодный синий цвет превращался в зеленый, а зеленый становился красным, менялись и оттенки цветов. Был среди собравшихся и сотрудник, владевший методом аутогенной тренировки. Воздействовала Джуна и на него, и с таким же успехом, хотя последний мысленно сопротивлялся, "охлаждал" сам себя.

Заканчивается, однако, отчет печально: "К большому сожалению, по целому ряду причин описанные выше исследования прерваны, поэтому делать какие-либо выводы преждевременно.

Нужны скрупулезные многочисленные исследования на современной прецизионной автоматизированной аппаратуре”.

Что же это за причины, которые помешали проведению опыта? Может быть, Джуна заапризничала, не захотела больше встречаться с энтузиастами, поставила какие-то особые условия, потребовала вознаграждений, публикаций?

Надев лучшее платье, украшения, она словно на праздник поехала на следующий день, как она говорила, к ”моим ученым”. Никто ее больше не встретил. ”Все уехали на субботник”, – доложил вахтер. Институт опустел.

Это случилось в том самом институте, основатели которого не так уж давно, многие помнят, сами переживали подобные дни непризнания. Им говорили: методы иглоукалывания – научно не обоснованы, не изучены, а воздействие иглами – результат внушения. Говорили примерно то же, что и о воздействии Джуны. Кому бы, как не им, помочь ей в трудную минуту, установить истину, сделать новые открытия, изучить, как влияет тепло Джуны на точки иглоукалывания? Но ничего этого не произошло. Встреченный мною спустя год директор института профессор Рубен Дуринян вспоминал, как бывший министр здравоохранения Б.В. Петровский ставил ему палки в колеса, когда тот ратовал за иглотерапию. Спрашиваю директора о Джуне:

– Да, была у нас раз, на второй раз не захотела приехать, да и ничего вообще не показала.

– А как же отчет об успешном опыте в институте?

– Я такой отчет не подписывал.

Да. Подписи ни директора, ни заместителя директора нет. Нет вообще никакой подписи. Может быть, и опыта не проводили, а кто-то сочинил вымышленный отчет, сфабриковал снимки?

Спустя несколько лет я обратился за разъяснениями напрямую к ”З-ову, 60 лет”, который оказался заместителем директора института, известным специалистом в области иглоукалывания.

– Да, была у нас, но ничего не показала. Говорят, после этого попала в больницу...

– А как же фотография руки ”З-ова, 60 лет”?

– Да, это я. В финскую кампанию получил ранение. Температуру руки она тогда изменила. Улучшилось кровоснабжение...

И, не дожидаясь дальнейших моих вопросов, дает такую трактовку факта:

– Пришла Джуна в нейлоновой кофте, нейлоновом платье, вся в нейлоне. Я тогда почувствовал электростатическое воздействие, мы все попали словно в электростатическую камеру. Народу набралось много.

Не знаю, как ”З-ову, 60 лет”, а мне стало не по себе. Даже такой редкий шанс – вернуть спустя сорок лет жизнь собственной раненой руке – и тот человек упустил. Насколько нужно

быть предубежденным, страшиться истины, администрации, чтобы белое называть черным, выдумывать про электростатические заряды и нейлоновые одеяния, которые Джуна, к слову сказать, никогда не носит.

Предлагал я директору института рефлексотерапии провести эксперименты с Джуной и дать квалифицированное заключение: нет так нет, но если да – так да.

– Ни в коем случае, – решительно ответил директор института рефлексотерапии. – Не дадим мы отрицательного отзыва. Не дадим и положительного: все должно быть материалистически обосновано. Нужно найти силу, отвечающую за ее воздействие. Если нет такой силы – ничего, значит, и нет. Пока медицина не разберется в явлении – его нельзя использовать на людях.

– Но ведь чтобы разобраться – нужно испытывать?

– Пусть сначала этим займутся физики. Найдут, вот тогда мы начнем вслед за ними.

* * *

Тогда же, в сентябре 1980 года, Джуна ездила на окраину Москвы в другой институт – Институт неврологии АМН СССР, который в свое время принимал и "разоблачил" Розу Кулешову.

Джуна этого не знала. Сюда она попала официально. Институту поручили дать заключение о ее способностях. Принимали ее там мило, беседовали, поили чаем. Уезжала она окрыленная; рассказывала, как пригласили в отделение реанимации, как воздействовала на полуживого, как стрелки приборов реагировали на ее воздействие.

Вскоре визиты закончились, на руки Джуне не выдали никаких бумаг. Простились сдержанно. Институт публично не сделал никаких сообщений, опровержений не последовало.

Как журналист, я пытался узнать, что же происходило...

Что делала Джуна в институте?

Отвечал мне профессор Н.В. Верецагин.

– Показывала диагностические приемы. Что-то находила...

– А что находила, совпадали ли ее диагнозы с вашими?

– Этого я сказать не могу... У нас состоялось подробное знакомство. Джуна – человек одержимый, искренне верит в свои силы. Нашим больным она говорила: у вас неполадки, вы принимали антибиотики, вот от них последствия. А кто их не принимал... Я думаю, нам она помочь ничем не сможет...

Так, с диагностированием все ясно.

– Как проходило лечение?

– Такой проверки не проводили. Нужно применять двойной метод, подбирать двух одинаковых больных. Вообще как индикатор – человек дело ненадежное.

И неожиданно для меня вспомнил о Розе Кулешовой.

– Она читала у нас журнал с закрытыми глазами. А все потому, что у нее глазницы большие. Все это фокусы. Наш покойный директор, когда Роза предложила ему посмотреть, как

будет читать, сидя на журнале, возмутился и приказал ее выгнать из института. Это его оскорбило. Мы Розу вывели на чистую воду. У нее была навязчивая идея.

– Может быть, и у Джуны навязчивая идея?

– Шарлатанства мы не видели.

– А что видели? – допытывался я.

– Обычное универсальное явление. Искренне хотела показать нам свой дар. Но не больше.

Одно обстоятельство меня тогда волновало. Институт этот – первый московский медицинский научный центр, получивший задание разобраться с проблемой, решить вопрос по-государственному. Как раз к этому и призывал я со страниц газеты. Пусть врачи приведут доводы, пусть разоблачат в конце концов, главное – докопаться до истины. Вот что волновало меня в первую очередь. Поэтому еще раз пришлось связаться с руководителем комиссии, занимавшейся феноменом Джуны, профессором Н.В. Верещагиным: мне казалось, именно в его руках находилась тогда ее судьба. Разберись в этом институт тогда до конца – все стало бы на место.

– Николай Викторович, – говорю, – поймите меня по-человечески, ведь дело здесь не в Джуне, а в нечто более важном. Три московские поликлиники дали отзывы, что она диагностировала и лечила, как же так – в институте неврологии ничего не увидели, не обнаружили ни лечения, ни диагностики?

– Нет, она не диагностирует. У нее набор слов, говорит, что покалывает в ее пальцах, указывает на очаг, конкретно не говорит, что болит. Но что есть очаг – мы и без нее знаем. Нет, диагноз ставить она не может...

– Ну а есть ли вообще здесь предмет для изучения?

– Не знаю, – ответил профессор. – Нужны приборы, нужна методика. Это дело физиков. Джуна говорит, что хочет отдать себя людям. Мы посмотрели, как она это хочет сделать. Знакомство состоялось. Мы узнали, что она за личность.

– Может быть, она, как бы это сказать...

Профессор оборвал меня:

– Ну, этого бы я вам никогда не сказал. Но у меня нет оснований думать, что она обладает специальным воздействием. Читали ли вы книжку профессора Снежневского "Медицинский оккультизм?"

– А что Джуна из этого ряда?

Не "разоблачил" ли ее этот институт так же, как некогда Розу Кулешову, умершую с ярлыком шарлатанки?

Когда я, обеспокоенный сложившейся ситуацией, обратился к председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову (в поликлинике Госплана, как уже рассказывалось, Джуна успешно работала, поручение институту неврологии исходило от него), он успокоил:

– Не волнуйтесь, мы проведем эксперименты на самом высоком, каком только возможно, уровне.

А председатель Государственного комитета по науке и технике академик Г.И. Марчук посоветовал набраться терпения, воздержаться от выступлений, подождать, пока будут проведены эти опыты.

* * *

Ведя нелегкие диалоги с деятелями медицины, я пытался понять, почему ученые, наблюдательные специалисты перестают верить глазам своим, когда сталкиваются с феноменами.

Помог мне разобраться в этом все тот же профессор Н.В. Верещагин:

– Вот вы пишете о "прогулке в биополе", телекинезе, значит, считаете: мысль обладает энергией, а умственной энергии нет. Мои убеждения не позволяют мне так считать.

И профессор сослался на всем известные произведения по философии, по которым и я сдавал экзамены в университете. Вот, оказывается, в чем дело! Азбучная истина: мысль – идеальна, усвоенная начетнически, мешает многим профессорам прочесть новую страницу в книге познания природы. Воздействие феноменов сводилось ими к "умственной энергии", к тому, чего на самом деле и нет. Но кто сказал, что энергия Джуны или Кулагинной "умственная"?

Другая после таких поездок в институт "для знакомства" долго бы не помышляла об открытиях в науке. Другая, но не Джуна.

Через несколько дней застаю ее дома в полном изнеможении.

– Где была?

– У Морозова...

– Кто такой Морозов?

– Георгий Васильевич, хороший человек, директор института Сербского...

– Что же ты там делала?!

– А что – пришла. Надела белый халат. Прошла в темную комнату, где лежал больной с датчиками. И стала работать.

– Ну и что?

– Приборы показали мое воздействие! Так заходила в пять комнат. Все они были без света, чтобы больные меня не видели, чтобы я не воздействовала своим видом... Мне говорили: не ходи туда, Джуна, это знаешь какой институт, там лежат преступники. Туда можно войти, а обратно не выйти. А мне что? Я куда угодно пойду, лишь бы мне открывали двери. Обратно я всегда вернусь...

Подумать только, другие "экстрасенсы" оказывались в стенах подобных учреждений не по своей воле, многие врачи убеждены: им место только там, у них маниакально-депрессивный психоз и прочие недуги, которые лечат принудительно. А Джуна сама без всякого принуждения отправляется к психиатрам, да не куда-нибудь, а в стены института, где исследуются люди, находящиеся под следствием, нередко преступники...

Дозвонился до "хорошего человека" Георгия Морозова, действительного члена АМН СССР, директора Института общей и судебной медицины имени профессора В.П. Сербского.

Я начал было издаleка, что вот есть такая Джуна, знакомились с ней недавно в институте неврологии, а теперь вот побывала в вашем институте, где якобы воздействовала на больных. И меня очень волнует вопрос: феномен она или нет?

Академик Морозов спокойно выслушал меня и ответил:

– Да, мы начали с Джуной работу, но не закончили: я ушел в отпуск. Надо бы более основательно ею заняться.

– Есть ли предмет изучения?

– Да. Что-то есть у Джуны, но что – нужно разобраться... Проходить мимо таких явлений мы не можем, надо все знать...

Эта информация придала мне силы и уверенности. Года через два Джуна рассказала мне еще некоторые подробности о своем незабываемом посещении института.

Поехала она туда, надев нарядное белое платье. Но его можно было переодеть на другую сторону, тогда оно становилось алым.

Так вот, приехала Джуна в белом, как у невесты, платье. Встретила врачей, а находился среди них известный психиатр Снежневский, автор упомянутой книги о медицинском оккультизме, и другие светила психиатрии. Повели в боксы. Зайдя в один из них, она установила, что кроме обычных недугов у больного на голове рана величиной в спичечную коробку.

– Каким предметом нанесена рана? – поразил Джуноу вопросом один из присутствующих, чем вывел ее из себя:

– Что я, следовательно, мало разве того, что говорю!

Когда испытание благополучно закончилось, все сели пить чай. Джуна на минуту отлучилась, передела свое двустороннее платье и к изумлению врачей предстала в пурпурном платье триумфатора...

* * *

Все же небольшой праздник для Джуны наступил. Вскоре в "Комсомольской правде" появилось небольшое редакционное выступление: "Феномен изучается". В нем сообщалось, что с мая по август 1980 года Джуна приняла участие в трех экспериментах в медицинских учреждениях Москвы, которые дали интересные результаты и требуют дальнейшего изучения... Редакция обещала познакомить читателей с результатами будущих экспериментов.

В то же время по заданию редакции в Тбилиси выехал специальный корреспондент. Он привез новые отзывы. И среди них оказался поразительный документ. Подписал его не кто иной, как заместитель министра здравоохранения Грузии. Имя его – Шота Ломидзе. Его история могла бы стать сюжетом для отдельного рассказа. К Джуноу заместитель министра, имея

возможность получить самую высококвалифицированную медицинскую помощь, вынужден был обратиться потому, что ведущие специалисты ничем не могли ему помочь. У него был поврежден на ноге мениск. "Гипс, костыли, уже и жизни был не рад".

Пришел к нашей героине инкогнито. Впрочем, это было излишним. Она ни у кого никогда не спрашивает, кто, где и кем работает. Ходил Шота Александрович вот так инкогнито много раз. "Наблюдал Джуну в разное время суток – утром, днем, вечером. К ней приходило много людей. Всех она лечила, не обуславливая никакой платы".

Порадовало его и то, что она всем рекомендовала продолжать ходить к своим врачам, принимать назначенное лечение. Заметил, что работает не щадя себя, без всякого графика, перерыва на обед. "Работает, как проклятая".

"Чего же она добивается? – задает вопрос заместитель министра здравоохранения. – И это не секрет. Она хочет научить врачей тому, что умеет сама".

Как проходило лечение?

И на этот вопрос он отвечает со свойственной грузинам выразительностью:

– После седьмого сеанса выбросил костыли. Обошелся без операции. Сейчас совсем здоров.

Заместитель министра с грустью констатировал, что знает многих известных ученых, которые исцелились у Джуны, но скрывают это и ничем ей не помогли, даже не дали клочка бумаги с отзывом. У Шота Ломидзе хватило мужества высказать свое личное мнение, прямо противоположное тому, что говорили его коллеги.

* * *

Хотя публикация "Вокруг таинственного "феномена" бросила на Джуну тень, она также сыграла и другую роль – прибавила популярности. Джуна стала героем дня. О ней говорили, сочиняя, как водится в таких случаях, небылицы.

Ей приписывали невероятные поступки и деяния, распускали слухи о болезнях и смерти.

Включились в эту кампанию и зарубежные корреспонденты. Прокатилась волна публикаций в иностранных газетах и журналах, где правда растворялась в море вымысла.

Особенно преуспел в фабрикации мифов американский журналист, некто Генри Гри. "Я был первым западным корреспондентом, которому разрешили встретиться с Джуной после следующего официального предупреждения:

– Вам не следует спрашивать ее, лечила ли она Брежнева или Косыгина, хотя вся Москва знает, что она это делала.

Шестеро телохранителей сопровождали ее, когда она спускалась по мраморной лестнице из номера-люкс, окруженная свитой..."

Далее он сочинил, что в Москве Джуна известна как "товарищ Д.", выдумал и то, что берет за один сеанс сумму в 250 рублей, перевел рубли даже в фунты, сочинил, мягко говоря, что у нее два дома — один в Тбилиси, а другой — в Москве, в то время, когда у нее не осталось даже квартиры; она жила недолго в гостинице "Москва", где с ней и встретился Генри Гри. Не удержался американец и от того, чтобы сказать: делает она покупки в парижских магазинах...

Если действительно Генри Гри — первый западный журналист, получивший возможность встретиться с Джуной, то, значит, он первый и сочинил миф, что Джуна якобы лечила руководителей государства. Этот миф не раз повторялся в сообщениях западных радиостанций и в публикациях газет и журналов.

* * *

Истина состояла в том, что Джуне в Москве удалось в течение нескольких месяцев привлечь внимание многих руководителей науки и государства к себе и вместе с тем к проблеме парапсихологии, целительства.

Создавалась, однако, сложная ситуация! Против Джуны резко выступили руководители Минздрава СССР, Академии медицинских наук СССР. Как уже упоминалось, состоялось заседание Отделения философии и права АН СССР, где сообщение о ней и слушать не хотели. Прошла объединенная сессия двух академий, посвященная медицине, где ее имя оказалось в одном ряду с Распутиным...

Одним словом, над головой Джуны стали сгущаться тучи, общественное мнение на самом высоком научном уровне формировалось резко отрицательное.

Когда разбираешь такие социальные ситуации, то первым делом бросается в глаза, что возникают они стараниями тех, кого условно можно назвать "гонителями истины". Как правило, в этой роли выступают высокопоставленные ученые, члены академий, лица должностные, занимающие высокое положение в обществе, удостоенные высоких правительственных наград.

В данном случае — два академика, известный хирург, министр здравоохранения СССР и известный онколог, президент Академии медицинских наук...

Второе. Выступая публично против оппонентов, они выводят их не только за пределы науки, но и за пределы общества и закона. Поэтому речь начинает идти не только о научной состоятельности, но и непременно о шарлатанстве, аферах, мошенничестве...

И тогда автоматически на помощь призываются государственные органы: правоохранительные, административные, а также судебно-психиатрические.

Где выход из такого положения? Как изменить общественное мнение? Как журналист, я верил в информацию.

Но разве можно было рассчитывать в 1980 году, что после столь категоричных высказываний руководителей науки мне позволят с экрана телевидения показать манипуляции феноменов?!

— Чем черт не шутит, — подумал я и позвонил академику, трижды Герою Социалистического Труда Я. Б. Зельдовичу после того, как его выступление на объединенной сессии академий появилось на страницах "Вестника". Предложил ему посмотреть на манипуляции Джуну. Лучшего придумать не мог.

— У меня другие дела, мнение свое я высказал, — услышал я в ответ. — Мнение президента совпадает с моим...

Итак, итог складывался малоутешительный. Руководство двух академий — против. Министерство здравоохранения — против.

* * *

Однако в те бурные дни, когда официально обе академии выступили с осуждением "лженаучных направлений", нашлись силы, не давшие погаснуть искре, что светилась в руках истинных феноменов. История науки кое-чему нас научила.

Заместитель председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного комитета по науке и технике СССР академик Г. И. Марчук в те самые августовские дни 1980 года, когда на Джуну навесили ярлык "околомедицинского мифа", нашел время, чтобы посмотреть ее.

Джуну пригласили участвовать в опыте в стенах электротехнического института. В машинах, направившихся по Москве к этому институту, находились не только председатель государственного комитета, но и вице-президент Академии наук СССР, министр, член-корреспондент Академии наук и другие лица.

Именно в те дни Г. И. Марчук поручил официально разобратся с феноменом. К тому времени свыше месяца Джуну работала в поликлинике Госплана СССР, излечив многих сотрудников, их родственников.

Убедившись на примере этой поликлиники, что Джунa подлинный феномен, ей решил оказать поддержку первый заместитель председателя Совмина СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, предоставив ей возможность продолжать работу в наскоро организованной лаборатории при поликлинике Госплана СССР. Бывший министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский настаивал на том, чтобы Джуне не давали разрешение на прописку в Москве. Вот тогда и заступился за нее народный артист СССР Аркадий Исаакович Райкин. Подобно другим, он мог, конечно, ограничиться благоприятным отзывом, но пошел дальше; позиция Минздрава заставила его срочно обратиться за помощью в Центральный Комитет КПСС.

Хотя друзья ему советовали не спешить, подождать, пока проведут новые эксперименты, которые намечались, А. И. Райкин написал письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Сам отнес его в приемную ЦК. На следующий день в его московской квартире раздался звонок. У аппарата был Л. И. Брежнев, первым делом поинтересовавшийся здоровьем артиста. Оказывается, знакомы были Л. И. Брежнев и А. И. Райкин очень давно, свыше сорока лет, еще с довоенных времен, когда театр А. И. Райкина выступал в Днепропетровске, где, как известно, Л. И. Брежнев работал тогда секретарем обкома партии.

А. И. Райкин был в этом городе как раз в день объявления войны. Л. И. Брежнев пришел провожать на вокзал артистов, прервавших гастроль. Потом состоялась их встреча на фронте. Обычно Л. И. Брежнев всегда при встречах спрашивал сам – не нужно ли в чем помочь? И помог старому знакомому стать жителем Москвы, получить квартиру на улице Горького. В ней мы и встретились. Я записал рассказ.

На вопрос: как здоровье? – Аркадий Исаакович ответил:

– Благодаря Джуне – хорошее. И попросил помочь ей получить жилье в Москве, рассказал о ее работе в поликлинике Госплана СССР, сослался на благоприятное мнение Н. К. Байбакова.

– Ну что ж, если она тебе помогла, мы ей поможем, – заключил Л. И. Брежнев, добавив, что история с кибернетикой и генетикой кое-чему нас научила...

Тогда же по этому вопросу Л. И. Брежнев переговорил с председателем Госплана СССР и попросил его на первых порах "взять Джуну под свое крыло". Были и другие звонки, устные указания. Все это привело в конечном счете к тому, что к делу подключились те, кто должен был заняться феноменом, – специалисты в области физических измерений, поскольку наука, как известно, начинается с измерений...

После звонка Л. И. Брежнева Н. К. Байбакову был также решен вопрос о местожительстве, прописке в Москве Е. Ю. Давиташвили и ее сына Вахтанга.

* * *

Медицинские институты, однако, не проявляли никакого интереса к Джуне, потому что мнение о ней сложилось, сформулированное и переданное инстанциям институтом неврологии. Но она ходила каждый день на работу. Сначала в маленькую комнату, оборудованную под приемный покой в вычислительном центре Госплана СССР, куда направляла пациентов с разными неврологическими болезнями поликлиника Госплана, взявшая Джуну "под свое крыло".

Вскоре она познакомилась с кандидатом медицинских наук Владимиром Вашкевичем, в то время главным врачом консультативно-диагностического центра Фрунзенского района Моск-

вы. Он с ведома руководства райздравотдела начал привлекать Джуна для диагностики и лечения. Числилась она в этом центре массажисткой.

Рядом с улицей Горького, недалеко от Белорусского вокзала, в старинном здании располагалась районная поликлиника № 36. На ее базе действует консультативный центр. Вот сюда свыше трех месяцев и являлась на работу Джуна. Ноябрь–декабрь 1980 года и январь 1981 года эта поликлиника была местом эксперимента. Так длилось до тех пор, пока руководители здравоохранения не положили этому конец.

Я побывал в центре один раз, в последний день работы Джуны.

У комнаты, где принимала Джуна, сидели на стульях несколько успевших перезнакомиться между собой людей. Кроме взрослых были и дети.

Начала здесь с "простого" – диагностирования. Обычная комната поликлиники. Ширма, кушетка. Но и они не нужны для пациентов, потому что снимать одежду не требовалось и укладываться на кушетку тоже. Прием Джуна вела молча, без выслушивания и прочих процедур. О пациентах, когда они являлись, ничего не знала.

Находившиеся рядом врачи знали о каждом больном многое. На каждого имелась история болезни, все они находились под наблюдением в поликлинике, где шел эксперимент.

За два-три часа проходило несколько десятков человек. Всего прошли курс лечения 102 пациента. Всех их предварительно обследовали.

Последним в прощальный день был десятилетний мальчик, страдавший пороком сердца. Вот что он сказал, а я записал, поскольку особенно дорожу свидетельством детей: ведь они говорят правду.

– Тетя Джуна, – говорил с волнением десятилетний страдалец, – когда я вчера шел к вам, у меня пульс был 110, а когда уходил – 64. И лицо стало румяное. А румяное лицо у меня бывает только по утрам, когда я делаю лечебную гимнастику.

Раскрою уже знакомую читателям книгу отзывов, куда вплетен отчет на бланке "Городской поликлиники № 36 Фрунзенского района". Он охватывает период с 17 ноября по 31 декабря 1980 года.

За указанный период было принято с целью диагностики 43 человека, предварительно обследованных в различных лечебных учреждениях. Совпадение клинического диагноза и поставленного экстрасенсом Д. Давиташвили составило 97,3 процента. Необходимо отметить, что при этом у 49,7 процента больных ею были определены дополнительные (сопутствующие) заболевания, что в дальнейшем при поликлиническом обследовании было подтверждено у 86,9 процента обследованных.

Как явствует из справки, в 97 случаях из 100 Джуна называла именно те болезни, которые определены врачами с помощью лабораторных анализов и приборов.

Разве это не интересный результат диагностики?

Но в поликлинике провели опыт и по лечению биополем, то есть воздействием Джуны. Цитирую: "Лечение биополем (коррекция биополя пациента) было проведено 31 больному с различными нозологическими формами, из них была выделена группа больных в количестве 16 человек с функциональными и начальными органическими поражениями нервной и сердечно-сосудистой системы".

В поликлинике сделали фотографии Джуны, которая "маскирует" больных. Они, как космонавты, сидя в креслах, обвешанные множеством разных приборов. Датчики укреплены на голове, на руках...

Лечебно-диагностический центр имел обычную поликлиническую аппаратуру. Врачи вели запись состояния больного до контакта с Джуной, несколько раз во время, как они пишут, "биомассажа", а также через несколько минут после процедуры. Подробная полиграфическая запись велась также спустя три дня, некоторые приходили для записи через семь дней. Больные подбирались в возрасте от 16 лет до 65, то есть подростки, зрелые люди, старики...

Десятилетний мальчик с больным сердцем шел сверх программы. Для записи применялись аппараты, дающие электрокардиограммы, электроэнцефалограммы, пульсограммы и реограммы.

Что показали приборы? У 40 процентов больных выявились в результате воздействия "отчетливые изменения ЭКГ" в сторону улучшения: у одних ЭКГ нормализовалось, у других становилась реже частота сердечных сокращений.

У 30 процентов больных результаты были, как пишут врачи, "умеренные".

У 25 процентов – не обнаружены изменения ЭКГ.

Отчет или, как его назвали, "предварительное сообщение" подписали главный врач консультативно-диагностического центра Фрунзенского района В. Вашкевич и главный врач поликлиники А. Кулбасов. Они сделали такие выводы: "Существование биополя доказано. Нет объяснения физической природы биополя. Факт воздействия Джуны – реален, но необъясним. Нужно продолжать исследования не на общественных началах, а имея специально созданную лабораторию и нужную аппаратуру".

Вот к такому мнению в поликлинике пришли еще в конце 1980 года. Заканчивался он неплохими результатами. Удалось поработать с врачами трех московских поликлиник, не считая "обследований" и летучих опытов в научных институтах. Обратите внимание – в поликлиниках пришли к решительным

выводам, практические врачи установили: Джуна действительно диагностирует и лечит, ее феномен – реальный факт, требующий не только изучения, но и применения...

* * *

Настала пора рассказать о встречах Джуны с физиками.

Обычно и они вначале встречались с ней в качестве пациентов, на такие встречи их заставляла пойти крайняя нужда – болезнь.

Еще когда я впервые много лет назад увидел телекинез, когда под руками Нинель Кулагиной двигались по столу спички, колпачок от ручки и прочие легкие вещи, я понимал, что этим предметам не под силу пробить стену скептицизма, опровергнуть мифы о "невидимых тончайших нитях" и спрятанных под одеждой магнитах.

Вот если бы феномены могли на глазах у зрителей вырабатывать электричество, если бы они могли двигать колеса машин, тогда, конечно, они бы заинтересовали всех и давно. Но увы, Нинель не всегда могла двигать даже спички, особенно если вокруг нее собирались опровергатели, в глаза, без тени смущения, заявляющие женщине, что она шарлатанка.

Но сила, переполнявшая феноменов, искавших выход своей энергии в разных опытах, в конце концов подвела их к черте, за которой перед ними открылись реальные перспективы. Нет, они не научились вырабатывать электроэнергию, но каждый своим путем приходил к одному и тому же объекту – человеку.

Стали замечать, что их энергия оказывает на окружающих целебное воздействие. Поскольку каждый человек, будь то догматик или новатор, ценит здоровье больше всего на свете, то, естественно, именно в этом направлении и произошел прорыв в общественном мнении. Именно целительством пробита, как я полагаю, брешь в глухой стене, воздвигнутой на пути между обществом и экстрасенсами.

Встреченная мною спустя десять лет после нашего знакомства Нинель Кулагина имела на своем счету многих излеченных от разных недугов людей, родных и друзей. Всем другим, памятуя, что у нее нет права по закону на медицинскую практику, она решительно отказывала. Следует иметь в виду: если от рук Джуны ощущается обычно тепло, то руки Кулагиной "жгут", прикосновение ее трудно переносимо, она жжет сильнее горчичника. Такая же метаморфоза произошла и с другими известными мне феноменами. Вначале они демонстрировали отгадывание мысли на расстоянии, "кожное зрение", которые легко объяснить как фокусы. Другое дело, когда феномен исцелял неизлечимого больного. Тут он приобретал в его лице друга, союзника. Многие исцеленные включались в борьбу за научное

признание явления, писали письма в инстанции, требуя от Министерства здравоохранения СССР и академий внимания к целителям.

Джуна свой дар редко тратила на публичные выступления. Она день за днем, год за годом лечила. И многие уходили от нее с радостью. Будем считать, как установили исследователи, что только сорок процентов, то есть четыре человека из десяти, полностью оставались довольны лечением. Третью покидала ее с "умеренными результатами", но тоже с чувством благодарности. То есть большинство людей после встречи с Джуной становились ее союзниками. Джуна в Тбилиси знали журналисты, писатели, врачи, ученые, художники, поскольку в первую очередь она старалась установить связь именно с теми, кто помог бы ей получить признание.

В Москве начинала все с нуля, пошла тем же испытанным путем. Но параллельно с лечением начались физические опыты. Кто был в этом деле первым?

Могу назвать имя кандидата технических наук Роберта Бархударова. Он заинтересовался экстрасенсом вначале как врачом, поскольку страдал язвой желудка, дважды побывал в стационаре, проходил курсы терапевтического лечения. А за месяц до встречи с Джуной у него наступило очередное обострение, ему предложили снова лечь в больницу.

Прежде чем это сделать, он решил на всякий случай побывать у Джуны. За минуту она установила диагноз, повторивший медицинский.

Роберт Бархударов поначалу ничего не чувствовал. Цитирую: "И вдруг я четко ощутил непонятно чем вызванное давление на желудочную нишу, положение которой знал по болевым ощущениям и по результатам гастроскопии. Давление все усиливалось, ниша как бы прогибалась все сильнее и сильнее и неожиданно завибрировала. Впечатление было ошеломляющее, ведь между рукой и моим желудком расстояние было по крайней мере в один метр! Джуна сказала:

— Что вы морочите мне голову, вы же старый язвенник. Я вас вылечу.

И тут же был проведен первый сеанс лечения. Ладонь левой руки она плотно прижала к спине в области желудка, а правую расположила спереди на расстоянии десяти-пятнадцати сантиметров от тела. И начался прогрев. Ощущение было таким, как будто к телу приложили два утюга... Раздавался отчетливый треск электрических разрядов: Джуна создавала сильное электрическое поле".

Так повторялось пять раз. Цитируемые мною слова кандидат наук писал, имея отдаленные результаты: "С момента окончания моего лечения прошло полтора года. Никаких ограничений я не придерживался, ни режимных, ни диетических. Время покажет, что будет дальше, но одно то, что по сей день я не испытываю никаких неудобств от болезни, говорит о многом".

А вскоре после этого Роберт Бархударов провел несколько физических экспериментов. Он проверил реакцию на изменение проводимости среды. По его просьбе Джуна создала между большим и указательным пальцем правой руки поле и при этом стало отчетливо видимо даже при дневном свете желтоватое свечение. Ученый поднес к нему "ИИИ" – источник ионизирующего излучения, и свечение погасло в результате ионизации и резкого увеличения проводимости воздуха. Сама Джуна при этом испытывала похолодание в пальцах и ладони.

Потом Джуна взяла в руки этот "ИИИ", а он был в виде стеклянного шарика, где внутри находился третий, испускающий бета-частицы низкой энергии. К удивлению испытателя, она как бы прозондировала шарик:

– Я чувствую, что внутри шарика находится котел с кипящей водой, а из него во все стороны вырываются пузырьки пара.

Потом в отсутствие Джуны шарик положили под свинцовый лист, покрытый газетой, чтобы по сторонам ничего не просматривалось.

Когда испытуемая вернулась, ей предложили показать, в каком месте под листом спрятали шарик. Она установила это, причем точно.

Не знаю, что этими экспериментами установил Роберт Бархударов, возможно, просто хотел еще раз проверить Джуну. Тем более что это, оказывается, сделать очень просто. Было бы желание.

И Джуна охотно давала себя проверить. Принесли ей четыре коробки. В них поместили по алюминиевой тарелке. Одна из них – "чистая", а три представляли собой источники гамма-излучений малой активности от 10^{-10} до 10^{-12} Кюри. Это любопытный опыт, напомнивший русскую сказку о девочке и медведях. Испытуемой следовало, как в сказке, разложить тарелки. Самую "большую", с самым сильным излучением, она поставила на край стола – для медведя, со средним излучением положила рядом – для медведицы, а третью тарелку с самым малым излучением – для медвежонка. Четвертую, чистую тарелку без гамма-излучения поместила на другой край стола – для девочки, то есть для себя. Вот в такие занимательные игры поиграли с Джуной.

* * *

И последнее. Расскажу подробнее о мнении того, кто, пожалуй, больше всех сопротивлялся, – академика Николая Блохина, в то время президента Академии медицинских наук:

– У меня позиция была и остается твердой: с научной точки зрения в этом феномене ничего нет. Чудесами и мистикой мы не занимаемся.

– Так что же будет дальше? – обескураженный таким ответом, спросил я президента. Вопрос остался без ответа.

После визитов Джуны в институт неврологии я второй раз обратился к президенту, поинтересовался, не изменилось ли его мнение.

– Да, была Джуна в институте. Кстати, вы от кого узнали об этом? Вот видите, она уже козыряет этим обстоятельством. Нас попросили ее исследовать. Но науки там нет.

– А что есть?

– Мистика и чудеса.

Прошло еще несколько месяцев. Собрав все отчеты, вооружившись снимками, сделанными с экрана термовизора в институте рефлексотерапии, я решил просить аудиенции у президента.

– Вот, – говорю, – Николай Николаевич, собирал для вас все материалы за несколько месяцев.

А гостеприимный хозяин, источая радушие, даже не глядит на мое богатство.

– Все это я уже видел, – говорит мне.

– И снимки, сделанные в институте рефлексотерапии?

Едва заметный кивок головы означал, что и эти снимки видел. Как и отзывы врачей поликлиник.

– Все они к науке не имеют никакого отношения.

И разговор повел о шарлатанстве в медицине.

– Есть у меня убежденность, и ничем вам меня не переубедить.

– А у вас, между прочим, – заметил президент, глядя мне в глаза, – мистическая настроенность ярко выражена... Наша задача – охранять людей от шарлатанов. Изучать тут нечего, – заключил он, отворачиваясь от груды отчетов и снимков.

– Но ведь излучение налицо, оно вот, перед нами, какая это мистика и фокус?

– Излучение электрическое известно нам давно, но для терапии и диагностики никакого значения оно не имеет. Вы сделали грубую ошибку, что написали о Джуне... Что только теперь не пишут, даже, говорят, по телефону можно установить диагноз, даже по фотографии... А что излучает фотография?

Глава II

Глава вторая, где рассказывается о мнемонизме и о наших известных современниках, подверженных этому феномену непризнания "очевидного – невероятного"; о гражданском мужестве и нравственности в науке, оказавшихся необходимыми для изучения столь безобидных явлений, как телекинез и целительство; об успешных и безуспешных встречах с академиками и писателем-академиком Леонидом Леоновым, поведавшим любопытные истории по вопросу, затрагиваемому в нашей книге; об официальном решении создать новую лабораторию для изучения, в частности, феномена "Д" и трудностях, встретившихся при неудачно начавшихся попытках "драться за дом"; о первом звонке президенту АН СССР и его шутке, от которой автору было не до смеха, и многих других радостных и печальных эпизодах, происходивших в жизни будущего старшего научного сотрудника Е.Ю. Давиташвили в 1981 году.

* * *

Из истории науки и техники известно о свойстве многих великих людей, получившем название мнемонизма, то есть непризнания выдающихся открытий современности. Обычно приводят такие примеры мнемонизма: Наполеон не оценил силы пара и не поддержал изобретателей, работавших над созданием паровых машин; Вирхов не признавал учения Дарвина. А в свою очередь Дарвин осмеивал гипнотизм. И так далее...

Поэтому, как ни огорчительно было слышать из уст президента медицинской академии уничтожающие отзывы о феноменах, я не терял оптимизма. Поддерживала мысль Макса Планка: "Обычно новые научные истины побеждают не так, что их противников убеждают и они признают свою неправоту, а большей частью так, что противники эти постепенно вымирают, а подрастающее поколение усваивает истину "сразу". Появился даже на основе этого высказывания афоризм: "Старые идеи не умирают, умирают их сторонники..."

С этим "законом признания" нужно считаться, особенно в той его части, где говорится о подрастающем поколении молодых ученых. Поэтому хотелось встретить ученых-ровесников, с которыми легче найти общий язык.

Помог в этом академик Юрий Борисович Кобзарев. Судьба распорядилась так, что ему официально поручили разобраться с деятельностью группы энтузиастов, занимавшихся на общественных началах проблемами изучения феноменальных способностей человека, относимых к области парапсихологии. Над

ними нависла угроза расправы: эту общественную научную организацию как "лженаучную" намеревались закрыть.

Вот тогда, а случилось это в 1978 году, увидел впервые академик телекинез в исполнении Нинель Кулагиной, поразившей его. Проводил он эксперименты и с другим феноменом – Розой Кулешовой, обладавшей, как упоминалось, "кожным зрением". Обе они в прессе заслужили устойчивую репутацию шарлатанок и аферисток. Но эта репутация не помешала пылливому ученому познакомиться с их способностями и увидеть: здесь есть что изучать, фокусы тут ни при чем.

Юрий Борисович Кобзарев устроил демонстрацию телекинеза коллегам. На квартире у академика И. К. Кикоина собралась группа ученых, десять человек, среди которых было пять действительных членов академии наук СССР, остальные – профессора. Нинель Кулагина показала им примерно то же, что делала на кафедре в университете у академика Рема Хохлова, а затем во многих институтах, все то, что поражало меня еще в 1968 году.

Собравшимся, а все они были профессиональными естествоиспытателями, не стоило особого труда разобраться, что ни миф № 1 о "невидимых тончайших нитях", ни миф № 2 о "спрятанных под одеждой магнитах" не объясняют виденное.

Обсудив положение, желая как-то помочь реабилитироваться Нинель Кулагиной, а также содействовать познанию необъяснимых и непризнаваемых явлений, они направили письмо в президиум Академии наук СССР с призывом начать исследования.

* * *

Хотя Нинель Кулагина наезжала время от времени в Москву, показывала телекинез, "жжение" и многое другое, хотя встречали ее радушно сотрудники Института радиотехники и электроники, сокращенно ИРЭ АН СССР, академик Кобзарев и профессор Гуляев, вскоре избранный членом-корреспондентом академии, принимали дома, в лаборатории, но систематических исследований в институте не велось.

Сообщая все это для того, чтобы объяснить, почему именно академик Кобзарев два года спустя после встречи с Нинель Сергеевной, долго не раздумывая, поддержал Джуну, почему именно Юрий Гуляев возглавил первую государственную программу по изучению феноменов, наконец, почему я убедил Джуну работать именно в этом институте, где исследовался телекинез. Забегая вперед, скажу: она часто упрекала меня за этот совет, так как руководство института радиотехники и электроники в трудные дни отвернулось от своей сотрудницы, причинив ей много обид и огорчений...

Походатайствовать перед городскими властями за Кулагину директор института, он же вице-президент АН СССР, В. А. Котельников смог, однако публично защитить от нападок,

открыто заявить, что она удивительный феномен, а не аферистка, – на это у него не хватило гражданского мужества.

”Особенно нужно сейчас говорить о чести ученого. В нашем обществе все больше и больше возрастает роль науки. Отношения к обществу, отношения ученых между собой крайне усложнились. И нет в науке правил нравственного поведения. Необходимо создать моральный кодекс ученого”. Это слова академика Дмитрия Лихачева, смысл которых я особенно остро ощутил в дни борьбы за новое дело.

Уже в 1978 году физики Института радиотехники и электроники не сомневались: телекинез – реальность, требующая изучения. Сомневались в другом – чем объяснить движение предметов, чем истолковать вращение магнитной стрелки, столь явное жжение.

– Что все это значит – не понимаю, а раз не понимаю – не могу объяснить. И выступать публично не могу. Но я буду заниматься этим до конца жизни, пока мне все неясно – вот так объяснил мне свою позицию Юрий Васильевич Гуляев при первой встрече у него на службе.

Именно он обнаружил, что во время телекинеза, когда двигаются легкие предметы, у феномена происходит излучение ультразвука. У него даже появилась ультразвуковая гипотеза: он полагал было, что этим ультразвуковым полем можно объяснить телекинез. Но оказалось, что силы этого поля не хватает. Кто же ответствен за телекинез, какое поле, какая сила передвинули во время опыта анодированный колпак, легкую полусферу, бумажную коробку, наконец, перочинный ножик, что был у профессора под рукой?

Джуну, как и Кулагину, профессор видел, даже проверял ее способности в домашней лаборатории. Но у нее воздействие иное, не столь ярко выраженное.

Вот почему в институте занялись поисками приборов, которые были бы на три порядка, то есть в тысячу раз, более чувствительными, чем те, что имелись. Требовались приборы, чтобы воспринимать физические поля не только феноменов, но и самых обычных людей. А кроме того, занят был профессор созданием программы ”Физические поля биологических объектов”. По ней предстояло исследовать и Джуну, и Кулагину...

Наконец-то!

Наконец-то я познакомился с физиками, которые собирались исследовать явление в институтской лаборатории...

* * *

Решение об этом принималось Госкомитетом по науке и технике СССР. 26 января 1981 года я подъезжал в автомашине к большому, облицованному красным гранитом зданию этого комитета на улице Горького с сидевшей впереди ликующей Джуну. Ее пригласили на совещание, где обсуждалась научная программа, разработанная профессором.

– Ну, что там? – поинтересовался я у Джуны, когда она через пару часов выходила из широких дверей:

– Будут изучать, и я буду ученым! – высказала она свою мечту.

– Каким ученым?

– Научным сотрудником! Нет, старшим научным сотрудником. Никаких младших лейтенантов. Старший научный сотрудник, доктор наук – вот кто я буду!

Можно было, конечно, посмеяться над этими словами. Но что изучение начнется – сомнений не осталось: Джуна возвращалась домой с заседания в государственном комитете, где решалась ее судьба.

Однако сообщить об этом я не мог, задыхался от бессилия, невозможности разорвать невидимую, но непреодолимую цепь безгласности, опутывавшую меня по рукам и ногам. Что бы случилось, если бы появилась тогда короткая информация: мол, ученые начинают исследование феномена Джуны в институте радиотехники и электроники... неужели тем самым сдалась бы крепость науки на милость врагам?

В то самое время, когда ни я, ни какой другой московский журналист не могли сообщить соотечественникам о начале исследований, не представлявших никакой военной и государственной тайны, поздно вечером об этом вещало радио из Лондона:

”Корреспондент Би-би-си, ссылаясь на информированный источник, сообщает из Москвы, что Государственный комитет по науке и технике на специальном совещании признал эффективность лечения различных заболеваний советским экстраксом, известным под именем Джуна, как очевидный факт и собирается предоставить ей благоприятные условия для продолжения ее работы, в частности выделить специальную лабораторию”.

Эта весть пронеслась в эфире на второй день после поездки Джуны в Госкомитет. Мне потребовалось с того момента почти два года усилий, чтобы сообщить об этом же на страницах советской газеты!

Пока разрабатывалась программа, определялись участники исследований, закупалась аппаратура, пока, одним словом, большая наука разворачивала широкий фронт для генерального наступления, я старался делать свое дело. И не только фиксировал события, но и искал ученых, которые бы могли своим авторитетом противостоять мнемонизму, поддержать новое направление.

* * *

События разворачивались одно за другим. Вместе с врачами поликлиники, где три месяца работала Джуна, приняли ее в Минздраве СССР, пообещав предоставить одну из московских клиник для официальных опытов. Об этом я узнал от руководителя консультативно-диагностического центра Владимира

Иосифовича Вашкевича, побывавшего тогда в Минздраве. Джуна радовалась, как ребенок.

– Лев, мне дают больницу и больных!

Но она снова ошиблась, как и врачи, ожидавшие обещанного... Никакой клиники, даже разрешения на продолжение работы они не получили. Просто в Минздраве, как было это и в Академии медицинских наук, состоялось очередное знакомство с "целованием рук".

Тогда произошла у меня первая встреча с новым министром здравоохранения СССР С. П. Буренковым.

– Видел я Джуну, – сказал министр. – Ну и что из этого? Мои убеждения не изменились... Наши товарищи ее смотрели. Ничего не подтвердилось.

Этими товарищами были уже упоминавшиеся профессора института неврологии.

Требовалось время, чтобы все стало на свои места. Требовались физические эксперименты. А их следовало подготовить: этим уже занимались.

* * *

А я решил сделать то, что однажды уже удалось в 1978 году. Тогда, как вы помните, на квартире академика И. К. Кикоина собрались академики и профессора, чтобы посмотреть своими глазами поразительный телекинез Н. Кулагиной...

Почему бы вновь не собраться на той же самой квартире академика, не посмотреть, как Джуна ставит диагноз, не почувствовать, наконец, ее биотоки. Ведь человек только тогда может быть в чем-то убежден, если он все видел своими глазами. Иначе зачем они? В науке выработался, к сожалению, тип ученого, который не верит глазам своим, уповая только на приборы, не понимая, что часто видит перед собой "мираж естественнонаучной объективности". Так охарактеризовал эту черту современных исследователей польский психиатр Антоний Кемпинский.

В общем, обратился к академику, хозяину квартиры, где проходил домашний опыт. Он отдыхал под Москвой на даче. Договорились еще раз созвониться, когда академик вернется на службу. А работал он в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова, где директором был академик А. П. Александров, он же в то время президент академии. Надеялся, что от квартиры академика Кикоина недалеко до квартиры академика Александрова. А он, как я полагал, рано или поздно должен сказать решительное слово. Одной репликой на объединенной сессии двух академий не обойтись...

* * *

Начал обзванивать и остальных участников встречи, еще не догадываясь, как много сил потребует эта простая, как казалось поначалу, операция. Академики – народ занятой, и хотя все они люди пожилые – работают от зари до зари.

Математик Андрей Тихонов, будучи директором математического института имени В. А. Стеклова, в то же время являлся деканом факультета университета. Встретился я с ним в доме на Ленинском проспекте, где живут многие ученые.

— Физикам неясны физические причины явления, — объяснил мне Тихонов. Но во всякой науке первый вопрос — есть ли факт, а уж потом надо искать причины и искать ответы на все другие вопросы. А проходить мимо таких фактов, как телекинез Кулагиной (ее я видел) или целительство Джуны, нельзя. Нужно их либо зафиксировать неопровержимо, или же опровергнуть, но аргументированно. Я поинтересовался у Кулагиной, — продолжал академик, — когда она заметила у себя способности читать чужие мысли. Она ответила, что в госпитале, когда играла в домино с раненым товарищем. Вопрос тут непростой — то ли она подглядывала, то ли читала мысли на расстоянии. Я видел своими глазами, как она передвигала стеклянный бокал на столе. Стол был прикрыт газетой. Я заметил на какой строчке стоял бокал до начала движения и какой строчки он достиг, когда двинулся по желанию Кулагиной. А проехал он восемь сантиметров! Нет, все это не шарлатанство. Вот почему подписал письмо в Академию наук. И явление Джуны — серьезная вещь. Вот так давайте и напишем.

Так Книга отзывов Джуны пополнилась вторым отзывом действительного члена АН СССР.

Видел телекинез и академик Вадим Трапезников, директор института АН СССР, но по другой специальности — проблем управления (автоматики и телемеханики). И на него телекинез произвел впечатление. Придавал серьезное значение он и эффекту "волшебной палочки" — известному с древних времен способу поиска при помощи ветки лозы воды и полезных ископаемых. Академик интересовался деталями: как и что лечит Джуна, как диагностирует. Но посмотреть на нее не захотел, чтобы его не заподозрили в том, что он лечится, а стало быть, небескорыстен. Высказался Трапезников весьма решительно, даже категорично:

— Отмахиваться от непознанного нельзя, не рискуя погубить науку. Сводить феномены к фокусу и шарлатанству нельзя, хотя не исключено, что к феноменам могут примазаться нечестные люди. Есть они везде, но из-за них мы не перестаем работать...

* * *

Получив еще один отзыв представителя естественных наук, мне захотелось получить поддержку академика "по разряду изящной словесности", каким является наш современник писатель Леонид Леонов. Именно его видел я летом 1980 года у Джуны. Опубликовать свой отзыв писатель разрешил с одним условием — в "компании с другими академиками". Леонид Леонов наблюдал Джуноу в числе первых в Москве. Во время той встречи он рассказал и о знаменитой слепой "ясновидящей"

Ванге. Встреча с ней произошла в Болгарии. О Ванге пишут много поразительного. С Леоновым она была в силу своего возраста и положения на "ты". Ванга, впервые встретив писателя, сказала:

– Ты написал роман о судьбах человечества...

Ванга "угадала" и многое другое: что у него была младшая сестра, давно умершая, и что когда она жила, в детстве, писатель ревновал родителей к ней. И еще рассказал Леонов о Ванге.

В годы немецкой оккупации пришел к Ванге домой полицейский, пригрозил арестом. Ванга, как говорили, помогала партизанам, предсказывала им исход операций, давала советы.

– Я тебя, ведьма, посажу!

– Посади, посади, – ответила Ванга, – если домой дойдешь.

Домой он не дошел, сраженный пулей партизана.

Еще один случай привел Леонов из жизни Ванги, хорошо известный в Болгарии. К ней переодетым в крестьянскую одежду не в машине, а верхом на осле подъехал фельдмаршал Лист, пожелавший явиться к "ведьме" тайком от сослуживцев перед отправкой на фронт. Ванга, не зная и, естественно, не видя, что перед ней гитлеровский фельдмаршал, раскрыла его секрет:

– Я тебя узнала, ты пришел ко мне как крестьянин, но ты генерал. Ты получишь лестное назначение, но тебя разобьют при большой горе.

Этой "большой горой", как известно, оказался Кавказ.

Вернувшись к разговору о Джуне, Леонид Леонов выразил убеждение: то, что она делает, не гипноз, это очень "важная вещь", и изучать ее нужно без шума и предубеждений.

– Жаль, что наука из-за соблюдения престижа обходила глубокие колодцы, точнее говоря, дзоты неприступных до поры до времени проблем, не зная, как к ним подступиться, оставляя их в своем глубоком тылу. А пора бы ими заняться...

* * *

Что скажет по поводу Джуны академик В. А. Котельников, вице-президент АН СССР? Ведь он возглавлял институт, где предстояло исследовать феномены. Я послал в институт письмо с вопросом: представляют ли интерес для науки феномены Н. Кулагиной и Джуны? И получил ответ:

"На Ваше письмо от 14.IV.81 г. сообщаю, что, по-моему мнению, все феномены, заслуживающие внимания науки, должны изучаться должным образом. Опрометчивая публикация новых явлений ради сенсации, а также недостаточно обоснованные отрицания их в печати, по-моему, приносят вред.

В. А. Котельников"

Много вопросов возникало после появления такого ответа, и среди них такой: разве не Джуну предполагали исследовать в этом институте и даже зачислить на штатную должность, так

почему же на ее имя и на имя Кулагиной накладывается табу, почему их не рискуют упомянуть в официальном ответе журналисту... Чтобы он, не дай бог, не упомянул, не связал публично имя столь высокопоставленного лица в науке и имена так низко павших в глазах общественного мнения феноменов... Да, вещие слова академика Лихачева, вещие: "...узкий специалист должен обладать широким и глубоким уровнем гражданского мышления. А сегодня это не всегда так. В нашей научной жизни не все благополучно..."

Вся история Джуны и Нинель Кулагиной – яркий пример такого неблагополучия...

В те дни мне попала на глаза книга академика Г. И. Марчука, где, обращаясь к молодым, он высказывал мысль, важность которой я тогда остро почувствовал: "От ученого, как, впрочем, и от каждого советского человека, требуется проявление гражданского и нравственного мужества в отстаивании своих позиций от внешнего давления и субъективизма".

Оказалось, не так-то просто проявить гражданское мужество, отстаивая свои позиции от внешнего давления.

Я много ждал от члена-корреспондента АН СССР Николая Лидоренко, который, как никто другой, давно интересовался феноменами, наблюдал их в лабораториях. В разговоре со мной он смело и открыто ругал тех, кто не понимает, что за наблюдаемыми явлениями, демонстрируемыми феноменами, скрывается, по его словам, "глубинная физика". Он даже прислал ко мне помощников, которые интересовались мельчайшими деталями "дела Джуны", пытались составить проект отзыва своего шефа для печати. Наконец спустя месяц пришло по почте запоздалое письмо. Но в нем смелых слов не оказалось, а сказано было только то, что институт, руководимый уважаемым ученым, интересующими меня вопросами не занимается...

Однако это было не совсем так.

* * *

Наконец закончился срок пребывания академика И. К. Кирина в санатории. Он вышел на работу. Вот-вот, полагал я, состоится встреча ученых с Джуной, получит и она "охранную грамоту".

Но история не повторилась. Второй раз предоставить квартиру для домашнего опыта академик не захотел. "Вы же знаете, что сказал по этому поводу президент... Так что буду держаться подальше от Джуны", – заключил он.

Но другие встречи произошли.

Весной с Джуной встретились киевские академики Виктор Глушков и президент Академии наук Украины Борис Патон. Первый под влиянием этой встречи написал одну из своих последних (перед внезапной кончиной) статей, где пытался с кибернетических позиций объяснить природу явления. Эта статья появилась в журнале "Техника – молодежи".

А что думал по поводу Джуны президент Академии наук Украины?

"В связи с Вашим письмом от 14 апреля 1981 года, в котором Вы запрашиваете мое мнение о том, представляет ли для науки интерес такой феномен, как Джуна, сообщаю: любой феномен представляет интерес для науки и заслуживает того, чтобы его изучали. Поэтому, на мой взгляд, Академия наук СССР поступила совершенно правильно, организовав серьезную и планомерную работу по изучению биологических полей, а следовательно, и феноменальной особенности, которой, очевидно, обладает Е. Ю. Давиташвили.

Возможно, Вам неизвестно, что в ГКНТ СССР утверждена комплексная программа по изучению биологических полей...

Думаю, что в результате этой работы будут выяснены многие неясные пока явления.

С уважением

Б. Патон,
академик

30 апреля 1981 года"

Естественно, мне хотелось в печати сообщить, что исследование феноменов в СССР начинается.

Но те, кто планировал работу, думали иначе: "Зачем хвалиться раньше времени. Вот запустим "спутник", тогда и сообщим", — решил Гурий Иванович Марчук.

Все добытые с трудом отзывы остались лежать в столе...

* * *

Однако результаты работы Джуны в городской больнице № 36 и других московских поликлиниках неожиданно стали достоянием всех.

О них сообщил "Огонек" в апреле 1981 года. То была публикация, принесшая много радости.

Мук тоже.

Вышедший днем в пятницу свежий номер "Огонька" привлек чье-то внимание и вызвал начальственный гнев. И вечером печатные машины, которые должны были еще долго вращаться, чтобы выпустить весь тираж, внезапно остановили.

Всю ночь Джуна не смыкала глаз, то рыдала, то ругалась, проклиная своих врагов, то пила в изнеможении лекарства, то звонила высокопоставленным пациентам...

Кто остановил машины?

Кто запустил вновь?

По моим сведениям, генерал армии А. А. Епишев, в то время каждый день приезжавший днем на прием к Джуне. Именно он после звонка рыдающей целительницы обратился к тому, кто мог повлиять на решение продолжить печатание журнала, не исключая из номера злосчастную статью, которая без малого год не могла увидеть свет...

Как бы там ни было, а в одиннадцать утра в субботу я услышал в трубке голос едва живой моей героини:

– Революция продолжается! Журнал выйдет со статьей обо мне.

Все новые знаменитости становились знакомыми Джуны, оставляя автографы на дарственных книгах, альбомах: Илья Глазунов, Андрей Тарковский, Майя Плисецкая. В то же время между ней и официальной медициной, которой она стремилась отдать свои руки, стояла глухая стена.

* * *

Попытку ослабить "внешнее давление", проинформировать законодателей науки – физиков – сделал в те дни академик Ю. Б. Кобзарев.

В майские дни 1981 года Юрий Борисович, надев парадный костюм со звездой Героя Социалистического Труда, вместе с женой отправился в святая святых физиков – ФИАН.

Все места в большом зале института были заняты. Пришедшему в числе последних председателю собрания академику В. Л. Гинзбургу не сразу нашлось где и сесть. Глядя на переполненный зал, он сострил, что вот теперь видно, как много людей в ФИАНе занимается физикой...

Юрий Борисович выступал час. Говорил об опытах, которые проводил с Розой Кулешовой, Нинель Кулагиной. Во всеулышание в такой большой и авторитетной аудитории физиков академик доложил, что в момент телекинеза от рук зарегистрировали акустические сигналы в виде щелчков, они следовали в ритме сердца: длина – микросекунда, интервал – секунда; фиксировались сигналы электрометром. Потом выступил профессор Юрий Гуляев и доложил о величине сигнала.

У него из зала спросили:

– Видели ли вы телекинез?

Зал замер. Что ответит член-корреспондент?

– Видел, – ответил профессор, но как-то неуверенно, и добавил, что иллюзионисты делают то же самое.

Я слушал и не верил ушам своим. А был ли мальчик? Ведь за три года до поездки в ФИАН профессор с энтузиазмом докладывал в здании Нескучного дворца маститым членам президиума академии о своем открытии. Перед моими глазами вставала фотография, где Нинель Кулагина расположилась перед прибором в виде трубы, который регистрировал ее ультразвуковые импульсы в момент телекинеза. Рядом с трубой стоит Юрий Гуляев, никаких фокусников нет.

Вывод из посещения ФИАНа Юрий Борисович сделал неутешительный: "Ситуация ясна: никакого объяснения пока нет".

Странные дела происходят в науке. Президиуму академии докладывается о телекинезе как о факте реальном, а собранию физиков – как о некоем гипотетическом факте...

– Телекинез еще доказать нужно! – поучал меня будущий заведующий лабораторией, где предполагалось исследовать Джуну.

– Доказывайте на здоровье, но это же не значит, что телекинеза нет, – пытался я парировать доводы доктора физико-математических наук, которому поручалось новое дело. Именно он должен был на несколько лет стать начальником Е. Ю. Давиташвили. И с Нинель Кулагиной ему предстояло работать.

– Джуна – доморощенный йог, – высказывал свою точку зрения будущий заведующий на своего будущего штатного сотрудника. Никаких биополей у нее нет.

Если Юрий Гуляев – специалист в области ультразвука, то Эдуард Годик, которого пригласили возглавить новую лабораторию радиоэлектронных измерений биологических объектов, является знатоком в области оптических измерений.

– Его знают во всем мире, – отрекомендовал будущего заведующего шеф, профессор Гуляев.

Восьмого июня от прибывшего в отличном расположении духа профессора услышал по телефону:

– Официально выражаю удивление вашему звонку: с какой стати вы, журналист, ко мне обращаетесь с вопросами? А лично для Льва Колодного могу сообщить, вскоре получаю большие ресурсы для развертывания работ по программе "Физические поля биологических объектов".

– Не написать ли?

– Нет, конечно. Нам никакой рекламы не нужно, мы будем этим делом заниматься серьезно.

* * *

Наступили летние светлые дни. По утрам, закрыв перед посетителями двери квартиры, оставив сына на руках знакомых, Джуна спешила в машину, чтобы с Ленинградского проспекта, где жила, побыстрее доехать до Ленинских гор, где расположен Московский университет.

Полная надежд, Джуна свыше недели, как на праздник, ездила в лабораторию, руководимую доктором наук А.Т. Рахимовым.

За порог лаборатории меня не пускали. Я вспоминал, как тринадцать лет назад этим же маршрутом ехал в машине, за рулем которой сидел Рем Хохлов, доставлявший на кафедру Нинель Кулагину.

Теперь вот в университет ехала Джуна.

Что она там показывала – знаю с ее слов, но она не очень-то представляла суть экспериментов.

Особенно нравился ей эпизод, где воздействовала на сердце лягушки.

В успехе, как всегда, не сомневалась. Заведующего лабораторией называла не иначе как Саша. Я не заражался ее опти-

мизмом, потому что хорошо помнил, чем звершились мои оптимистические опыты на кафедре... Тогда ведь телекинез все ее сотрудники наблюдали много раз, три дня подряд. Но вывода о том, что телекинез – реальность, сделать никто не посмел, даже такой авторитет современной физики, как Рем Хохлов.

Так же неожиданно, как поездки начались, так же они и закончились. Никакого результата опыты не дали.

Когда Джуна встречалась с экспериментаторами, они ей улыбались, говорили, что все идет хорошо, мол, регистрируют ее сигналы...

Когда же я навел справки у А.Т. Рахимова, то услышал другое:

– Аппаратура, что у нас есть, не показывает ничего. Ничем Джуна не отличается от всех.

– Зачем тогда ее вводить в заблуждение?

– Ну зря вы, понимаете, обо всем этом говорите, вы человек другого восприятия. Я с ней разговариваю и пытаюсь ее заинтересовать, и если буду сразу говорить все, как есть, то все сразу и кончится. А зачем мне это нужно? Я заинтересован, чтобы все продолжалось, я хочу истину понять. Я поэтому не буду ей говорить ничего, а буду говорить: что-то есть, давайте исследовать и так далее. Понимаете?

Нет, не понимал. Зачем обманывать, разве можно строить на такой основе отношения? что за нравы в научной среде?

Я снова вспомнил опыты в лаборатории академика Р.В. Хохлова. Все видели, как передвигались по столу без прикосновения рук предметы. Все видели вращения стрелки компаса. И все молчали. Никто не посмел сказать – да, это факт!

– Когда мы предлагаем сделать эксперимент по телекинезу нормально, то есть ставим в лаборатории стол весом в пять тонн, который нельзя трясти, – коснулся и этого вопроса доктор наук, – помещаем предметы в вакуум, туда же ставим крутильные весы и говорим, что, по нашим оценкам, передвинуть предметы в таких условиях легче, чем на обычном столе, то нам в этом случае отвечают – нет, мы в таких условиях работать не будем.

– Ну хорошо. Ваши приборы ничего не регистрируют, но, может быть, вы что-нибудь видели своими глазами?

– Нет, не видели!

– Ну тогда, быть может, что-нибудь почувствовали?

– Мы в лаборатории, пять человек, ничего не почувствовали, я тоже не ощутил, – ответил доктор наук, – хотя мне очень этого хотелось. Но как раз такие вещи только дискредитируют дело – не ощущаем, ну и неважно, не самый это осязаемый прибор, наши руки. Эти ощущения и нельзя приводить в качестве аргумента.

– Зачем вам вообще нужна Джуна, если ничего ваши приборы не показывают?

– А вот вы писали, что над ее пальцами и над головой виден свет. Есть у нас прибор фотоумножитель, который регистрирует

фотоны, даже одиночные, так что это можно померить количественно. Поэтому у нас нет огульного отрицания, но и нет огульного захваливания, надо трезво, безо всякой шумихи работать. Потому что всех трезвых людей эта шумиха раздражает, — заключил доктор наук, имея в виду мою газетную публикацию о биополе. На этом и закончилась наша беседа.

Скажу еще вот что: эта университетская лаборатория, по словам Ю.В. Гуляева, получила от государства сотни тысяч рублей, и столько аппаратуры, сколько и Институт радиотехники и электроники. Физики университета получили все это только потому, что были призваны под знамена программы "физических полей". Но, встретившись несколько раз с Джуной летом, осенью они с ней работы не продолжили. Зачем? Все, что требовалось, они уже имели.

* * *

Наступит ли благое время, о котором мечтал Сент-Экзюпери: "Я верю, настанет день, когда больной неизвестно чем человек отдастся в руки физиков. Не спрашивая его ни о чем, эти физики возьмут у него кровь, выведут какие-то постоянные, перемножат их одна на другую. Затем, сверившись с таблицей логарифмов, они вылечат его одной-единственной пилюлей".

Американские физики поставили простой опыт. Раздобыли плотные конверты с запечатанной в них цветной пленкой. И предложили Джуне засветить пленку руками, не вынимая ее из упаковки.

Джеймс Хикман, биолог и физик из института в Сан-Франциско, штат Калифорния, где изучают скрытые возможности психики человека, рассказывал Ю.В. Гуляеву:

— Мы взяли катушку с пленкой чувствительностью в двести единиц, несколько черных конвертов.

В каждый конверт вложили по два куса непроявленной пленки длиной в восемь дюймов. Затем я положил черные конверты в два разных белых больших конверта. И один из них дал Джуне. Она держала конверты между руками 25–30 секунд, до тех пор, пока, по ее мнению, она на них не подействовала.

Было всего шесть черных конвертов. Три из них я дал ей, и она пыталась на них воздействовать. Я пометил эти конверты и повез домой в США, потом в Штатах отдал на проявление все двенадцать кусочков пленки. И те, что она держала в руках, и те, которых она не касалась.

Шесть кусков, которые не подвергались воздействию Джуны, оказались совершенно черными.

А те шесть кусков, которые она держала в руках, были особым образом засвечены. Пленка была цветная, слайдовая, обратимая. На ней появились своеобразные следы в форме небольших кружочков, причем центр круга — совсем белый, а от него исходят лучи.

– По всему куску пленки?

– Почти по всему куску пленки... Преобладающая окраска такая: центр белый, а вокруг белого пятна ореол – красные, розовые, синие, голубые пятна. У этой цветной пленки есть три уровня восприятия света. Если воздействие на пленку слабое, то появляется синяя или голубая окраска. Посильнее – красная. И очень сильное воздействие – белая краска. Засветка свидетельствует, что энергия, исходящая от Джуны, была всех трех уровней, поэтому появились все три цвета.

– Есть ли какие-то закономерности в засветке?

– Нет, их мы не обнаружили. В некоторых местах пленки засветка была такой интенсивности, как если бы пленку просто вскрыли на свету. Мы заметили два способа засветки – пятнами и сплошь. Поскольку три контрольных куска остались полностью темными, вероятность, что пленка засвечена не Джуной, равна нулю. Этот опыт показывает, что от Джуны исходит электромагнитная или какая-то другая энергия. Но наш опыт никак ее не измеряет, поэтому нужны более жесткие эксперименты.

Спектрального анализа, никаких инструментов мы не применяли.

– Ну а есть ли у Джуны особое поле?

– Думаю, что Джуна генерирует несколько полей, которые мы знаем и можем записать: электромагнитное, инфракрасное, радиационные излучения. Наверно, есть у нее и компоненты, которые мы не знаем...

Пусть не подумает поспешно мой читатель, что вот, мол, молодцы американцы – не то что у нас, взяли да провели с Джуной физический опыт... Не буду сейчас вспоминать о точно таких опытах, которые с участием Нинель Кулагиной ставились у нас лет десять тому назад в Ленинграде... Хочу остановиться на другом. Большинство американских физиков (как и везде, во всех странах, где развита наука) считает, что феномены – фокусники или шарлатаны. Американский профессор Дэвид Майерс в журнале "Сайенс дайджест" опубликовал статью (переведенную на русский язык и опубликованную в московских газетах под заголовком "Чудеса в решетке"), где доказывал: все феномены, или, как он их называет, "медиумы", – нечестные люди.

Его коллега английский профессор Ч. Хэнзел издал книгу (также переведенную на русский язык) под названием "Парапсихология". Но если кто, заинтригованный заголовком, ее откроет, то увидит, что это "Антипарапсихология"; все упоминаемые в этой книге опыты сводятся к ошибкам и обманам.

Французский журналист М. Руже в журнале "Сьянс э ви" доказывает: все известные случаи телекинеза – фокусы. Статья его с фотографиями перепечатана с явным удовольствием в журнале "Наука и жизнь"...

Подготовил я интервью с американским биофизиком и подумал: "Нельзя ли заручиться поддержкой Института радиотехники и электроники?" И отправил туда интервью, которое мне помог провести заместитель директора института по научной части... Ответ не заставил долго ждать. Буквально в тот же день получил я письмо за подписью ученого секретаря, который по поручению директора академика В.А. Котельникова пояснил, что "институт не имеет к Вашей беседе с американскими учеными никакого отношения".

Ну что ж. Если не желает помочь печати вице-президент, обращаться к президенту... Долго не решался на этот шаг, хорошо помня его слова о "лженаучных направлениях". Но знал и другое – академик А.П. Александров поддержал много ценных инициатив, несмотря на годы, не утратил жизнелюбия, доброжелательности, чувства юмора.

Как раз в те дни в академии официально утвердили программу "Физические поля биологических объектов". Значит, решил я, президент к ней имеет отношение. В общем, позвонил.

– Но ведь Академия медицинских наук назначала комиссию, она этим занималась...

– Дело ведь не только в медицине. Джуна засвечивает фотопленки, воздействует на больных...

– И вы на меня оказываете воздействие, – пошутил президент.

Шутка придавала уверенность, и я произнес монолог, начав с того, что еще много лет назад показывал телекинез академику Хохлову, что звонил тогда же вице-президенту академику Борису Павловичу Константинову, но он так и не нашел времени посмотреть Нинель Кулагину, хотя та жила в Ленинграде, где и вице-президент бывал каждую неделю. Джуна видели многие академики, в том числе Марчук, Патон, Глушков...

– И я, будет время, посмотрю, – пообещал президент.

Пролетело лето, кончилась пора отпусков. Когда вернулся в Москву, узнаю:

– Буду работать в Институте радиотехники и электроники, как о деле решенном заявила Джуна.

– Когда у вас начнет работать Джуна? – перепроверил информацию я у Ю.В. Гуляева.

– Как только развернем лабораторию!

С Ю.В. Гуляевым и Э.Э. Годиком я встретился в университетском дворе, где располагается ИРЭ АН СССР. И здесь узнаю другую новость – институт, оказывается, уже несколько месяцев тому назад направил письмо в исполком своего района с просьбой выделить помещение для новой лаборатории. Называться она будет – лаборатория биоэлектроники... Ей выделили

средства для закупки приборов отечественных и импортных, передали ЭВМ, а расположиться негде.

Через день в том же составе встретились мы в приемной исполкома, где должен был решиться вопрос о помещении.

Когда мы сели за стол переговоров, Ю.В. Гуляев вынул папку, и тут я впервые увидел записи импульсов, полученных во время опытов по телекинезу с Нинель Сергеевной Кулагиной.

При телекинезе приборы регистрировали выбросы энергии. Узнаю, что Нинель Сергеевна, воздействуя на луч лазера, произвела "лазерный разброс" – лазерный пучок рассеивался, как бы разбрасывался под воздействием ее рук.

– В новой лаборатории мы поставим вычислительную машину "Норд" и сможем записывать сигналы не только таких людей, как Джуна, но и всех других, научимся диагностировать на расстоянии больных. Так что дело наше беспроблемное! Все упирается в помещение, – говорил Ю.В. Гуляев.

В тот день назвали нам три адреса. Сели в машину и поехали по этим адресам.

Но выяснилось, что дом или уже имел хозяина, или его нельзя отремонтировать из-за ветхости, или невозможно занять, потому что заселен многими жильцами, а квартир для их переселения нет...

Подходящего помещения для лаборатории найти нам быстро не удалось. Куда мы только ни ездили смотреть дома – и на Малую Грузинскую, и в Волков переулок, и на улицу Рылеева... Все было не то.

Наступал новый день, и начинались новые звонки, поездки. И Джуна продолжала доказывать и убеждать, что сила в ее руках должна принадлежать всем.

По вечерам, закончив прием, спешила на встречи, ездила в клуб Звездного городка. Там я услышал от писателя Василия Захарченко, что произошло у него вскоре после знакомства с Джуной. Она ждала его в редакции, а он в это время задерживался, разыскивал в гостинице "Москва" чехословацкого коллегу, редактора научного журнала, которому пообещал принести статью. В общем, нашел в длинном коридоре номер, но тот был пуст. На столе стоял портфель. Вот туда и положил Захарченко заказанную статью и, не дождавшись хозяина, поспешил в свой журнал. И здесь ему Джуна при свидетелях обрисовала, как только что видела его спешащим по длинному коридору, как вошел он в комнату, увидел на столе портфель, сунул туда быстро бумаги и только после этого успокоился. Это случай телепатии. Еще более загадочной, чем целительство.

* * *

Чем больше говорили о феномене лирики вроде меня, тем больший скептицизм испытывали профессионалы-физики, от которых в первую очередь ожидали объяснения. В те дни у меня состоялось две беседы с известными физиками, академиками

А.Б. Мигдалом и В.Л. Гинзбургом. Первый из них, как мне сказали, встречался с Джуной. Я решил узнать его впечатление.

– Видели ли вы Джуну?

– Да. Это очень интересный человек. Она обладает даром целителя. Мне кажется, это одна из форм гипноза. Есть люди, обладающие своеобразным видом внушения. Вообще гипноз не изучен. Он позволяет влиять на психику больного, мобилизуя его собственные силы.

Что касается диагностики, то мне кажется, что это нужно изучать серьезно. Если ученые займутся делом, то тогда можно будет сказать, что здесь шарлатанство, а что серьезно.

– Есть ли тут какая-то физическая субстанция, какое-то неведомое поле?

– Никаких оснований для этого утверждения нет.

– А биополе есть?

– Я не имею права сказать "нет", всегда может существовать такое, что ускользало от внимания исследователей. Однако считать, что такое поле есть, сегодня нет оснований, так как нет экспериментов, свидетельствующих о его существовании. Все разговоры о будто бы существующем биополе основаны на околонуточной болтовне.

– А что вы скажете о телекинезе? Как вы относитесь к такому явлению?

– Абсолютно отрицательно, совершенно убежден: такого явления нет.

– Но я видел много раз...

– Как объяснить то, что вы видели, не знаю, я не фокусник. Это, безусловно, какой-то фокус, иногда бывает, что фокус нежульнический: сухие наэлектризованные руки могут передвигать маленькие предметы, не касаясь их. Если здесь что и есть, то объясняется простыми физическими принципами, никаким биополем телекинез объяснить нельзя. В некоторых случаях это может быть ультразвук, как говорит академик Кобзарев, хотя сомневаюсь: тут силы ультразвука мало.

– Но ведь Нинель Кулагина двигает предметы разные: маленькие, немагнитные, деревянные, даже сахар. Это же все удивительно.

– Ничего удивительного; когда иллюзионист Акопян двигает предметы, меня это не удивляет. Восхищает, но не удивляет. Пока никаких оснований факта биополя нет. Может быть, и появятся новые факты, которые заставят нас от такой точки зрения отказаться...

Академик Виталий Гинзбург, как мы знаем, нашел время, чтобы прийти в Физический институт АН СССР, когда выступал с "нестандартным" сообщением Юрий Борисович Кобзарев. Поэтому я взял и у него интервью.

– Не нужно бежать впереди прогресса. Определенные неясные явления нужно исследовать, на этот счет много сказано в печати, я уверен, что вы об этом знаете больше меня, вы, я

вижу, этим интересуетесь, я только читал книжку профессора Васильева (*Васильев Л.* Внушение на расстоянии. М., 1962), она совсем неубедительна... Слушал у нас в ФИАНе доклад академика Кобзарева, вот вся моя информация. Я не считаю, что нужно с порога это отвергать. Я всегда помню, что в прошлом веке отрицали гипноз. Какая-то осторожность нужна. Мне пока нечего сказать, так как нет научного обоснования фактов. И вам советую не торопиться с выводами. Вы поняли мою позицию? Я не являюсь априорным хулителем. Я не физик-экспериментатор, я не знаю, что мне сейчас здесь делать.

– Значит, вы как теоретик пока ничего не видите...

– Нет, конечно. Будут факты – будем думать, а пока все это только разговоры.

* * *

Но работа в лаборатории не начиналась. Не было помещения. Зато дома у Джуны я мог увидеть и услышать много интересного. В конце года появился ее портрет, написанный ленинградским художником Иваном Ивановым-Секачевым. Художник встретился с ней в трудную для себя минуту. Два месяца лечился безуспешно в Ленинградской военно-медицинской академии. Болели левая нога и левая рука. Диагноз – левый боковой неатрофический склероз. Рука и нога считались неизлечимыми, причем болезнь прогрессировала. Он прошел у Джуны десять курсов лечения по 7 сеансов каждый. Пропала скрюченность левой руки, пальцев, они стали мягкими. Художник стал забывать, что пальцы постоянно болели. Появилась легкость в коленях, желание ходить, перестал надевать наколенник, предписанный врачами. Неужели и здесь Джуна воздействовала гипнозом?!

Такова история еще одного портрета.

Изваял Джуну и самодетальный скульптор. И вот по какому случаю. Привезли с Украины маленького мальчика. Ребенок чувствовал себя свободно в квартире у Джуны, она относилась к нему с нежностью, как к сыну. Глядя на веселого, подвижного, румянощеккого ребенка, трудно было поверить, что год назад его полуживого принесли сюда на руках. За год до встречи с Джуной мальчик перенес неудачную операцию. У него была грыжа. Во время операции задела мочевой пузырь. Мальчик заболел перитонитом. Вторая операция. Воспалительный процесс продолжается... Летом ему сделали третью операцию, и при этом ребенок заразился... дизентерией. Десять суток лежал в реанимации без сознания. Немного пришел в себя – и снова кризис, плохие анализы. В мочевом пузыре ребенка после операции осталась шелковая нитка. Ему сделали четвертую операцию, после нее поправиться мальчик уже не мог. Отказали почки, температура постоянно держалась около 38 градусов. На поправку ребенок пошел после третьего сеанса у Джуны. Когда я

его увидел, привезли для профилактики. Отец мальчика художник. Он изобразил Джуну в рост, в брюках, шагающей по черной каменной доске. Интересно все-таки, каким гипнозом обладает Джуна, оживившая приговоренного к смерти ребенка?

Евгений Евтушенко в поэме "Фуку" описывает, как его семья вместе с добровольными помощниками выхаживали сына, Тошу, пострадавшего от "цитомегаловируса".

Ребенок называл первые в жизни слова, называл тех людей, которые вырвали его из лап смерти, среди них были английские студенты, живущие в Москве, называл только первый слог имен, хотя его сверстники уже хорошо могли говорить...

"Тоша, – писал Е. Евтушенко, – называл студентов Дж, Э, Ру, Мэ. А трудное имя Джуна он, как по волшебству, произнес сразу".

Я видел, как работала Джуна с Тошей, поэтому мне не кажутся преувеличением слова наших лириков, в частности Андрея Дементьева:

Как имя мне твое перевести на мой язык?
Как разгадать сказанье?
Быть может, это горькое "прости"?
Иль чье-то затаенное признание?
Есть в имени загадочном твоём
Божественная музыка созвучий.
Вхожу в твой взгляд, как прохожу в твой дом,
Беда и горе уж меня не мучат.
Я знаю, ты берешь все на себя,
Все доброте, как небесам, подвластно.
Ты в нас живешь, надеясь и скорбя,
Чтобы любовь в нас никогда не гасла.
Дозволь мне что-то сделать для тебя,
Жизнь коротка и потому печальна.
Улыбка сына в зорях сентября.
Надежда в этих звездах дальних.
А ты без нас не уводи себя,
Дозволь коснуться рук твоих.
Жизнь коротка, но для добра бескрайна.
У глаз твоих чужой недуг затих,
Но в сердце у тебя чужая рана,
А сколько, сколько еще будет их...

(Спустя несколько лет, в 1986 году, когда Андрею Дементьеву, как ведущему телепередачи, представилась возможность рассказать о своей героине с телеэкрана, он утратил дар образной речи и на вопрос зрителей ответил совсем не так, как написал в стихах...)

* * *

Год заканчивался. Лаборатории не было. Бумаги перемещались из одной канцелярии в другую.

– Хочу работать с аппаратурой! – Вот таким было новогоднее желание Джуны Давиташвили в канун 1982 года. Это желание сбылось через десять месяцев. В новом году. О нем – следующая глава.

Глава III

Глава третья, где рассказывается о переговорах по телефону с президентом Академии наук СССР, на которого автор возлагал большие надежды; а также о приятных хлопотах и дальнейших поисках домов для лаборатории, хотя ни переговоры, ни хлопоты не приближали к желанной цели, в результате чего автор сочинил басню "Лев и Волк"; о неожиданном испытании Джуну в центре биофизиков в Пущино, которое она с успехом выдержала, что удостоверяет под протоколом подпись младшего научного сотрудника, поскольку старшие не отважились его подписать, и о многом другом, что привело физиков в подвал, куда вызвали знаменитую Нинель Кулагину; Джуну в конце концов зачисляют в штат академии, и не кем-нибудь, а "с. н. с.", то есть старшим научным сотрудником...

* * *

Чем больше занимался я проблемой, тем чаще думал, что только президент "большой академии", только такой человек, как Анатолий Петрович Александров, обладающий высшей властью в науке, мог бы как-то изменить "общее мнение", противостоять несправедливости, положить конец всем выдумкам, устным и печатным, распространявшимся вокруг имени моей героини. Третий год изо дня в день лечила она у себя дома и в больницах, и в то же время вроде как бы ее и не было в Москве, хотя прописку и отличную квартиру получила.

Но чтобы президент мог помочь, он должен увидеть этот... "таинственный феномен".

— Не могли бы вы, как обещали, посмотреть... — начал я очередной раунд телефонного поединка в новом году.

— Я к этому отношусь скептически, — миролюбиво ответил президент, вернув меня на исходную позицию, словно и не обещал никогда посмотреть то, что меня так волновало. Я понимал — никакие случаи исцеления его не убедят, все эти случаи соотносятся с психотерапией, гипнозом... Но ведь засветка пленки была!

Рассказываю про эту засветку, но чувствую, что и эти мои слова не убеждают молчащего на другом конце провода главу науки.

"Какие еще могут быть аргументы? — думаю про себя. — Общечеловеческие!"

И выкладываю их:

— Ведь жалко человека, так старается, все силы отдает людям, а все без толку, все говорят: мистика и шарлатанство...

— А вам не кажется, — с металлом в голосе вдруг заговорил президент, — что я тоже живой человек. Это не моя специальность! Медики ею занимаются, это их дела.

— Не занимаются они!

— Выберу время — посмотрю, — вот так закончил президент первый в новом году телефонный разговор.

Я мечтал, что вскоре особняк во Вспольном переулке перейдет физикам.

Дни шли, но никто не спешил оформить ордер на этот особняк. Даже директор института, он же вице-президент академии, который выкроил время, чтобы приехать в переулок и осмотреть дом.

— Он проникся, — кратко, с подобострастием резюмировал впечатления шефа будущий заведующий лаборатории, сообщив мне об этом визите.

Встретилась еще одна бюрократическая трудность. На какую должность зачислить Джуну? Работая при поликлинике Госплана, она числилась по штатному расписанию "экспертом". В штатах Академии наук была возможность изыскать для нее должность "старшего инженера", но после "эксперта" славная целительница не хотела быть инженером даже старшим. "Никаких младших лейтенантов!"

Вместе с физиками я несколько раз посещал исполком, пытаясь выбить особняк. И во время этих визитов узнавал много интересного, потому что именно тогда физики кое-что рассказывали, но не мне, а руководителям исполкома, убеждая их выделить для изучения "физических полей биологических объектов" особняк во Вспольном. Так я узнал о некоем Юрии Х., мною не виденном. Ему удалось значительно улучшить зрение внуку видного академика в Ленинграде. Таким образом, у зарождающейся лаборатории появился еще один союзник в городе, где, как помнят читатели, живет Нинель Кулагина, продолжавшая волновать воображение руководства новой лаборатории. Но пока физикам было не до нее: места для экспериментов не было.

* * *

Где находилось место биополу, телекинезу, так это на страницах отдельных газет и журналов, где изошрялись в юморе наши Ювеналы, со своей стороны формировавшие общественное мнение.

"Биополе останавливает лифт, в котором я еду, между этажами и гасит в нем освещение. Дверной замок не пускает меня домой", — шутил юморист вечерней газеты, той самой, чей редактор подлечил на моих глазах у Джуны ногу, хотя до встречи с целительницей не мог ходить без боли.

— Хорошая баба Джуна, — картавя, говорил он мне при встречах, но на страницах своей газеты замалчивал ее многие годы...

”Новосел в синем тренировочном костюме стоял посреди гостиной и двигал мебель методом телекинеза”, — писал фельетонист другой газеты, где феноменов много раз развенчивали в больших статьях.

”Телекинез — это телепатия, но только с чемоданами”, — острил другой сатирик...

А физикам не до смеха: им просто негде работать, аппаратуру, закупленную на выставке, развернуть оказалось негде, разместить штат новой лаборатории — тоже негде.

Очередной визит в исполком на дал результата. Никто не отказывал в помещении, но никто и не давал его.

Может быть, поможет президент? Вновь поймал себя на мысли, что веду себя, как наивная некрасовская бабушка Ненила, когда-то так жалеемая мною в детские годы. Наивная старушка всю жизнь надеялась, что в ее деревню когда-нибудь приедет барин и ”все рассудит”.

”Рассудит ли президент, когда приедет в лабораторию, да и приедет ли вообще?”

Так или иначе, а я направился еще раз к телефону, откуда можно было звонить напрямую, минуя референта, иначе бы мне никогда не услышать в трубке голос главы науки...

На этот раз президент записал мою фамилию, имя и отчество, чтобы заказать пропуск в здание президиума. И назначил день встречи, через неделю.

Семь дней прошли в томительном ожидании. Но когда я уже собрался на прием, неожиданно позвонила референт Наталья Леонидовна, верный страж кабинета президентов в течение нескольких десятилетий. И, не скрывая удовлетворения, произнесла:

— Аудиенция отменяется!

Все.

* * *

Утешало только то, что в этот день черная ”Чайка” вице-президента, совершила поездку по Москве, чтобы осмотреть еще один пустующий дом. Сопровождал его Э.Э. Годик — заведующий лабораторией, для которой подыскивалось ”нежилое помещение”. Руководить лабораторией назначили физика, который был не только, как его охарактеризовал шеф, ”крупнейшим специалистом в области физических измерений”, но и, как я вскоре убедился, человек волчьей хватки, умелый организатор, умеющий находить выход из самой трудной ситуации. Так вот, Эдуард Эммануилович обратил внимание на здание во дворе старого университета, занимаемое ныне Институтом нормальной физиологии Академии медицинских наук, получившим его в наследство от бывшего здесь некогда медицинского факультета университета, ставшего, как известно, в результате преобразований Первым московским медицинским институтом. Обратив внимание на это здание, доктор наук заинтересовал

руководство института предстоящей работой и сумел получить у физиологов во временное пользование 80 квадратных метров подвала.

Я вспомнил про подвал другого московского дома на Садовом кольце, по Садовой-Спасской, 19, где инженер Сергей Королев со своими сотрудниками организовали Группу изучения реактивного движения – ГИРД. Подвал – это уже что-то...

Затем случилось еще одно событие: под Джуну выделили штатную единицу старшего научного сотрудника.

– А это должность доктора наук, – прокомментировал мне важную новость доктор наук.

Да, такие новости придавали силы.

* * *

Продолжались мои разговоры с академиком Юрием Борисовичем Кобзаревым, у которого я "подзаряжался" оптимизмом. От него впервые услышал такую легендарную историю.

...В детстве будущий президент академии жил в окружении тетушек, увлекавшихся спиритизмом. Им занимались в начале века многие, не только тетушки, но и дядюшки, что, как все помнят, отражено и высмеяно у Льва Толстого в "Плодах просвещения".

Тетушки будущего президента, располагаясь за столом с вертящимися блюдцами, вызвали дух Льва Толстого. Из чего можно заключить, что совершались эти мифические сеансы после смерти писателя, в промежутке между 1910 и 1917 годами, когда будущему президенту АН СССР было от 7 до 14 лет.

По версии, слышанной мною от академика Кобзарева, глядя на игры тетушек, Анатолий Петрович говорил:

– Даже если дух Льва Толстого и явится сюда, он не станет разговаривать с такими дурами.

Рассказывая эту историю московским школьникам в актовом зале МГУ, слова о глупости тетушек Анатолий Петрович вложил в уста отца. Возможно, такая редакция понадобилась из педагогических соображений, чтобы у собравшихся детей не воспитывалось пренебрежительного отношения ко взрослым и, придя с такой встречи домой, какой-нибудь московский школьник по примеру юного Анатолия Петровича не назвал бы свою тетю душой.

Я с интересом выслушал легенду о мистически настроенных тетушках, не подозревая, что вскоре мне о них расскажет сам президент.

А Юрий Борисович Кобзарев в те дни с неменьшим интересом узнал от меня историю о московском шофере-таксисте некой Тамаре С.

Она меня так заинтересовала, что я решил проверить ее достоверность, а когда убедился в подлинности факта – сообщил о нем академику, а теперь читателям.

Однажды, возвращаясь домой на такси, Джуна познакомилась с шофером – миловидной женщиной средних лет Тамарой С. Случилось это так. Когда шофер услышала в своей машине ее имя, тотчас остановила такси. Сорвала с головы парик и стала умолять Джуну полечить ее от облысения. Шофер Тамара в молодости окончила инженерный институт, работала где-то с приборами, в которых использовались радиоактивные элементы. И, как ей казалось, по этой причине она облысела 25 лет назад: сначала появились пятна, а потом и вся голова облысела. Это так подействовало на Тамару, что она бросила работу по специальности и стала профессиональным шофером.

Так Тамара попала к Джуне. Та начала ее, как и всех, обмахивать руками. После семи посещений, как ни странно, у Тамары начали расти волосы! Отрасти, как у девушки, до плеч.

Ко мне домой Тамара приехала без парика, спустя год после посещений Джуны. Приехала, чтобы показать прическу, но расстроенная: волосы снова стали постепенно выпадать... Вот видите, скажет непременно в этом месте скептик, значит, не излечила Джуна болезнь. Не спорю. Важно другое: воздействие оказалось настолько сильным, что на облысевшей голове через десятки лет снова выросли волосы. Это факт.

Что так подействовало на Тамару – энергия или внушение Джуны? Если есть в истории медицины факт, когда бы голова после многолетнего облысения вдруг вновь покрылась отличными волосами под влиянием гипноза, то, значит, Джуна излечила Тамару внушением, не вводя ее в гипнотический сон. Если же такого случая никто не описал, то, наверное, стоит мне о нем упомянуть – быть может, он заинтересует специалистов. А может быть, все же подействовала на рост волос энергия Джуны?

* * *

На дворе таял снег, наступала весна, а с нею и официальный праздник дня науки, отмечаемый в апреле. Полагая, что и у президента настроение праздничное, снова завел я разговор об обещанной встрече.

– Посмотрел я ваш материал, – имея в виду отправленные мною "отзывы", сообщил Анатолий Петрович, и в голосе его я не услышал энтузиазма.

С отчаяния я решил затронуть струну, дорогую сердцу президента, заговорив о Льве Толстом, дух которого вызывали, сидя за столом со спиритическими блюдами, тетушки президента.

– Неплохо сделал Лев Толстой, – с удовольствием поддержал разговор президент, – жаль только, что теперь редко его пьесу "Плоды просвещения" ставят в театре, поэтому и развелось

всего... И в голосе президента мне слышалось обычное дружелюбие.

Однако в отношении рук Джуны президент оставался на прежней позиции:

– Это психотерапевтический эффект, многим можно помочь, давая плацебо. Вы знаете, что это такое?

Что такое плацебо, я хорошо знал. Это "пустая" таблетка, содержащая нейтральные вещества, которая дается больным в качестве контроля при исследовании эффективности новых лекарств.

– Нельзя ли все же на пять минут прийти к вам...

– На пять минут можно, приходите, – получил я снова приглашение.

На этот раз президент не спешил и подробно изложил свою точку зрения:

– Публикации, подобные вашей, дезориентируют людей. Газета имеет широкое распространение. До революции я много читал о спиритизме, и сейчас за границей издается много книг и журналов по астрологии и мистике...

– Анатолий Петрович, – видя, что у президента на этот раз найдется время услышать и мои доводы, говорю я. – Лет пятнадцать тому назад, когда мне предложили посмотреть телекинез – на то, как предметы перемещаются без прикосновения рук, – я тоже в это поначалу не поверил. Три дня наблюдал за перемещением предметов на своем столе в университете Рем Хохлов. Потом телекинезом интересовались во многих институтах. Вот только в академии никто не пожелал посмотреть. Я понимаю, что и вас мне трудно будет в чем-то переубедить...

– Да, – согласился президент, – меня трудно переубедить.

Рассказал я в тот вечер и про то, как ходили мы с физиками по кабинетам, добывая ордер на помещение для лаборатории, и о том, как под воздействием рук Нинель Кулагиной отклонялся луч лазера, – факт, как мне казалось, все доказывающий. Мою эту информацию президент выслушал, а под конец сказал:

– Так приходите в понедельник...

Наступил понедельник.

Поспешил я в Академию наук, а пропуска нет.

– Я не в курсе, – ответила референт, – заказать пропуск не могу.

Мне ничего не оставалось сделать, как вернуться на работу и позвонить президенту еще раз.

– Приходите 13 мая в 14 часов, – еще раз пригласил он. Снова все повторилось. Прихожу в академию, а пропуска нет.

– У президента совещание, передайте свои вопросы в письменном виде в канцелярию, – предложила референт.

И я написал. Но не вопросы. Басню.

Добился Волк аудиенции у Льва
В царев чертог.
У Серого вскружилась голова,
и он, не чуя ног,
Рванулся за порог,
Но преступить его никак не мог,
Хоть скручивался весь в бараний рог,
стирался в порошок.
Надежда Серого была на Льва:
Ходила про того молва,
Что юмор понимал.
А Волк за шутки пострадал.
И, глупенький, мечтал,
Что Царь взведет его на пьедестал.
Лев внял его мольбе
И пригласил к себе:
И раз, и два, и три!
Да позабыл, что есть секретари,
Тьма вице-президентов,
И куча референтов.
Пади, замри.
Не подходи!
Умри!

Того не может президент,
Чего не хочет референт.

Написано у Нескучного сада, в часы аудиенции 13 мая 1982 года.

Не знаю, понравилась ли басня президенту. Он только заметил, что сочинять басни мне ближе. Однако, не дожидаясь очередных просьб, решительно отказал:

— Мне сейчас не до Джуны. Есть дела поважнее!
И уехал из Москвы.

* * *

А Джуна в это время страдала от мысли, что никому в медицине и науке не нужна. Никакие уговоры не действовали. Ждать она не умеет.

Но 29 мая ей представилась возможность еще раз доказать, что она истинный феномен. В тот день ее пригласили выступить в клубе института биофизики, недалеко от Москвы, в Пушкино, где располагается научный центр Академии наук СССР.

За Джуной пришла машина. Она долго собиралась, тщательно, как всегда, одевалась. В праздничном настроении уехала.

Прибыла машина в Пушкино, но вместо того чтобы направиться к клубу, где ожидалось выступление, ее подвезли ко входу в институт, ввели, ни слова не говоря, в лабораторию и предложили с ходу провести опыт на... крысах. Естественно, что, как всякий человек на ее месте, она оскорбилась, но что оставалось делать?

Итак, вместо зрительного зала Джуна оказалась в лаборатории наедине с крысами.

Много было на следующий день горячих слов, сказанных по поводу организаторов "опыта".

— Разве бы я им отказала? Да я жизнь несу людям, я готова все отдать, чтобы им доказать — есть у меня энергия! Но почему они так со мною поступают! Мне уже ничего не надо...

Из Пушкино Джуна уехала разбитая, но довольная. Потому что ей вручили наспех написанный "протокол опыта, проведенный Джуной Давиташвили по воздействию на крыс".

Из него следовало, что две крысы, нормальная температура которых была 38,4 градуса и 38,2 градуса, подверглись лабораторным истязаниям, после чего температура у них резко — у одной почти на градус, а у другой на полградуса упала; к вечеру первая крыса примерно вошла в норму — у нее было 38 градусов, а другая так и не пришла в себя — у нее было 36,3 градуса.

Десять минут колдовала Джуна над бедными крысами. В то время как в переполненном зале несколько сот человек ждали начала ее выступления, она, забыв обо всем, склонилась над крысами, лежавшими на доске с привязанными лапами, водила над ними руками. Крысы реагировали бурно. Как сказано в протоколе, после начала воздействия они "дергались, а потом успокоились".

В течение десяти минут, пока Джуна воздействовала на крыс, им — одной пять раз, а второй семь раз — меряли температуру. Она на глазах росла. После того как опыт окончился, еще раз померяли температуру. У первой она была 38,6 градуса, у второй — 37,1 градуса. А в девять часов вечера соответственно 37,8 и 36,8.

"Ранее в опытах самопроизвольного подъема температуры крыс в процессе стресса не наблюдалось".

Кто же подписал этот протокол? Хотя свидетелями его были многие ученые, доктора и кандидаты наук, смелости подписать документ хватило только у младшего научного сотрудника, кандидата биологических наук Е.Б. Окон.

У докторов наук, старших научных сотрудников, участвовавших в проведении этого опыта, гражданского мужества, необходимого, чтобы поставить подписи под протоколом, не хватило. Младшему научному сотруднику, как пролетарию умственного труда, терять было нечего.

Поставив под двумя рукописными страницами подпись, младший научный сотрудник, конечно, не предполагала, что спустя семь месяцев над листками, над столбиками цифр склонится и будет их изучать президент Академии наук СССР.

* * *

К председателю очередного райисполкома ехали на этот раз четвером. Кроме двух физиков и меня в машине восседал, надев парадный мундир, вице-президент Академии наук Армянской ССР, депутат Верховного Совета республики, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, директор одного из московских институтов Андроник Иосифьян. Как оказалось, он очень заинтересовался проблемой, которой собирались заниматься физики. Не так давно близкий ему человек, профессор побывал у Джуны и успешно полечил руку, пораженную тяжелой болезнью... Рука после нескольких сеансов стала повиноваться хозяину.

Пока мы сидели в приемной, А.Г. Иосифьян успел рассказать мне, что экстрасенсы, как он считает, умеют примерно то же, что кошки и собаки: они видят в инфракрасном диапазоне, поэтому различают так называемую ауру. Этими же волнами, частота которых 7–9 герц, а это длинные волны, они несут информацию, воздействуют на людей...

Председатель исполкома, несмотря на столь представительный состав, принял нас довольно холодно, узнав, какими делами собираются ученые заниматься. Он с места в карьер заявил, что встречал уже не раз людей, искалеченных такими, как Джуна.

– А мы ее хотим разоблачить, – в тон ему ответили физики, в награду за находчивость получив еще один адрес пустующего дома, за который предстояло "драться".

* * *

Джуна, не дождавшись лаборатории, уехала в Самарканд. Известный кинорежиссер Ильер Ишмухамедов предложил ей сыграть роль в фильме "Юность гения", посвященном Авиценне, великому врачу Востока. Режиссер предложил Джуне сняться в роли целительницы по имени Юния, то есть самой себя.

Юния по ходу фильма показывала Авиценне, как она воздействует своими руками на людей.

Я видел этот эпизод, не вошедший в окончательный вариант фильма, на просмотре в Доме кино. Видно было, что актеры вначале поднимали руки по просьбе Юнии – Джуны без особого интереса, полагая, что все, что им покажет Джуна, в лучшем случае плод фантазии сценариста и режиссера. Спустя несколько секунд актеры ощутили покалывание, на лице каждого отразилось не наигранное, а натуральное изумление. Этот эпизод, как многие другие, пришлось сократить, вырезать по настоянию научного консультанта, действовавшего от имени Минздрава.

В тот самый день, когда я спешил в приемную председателя исполкома с физиками и с примкнувшим к ним А. Г. Иосифьяном, на нашем пути случайно оказался лучезарный Эдуард Наумов, познакомивший меня, как помнит читатель, с моей героиней. Он вручил давно обещанную книгу на английском языке. Называлась она "Мысленное радио". Написал ее в двадцатые годы не кто иной, как известный писатель Эптон Синклер. Посвятил не беллетристике, которая прославила его имя, а телепатии, передаче мыслей на расстоянии. С фотографии в книге смотрела красивая женщина, как оказалось, жена писателя. Она-то и была известным в свое время феноменом, способным воспринимать на большом расстоянии образы предметов, которые передавались ей другим феноменом. Рисунки этих предметов, похожие на рисунки детей, украшали страницы книги. Но самым интересным для меня был не текст Эптона Синклера, а предисловие, написанное к книге его другом Альбертом Эйнштейном.

После того как очередное свидание с должностным лицом закончилось, мы сели на скамейку в сквере и Э. Э. Годик перевел с английского текст этого небольшого предисловия.

Альберт Эйнштейн с почтением относился к занятиям друга, увлекавшегося опытами по телепатии, и рекомендовал книгу читателям, выразив уверенность, что она представит интерес не только для тех, кто интересуется телепатией, но и для специалистов в области других наук. (Тут я вспомнил, что Вольф Мессинг в своих записках также упоминает имя Альберта Эйнштейна: с ним его познакомил знаменитый Зигмунд Фрейд, когда наш телепат жил за границей.)

Мне казалось, что, узнав о мнении Альберта Эйнштейна, самого знаменитого физика нашего времени, президент АН СССР проявит больший интерес к встрече со мной.

– Анатолий Петрович, – после обычного приветствия начал я, – хотелось бы показать вам книгу "Мысленное радио" Эптона Синклера. Предисловие к ней, как ни удивительно, написал Альберт Эйнштейн.

– Но сам Эйнштейн не изучал это ваше "мысленное радио", – мгновенно отпарировал президент. – Что неясно – мы будем изучать, а что противоречит законам науки – не будем.

На этом закончился очередной телефонный разговор. После того как трубка президента решительно легла на рычаг, моя надежда на встречу с ним растаяла, как дым на ветру.

* * *

Хождение по инстанциям вместе с физиками, однако, продолжалось. Когда я во время этих хождений и поездок, сидя в машине, рассказал однажды профессору Ю. В. Гуляеву про недавний эксперимент Джуны с крысами, он, обернувшись ко мне с переднего сиденья машины, решительно сказал:

– Мы ее берем!

Это была новость, но только для служебного пользования. Никакой другой журналист не знал об этом решении физиков.

Разоблачительные статьи об экстрасенсах между тем появлялись, как прежде, словно никакой научной программы с таким многозначительным названием не существовало. Вот почему Джуна впадала в уныние, раздражалась упреками.

— Почему никто не скажет: она не мошенница, не аферистка, там есть капля науки!.. Почему меня не оформляют на работу?.. Что вы меня, как Королева, держите в тайне? Тогда дайте звание академика... Одна овца не может накормить волчью стаю... Нервы не выдерживают, никакой жизни мне!

Облегчало положение только то внимание, какое продолжали уделять новому делу Ю.В. Гуляев и Э.Э. Годик, с каждым днем все сильнее втягивающиеся в организационные хлопоты. На то, чтобы измерять физические поля, заниматься своим прямым делом, у них не оставалось ни минуты. Все время на моих глазах Э.Э. Годик проводил в бегах, переговорах. Он набирал сотрудников, обживал полученный в аренду подвал Института физиологии, предполагая здесь начать долгожданные опыты в конце года.

И в это же время, когда всего не хватало, когда ничего еще не было готово для экспериментов, Ю.В. Гуляеву и Э.Э. Годикку их друзья-физики, узнав, чем они собираются заниматься, говорили при встречах:

— Все это распутищина!

* * *

В те дни я убедил ученых побывать в гостях у Джуны, чтобы посидеть, поговорить, пообщаться — ведь им предстояло вскоре стать сотрудниками...

В тот раз, как летом минувшего года, приняла Джуна физиков хорошо. Это была ее третья встреча с Ю.В. Гуляевым. И здесь я узнал, что при первой встрече Джуна, воздействуя на фотоумножители, вывела из строя два из них.

Перед тем как сесть за стол, Ю.В. Гуляев, не то шутя, не то серьезно, попросил его поддиагностировать. Хозяйка внимательно прошла пальцами по телу и нащупала как раз то самое место, где находился болевой очаг. Ю.В. Гуляев, по его словам, почувствовал тепло от рук Джуны. До того дня он мне не раз говорил, что ничего не чувствует: ни тепла, ни холода, ни покалывания от ее рук.

— Чудеса в решете, — сказал Ю.В. Гуляев с удивлением, усаживаясь за стол.

— Этими словами, — заметил я, — развенчивала когда-то одна газета Нинель Кулагину.

— Да, но если я почувствовал тепло от рук Джуны, то и мои приборы должны это почувствовать! — воскликнул Ю. В. Гуляев.

За столом он показал листок из блокнота, хранимый в записной книжке. На листке я увидел семизначные цифры – номера телефонов, а кроме того, рисунок – кружок со вписанным треугольником. Эти цифры и знаки, оказалось, начертаны рукой Нинель Кулагиной в лаборатории Института радиотехники и электроники в ожидании задерживавшегося Ю.В. Гуляева. Когда он явился в лабораторию, Нинель дала ему на память этот листок, сказав, что номера и знаки увидела на расстоянии... Она даже поставила перед каждым номером буквы "д" и "р", что значило: телефон домашний или рабочий. Юрий Гуляев вынул из кармана пиджака блокнот, и оказалось, что номера телефонов, записанных Кулагиной, совпадают с теми номерами, что были на страницах книжки. В ней же был кружок и треугольник, только начертанные на разных страницах.

Нинель Кулагина на своем листке совместила их. Впрочем, на разных страницах книжки были записаны и номера телефонов Ю.В. Гуляева, а Нинель Кулагина совместила их на одном листке бумаги.

Как объяснить этот загадочный дар? Этого не знал, конечно, ни хозяин книжки, разработавший программу "Физические поля биологических объектов", ни режиссер, снявший фильм об Авиценне, ни я, пишущий о феноменах. Никто не знает. А факт бесспорный.

– К этому мы неизвестно когда и подступимся, – честно признался Ю.В. Гуляев.

Вот за эти моменты искренности я готов был ему простить все колебания, даже ссылки на фокусника в тот день, когда стоял он один на один против возбужденной толпы физиков в ФИАНе, где, по-видимому, по сей день относят телекинез к выдумкам легковых журналистов.

Я не стал бы так подробно вспоминать ту встречу, если бы она не была деловой. Физики попросили Джуну помочь им получить помещение лаборатории, поскольку их усилий и моих оказалось мало. И еще – физики пригласили ее посетить подвал Института физиологии, где завершалась установка аппаратуры, на которой, как полагали, можно было зафиксировать ее воздействие на биологические объекты.

* * *

И мне физики пошли навстречу. Посетили, как давно обещали, редакцию "Комсомольской правды", рассказали о своей работе. Узнал я тогда, что, экспериментируя с Нинель Кулагиной, приглашали они в лабораторию знаменитого иллюзиониста Арутюна Акопяна. К его консультации в таких случаях, как известно, обращались не раз.

Увидев, что делает испытуемая, Акопян признался, что смотрел все с интересом, но как она все делает – не знает. А она на его глазах рассеивала луч лазера, естественно не прикасаясь к нему. И еще Ю.В. Гуляев заявил в редакции, что не согласен с

академиком Зельдовичем, который утверждает, что раз науке известны все физические поля, то и Джуну в академии изучать незачем.

– В науке нет авторитетов, – горячо, с пафосом говорил Ю.В. Гуляев, – если бы они были непререкаемы, то наука бы умерла.

Обо всех наших визитах, хождениях, поездках по Москве Джуна хорошо знала. Но ей хотелось все получить сразу: и лабораторию, и работу, и публикацию. Но ничего пока реального не было, одни разговоры и обещания. Поэтому не проходило дня, чтобы она не начинала бурно фонтанировать, извергая потоки слов:

– Нужно сделать такой эксперимент, чтобы на весь мир прогремел!.. У них души нет!.. Еще десять лет пройдет, а научной подоплеки не будет, ничего ученые не откроют, ничего они не знают!.. Мне государство доверяет, я люблю свою Родину, а ученые не доверяют, не хотят работать!

И наконец:

– Я умираю!

Впрочем, выглядела Джуна всегда при этих вспышках великолепно: глаза горят огнем, руки, как крылья, и вся – как фурия.

– Я должна войти в таблицу Менделеева!

Не знаю, как в таблицу Менделеева, но в историю науки она входила. Ее энергия передавалась всем, кому следовало разобраться с феноменом по имени Джуна.

После посещения редакции у меня начались новые заботы. Нужно подготовить для печати беседу с "профессором Ю. Васильевым", обобщенным образом двух физиков – Юрия Гуляева и Эдуарда Годика. А к тексту беседы добавить имевшиеся отзывы академиков. Что я и сделал, отнеся текст в подвал института, чтобы там его завизировали.

Просторный подвал заполняло все больше импортных приборов. И людей. В углу у окна расположился стол руководителя лаборатории. За этим столом иногда появлялся Э.Э. Годик. За этим столом он прочел мою беседу. Затем начал править. Потом редактировал этот же текст Ю.В. Гуляев. Прошло еще несколько дней. Готовый материал показали наверху – самому директору Института радиотехники и электроники.

Вот этот выстраданный текст, который набрали в типографии летом.

"ФЕНОМЕН ИЗУЧАЕТСЯ

Прошло два года с тех пор, как "Комсомольская правда" рассказала о феномене Джуны (Е.Ю. Давиташвили), а в редакцию продолжают поступать письма читателей, проявляющих большой интерес к описанному явлению. Научное объяснение

ему дал тогда известный советский ученый Герой Социалистического Труда академик Ю.Б. Кобзарев (см. номер газеты от 16 августа 1980 года), поставивший, в частности, вопрос о необходимости глубоких исследований загадочного феномена. В связи с этим учительница физики А.П. Никифорова из Москвы задает вопрос: "Подтвердились ли за это время факты, описанные газетой, исследуются ли они физиками?" На этот вопрос мы попросили ответить профессора, доктора физико-математических наук Ю.В. Васильева, специалиста в области физических измерений.

— Да, феномены, о которых идет речь, исследуются учеными, хотя еще бытует мнение, что их должны разгадывать фокусники. По нашему мнению, выяснение феноменов следует искать в сложной картине физических полей (электромагнитных, акустических), возникающих вокруг любого биологического объекта, в том числе человека, и связанных с жизнедеятельностью. Естественно, что в принципе возможны и различные особенности в пространственном и временном распространении таких полей, тем более значительных, чем реже они встречаются.

Мы не согласны с мнением ряда ученых о том, что обычные электромагнитные поля вокруг человека хорошо изучены. Это далеко не так. Дело в том, что сигналы физических полей человека, как правило, слабы. Для их выделения на фоне больших промышленных и геофизических помех необходимо использование, а в ряде случаев — и разработка новой, самой современной радиофизической аппаратуры. При этом важно (что наиболее трудно) получить достаточно полную картину физических полей, их распределение в пространстве и во времени, связь с психофизиологическим состоянием человека. Несомненно, эту задачу физикам необходимо решать в тесном контакте с биологами, физиологами, психологами, специалистами разных отраслей науки.

Из сказанного видно, что выяснение природы феноменов — комплексная задача, которая должна решаться научными методами. Обсуждение ее в данный момент в массовой печати преждевременно и только мешает работе".

Вот так высказали свое кредо мои друзья — физики Ю. В. Гуляев и Э. Э. Годик. Далее цитировались уже известные читателю отзывы академиков В. Котельникова, В. Трапезникова, Л. Леонова, А. Тихонова, Б. Патона. А академик Леонид Леонов написал такие слова:

"Подобно тому как некогда непобедимые, казалось бы, армии обходили до поры (пока не сдадутся сами) встреченные на пути неприятельские крепости, а в наше время войсковые отряды тоже бывают вынуждены в стремительном натиске миновать минные поля или особо каверзные дзоты, точно так же, на мой взгляд, современная большая наука нередко оставляет у себя в

тылу кое-какие неприкасаемые, тем не менее очевидные тайны, заслуживающие именно нашего фундаментального исследования”.

* * *

Наконец слышу радостную весть:

– Меня зачислили старшим научным сотрудником – доктором наук!

Это означало: Джуну наконец-то зачислили в штат Института радиотехники и электроники на должность старшего научного сотрудника, которую обычно занимают люди, имеющие степень доктора наук. Это случилось в начале сентября.

Джуна написала автобиографию, которую требовалось представить в отдел кадров.

Вот она:

”Я, Давиташвили Евгения Ювашевна, родилась в деревне Асирск Курганинского района Краснодарского края 22 июля (год опускаю. – Л.К.), в семье колхозника. Мой отец, Сардис Юваш Иосифович, умер в 1960 году, мать, Якубова Татьяна Александровна, колхозница, умерла в том же году. В нашей семье было пятеро детей, которые в настоящее время работают в Краснодарском крае. Закончив учиться в школе, переехала в Армавир, а затем в Тбилиси, где работала в тресте ресторанов на разных должностях: буфетчицей, заведующей кафе. В 1978 году окончила факультет здравоохранения народного университета г. Тбилиси, получила диплом медсестры. В том же году поступила медсестрой в высшую спортивную школу общества ”Динамо” города Тбилиси, где работала два года. В 1980 году переехала на постоянное место жительства в Москву, где работала экспертом хозяйственного управления Госплана СССР, консультировала пациентов поликлиники Госплана СССР.

Все это объясняется тем, что в детстве у меня обнаружили необъяснимые способности диагностировать болезни, а также исцелять методом ”наложения рук” без контакта с телом пациента. От моих рук исходит энергия, ощутимая в виде тепла, похолодания или легкого покалывания, как от слабого электрического тока. На международном симпозиуме психологов по бессознательным процессам, проходившем в Тбилиси в 1980 году, я демонстрировала свои способности. Кроме того, с группой американских специалистов, участвовавших в симпозиуме, провела эксперимент по засвечиванию фотопленки в конвертах. До этого много лет сотрудничала с разными медицинскими учреждениями Тбилиси, диагностировала и лечила больных, получив много письменных свидетельств моих пациентов. Такая работа шла в железнодорожной больнице, онкологической больнице и других лечебных учреждениях. Со мной проводили опыты ученые Тбилисского университета и других институтов, о чем сообщалось в грузинской печати. В Москве проводила

опыты в МГУ, три месяца совместно с врачами консультативно-диагностического центра Фрунзенского района города Москвы лечила больных, о чем сообщалось в "Огоньке" (см. № 17 за 1981 год). Писала обо мне "Комсомольская правда" (16 августа 1980 года), я продемонстрировала свои способности многим ведущим ученым страны, а также в разных лабораториях Москвы. Имею сына Вахтанга семи лет.
13.09.82".

* * *

На дворе царила осень. В голосе неунывающего Э.Э. Годика не стало прежнего оптимизма.

– Глухая ситуация. В помещении нам опять отказали. Сидим в дыре...

В довершение ко всем неудачам у Джуны заболел сын.

– Из-за науки не усмотрела за сыном, пожертвовала им!.. Мне все надоело!.. У меня будет свой институт, не нужна мне их лаборатория!.. Я кровь и здоровье им отдала!.. Сниму квартиру, буду работать у себя дома!

И так далее, все в том же духе.

Джуна, забыв, что я журналист, – статьи-то за год ни одной не было! – считала меня чуть ли не сотрудником академии. Ругала физиков, доставалось мне.

– Разбейся, Лев, а статью напечатай, – умоляла Джуна.

Этого я сделать не мог.

А вот помещение институт получил, и не где-нибудь на окраине, а в центре. У физиков в подвале сломался телефон. Дозвониться к ним из Моссовета не смогли. Позвонили мне. Так я первый узнал: лаборатории выделяется два этажа дома № 8 по Старосадскому переулку. За ордером нужно прибыть 21 октября.

Все было на сей раз не так, как прежде. Не пришлось больше "драться" за дом. Да, Джуна помогла физикам в который раз. В одном из переулков старой Москвы, рядом со станцией метро, недалеко от Института радиотехники и электроники, располагался старинный особняк, занимаемый прежде лабораторией кардиологического центра, получившего на окраине Москвы новые корпуса. Его старое здание и предложили занять лаборатории. Все оформили быстро, без волокиты. Ордер выписали на имя доктора наук Э.Э. Годика.

– Почему не на мое имя, – возроптала Джуна, но, услышав объяснение, что это формальность, помещение будет принадлежать не ему, а Институту радиотехники и электроники, где она числится старшим научным сотрудником, успокоилась...

Все, казалось бы, вроде стало улаживаться. Неожиданно сдали нервы у уважаемого профессора.

– Зачем мне все это нужно? – вопрошал Ю.В. Гуляев в связи с появившейся очередной статьей об экстрасенсах, где фигурировали рядом с ними милиция и судьи. – Зачем мне Джуна,

и до нее доберутся. Есть у меня своя область исследований, уеду я в Саратов (там у него тоже институт). У президента ко мне отношение плохое, как к несерьезному человеку. А мне еще предстоит баллотироваться в академики...

Это все я выслушивал в полночь, по телефону.

А на следующий день машина директора Института радиотехники держала курс в Старосадский переулок, чтобы он мог осмотреть здание, предоставленное для лаборатории по изучению "физических полей биологических объектов".

За тяжелой деревянной дверью в вестибюле высокие потолки поддерживали атланты, чудом сохранившиеся, как и высокие настенные зеркала – остатки былой роскоши. Всего на первом этаже было комнат десять и среди них отличный зал с лепным потолком.

– Достоинство этого помещения в том, что на него уже выписывается ордер, – удовлетворенный увиденным, констатировал директор института и вице-президент АН СССР.

Это было 21-е по счету здание, которое успели осмотреть представители института, причастные к "нежилому" помещению.

Его предстояло теперь капитально отремонтировать. С потолков угрожающе свисала лепнина, готовая в любой момент рухнуть на сетки, кое-где страшающие головы людей.

* * *

25 октября еще одна радость: Джуну пригласили для исследований в лабораторию Первого медицинского института. На этом эксперименте я не был. Со слов Джуны, все выглядело так: посадили ее в изолированную камеру: улавливали сигналы. Спрашивали, что она ощущает...

Джуну больше всего волновало то, что один из сотрудников лаборатории, якобы после ее очередного воздействия, изменился в лице.

И здесь поступили примерно так, как в университете: штаты для изучения феномена Джуны получили, но вскоре приглашать ее перестали, а о результатах исследований никто по сей день не знает ничего.

– Видел бы ты, как один вылетел из комнаты пульей, а другой стал бледный...

Информацию Джуны руководитель лаборатории мединститута никак мне комментировать не стал, ушел от разговора. Но я надежды на порядочность ученых не терял. Ю.В. Гуляев меня тогда даже утешил так:

– Лев, мы получили площадь – и это главное. Мы поставим эксперимент, и тогда побледнеют все. Годик – специалист мирового класса по оптике излучений. У нас большая ответственность. Все то, что делают, ничто. Те работы, что выполняются, не чистые. К ним доверия нет. В печать их не примут. Никто сегодня не представляет, что и как нужно делать.

Это означало: Ю.В. Гуляев все, что нужно, представлял. Он опять готов к действиям и уже не собирается все бросать. И не уедет на Волгу...

Пока оформлялся ордер на помещение лаборатории, шла напряженная работа и в подвале Института физиологии. Настала пора рассказать о ней подробнее.

Две довольно просторные комнаты за несколько месяцев после того, как они перешли во временное пользование измерительной лаборатории, заполнились самыми современными приборами. У входа встречал экран цветного термовизора (похожего внешне на обычный телевизор) – прибора, на котором Джуну уже однажды проверяли в Институте рефлексотерапии. На экране в цвете можно увидеть лицо, руку, любую часть тела. Причем меняется, скажем, температура руки – меняется на глазах и цвет ее изображения. В эту же комнату каким-то образом втиснули вычислительную машину. В другой смонтировали экранированную камеру. Раздобыли кожаное медицинское кресло, где мог удобно расположиться для опытов любой человек. Была еще масса каких-то приборов. Рядом со входом громоздился баллон с жидким азотом, из него шел белый пар. В общем, появилась нормальная физическая лаборатория. А то, что она ютилась в подвале, – кого это в Москве могло смутить? Я видел вывески столичных институтов на зданиях, которые в других городах представляются в лучшем случае для мастерских металлоремонта, изготавливающих ключи и заточивающих коньки.

* * *

В этой-то лаборатории по официально утвержденной государственной программе началось исследование феноменов. И первой сюда пригласили не Джуну, а Нинель Сергеевну Кулагину. Физики решили начать с нее потому, что мало кто в мире обладает такими сильными физическими полями, как этот биологический объект, домохозяйка из Ленинграда, мать троих детей, бабушка шестерых внуков.

Опыты длились три дня. Когда я спросил у академика Ю.Б. Кобзарева, как они прошли, он ответил так:

– Нинель Сергеевна выдала в лаборатории удивительный результат на очень сложной аппаратуре, но это не так убедительно, как то, что она делала несколько лет тому назад у меня за столом...

– Как опыты, так Кулагина, как на работу, так Джуну, – прореагировала Нинель Сергеевна на мое сообщение, что Джуну зачислена старшим научным сотрудником лаборатории.

И уехала, довольная произведенным эффектом, в Ленинград, где также экспериментировала в нескольких институтах без всякой огласки. Особенно много и плодотворно – в Ленинградском институте точной механики и оптики (ЛИТМО). Но в родном городе никто не решался о ней писать.

И в Москве сообщить в печати, что она – феномен мирового класса, что ее изучают в Академии наук СССР, что она – не фокусник, не мистификатор, а нормальный, хороший человек, страдающий от несправедливости, я при всем моем желании не мог. Вот как бывает, когда в обществе нет гласности.

Некомпетентные, неинформированные люди, мнившие себя борцами со лженаукой, хранителями чистоты материалистических взглядов, располагали возможностями неограниченными. И писали, что хотели.

Словно подождав, пока опыты в подвале завершатся, они нанесли торжествующей Нинель Сергеевне еще один удар. Вновь появилась статья, высмеивающая Кулагину, на сей раз в "Медицинской газете", под которой стояла подпись профессора И.Т. Акулиничева. Можно было ожидать появления разоблачительной статьи и о "старшем научном сотруднике"...

* * *

Что делать. Кто надежно прикроет, защитит экстрасенсов?

Логично было бы ожидать, что Институт радиотехники и электроники выступит немедленно с опровержениями, скажет доброе слово об обладательнице телекинеза, по которой не в первый раз били наотмашь, оскорбляя ее честь и достоинство, причиняя боль ее большой родне. Ведь именно в нем исследовали дар Нинель Сергеевны, именно в нем числилась в штате Джуна. Кому, как не директору института, вице-президенту академии, оградить таких людей от нападок?

К тому времени я уже хорошо знал этот институт, его массивное здание, стянутое стальными прутьями, чтобы стены не развалились от ветхости. Не раз поднимался по широкой лестнице на верхний этаж, где находится кабинет директора, знал его сотрудников. Мог с их помощью заказать пропуск в институт. Более того, за меня ходатайствовал заместитель директора профессор Юрий Гуляев, даже убеждал принять меня. Но директор был непреклонен. Увидеть не пожелал, защитить феноменов – тоже.

– Если появится статья, то сразу же прозвучит залп других статей, ее опровергающих, – такими словами директор института объяснил свою позицию.

* * *

Вот почему я снова набрал номер телефона президента Академии наук СССР.

– Публикаций, по-видимому, никаких делать не следует. Из ваших слов явствует, что явление есть и нужно ждать открытий, а вот вице-президент Котельников говорит: никаких явлений не обнаружено.

А как же недавние опыты в подвале с Кулагиной? "Выброс", "сумасшедший эффект". Вот что я видел и слышал в лаборато-

рии. Это же было! Не где-нибудь, а в том самом институте, где директорствовал вице-президент!

– Прежние публикации возбудили нездоровые тенденции, – объяснил президент, – часть людей бросилась сломя голову к экстрасенсам, да и Джуна ваша лечит с переменным успехом.

– Но все-таки лечит, – не сдавался я. – Ведь многие врачи подтверждают – взгляните на эти материалы!

– Вы слышали что-нибудь о комете Галлея? – спросил меня президент. – Так вот, о ней, как и о вашей, Джуне не следует писать, чтобы не будоражить население. Может, комета Галлея, приближаясь к Земле, и не заденет нас хвостом, а может и заденет, кто его знает. А паника среди людей начнется, если писать об этом.

А я за свое:

– Защитите Нинель Кулагину, она же великий феномен. Ее чтят во всем мире, только для того, чтобы на нее посмотреть, едут из Австралии, из США, из всех стран Европы. А дома она слывет шарлатанкой. Она ведь на днях приезжала в Москву, в институт академика Котельникова, между прочим. И предметы двигает, и стрелку компаса крутит, и луч лазера рассеивает, и на приборы воздействует!

– Насчет приборов я что-то ничего не слышал, – заметил Анатолий Петрович, по-видимому, кое в чем осведомленный относительно опытов в подвале.

– Не слышали, потому что страшатся, не докладывают, зная ваше отношение. Но разве можно науку развивать в страхе...

Я помнил из характеристики физиков, что президент академии – "человек широкополосный", то есть человек широких взглядов, допускающий полемику с теми, кто с ним не согласен, вот и решил пополемизировать.

– Семьдесят пять публикаций ругают телекинез. Авторы их – академики, профессора, доктора наук – не видели, что это такое. Но пишут, не ведая сути явления.

– Дело непонятное, – миролюбиво настаивал на своем Анатолий Петрович, – не следует возбуждать к нему нездоровый интерес.

– Давайте так и напишем, мол, дело действительно непонятное, нужно в нем разобраться. Хотя для меня давно ясно – явление существует.

– Вот и академик Кобзарев так считает, – заметил президент, – он убежден, явление есть. А вот академик Блохин говорил мне совершенно противоположное: что комиссия врачей пришла в ужас, познакомившись с Джуной.

– Академик Кобзарев изучал явление. А вот академик Блохин не только экстрасенса Джуну, он доктора Илизарова до сих пор не признал, его не избирают в Академию медицинских наук, даже в члены-корреспонденты...

– Да, – заметил президент, – что касается Илизарова, тут я с вами полностью согласен; вот стоит передо мной товарищ, он его поставил на ноги. Звоните через неделю, – снова обнадежил президент.

Взял я давно заготовленную беседу с ”профессором Ю. Васильевым” и вписал в нее слова, резюмировавшие состоявшийся телефонный разговор.

”Редакция обратилась к президенту АН СССР академику А. П. Александрову с вопросом: изучается ли описанное явление в нашей стране?

– Да, – ответил А. П. Александров. – Дело это непростое. Перед физиками встают трудные проблемы: эксперименты с людьми только начаты. Поэтому преждевременно говорить о каких-то открытиях, реальности явления. В то же время таких людей, как Е. Ю. Давиташвили, Н. С. Кулагина, которые, не жалея сил и здоровья, проводят опыты в лабораториях, причислять к мистификаторам нельзя. Повторяю – нужно работать.

А вскоре произошло еще одно важное событие.

– Приезжай скорее, – позвала меня взволнованная Джуна.

Глава IV

Глава четвертая, где рассказывается о первых экспериментах в подвале института нормальной физиологии и открытии "эффекта Джуны", а также об огорчениях, доставляемых испытуемой в атмосфере застоя и безгласности, царивших в 1982–1983 годах; о долгожданной встрече с президентом АН СССР и его письме, которым был вознагражден автор за терпение и настойчивость; о первой публикации, где академики выражали благодарность феномену, и последовавших вслед за тем опровержениях, реферате "Академия и лженаука", в коем выражалось сомнение в наличии чувства юмора у автора, а также о чудесных исцелениях, когда совсем не до смеха...

* * *

Откликнувшись немедленно на зов "Приезжай скорее", я поспешил к Джуне и застал ее чрезвычайно возбужденной, собиравшейся впервые посетить "свою" лабораторию. И хотя слово "свою" беру в кавычки, все же, положив руку на сердце, нужно признать, что если бы не Джуна, то еще нескоро бы подобная лаборатория появилась. Да и появилась бы она вообще?! Ни один день жизни Джуны не прошел без забот о "своей" лаборатории. Всех, кого только могла, она "мобилизовывала". Каждый помогал, чем мог, – один содействовал тому, что вопрос обсуждался в инстанциях, другой помогал приобретать аппаратуру, третий шел на прием к должностному лицу и так далее. В общем, в том, что именно 25 ноября 1982 года, а не, скажем, 1990 года в лабораторных условиях началось изучение феноменов, мы во многом обязаны неутомимой, самоотверженной Евгении Ювашевне.

Сели мы в машину вместе с фотографом Дмитрием Чижковым, поехали в центр. По длинному коридору подвала мы подошли к двери, на которой стоял номер 78. К встрече все приготовили: термовизор, акустический ящик, экранированную камеру и еще какие-то сложные приборы. Был готов чай и булочки.

Все стояли на местах. В медицинском кресле восседал раздетый до пояса испытуемый – атлетического сложения и артистической внешности молодой физик, сотрудник лаборатории. На цветном экране термовизора появилась в красках грудь атлета, окрашенная в сине-зеленые цвета. Джуна подошла к испытуемому и, как обычно, стала водить рукой вокруг головы, плеч, груди, не прикасаясь к телу. Медленно, но заметно цвета на экране начали меняться – синие позеленели, зеленые –

порозовели, а в некоторых местах стали краснеть, что означало: температура на поверхности тела возросла. Особенно покраснело у испытуемого в области горла и ключицы.

– У тебя хронический тонзиллит и переломана ключица, – продиагностировала, глядя на экран термовизора, Джуна, радуясь, как ребенок. – Это уже открытие! Можно делать объективный диагноз, экран все подтверждает... Разве это не так? Чувствуешь, как идет тепло, прилив крови к ногам? – спросила Джуна у сидящего в кресле, продолжая работать.

– Чувствую, – ответил довольно серьезно атлет-физик, не склонный к излишней серьезности. – И голова стала тяжелая, как после похмелья, – добавил он, характеризуя собственное ощущение, очевидно хорошо ему знакомое.

Потом Джуноу провели в экранированную комнату. Попросили на этот раз воздействовать не на человека, а на прибор. Я не видел, что это за прибор: войти в комнату из-за тесноты оказалось невозможно. Но на маленьком экране осциллографа, находившемся перед входом в камеру (я о нем уже упоминал, он размером с экран автомобильного телевизора), появилась яркая светящаяся линия. Она плясала, всплески волн разной амплитуды меняли свое очертание. Мне ясно было только одно – фиксируется какая-то энергия, и она, эта энергия, все время меняется. Джуна ощущала ее силу и, сидя в клетке, говорила:

– Вот сейчас пойдет сильнее.

И действительно, линии на экране повели себя более активно, чем когда она говорила:

– Сейчас будет меньше!

Потом начали третий эксперимент. Для этого Джуне пришлось забраться в какой-то стоящий у стены ящик. И хотя она гибкая, в ящик забиралась с ворчанием, и было ясно, что второй раз упротить ее "войти" в этот объем не удастся.

Потом фотографировались, пили чай, хорошо заваренный в колбе. Затем – не знаю, входило ли это в программу опыта, – атлет-физик выставил перед экраном термовизора кисть руки. Пальцы заняли весь экран. И снова, но только быстрее цвета под воздействием рук Джуны изменились. Почти вся кисть, пальцы покраснели. Долго не поддавался Джуне указательный палец, но и он минут через пять потемнел, точнее, покрылся красными пятнами.

– Да ведь это эффект Джуны! – заметил кто-то из наблюдателей.

Вечером того же дня академик Ю.Б. Кобзарев пришел в подвал, и ему показали записанный на видеопленку опыт. Он увидел, как грудь и кисть испытуемого наливаются кровью, краснея на глазах. Джуне потребовалось минут десять, чтобы оказать свое воздействие. Температура при этом поднималась на несколько градусов. Потом поверхность тела начинала остывать, но совсем не так, как если бы нагревали кожу рефлектором. Она остывала как бы изнутри.

Меня интересовало, что скажет Юрий Борисович об опыте с Джуной.

– Видели ли вы на экране, как меняется картина? – спросил я академика.

– Видел, – сдержанно ответил Юрий Борисович. – Кое-что она показывает. Есть некоторая специфика, которой нет у обычных людей. Это нагрев необычный. И у Кулагиной то же самое происходит. Это не тепло идет, а нечто другое. Что-то такое, что воздействует, как горчичник. Между прочим, эффект горчичника тоже никто не знает должным образом, эффект этот не изучен.

– Доложат ли об этом президенту?

– Нельзя же по каждому поводу докладывать. Нужно в этом явлении сначала разобраться...

* * *

Ждать, пока физики разберутся, я не стал.

А послал президенту короткую записку:

“Не далее чем вчера в одном из институтов Академии наук СССР Джуна, воздействуя на руку испытуемого, увеличила ее температуру на несколько градусов за десять минут. При желании Вы можете увидеть эту картину на термовизоре. Эксперимент записан на видеопленку”.

Второй эксперимент в подвале состоялся 9 декабря. В тот же вечер, а опыт начинался после обеда, часа в четыре, пришел в подвал куда-то спешащий Ю.В. Гуляев, озабоченный и хмурый.

– Ну как, – спросил я шутя, – нагревается?

– А нагревается ли? – ошарашив меня, ответил профессор. И добавил в полном отчаянии уже знакомую мне фразу: – Зачем мне все это нужно?

Показал глазами на Джуну и суетившегося возле нее с аппаратом фотографа:

– Брошу все и уеду на Волгу.

И сдержал слово – уехал в тот же вечер.

А я на следующий день отвез президенту большие фотографии, сделанные в подвале у экрана термовизора, где была изображена Джуна и испытуемый. Лучшие раз увидеть, чем сто раз услышать... И приложил записку:

“Посылаю фотографии, сделанные во время эксперимента с Джуной в лаборатории ИРЭ.

Во время ее воздействия рукой температура тела менялась на глазах, что записано на экране термовизора, в чем вы можете убедиться сами. Были и другие опыты. Моя заметка с учетом ваших замечаний также находится у Вас на столе. Прошу принять меня по этому поводу. 3 декабря 1982 г.”

Из экспедиции академии спешу к телефону. И слышу:

– Мне академик Котельников говорил не далее как сегодня, что Джуна ничего не показывает, что бы отличало ее от других людей... (Теперь, по истечении нескольких лет, цитируя свои

дневниковые записи, я понимаю, что президент, вице-президент и все физики, причастные к начавшейся работе, по всей вероятности, пытались обнаружить дискуссионные биополья, либо, наоборот, получить скорее подтверждения, что таковых нет и не может быть. Меня же, нефизика, волновало совсем другое: лечит Джуна или нет, засвечивает пленку или нет, экстракт или нет, оправданны ли ее притязания или нет, наконец, права ли она и я вместе с ней или нет! Или правы те, кто твердит о фокусах и шарлатанстве?! Вот чем объясняется мое поведение, поступки и слова в споре с таким оппонентом, как президент академии.)

— Но разве греть рукой на расстоянии каждый может?

Казалось бы, убедительно.

Президент не спешил, однако, в подвал лаборатории, где так наглядно наблюдался "эффект Джуны", а собирался в очередную командировку, на сей раз на Урал, пообещав взять переданные ему мои материалы и почитать их по дороге.

Президент уехал.

* * *

На следующий день, как обычно в полночь, позвонил Ю. В. Гуляев и сделал выговор:

— Ты везде ходишь, говоришь. По-видимому, нас прикроют. Снимки твои гуляют по Москве. Вице-президент в бешенстве. Джуна уволят. Вот к чему все это привело. А президент в ярости. Загубил ты дело. Академики рассказывают анекдоты, видят во всем этом ахинею. Я этим делом больше не занимаюсь.

Неужели все кончено?

Но трубку Ю. В. Гуляев не бросил:

— Потерять все можно быстрее, чем получить. Сегодня все научные дела делаются без шума, — поучал он меня. — Скажи Джуне, чтобы фотопленку уничтожила и никому больше не показывала. Приезжайте, но без фотографа!

Чем всех расстроили невинные фотографии?

Не успел я прийти в себя от выговоров Ю. В. Гуляева, как раздался звонок Э. Э. Годика:

— Я потратил на это дело два года жизни! Что ты шумишь? Тебе тоже перепадет! Сорвал ты нам эксперимент. Джуна думает, что ей придали целую компанию ученых. Фотографии действуют на физиков, как красный цвет на быка...

И Джуна выдавала на орехи столь же яростно, как и физики:

— Это моя работа, почему они не дают отзыв? Я не старший подопытный кролик, а старший научный сотрудник! Где бумаги? Это моя история, моя жизнь?

Да, посланные мною фотографии наделали много шума. Но в руки президенту попали. Он их показывал ближайшим сотрудникам. Не знаю, что им при этом говорил, может быть, старый анекдот про тетюшек и дух Льва Толстого.

...Неужели следовало тогда сидеть и ждать, не писать, не фотографировать, не звонить, не добиваться справедливости... Но каким другим путем изменить общественное мнение, добиться гласности? Другого пути тогда, в конце 1982 года, я не знал.

Ничего о результатах опытов ни испытываемому "старшему научному сотруднику", ни мне, специальному корреспонденту московской газеты, не сообщали, никаких "отзывов" не давали. Молча встречали, молча провожали. Все выглядело так, словно ничего не происходило, вроде бы и эксперименты не проводились, вроде и подвала самого нет и Джуня в нем ничего особенного не производит. Ну машет руками, ну радуется, глядя на цветные картинки на термовизоре, как ребенок. Ну и пусть радуется, это ее сугубо личное дело. Молчание, выжидание, какая-то враждебность тяготили ее до слез.

— Брошу все, уеду, хотят меня уволить, ну и пусть...

На следующую пятницу, однако, был назначен третий опыт в подвале, физики настойчиво просили приезжать без фотографа, мол, он мешает чистоте эксперимента, не принято так. "Не нужно шума". Ни Э.Э. Годик, ни Ю.В. Гуляев больше не желали, чтобы я отправлял снимки президенту.

* * *

Однако у меня появилось предчувствие — вот-вот истина до рогу себе проложит. Опыты идут, снимки лежат на столе президента, там же текст беседы с "профессором Ю. Васильевым", там же увесистая Книга отзывов. Что-то должно произойти, раз с этими материалами президент познакомился.

Часов в шесть вечера позвонил в президиум Академии наук СССР. На дворе темно, зима в разгаре. На календаре 23 декабря.

— Прочитал я ваши материалы, — тотчас включился в разговор президент. — Приезжайте...

— Когда?

— Сейчас.

— А пустят? Ведь уже трижды приезжал!

— Пустят, — заверил президент.

Через главный ход прошел в здание президиума АН СССР. Время позднее. У кабинета президента, дверь которого расположена в углу парадного зала бывшего Нескучного дворца, ждут приглашенные на аудиенцию. Зал высокий, залит светом, со старинной массивной мебелью, расписным потолком. Неужели все наяву и Волк в самом деле шагнул через порог царского дворца на прием ко Льву?

Перед заветной дверью за маленьким столом располагается референт Наталья Леонидовна, вдохновившая меня летом написать басню. Как долго не допускала меня к этим дверям! Я молча положил ей на стол визитную карточку. Она молча взяла ее.

Долго еще в эту дверь входили и выходили люди. Среди них я узнал вице-президента Е. П. Велихова, который и слушать не желал, когда заходила речь о феноменах.

Это он недавно мне категорически заявил:

— Мы это не изучаем и не собираемся изучать!

Наконец я вошел в овальный кабинет, очевидно, самую малую приемную в этом бывшем царском дворце, которую по традиции занимают президенты Академии наук СССР. Мне очень хотелось рассмотреть обстановку знаменитого кабинета, но этого я сделать не сумел. Все внимание приковал сидящий за большим столом, придавленным книгами, бумагами, президент. Он предложил сесть, и, ни слова не говоря, начал что-то искать в бумагах, довольно быстро нашел мою беседу с "профессором Ю. Васильевым" и возвратил ее мне.

— Кто вам дал интервью, кто такой профессор Васильев, я наводил справки в Высшей аттестационной комиссии — такого профессора нет, — негромко начал президент. Тон его голоса придал мне уверенности.

— За этим псевдонимом скрываются заведующий лабораторией и его шеф.

— Они нам известны?

— Да, но они не хотят огласки, опасаются реакции коллег и вашей тоже. Это заведующий лабораторией, доктор физико-математических наук Эдуард Эммануилович Годик и профессор Юрий Васильевич Гуляев, член-корреспондент Академии наук...

— Гуляева я хорошо знаю, — заметил президент и выразил готовность слушать дальше.

— Два месяца они работали над этим текстом. Но подписи не ставят, боятся. Страшатася огласки.

Говорю, а сам думаю, что же мне возвращает президент? Взглянул на текст. И увидел подпись президента. Черными чернилами он внес поправки, вычеркнув, к сожалению, фамилию Нинель Сергеевны Кулагиной, поскольку не видел ее. Но про Джуну все оставил.

— Можете печатать...

Спрятав заветную бумагу, вынул папку с давно припасенными на сей случай документами. Взял фотографии, сделанные в поликлинике № 36, где работала Джунa, снимок, сделанный корреспондентом "Огонька", когда удалось запечатлеть свечение рук и головы, а также несколько снимков Нинель Сергеевны, держащей на весу между ладонями пластмассовый шарик от пинг-понга, старые фотоснимки опытов с ней в университете... Никто их не смел публиковать.

И протянул все это президенту.

— Все это, — президент кивнул головой в сторону сборника с отзывами о Джуне — главным образом идет через каналы психические. Психическая податливость людей все это может

объяснить. И воскрешение Лазаря относится вот к таким же вещам, — добавил он и сам засмеялся своей шутке.

Честно говоря, мне было не до смеха.

— Конечно, Джуна помогает, я в этом не сомневаюсь, — продолжал президент, — но я не думаю, чтобы это могло стать серьезным направлением в медицине. Совершенно непонятно — может ли она передавать свои методы другому?

— Передает! У нее есть ученики...

— Не знаю, — возразил президент, — тот же самый Котельников говорит, что у Джуны ничего не обнаружено. Но может быть, он пока более осторожен в своих выводах, чем вы...

Президент взял в руки большую фотографию, сделанную в лаборатории, когда начались опыты у термовизора.

— Ну вот то, что вы показали на термовизоре, — это ведь вещь такая, попробуйте со многими людьми поздороваться — у одного рука горячая, у другого — холодная, у третьего — мокрая, а еще у кого-то — сухая.

— Но Джуна дает повышение температуры на несколько градусов!

Секунду подумав, президент на это возразил так:

— Если вы кому-нибудь скажете неприятную вещь, то от одного этого человек может покраснеть даже. И все отразится на экране так же, как в случае с Джуной. Так просто связывать все с температурой нельзя. Если сосуды расширяются от волнения, то они излучают тепло.

— Но телекинез волнением не объяснить.

Много говорил я в тот вечер про феномен Кулагиной. Как, положив руку на мое плечо, обожгла его до красноты. Как ей достаточно бывает посмотреть кому-нибудь в затылок — на коже остается красное пятнышко. "Могу до волдырей!" — предлагает она.

— В шутку вот прижгла на расстоянии затылок вице-президенту Котельникову при первой встрече, чтобы не сомневался в ее талантах... Какой это гипноз?! Вот протокол опыта с крысами. Они, кажется, гипнозу человека не поддаются. Ставили опыт в Пушино, в Институте биофизики. Пригласили Джуна в клуб, а завезли к крысам. У одной крысы температура повысилась почти на градус. Это разве гипноз?

Вот этот-то протокол и вызвал самый пристальный интерес президента, несмотря на то что был он без печати, оформлен не по полной форме, подписан единственным смельчаком младшим научным сотрудником... Прочел президент все, что значилось в протоколе, от начала до конца, а потом начал, как бы себя проверяя, вслух называть цифры температуры крыс, а их в протоколе — два столбца на двух страницах.

В заключение президент заметил: "Хорошо, что лаборатория занялась изучением Джуны. Пусть изучают". И пообещал побывать в ней.

Я уносил домой не только текст "бесед с профессором Ю. Васильевым", завизированный главой академии, но и письмо президента АН СССР.

Вот оно (публикуется впервые):

"Я довольно долго тянул с Вашей статьей потому, что всякая публикация, тем более в партийной или комсомольской печати, серьезно возбуждает довольно широкие круги читателей и часто побуждает их к каким-то действиям, о которых даже не думал автор статьи. Причем эти действия происходят не только в той области, которой Вы посвятили свою статью, но часто в совершенно других. Ведь, например, какой-либо деятель, стремящийся в наши дни усилить влияние религии – а чудесные исцеления тысячелетия были ее важным для привлечения людей оружием, естественно, будет ссылаться на современные публикации "Комсомолки" и тем убеждать неверующих. Многие будут искать вокруг себя "экстрасенсов", и наверняка всякого рода любители легкой наживы начнут "лечить", продавать всякого рода лечебные средства, на которые воздействовало биополе, и т. д. Погасить такое воздействие печати на довольно широкие круги психически податливых людей очень трудно, а оно может приносить не только пользу, но чаще вред.

Так, например, недавно довольно широко, особенно среди молодежи, было распространено убеждение, что инопланетяне на "летающих тарелочках" зачастую появляются у нас. Их "все видели", "останавливалось движение", показывали места приземления инопланетян и т. д. Сейчас это течение пошло, кажется, на убыль. Не так давно существовало многолетнее увлечение спиритизмом, фотографировали "материализовавшихся" духов как "доказательство" их существования и т. д. Я думаю, что всякого рода сектантская и религиозная деятельность в своей основе использует именно психическую податливость многих людей. Иногда это может быть полезно, а часто и вредно.

Поэтому нужно проявлять высокое чувство ответственности при использовании печати.

Я остановлюсь на вопросе о самочувствии лечащегося.

Болезни самой различной этиологии могут сопровождаться болями. Боль часто сигнализирует человеку о происходящем в его организме нарушении нормального функционирования. Устранение ощущения боли далеко не всегда свидетельствует об излечении болезни. Часто наоборот – применение болеутоляющих средств позволяет больному долго не обращаться к услугам медицины и приводит к тому, что болезнь принимает запущенные формы и лечение ее затрудняется или даже может стать невозможным. Кроме того, отсутствие обычных для какого-либо заболевания болевых ощущений может затруднить диагностику. Конечно, часто для облегчения состояния больного медицина применяет болеутоляющие средства, и здесь есть одна важная особенность. Часто применение болеутоляющих средств

(например, морфия и других препаратов) вызывает привыкание больного к ним. Во избежание этого часто больному вместо морфия вводят чистую дистиллированную воду или любой нейтральный препарат, говоря, что это то обезболивающее средство, которое больному вводили раньше. И многие больные чувствуют, что боль утихает, хотя Д. Давиташвили тут нет. Это разрешенная и часто используемая врачами тактика. Это действие на болевое ощущение через психику. Шприц с иглой, чувство укола создает у больного уверенность, что обезболивающее введено, а дальше он сам, его податливая психика исключает ощущение боли.

В случае Д. Давиташвили, как мне представляется, мы скорее всего встречаемся с группой явлений, стоящих ближе к внушению, передаче своего желания, команды больному и подготовке его к восприятию команд. Это достойно изучения научными методами. Это нужно делать без предвзятости, хорошо продуманно методически, конечно, комплексно.

Нельзя выхватывать какие-то единичные явления – в таких случаях они, особенно при неквалифицированном истолковании, могут только запутать дело...

Можно ли кого-либо научить методам Давиташвили? Многие ли люди имеют подобные свойства? При каких болезнях ее методы более эффективны, чем обычной медицины? Вот первые вопросы, ответы на которые необходимо получить прежде, чем можно будет высказать какое-либо суждение о том, следует ли распространять методы Давиташвили. В медицине, как нигде, вопросы внушения и самовнушения играют чрезвычайно большую роль – одни больные предпочитают гомеопатию, другие аллопатию, и, по сути дела, психика больного дает определяющий вклад в его ориентацию на те или другие принципы лечения, а иногда и на причины его плохого самочувствия.

Теперь о Д. Давиташвили. Я не считаю ее обманщицей и уверен в том, что после лечения у нее многие больные чувствовали себя лучше. Воздействие через психику больного, вероятно, во многих случаях может у психически податливых людей вызвать существенное улучшение самочувствия, снятие болевых ощущений. Я также думаю, что при этом может возникать и прямой терапевтический эффект: наша нервная система в результате воздействия через психические каналы может генерировать импульсы, упорядочивающие обмен веществ, улучшающие регулярные процессы и т. д. Возможно, что близкие к этим явления происходят при лечении иглоукалыванием и т. д. Я не могу себе представить механизм действия при инфекционных заболеваниях – микробы или вирусы должны быть хорошо приспособлены к изменениям в организме их хозяина, т. е. больного, иначе не могло бы быть устойчивых инфекционных заболеваний. Также не ощущается возможность механизма, способствующего уничтожению злокачественных опухо-

лей. Однако возможно, что временные ремиссии, аналогичные ремиссиям при химиотерапии, не исключаются, а улучшение самочувствия больного, снятие болей, видимо, возможно.

Воздействие на нашу нервную систему через психические каналы, то есть через головной мозг, самыми разнообразными путями влияет на организм – как известно из научной печати, вспышки света с частотой человеческих биоритмов могут у латентных эпилептиков вызвать приступ эпилепсии. Также у латентного эпилептика приступ может возникнуть при виде эпилептического припадка у другого лица.

У некоторых мужчин симптомы беременности жены вызывают тошноту, падение аппетита и даже боли в тазу! Явно, что это индуцированное внешними причинами и усиленное нервной системой объекта психогенное заболевание.

Поэтому нужно проявлять высокое чувство ответственности при использовании печати”.

* * *

На следующий день состоялся третий эксперимент. В напряженной обстановке, без фотографа. В кресле сидела тяжело больная женщина. К телу ее подсоединили датчики. Джуна воздействовала на ее носоглотку. Женщине при этом так сдавило голову, что она потом, после окончания эксперимента, признавалась: хотела опыт прервать.

В канун нового, 1983 года в номере от 31 декабря на четвертой странице “Комсомольской правды” под рубрикой “Возвращаясь к напечатанному” появилась моя многострадальная заметка, сообщавшая читателям, что феномен Джуны изучается.

Почему двух лет жизни стоила эта небольшая публикация в сто строк? Почему пришлось собрать на ней столько автографов, столько виз?

Ответ на эти вопросы сегодня ясен, и его можно дать: потому что описываемые события происходили в самый разгар эпохи “застоя”, в обстановке безгласности, сделавшей проблему экстрасенсов закрытой, чуть ли не тайной для каждого, кто шел против введенного в заблуждение общественного мнения, утврдившегося ложного единомыслия на сей предмет...

Не буду описывать всех волнений, пережитых накануне публикации. Предполагалось поместить ее в предновогодний день, чтобы не привлекать особого к ней внимания. Что и было сделано. Свежую газету в полночь отвез Джуне, благо ее квартиры находилась тогда рядом от редакции, у метро “Аэропорт”. Там никто не спал.

– Прочти, – попросила Джуна.

Пришлось прочитать не один раз.

Молча слушала, внимая каждому слову, хотя давно знала каждую строчку наизусть.

– Мы победили! – ликовала Джуна, выдавая желаемое за действительное, поскольку до победы было еще далеко-далеко.

Сто строк правды были обнародованы.

В короткой заметке содержалось, однако, несколько принципиально новых моментов. Не кто-нибудь, а глава науки выводил Джуну, а вместе с ней всех других экстрасенсов из области предосудительной, из сфер мистики, фокусов, авантюр, где, как полагали, всем им место, в область науки, причем официальной, государственной, охраняемой законом.

Впервые в СССР заявлялось, что феномены, прежде относимые к парапсихологическим чудесам и околomedическим мифам, стали предметом изучения физики. Если президент АН СССР делал это заявление с оговорками, не забыв упомянуть про свой скептицизм, а вице-президент высказывался нейтрально, осторожно и понять его можно было двояко, то группа авторитетных ученых высказалась однозначно: феномены – реальность. Наконец, профессор Ю. Васильев в лице Э. Э. Годика и Ю. В. Гуляева заявили, полемизируя, правда инкогнито, со своими коллегами, что не все физические поля изучены. Значит, следует ожидать открытий и здесь.

* * *

В январе прошел еще один эксперимент в подвале. На этот раз перед Джуной расположили подопытную лягушку, распластав ее на подставке так, что было больно на нее смотреть. Джуна опять-таки обмахивала ее руками. А физиологи в эти минуты регистрировали состояние лягушки. Я при этом опыте не присутствовал, а зашел в лабораторию, только когда выносили сделавшую свое дело лягушку из подвала наверх, в институт физиологии. Однако по сей день администрация института не решается сообщить о результатах экспериментов "лягушка – Джуна", хотя ставились они не один раз.

Даже не верилось, что больше не нужно никому звонить, никого убеждать, куда-то мчаться... Информация делала свое дело.

Те, кто годами выступал с речами и разоблачительными статьями, не верили своим глазам.

– Не может быть, чтобы президент так мог заявить. Вы извратили его слова... Вырвали их из контекста! – заявил мне, придя в редакцию, профессор И.Т. Акулиничев.

– Писать о таких людях, как Джуна, вредно с мировоззренческих позиций: мистические секты, появившиеся кое-где, вербуют своих членов нередко потому, что те хотят узнать о "биополе". Нужно разоблачать все это, – доказывал профессор, не желая слушать о лаборатории, где взялись за дело физики с мировыми именами, способные отличить истину от вымыслов.

Чего добивались опровергатели? Они хотели сорвать работу, прекратить, как "лженаучную", закрыть с таким трудом созданную лабораторию.

Закрыть ее им не удалось. Но кое-чего они добились. В главном зале Нескучного дворца в президиуме АН СССР

состоялась вскоре встреча с журналистами. Каждому входящему представили пресс-справку под названием "Академия наук и лженаука", написанную членом-корреспондентом академии М.В. Волькенштейном. Черным по белому в ней значилось: "Иронические слова президента об экстрасенсах подаются в "Комсомольской правде" в искаженном виде, так что сейчас считается, что президент Академии наук это направление поддерживает".

Затем автор пресс-справки, известный специалист в области химии биополимеров, поднялся на высокую трибуну, расположенную в нескольких метрах от той комнаты, где меня принимал академик А.П. Александров, и заявил:

– Телекинезом должны заниматься не ученые, а фокусники и криминалисты, чтобы разоблачить тех, кто дурачит людей.

За членом-корреспондентом поднялся главный ученый секретарь Академии наук академик Г.К. Скрябин, славящийся остроумием. Обращаясь к залу, поднимая над головой руки, как это делают целители, он сказал:

– Дело доходит до того, что Джуна работает в стенах академического института!

За столом председателя главенствовал вице-президент, утверждавший программу "Физические поля биологических объектов". Его подпись я видел. И молчал, как будто был не в курсе того, что происходит в одной из лабораторий института, который руководит его коллега, другой вице-президент.

Как все это понимать?!

Да, прав академик Д.С. Лихачев: "В нашей научной жизни не все благополучно".

С места можно было только задать вопрос, и я воспользовался этим правом:

– Какое выступление президента имеет в виду член-корреспондент Волькенштейн, не то ли, что появилось в газете 31 декабря?

Зал затих. И я спросил еще:

– Неужели товарищ Волькенштейн думает, что в газете не понимают юмор? Не желает ли он посмотреть этот газетный текст в оригинале, подписанный президентом? Кроме его подписи там есть еще подпись вице-президента и пяти академиков...

Зал не ожидал такого поворота, смолкли голоса. Под сводами Нескучного дворца я произнес монолог о телекинезе, заключив, что товарищ Волькенштейн его не видел, а говорит и пишет неслучайно, в то время как те, кто видел телекинез, находятся в зале и молчат.

По иронии судьбы рядом со мной сидел профессор С.П. Капица, всем известный ведущий телепрограммы "Очевидное – невероятное", который когда-то присутствовал во время демонстрации Н.С. Кулагиной телекинеза в университете. Я протянул ему текст с автографом президента, он молча

посмотрел и вернул. Очевидное – невероятное! Да, повернуть корабль общественного мнения одной заметкой в газете, даже опираясь на авторитет главы науки, не удалось. Но я не терял надежды, потому что подвальная лаборатория дело свое делала. Сотрудники ее обрабатывали результаты наблюдений, готовились к переезду в особняк в Старосадском переулке.

* * *

Весной состоялась премьера фильма "Юность гения". Просмотра было два. На одном Джуна появилась на экране всего около десяти минут. На другом – двадцать. На втором просмотре, где демонстрировался полный вариант картины, она показывала свое искусство, точнее говоря, свою методику диагностики и лечения. Ради этого и стала сниматься. Это были как раз те кадры, которые по настоянию научного консультанта из фильма выбросили под предлогом того, что методы Джуны пока еще "не проверенные".

Летом Джуна увлеклась лечением глухонемых и слепых. У нее появилась видеокамера, которой она записывала на пленку свое воздействие.

Смотреть без волнения эти кадры нельзя. Хочу рассказать о нескольких исцелениях.

Две грузинки матери, плохо говорящие по-русски, привезли из Тбилиси детей-дошкольников, их имена Леван и Надия.

Мальчик стал все слышать и бойко сыпал слова, читал по-грузински, стал разговаривать с Джуной по-грузински, шалил. На одно ухо у него прежде была потеря слуха 100 процентов, на другое – 80. Практически глухой.

Леван первый, кого Джуна излечила от глухоты в Москве после возвращения со съемок из Самарканда, где, как помнят читатели, она также вернула слух глухому.

Леван походил на сына Джуны, поэтому она уступила просьбам матери и начала сеансы, хотя сама поначалу не верила в успех. Мальчик оглох от удара по голове, о чем мать не знала. Следы удара Джуна обнаружила у него с левой стороны.

Девочка оглохла после гриппа, когда ее лечили антибиотиками. Она кое-что слышала и пришла на сеанс со слуховым аппаратом. Джуна посоветовала матери аппаратом больше не пользоваться. Надия и без него уже слышала слова и повторяла их за Джуной. А на ухо ей тихо шептала: "Тэта".

Наконец, упомяну вкратце историю арабской девочки. Ее привезли в Москву из Саудовской Аравии, чтобы показать нашему знаменитому окулисту С. Федорову. Записались к нему в очередь. Один из знакомых Джуны привел девочку к ней. Она перестала видеть несколько лет тому назад, после того как на нее упала дверь: в доме шел ремонт. Удар пришелся по шее. Девочка осталась жива, но ослепла. Везли ее в США, Испанию, к известным целителям на Филиппины. Никто помочь не мог.

Спустя неделю я увидел такую сцену. Девочка разглядела руку Джуны и схватилась за нее. Она стала различать краски на ярком цветном платке. Когда ей показали гвоздики, сказала, что это красные цветы. До полного исцеления было еще далеко. Но оно началось. Увидела девочка и платье Джуны, хотя оно черное.

— Раз увидела черный цвет, значит, все будет видеть, — завершила Джуна.

* * *

В конце лета мы вместе с руководителем программы Ю.В. Гуляевым встретились с министром здравоохранения СССР С. П. Буренковым. Он выслушал сообщения о перспективах приложения физических методов в медицине. Про Джуну всего несколько слов. Ю.В. Гуляев сказал "под занавес":

— Воздействие мы обнаружили.

И обратился к министру с просьбой подключить к делу врачей, чтобы они помогли отделить психотерапию от физики. По желанию Джуны Ю.В. Гуляев попросил, чтобы врачи провели с ней опыты по лечению эндартериита.

— Зачем сразу делать опыт на эндартериите, — удивился министр. — Можно что-нибудь и попроще взять. Может быть, вообще начать с крыс... Подключим институты, Академию медицинских наук.

Министр посетил лабораторию.

О результатах работы доложили председателю ГКНТ Г.И. Марчуку и председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову, вдохновителям программы. Я не раз уже упоминал Николая Константиновича Байбакова и хочу объяснить, почему этот человек, казалось бы далекий по своему высокому официальному положению от экстрасенсов, проявил столь благожелательное к ним отношение, в частности к Джуне. Совсем не потому, что она якобы его лечила. Не было этого, хотя все зарубежные газеты так писали. Дело в том, что он всегда проявлял интерес к новаторам в области медицины. Построил, например, лабораторию в Тбилиси, в Грузинском ботаническом саду, где в начале шестидесятых годов кандидат биологических наук Н.А. Кахеладзе стала, притом успешно, лечить некоторые кожные болезни, облысение женщин, детей в частности.

Предельно загруженному государственными заботами председателю Госплана не удавалось несколько лет посетить лабораторию, для которой он сделал больше всех. Физики к нему не раз приезжали с докладами, с просьбами, и он всегда находил для них время... И не только время.

Джуна хотела, чтобы и ей дали отчет, который направили в инстанции, но ей его даже не показали. Какая в этом была тайна?

– Да, кровенаполнение – реальность, – говорил мне Э.Э. Годик... – Но может быть, это все идет через психику? Джуна заставляет человека, и он сам гонит кровь.

– Но она во время опытов молчит, ничего не говорит. Ведь глухие, слепые ее вообще не видят и не слышат.

– Поля у Джуны такие, как у всех людей, – охлаждали мой пыл физики. – Но когда она двигает руками, поля у нее большие. Их нужно сравнить с полями других рук, может быть, в самом деле у нее они значительно больше, чем у всех...

– А когда ваши сотрудники пытаются делать то же, что Джуна, удается им это?

– Нет, не удастся, – вырвал я признание у физиков, все время опасавшихся, что "тисну" очередную информацию в газете. А еще они сказали мне то, что давно говорил академик Кобзарев: "Физические тела, нагретые Джуной, остывают совсем не так, как если бы они нагревались рефлектором. Нарушается закон остывания..."

* * *

Летом 1983 года вышел из печати "Вестник АН СССР", где за подписями Ю.В. Гуляева, Э.Э. Годика опубликована статья, озаглавленная "Физические поля биологических объектов", посвященная методике исследований. Это была первая ласточка. Однако о Джуне там не говорилось ни слова, что приводило ее то в ярость, то в отчаяние. Рано еще...

Только в конце октября закончился ремонт дома в Старосадском переулке. Своды его подпирали четыре бородатых атланта. Двери в особняк – резные, тяжелые, старинные. О таких я мечтал. Так что, можно сказать, моя мечта сбылась.

О чем я еще мечтал? Как вскоре (закончат только монтаж аппаратуры) Джуна, Э.Э. Годик, Ю.В. Гуляев подойдут к этой двери. Тяжелая дверь не сразу поддастся. Я помогу им ее открыть. Это будет моя последняя трудность. Остальные трудности придется преодолевать Джуне и сотрудникам лаборатории. Кстати, профессор, очевидно, станет академиком, несмотря на деловую связь с экстрасенсом.

Глава V

Глава пятая, заключительная, приближающая нас к драматическому финалу в изучении феномена: в ней анализируется, почему физики с энтузиазмом толковали о радиометрии коров и умалчивали о разогреве "Д"; повествуется, как старший научный сотрудник обнародовала место своей службы и за это поплатилась должностью; наконец, о посещении лаборатории председателем Госплана СССР, а также президентом Академии наук, одобрившим физиков и не одобрившим желание автора сообщить миру о феномене "Д"; а также о наступлении апреля 1985 года, гласности, когда все кому не лень бросились писать о Джуне и печатать ее несовершенные стихи, что, впрочем, народ ей простит.

* * *

Итак, с ноября 1983 года начались приятные поездки в "свою" лабораторию. Примерно раз в неделю часам к четырем после обеда Джуна спешила на работу.

На термовизоре повторялась десятки раз картина воздействия рук. За несколько минут после начала манипуляций менялись цвета, поскольку менялась температура рук Джуны и температура испытуемых как на поверхности тела, так и внутренних органов, особенно пораженных недугом.

Рядом с физиками появились врачи-гипнологи, психотерапевты. В лаборатории доставляли больных из клиник Первого московского медицинского института. Однако не для того чтобы лечить, чтобы установить — есть ли воздействие рук.

Иногда тех, кого привозили для опытов, усыпляли, чтобы они не видели входившую в камеру Джуно. Иногда им плотно закрывали глаза и уши — все с той же целью. Появился однажды специалист по плацебо, предложил Джуно провести с ним эксперимент: требовалось перемещать цветные квадратики.

Первый раз она проделала это с удовольствием, а вскоре эта элементарная игра ей наскучила, и она решительно отодвинула квадратики, обиженная тем, что вместо того, чтобы заниматься серьезным делом, чтобы лечить больных, ей приходится заниматься пустяками.

После каждого эксперимента, длившегося по несколько часов, подписывались протоколы. Джуна их подписывала не глядя. С каждым визитом отношения между физиками и ею становились лучше, дружелюбнее, всегда на столе ждал крепко заваренный чай.

В те дни, когда Джуна не приезжала, работа также шла. Приглашались порой иные феномены, в частности упоминавшийся в книге экстрасенс Юрий Х., кстати, физик, кандидат наук, заведующий одной из лабораторий, так сказать, свой брат ученый. Измерялись физические поля и обычных людей. В этом качестве выступали сотрудники лаборатории.

Вот примерно так в общих чертах шли исследования и в 1983 и в 1984 годах, с перерывами на летние отпуска. А в 1985 году — по апрель.

Да, работа расширялась, никто больше в лаборатории не считал Джуну "Распутиным в юбке". Но каждый шаг вперед давался с превеликим трудом, и сложности эти возникали не в стенах института, а за его пределами. "Внешнее давление", о котором упоминал академик Г.И. Марчук, не ослабевало, несмотря на все новые открытия. Я чувствовал постоянно вокруг Джуны и себя атмосферу, где плотно нагнеталась подозрительность, потаенность, безгласность. Фотографировать не разрешалось; копии протоколов, которые подписывались после каждого опыта, не давались; о цели каждого конкретного опыта не распространялись; о плане дальнейших исследований молчали; не говорили даже, на сколько градусов удавалось рукой разогреть больных. Эта информация держалась если не в полной тайне, то, во всяком случае, была окружена какой-то дымовой завесой. Требовалось спрашивать, чтобы сразу узнать то, что не представляло никаких секретов.

Но и это еще не все. Самое большое мучение доставляло постоянное ощущение страха, ожидания, что исследования в любой момент прекратятся. Разговоры о таком исходе начали вестись вскоре после начала работы. Парадокс: чем успешнее она шла, чем ощутимее становились результаты, тем сильнее зрело желание руководства института поскорее прекратить контакты с Джуной! Почему? Ведь лаборатория создавалась ее усилиями, для изучения именно таких феноменов, как она; ведь первой пригласили в эти стены Нинель Кулагину, вызвав ее в Москву за казенный счет; ведь исполняли государственный заказ, не жалея времени и сил, трудились вечерами, по выходным.

Да, появилась лаборатория в результате социальной потребности, чтобы разобраться в явлениях, будораживших умы, вносявших напряженность в общественную жизнь, чтобы узнать истину об экстрасенсах, которым приписывали и чудеса, и преступления.

С каждым днем для меня все яснее становился смысл разговоров о "беспроектном варианте", которые велись еще в дни поиска помещения.

То, что волновало общественное мнение, физиков, взявших-ся исполнить социальный заказ, в принципе мало трогало. Есть экстрасенсы или нет экстрасенсов, "разоблачат" Джуну или установят некое воздействие ее физических полей, не имело для

моих новых друзей особого значения, как я стал постепенно понимать. "Результаты получим, отчитаемся, как положено, и дело с концом. Прощай, Джуна! Дадим ей от ворот поворот, уволим, пусть ей занимаются врачи, ведь она сама говорит, что лечит. Есть у нас медицинская академия. А мы физики, займемся другими, "беспроигрышными" программами, к примеру медицинской дистанционной диагностикой: ведь приборы в лаборатории такие, каких нет ни у кого, – видят и слышат за версту! И при этом для человека такая диагностика абсолютно безвредна: он никакими полями, никакими лучами не просвечивается, не облучается. Наоборот, сам человек своими полями, излучениями создает картину собственного состояния, своего здоровья и нездоровья".

Вот такой ход мыслей был у профессора и доктора наук. Это было очень далеко от той цели, что стояла перед моими глазами и для которой, как казалось, были основания. Ведь еще в подвал привозили издалека не умеющую говорить по-русски женщину, которая лечила и диагностировала неким народным способом, заинтересовавшим местных физиков из академического института естественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Привез ее заместитель директора института, доктор физико-математических наук Чимит Цыдилов. Он мне напомнил нашу давнюю встречу, состоявшуюся, как оказалось, на кафедре у академика Хохлова в те самые дни, когда туда привозили Нинель Сергеевну Кулагину: ее удалось краем глаза посмотреть и аспиранту Цыдилову...

И вот, оказывается, исследование экстрасенсов – лишь мимолетное увлечение моих знакомых: их попросили разобраться, они не могли отказать. Не более того.

А я было думал, что новой лаборатории при наличии таких феноменов, как ни с кем несравнимая Нинель Сергеевна, да при постоянном сотрудничестве с нацеленной на борьбу Джуной, феноменом выдающимся, творческим, многообразным, работы у физиков хватит на многие годы, десятилетия. Оказалось на самом деле, что физики спешили кончить дело, которое началось с таким трудом и потребовало героических усилий "старшего научного сотрудника", не помышлявшего о стгушавшейся над ее буйной головой черной туче!

* * *

Физикам, получившим в руки столь совершенную и чувствительную аппаратуру, не представляло особого труда быстро измерить поля Джуны, сравнить их с излучениями нормальных биологических объектов, не претендующих на лавры экстрасенсов. Имея перед глазами экран термовизора, сразу видишь даже без особых измерений, что руки Джуны нагреваются, нагреваются и те, на кого она воздействовала...

Вскоре появился первый отчет, из которого явствовало, что в обычном состоянии физические поля Джуны ничем не отличаются от таких же полей каждого. Однако в "рабочем режиме", когда начинается сеанс, ее физические поля увеличиваются.

"Эти изменения физических полей невелики и, по-видимому, могут служить лишь информационным сигналом для запуска психологических регуляторных систем".

И вывод:

"Вся совокупность результатов, полученных при исследовании АБО (Аномальных биологических объектов), позволяет предположить, что воздействие не связано с какими-либо особыми излучениями, а имеет психофизиологическую природу (например, типа гипноза)".

Вот так, не обнаружив "особых излучений", физики тут же утратили интерес к Джуне.

Поскольку полученный результат соотносился с "психофизиологической природой" (гипнозом), а именно его имел в виду президент АН СССР, что физикам хорошо было известно, Ю.В. Гуляев и Э.Э. Годик официально попросили перевести Джуну в другое место, поскольку дальнейшие исследования "в Институте радиотехники и электроники АН СССР проводить не представляется возможным"!

Вот так, "не представляется возможным"! Значит, нельзя Джуне появляться в "своей" лаборатории, нечего ей тут делать, нечего зря деньги платить...

Сообщал об этом руководитель программы "Физические поля биологических объектов" директору института, вице-президенту академии В.А. Котельникову, утверждая, что свое дело сделал "на доступном на сегодня уровне чувствительности аппаратуры". И в это же самое время мои спутники в хождении по инстанциям стали развивать новые планы, пошли разговоры о других, далеких от меня биологических объектах, о коровах например, поскольку оказалось, что дистанционно измерять у них температуру важно для определения их здоровья и, следовательно, решения продовольственной программы. Одним словом, об этой программе и коровах при мне говорили с большей охотой, чем о результатах, демонстрируемых Джуной...

Но просьба Ю.В. Гуляева, выраженная в докладной на имя директора института, была столь поспешна, что те, кто "заказывал музыку", его не поддержали. Пришлось продолжать Э.Э. Годик и его команде встречи с АБО, каждый приезд обставлявшей как выезд в гости, с долгим выбором ярких нарядов, покупкой тортов и коробок конфет для традиционных чаепитий.

И тут выяснилось, что чувствительная аппаратура еще не исчерпала свои возможности по измерению физических полей Джуны и ей подобных АБО. Оказалось, что у физиков есть простор для открытий, если только не заслоняться от них, не страшиться принимать в своих стенах экстрасенсов.

Пусть читатель не подумает, что это мои домыслы, картина мною воображаемая. Обнаружилось важное явление: хотя у АБО "изменения физических полей невелики", они производили сильные возмущения в организме подопытных людей.

Предлагаю прочесть выдержку из отчета, подписанного тем же Ю.В. Гуляевым, но направленного не своему непосредственному начальнику, который, как и его заместитель по научной части, рад был закрыть дверь института перед АБО, а председателю ГКНТ академику Гурию Ивановичу Марчуку, от кого зависело дать лаборатории новую вычислительную машину, "комплекс уникальных импортных приборов, а также штаты в 10 единиц".

Так вот, ему сообщалась интересная новость: "С помощью разработанных в институте дистанционных методов регулярно проводятся исследования особенностей физических полей Е.Ю. Давиташвили, а также Н.С. Кулагиной. При этом методами инфракрасной термографии совместно с контактно-электрофизиологической метрикой зарегистрированы **значительные изменения температуры (до нескольких градусов) кистей рук Е.Ю. Давиташвили** (подчеркнуто мною. — Л.К.), а также разогрев кистей рук и увеличение их кровенаполнения, изменение давления, частоты сердечных сокращений и дыхания у пациента".

Как не похож сей отчет на предыдущий, единственной целью которого было отбиться от АБО, передать его каким угодно психофизиологам или медикам... Если там речь шла о НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ изменениях физических полей Джуны, то здесь теперь говорят о зарегистрированном **ЗНАЧИТЕЛЬНОМ** изменении температуры кистей рук...

Что же касается Нинель Сергеевны Кулагиной, то она продемонстрировала в лаборатории феномен другого рода.

"У Кулагиной обнаружено аутовызываемое значительное повышение проводимости воздуха вокруг кистей рук (в 10^6 раз), оптическое свечение рук (10^{-14} Вт), акустические "щелчки" ($0,3 \text{ мкВт/см}^2$)".

В данном случае у феномена можно заподозрить те самые "особые излучения", которые вызывают яростную неприязнь лиц, хорошо усвоивших современный курс физики.

Вызвать бы еще раз в Москву Нинель Сергеевну. Разве она когда-нибудь отказывалась от таких поездок? Разве не приехала она бы на следующий день в лабораторию в сопровождении неизменного спутника — инженера Виктора Васильевича Кулагина? За двадцать лет экспериментов он настолько глубоко разобрался в физической природе демонстрируемых женой "чудес", что мог рассуждать на эту тему с академиками и профессорами, высказывая гипотезы, достойные проверки на той самой "чувствительной аппаратуре", где, как казалось ее обладателям, можно было бы закругляться со всякими там экстрасенсами, телекинезами и переходить на коров.

Время шло, поездки продолжались. Неизвестно, как долго бы все происходило, если бы не пресловутое внешнее давление, проявлявшееся почти каждый день в самых разнообразных формах: слухах, мнениях, публикациях, происшествиях, происходивших порой далеко от Старосадского переулка, имевших к нему косвенное отношение, однако становившихся непреодолимой преградой на пути измерений физических полей у "аномального биологического объекта". Физики-"академики", казалось бы далекие от светской суеты, не отгораживались от этих внешних воздействий, наоборот, чутко прислушивались к каждому звуку, раздававшемуся за стеной их храма науки, в тайной надежде, что услышат наконец с улицы желанные слова: кончайте, ребята, хватит возиться с Джуной, переходите к "бесприкрытым делам".

С трудом налаженный ритм то и дело нарушался. Первый кризис произошел после появления уже упоминавшегося отчета.

— Лев, устраивай Джуноу в другое место, — обращался Ю.В. Гуляев ко мне, будто я был заведующим отделом кадров, располагал вакансиями.

Второй кризис разразился вскоре после появления в Болгарии информации, что Джуна числится в штате Института радиотехники и электроники. В ней сообщалось, что она лечит какие-то тяжелые болезни, обрекавшие людей на костыли, инвалидные коляски и т. д.

Многие болгары, взяв билеты до Москвы, явились вслед за тем к порогу Института радиотехники и электроники со своими болезнями, костылями и инвалидными колясками. Дверь часами осаждалась толпой иностранцев. На помощь согражданам поспешили высокопоставленные лица. Среди них президент Болгарской академии наук, обратившийся к коллеге — вице-президенту Владимиру Александровичу Котельникову — за помощью.

Он и помог, распорядившись срочно прекратить контакты с Джуной. Пауза длилась несколько месяцев, хотя официально она продолжала числиться старшим научным сотрудником института и бухгалтерия регулярно перечисляла ей заработную плату — 180 рублей, как положено "с.н.с.", не имеющему ученой степени.

Третий кризис оказался еще более неприятным, с уголовным оттенком. В институт поступил запрос из Министерства внутренних дел относительно Джуны; милиция интересовалась, действительно ли она является старшим научным сотрудником уважаемого научного учреждения. Некий преступник выдавал себя не то за "ученика", не то за "учителя" Джуны, в доказательство предъявляя фотографию с автографом, которые она раздает на каждой встрече пачками.

Все эти "внешние давления" наносили удар за ударом по престижу новоявленного "старшего научного сотрудника" в глазах физиков, испытывавших постоянное желание под благовидным предлогом расстаться с ней, хотя с каждым месяцем исследования становились все более результативными.

Много огорчений также приносила кампания, разоблачающая целителей: "Визит к "экстрасенсу", "Визит "экстрасенса", "После визита к "экстрасенсу".

Называю по памяти только три нашумевшие статьи, где под словом в кавычках "экстрасенс" представляли пред народом знахари, невежды, шарлатаны, а в довершение всего преступники, вроде зловещего Абая и его колесивших по стране дружков, совершивших убийство.

Наконец, последний кризис произошел весной 1985 года, в марте, когда на страницах все той же газеты, где Джуну в 1980 году окрестили "околомедицинским мифом", ее назвали "аномальным явлением", поставив в ряд с "инопланетянами" и Бермудским треугольником.

И это публиковалось после трех лет работы в стенах лаборатории Академии наук, после того как государство выплатило одной Джуне свыше пяти тысяч рублей, не считая сотен тысяч рублей на оборудование и зарплату сотрудникам, исследующим ее феномен.

– Какое я "аномальное явление", – кричала Джуна в трубку автору статьи. – Я старший научный сотрудник института Академии наук. А ты кто, такой-сякой?.. – Она металась по квартире примерно так же, как в ту ночь, когда остановили машины, печатавшие журнал "Огонек"...

– Напиши опровержение! – требовала Джуна.

Я этого сделать не мог.

Институт мог, но не собирался ничего опровергать, продолжая хранить в тайне сотрудничество с ней.

* * *

Джуна нашла выход из этого положения. Газеты, а вслед за ними журналы стали печатать стихи за ее подписью. Это никем не возбранялось. Каждая новая подборка стихов сопровождалась, как обычно, представлением автора.

Кем представлялась Джуна? Во-первых, начинающим стихотворцем. Во-вторых, старшим научным сотрудником Института радиотехники и электроники Академии наук СССР.

Сейчас вот пишу и думаю. Ну что особенного, если автор назвал свое место работы. Ничего. Но для Джуны это "разглашение" стоило доверия.

Заканчивался март. Впереди нас ждал апрель 1985 года. Завершался застойный период.

Казалось бы, я должен сообщить читателям, что наконец-то Джуна вздохнула свободно, затхлая атмосфера безгласности

начала насыщаться живительными струями информации, обрушились бюрократические преграды на пути нового направления науки...

Но я пишу только то, что было. А случилось следующее. Кому-то очень не понравилось, что в святая святых, Академии наук, числится не кем-нибудь, курьером или экспедитором, а старшим научным сотрудником известный экстрасенс...

Не знаю, кто был этот деятель, но не потерпел он того, что терпели президент, вице-президент, директор института, заведующий лабораторией. Не потерпел, что в отделе кадров не было диплома, и распорядился срочно уволить Джуну.

Ей предложили написать заявление об уходе по собственному желанию. Она написала: "Прошу уволить по Вашему желанию..." По стечению обстоятельств в Москве в те дни не оказалось ни председателя ГКНТ, ни председателя Госплана, некому было противостоять административному нажиму.

И 29 марта 1985 года кадровики Института радиотехники и электроники издали приказ об увольнении Е.Ю. Давиташвили.

Но к этому времени дело было сделано. Феномен "Д" установлен. "Эффект Джуны" изучили довольно подробно, хотя далеко не до конца. Установлен также феномен "К", еще более сложный и интересный.

* * *

Как ни сокрушалась Джуна, она нашла силы начать тогда еще один цикл исследований. Проводился он не где-нибудь, а в лаборатории научного центра, который возглавлял тот самый "академик двух академий", который грозил мне судом за лжесвидетельство и принимал активные меры, чтобы лишить ново-явленную москвичку права на жительство в столице. Я имею в виду академика Б.В. Петровского, бывшего министра здравоохранения СССР.

Тайком от него десятки раз, надев белый халат, появлялась Джуна в лаборатории. Она здесь обмахивала руками подопытных кроликов, а научные сотрудники пытались выяснить механизм ее воздействия с точки зрения физиологии.

Впрочем, и им мужества обнародовать результаты не хватило.

Вот так завершалась удивительная история, начатая за пять лет до этого после появления в Москве "таинственного феномена".

* * *

А 20 мая в Старосадском переулке принимали того, кто дал главный импульс исследованиям. Впервые принимали заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Байбакова, нашедшего наконец время для такого визита, состоявшегося в конце недели.

Вслед за его большой машиной у порога дома остановились "Чайки" президента Академии наук СССР и вице-президента...

Гости не спешили. Ю.В. Гуляев и Э.Э. Годик подробно показывали и рассказывали обо всем, что успели сделать за три года, начали с демонстрации теплолокации рук, "кожного зрения". На экране термовизора хорошо было видно, что когда рука подносилась к конверту, где внутри находился лист бумаги с рисунком-фигурой в виде креста, то на белом фоне экрана проступал этот крест. То есть рука как бы видела то, что находилось в черном конверте. Так наглядно демонстрировался феномен "ясновидения", до недавнего времени никем не объяснимый.

– Продайте это "знатокам", пусть они читают, не вскрывая конверты, – пошутил президент.

Потом на место конверта легла газета. А когда приблизилась к ней рука, на экране на белом фоне появилось название газеты и все смогли прочесть большие буквы заголовка – "Правда". Так был наглядно показан другой феномен, так называемого "кожного зрения", не только объясненный в лаборатории, но и, как видим, смоделированный. Рука улавливала разницу тепла, отраженного от черных букв и белого поля листа, а термовизор эту разницу воспроизводил на экране.

Так смоделировано было физиками то, что с таким блеском делала безвременно ушедшая Роза Кулешова, читавшая пальцами не только заголовки, но и любой печатный текст, книги и газеты, за что при жизни была "разоблачена" в институте неврологии, успела услышать много несправедливых обвинений в шарлатанстве. В лаборатории установили, что наша рука обладает чувствительностью к теплу, ничуть не уступающей термовизору. Да и тепла рука излучает довольно много, как небольшая электрическая лампочка, а все наше тело – как лампа в сто ватт.

Вот этим теплом и высокой чувствительностью к теплу объясняли физики феномен Джуны. Ее рука не излучает, как считают в лаборатории, неведомых биополей, все объясняется известными физическими полями и излучениями, в первую очередь инфракрасным излучением, то есть теплом.

Когда гости пришли в комнату, где стояла вычислительная машина "Норд" и большой экран термовизора, Ю.В. Гуляев не без торжества в голосе сказал:

– Сейчас мы вам покажем, что делает Джуна.

...Вот к спине больного радикулитом подносится рука. На спине сверху светится красное пятно, очаг поражения. Рука манипулирует внизу спины. Спустя несколько минут разогревается практически вся поверхность спины!

– Значит, греет не напрямую, – комментировал президент.

– Когда мы поставили между рукой и телом больного стекло, то нагрева не было, – добавил Э.Э. Годик.

Все понимали – нагревания не могло быть, потому что стекло не пропускает инфракрасное излучение... Именно им здесь объясняют феномены.

– На сколько нагрелась спина? – спросил президент.

– На три градуса...

Красное пятно расплзлось по всей спине.

Точно так же отчетливо видно: нагрелась и рука Джуны, но не так интенсивно.

– По термодинамике не проходит, – заметил президент по поводу происходившего.

На первый взгляд картина, демонстрируемая на экране термовизора, противоречила второму закону термодинамики: более холодное тело – рука – не должно было разогреть другое более теплое тело до такой степени.

– Это не простая теплопередача, – пояснил вице-президент Котельников, – это система с собственными источниками энергии.

Пример такой системы: радиоволна и радиоприемник. Слабый сигнал радиостанции, попав в приемник, усиливается, и мы слышим громкие звуки, порой настолько мощные, что приходится от них закрывать окна...

– Рука, как спичка, поджигает, – образно пояснял происходящее Э. Э. Годик. – Это воздействие не физическое, а информационное. Нагревается в первую очередь больное место.

Вот такой разговор происходил при мне в тот момент, когда высоким гостям оператор Александр Тараторин демонстрировал на сложном вычислительном комплексе результаты полученные в дни наездов "старшего научного сотрудника", уволенного отнюдь не по собственному желанию.

Николай Константинович Байбаков при этом собеседовании физиков молчал и слушал, имея возможность впервые увидеть то, что давно хотел. Он, как мы уже говорили, не раз помогал тем, когда это касалось здоровья людей, кто начинал, казалось бы, заранее обреченное на провал дело. Именно он помог в Феодосии создать лабораторию, где врач-психотерапевт Довженко успешно лечит больных от алкоголизма новым методом.

Молчал высокий гость, ничего не сказал физикам. Только я услышал:

– Не подвела меня Джуна.

* * *

Так наконец сбылась моя давняя мечта: президент Академии наук СССР увидел то, что вызывало столько лет бурные дискуссии. Посещение длилось четыре часа: физикам было о чем доложить. Они получили в свои руки уникальный комплекс, который мог вести измерения физических полей по семи каналам, улавливающий электрические и магнитные поля, четыре

вида излучений: инфракрасное (тепловое), радиотепловое, оптическое, акустическое, а также "химические поля", связанные с жизнедеятельностью биологического объекта.

Вот при помощи такой замечательной аппаратуры физики во главе с Ю.В. Гуляевым и Э.Э. Годиком доказали "существование неспецифического сенсорного канала (помимо зрения и слуха), по которому возможно получение физиологической информации и дистанционное воздействие". Эти слова взяты из отчета, подготовленного к приезду гостей.

Из него явствовало, что Джуна нагревала на несколько градусов поверхность тела испытуемых, причем через одежду, а также нагревала на несколько десятых градуса внутренние органы.

"Мы провели эксперимент, – писали физики, – который нас окончательно убедил, что зрение и слух здесь ни при чем. Между рукой Джуны и пациентом ставили стеклянную стенку, непрозрачную для инфракрасного излучения. При таком условии опыта разогрева кожи пациента не происходило, хотя воздействующий и пациент видели друг друга и слышали друг друга, то есть психофизиологический контакт не нарушался".

Прочитую и далее слова из того же отчета, поскольку не уверен, что сумею популярно пересказать, не искажая смысл, полученный результат: "Во время воздействия руки "экстра-сенса" приращение инфракрасного теплового потока на кожу пациента превышает порог ее чувствительности. Этот инфракрасный поток модулируется движениями руки. **Таким образом происходит своеобразный бесконтактный массаж тела пациента инфракрасными излучениями движущейся разогретой руки** (подчеркнуто мною. – Л.К.). Причем оказалось, что кожа пациента разогревается неравномерно, больше греются области с нарушенной терморегуляцией..."

Это значит, что Джуна воздействовала руками, а не внушением, гипнозом, как считал президент. Был установлен бесконтактный массаж – феномен "Д".

После осмотра, сев за стол, чтобы сделать запись в журнале, президент пошутил: "Хорошая физика обходится без чудес", имея в виду, что все объяснилось без биополей...

"Я надеюсь, – писал президент, что Ваши работы будут полезны и для практической медицины, и для физиологии, как науки. Кроме того, думаю, что это развеет ореол "чудес", которые жаждут часто видеть некоторые увлекающиеся товарищи". При этом он посмотрел в мою сторону, как на одного из "увлекающихся товарищей".

По незаметному знаку академика В.А. Котельникова Ю.В. Гуляев протянул президенту пять страниц бумаги с машинописным текстом, где вкратце сообщалось об исследованиях Джуны и Н.С. Кулагиной. Сердце мое замерло, скажу честно, я волновался и ждал молча приговор.

Прочитал президент пять страниц и молча отложил их в сторону. Значит, с публикацией мне предстояло подождать.

Не согласился президент изыскать в штатах академии несколько должностей для таких людей, как Джуна. Я все еще не терял надежды, что ее опять зачислят в лабораторию.

— Почему академия должна заниматься ими, — в сердцах ответил президент.

После осмотра лаборатории Анатолий Петрович Александров сочинил и собственноручно написал текст любопытнейшего документа под названием "Приказ-распоряжение", после чего ознакомил с ним президента Академии медицинских наук и министра здравоохранения СССР. Последний поставил свою подпись на этом документе рядом с подписью президента.

Документ обязывал сотрудников АН СССР продолжить начатые исследования, а ученых медицинской академии — начать со своей стороны изучение этого явления, имея в виду в конечном итоге провести клинические испытания возможного терапевтического эффекта. Ведь если в организме под влиянием бесконтактного массажа рук регистрируются такие сильные возмущения, то не исключено ведь и лечение...

Этот "приказ-распоряжение" в Минздраве никто из сотрудников не знал. Забыли, потеряли. Нет приказа. Зря старался президент, зря водил пером по бумаге, оставив еще один автограф архиву академии. Не удалось переубедить коллегу, президента медицинской академии, не удалось сломать упорство, с которым тот отстаивал свою старую позицию, как, впрочем, не удалось убедить его и в необходимости избрать в эту академию доктора Гавриила Илизарова. Он, как все теперь знают, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР...

* * *

Заканчивался 1985 год. Джуна зачастила в подмосковный город Щелково, где в одном из профилакториев нашлись медики-энтузиасты, решившие учиться у Джуны. И довольно быстро переняли ее манипуляции. Оказалось, что способность к лечению руками есть у многих, как и утверждала Джуна. Помните ее слова: "Мать сможет лечить детей, жена — мужа, профилактическая методика должна войти в каждый дом..." В профилактории я увидел медсестер, руками нормализовавших артериальное давление у рабочих хлопчатобумажного комбината.

Как много может сделать один человек, если он талантлив!

Вот почему Белла Ахмадулина говорила:

— Мне кажется, Джуна есть привет нам от чего-то, что мы не вполне можем понять, но тем не менее чему мы вполне можем довериться. Ну а, собственно, почему мы, человеки, должны так не доверять собственным способностям. У нас есть много

чудес, у нас есть Пушкин, у нас есть Цветаева, и Джуна – еще одно доказательство того, что сфера человеческого мозга, вообще человеческих дарований и всего нашего устройства все-таки находится в сфере какой-то дымки и тайны. И может быть, не нужно каким-либо грубым способом пробовать проникнуть в происхождение этого тумана. Просто будем радоваться тому, что ее талант есть, потому что всегда, пока в крайнем случае я жива на белом свете, я считаю лучшей своей удачей разглядеть в другом человеке дар. Талант человека есть дар свыше этому человеку и через него – нам. И вот мне кажется, что надо принять в доверчивые и признательные ладони Джуноу и любить ее. Я вот всегда радуюсь, когда на нее смотрю...”

Наступил Новый год. В институт Джуноу больше не приглашали. Появились новые привязанности, помощники, начались работы, как ни странно, в городском наркологическом центре, где воздействие рук изучалось на... печени алкоголиков. Там все получалось. Вот только о результатах этих исследований никто не мог сообщить. И Джуноу оставалось только в стихах вопрошать: “Как мне об этом людям рассказать, как мне поведать им о сокровенном...”

А сокровенным были ее методики манипуляций, одна, как она называет ее, – профилактическая, доступная каждому, другая – более сложная, доступная врачам и медсестрам. И эту-то методику она начала оформлять в качестве авторской заявки на изобретение. Значит, начался еще один цикл экспериментов.

И вот апрель 1986 года. На пути правды и гласности убирались высокие завалы, устранялись преграды, прежде казавшиеся непреодолимыми. В те дни мне удалось сделать то, что так долго (свыше трех лет) не удавалось. 2 апреля на страницах “Советской России” появилась статья “Исцеляющие руки”, где впервые, со ссылкой на АН СССР, сообщалось: феномен Джуноу – реальность, воздействует она не внушением, бесконтактный массаж воспроизводится не только врачами, но и медсестрами...

Одна за другой газеты, журналы стали заполняться статьями о работе, проведенной в ИРЭ АН СССР. Подробную информацию 2 июля 1986 года дали “Известия”, рассказав о феномене Нинель Кулагинной и о феномене Джуноу...

Не скажу, что все встало на свое место. Старые идеи не умирают... Но есть обязательство Минздрава СССР начать работу.

Не знаю, когда это случится, но вот уже массовые журналы устами уважаемых консультантов, врачей, как нечто само собой разумеющееся, описывают приемы бесконтактного массажа без ссылки на источник, рекомендуя его крестьянским массам (см.: Крестьянка. 1987. № 8–9, тираж журнала свыше 18 миллионов экземпляров).

Все удивительные истории, начинающиеся бурно и драматично, завершаются порой спокойно и бесконфликтно. Во всяком случае, описанная здесь траектория полета феномена "Д", как мне кажется, имеет именно такой финиш. Заявив о себе сенсационными публикациями, дискуссиями, принятием директивных решений, она завершается буднично – объявлением в рекламном приложении городской московской газеты "Вечерняя Москва" (№ 18 от 2 марта 1988 года). Из него стало известно, что кооператив "Нянюшка" объявляет прием на курсы бесконтактного массажа по методу Джуны.

Преподаватель Джуна Давиташвили.

18 занятий по 2 часа – 304 рубля.

Запись по вторникам и средам с 17 до 19 часов по адресу ул. Б. Тульская, 2.

Проезд: ст. метро "Тульская".

Телефон 230-44-55".

Вот так заканчиваются удивительные истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСТРАСЕНСОРИКА И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

5

Вольф Мессинг О САМОМ СЕБЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

11

Глава I

ГОДЫ И ВСТРЕЧИ

16

Глава II

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

38

Глава III

ЧТО Я МОГУ? ТЕЛЕПАТИЯ

48

Глава IV

ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ? ГИПНОЗ

83

Глава V

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

94

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

105

Виктор Кулагин ФЕНОМЕН "К" (Феномен Нинель Кулагиной)

Глава I

ГРАНИ ФЕНОМЕНА

107

334

Глава II
"КОЖНОЕ ЗРЕНИЕ"

116

Глава III
ТЕЛЕКИНЕЗ

124

Глава IV
ЭФФЕКТ ЖЖЕНИЯ

163

Глава V
"ПСИ-ПРОВОДИМОСТЬ"

179

Глава VI
ЗАГАДКИ "ПСИ-ФОТОГРАФИИ"

191

Глава VII
"ЖИВАЯ ВОДА"

207

Лев Колодный
ФЕНОМЕН "Д"
История одного открытия

Глава I
222

Глава II
265

Глава III
284

Глава IV
305

Глава V
320

Феномен «Д» и другие...

Заведующий редакцией *О. А. Белов*
Редактор *Ю. В. Степанов*
Младший редактор *Е. Н. Румянцева*
Художник *А. М. Горлаченко*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 8618

Сдано в набор 03.10.90.
Подписано в печать 12.03.91.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Экспельснор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 22.72
Тираж 200 000 экз. Заказ № 3471
Цена 6 р. 90 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Отпечатано с диапозитивов
в типографии «Горьковская правда»
г. Нижний Новгород, 603006,
ул. Фигнер, 32.